

ОЙКУМЕНА

Регионоведческие исследования

Научно-теоретический журнал "Ойкумена. Регионоведческие исследования" выходит в свет с 2006 года, с 2009 года издается ежеквартально.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия. Свидетельство о регистрации: ПИ № ФС77–30578 от 12.12.2007 г. ISSN 1998-6785.

Учредитель и издатель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования "Владивостокский государственный университет". Адрес: 690014, г. Владивосток, ул. Гоголя, 41.

Целью журнала является содействие разработке методологии междисциплинарного синтеза знаний о региональных (социально-территориальных) системах, а также планированию на её основе регионоведческих исследований и региональной политики.

Среди основных задач нашего издания:

- ♦ мониторинг и критическая оценка текущих публикаций и научной жизни регионоведческого сообщества (в первую очередь, в рамках российского Дальнего Востока);
- ♦ организация дискуссии по теоретическим и методологическим проблемам регионоведения;
- ♦ представление мнений и рекомендаций ученых по актуальным прикладным проблемам регионального управления;
- ♦ пропаганда идей и методологии междисциплинарного синтеза;
- ♦ подготовка и доведение до научной аудитории программ фундаментальных и прикладных регионоведческих исследований и освещение результатов их выполнения.

Авторами и читателями нашего журнала являются преподаватели вузов и сотрудники академических учреждений как дальневосточного, так и других регионов России, а также учёные из стран Азиатско-Тихоокеанского региона и СНГ.

Журнал включает следующие основные рубрики:

- ♦ Теория и методология регионоведческих исследований
- ♦ Историческое регионоведение
- ♦ Экономика и природопользование
- ♦ Социальные и демографические структуры
- ♦ Культурные и идеологические факторы регионализации
- ♦ Политические отношения и управление регионом
- ♦ Мировая система и международные регионы
- ♦ Междисциплинарные и системные исследования региона
- ♦ Регион в документах и свидетельствах
- ♦ Науковедение
- ♦ Дискуссия
- ♦ Рецензии и обзоры
- ♦ Научная жизнь

Журнал входит в Перечень рецензируемых научных изданий, рекомендованных ВАК при Министерстве образования и науки Российской Федерации.

Научные специальности и соответствующие им отрасли науки, по которым издание включено в Перечень ВАК:

- 5.4.1. – Теория, методология и история социологии (социологические науки)
- 5.4.2. – Экономическая социология (экономические науки)
- 5.4.2. – Экономическая социология (социологические науки)
- 5.4.4. – Социальная структура, социальные институты и процессы (социологические науки)
- 5.5.1. – История и теория политики (исторические науки)
- 5.5.1. – История и теория политики (политические науки)
- 5.5.2. – Политические институты, процессы, технологии (политические науки)
- 5.5.3. – Государственное управление и отраслевые политики (политические науки)
- 5.5.4. – Международные отношения (политические науки)
- 5.6.1. – Отечественная история (исторические науки).

Журнал индексируется в международной наукометрической базе данных Scopus

Журнал предоставляет непосредственный открытый доступ к своему контенту, исходя из следующего принципа: свободный открытый доступ к результатам исследований способствует увеличению глобального обмена знаниями.

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License

Мнение редакции не всегда совпадает с мнением авторов.

Подписка на журнал "Ойкумена. Регионоведческие исследования" принимается во всех почтовых отделениях. Подписной индекс журнала – 79089.

Информация о статьях, опубликованных в журнале (с 2009 г.), размещается в базе данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) на сайте Научной электронной библиотеки (elibrary.ru).

Редактор электронной верстки: В. Н. Караман
Графическое оформление: Я. А. Барбенко, В. Н. Караман, В. В. Постников.
Корректор: С. Е. Бакшеева

Адрес редакции: 692900, Приморский край, г. Находка, ул. Озерная, д. 2.
Официальный сайт журнала: <http://www.ojkum.ru>.
E-mail: ojkum@rambler.ru

Отпечатано в ресурсном информационно-методическом центре ФГБОУ ВО "Владивостокский государственный университет", 690014, Владивосток, ул. Гоголя, 41

Вышло в свет 23.03.2025 г. Тираж 200 экз. Цена свободная.

Главный редактор

Филипова Александра Геннадьевна – доктор социологических наук, заведующий лабораторией комплексных исследований детства Владивостокского государственного университета (*г. Владивосток, Россия*).

Ответственный редактор

Журбей Евгений Викторович – кандидат исторических наук, доцент кафедры Тихоокеанской Азии Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток, Россия*).

Редакционная коллегия

Барбенко Ярослав Александрович – кандидат исторических наук, доцент кафедры политологии Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток, Россия*).

Бурлаков Виктор Алексеевич – кандидат политических наук, доцент департамента коммуникации и медиа Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток, Россия*).

Винокурова Анна Викторовна – кандидат социологических наук, доцент департамента социальных наук Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток, Россия*).

Волыничук Андрей Борисович – доктор политических наук, кандидат географических наук, ведущий научный сотрудник отдела международных отношений Центра глобальных и региональных исследований Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, профессор кафедры экономики и управления Владивостокского государственного университета (*г. Владивосток, Россия*).

Григоричев Константин Вадимович – доктор социологических наук, проректор по научной работе и международной деятельности Иркутского государственного университета (*г. Иркутск, Россия*).

Демьяненко Александр Николаевич – доктор географических наук, независимый исследователь (*г. Хабаровск, Россия*).

Дударёнок Светлана Михайловна – доктор исторических наук, кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник отдела социально-политических исследований Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (*г. Владивосток, Россия*).

Золотухин Иван Николаевич – кандидат политических наук, доцент кафедры международных отношений Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток, Россия*).

Караман Вадим Николаевич – кандидат исторических наук, ведущий методист Государственного объединённого музея-заповедника истории Дальнего Востока имени В. К. Арсеньева (*г. Владивосток, Россия*).

Киреев Антон Александрович – кандидат политических наук, доцент кафедры политологии Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток, Россия*).

Кожеников Владимир Васильевич – кандидат исторических наук, профессор кафедры японоведения Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток, Россия*).

Кристоферсен Гайе – Ph.D., профессор Университета Джона Хопкинса (*г. Нанкин, КНР*).

Кузнецов Анатолий Михайлович – доктор исторических наук, профессор кафедры международных отношений Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток, Россия*).

Латушко Юрий Викторович – кандидат исторических наук, заведующий Центром островной и прибрежной антропологии АТР Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (*г. Владивосток, Россия*).

Лебедева Марина Михайловна – доктор политических наук, кандидат психологических наук, заведующий кафедрой мировых политических процессов Московского государственного института международных отношений (Университета) МИД России (*г. Москва, Россия*).

Лексютина Яна Валерьевна – доктор политических наук, профессор кафедры американских исследований Санкт-Петербургского государственного университета (*г. Санкт-Петербург, Россия*).

Литошенко Денис Александрович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, политологии и государственного-правовых дисциплин Морской академии Морского государственного университета имени адмирала Г. И. Невельского (*г. Владивосток, Россия*).

Лукин Артем Леонидович – кандидат политических наук, заместитель директора по науке и инновациям Восточного института – Школы региональных и международных исследований, доцент кафедры международных отношений Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток, Россия*).

Рыжова Наталья Петровна – доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник Университета Палацкого (г. Оломоуц, Чешская Республика).

Себенцов Александр Борисович – кандидат географических наук, заместитель директора по научной работе, старший научный сотрудник Лаборатории геополитических исследований Института географии РАН; ведущий научный сотрудник Центра перспективных социальных исследований Института общественных наук Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (*г. Москва, Россия*).

Севастьянов Сергей Витальевич – доктор политических наук, профессор кафедры политологии и международных отношений Национального исследовательского университета "Высшая школа экономики" (*г. Санкт-Петербург, Россия*).

Хисамутдинова Наталья Владимировна – доктор исторических наук, профессор кафедры межкультурных коммуникаций и переводоведения Владивостокского государственного университета (*г. Владивосток, Россия*).

Цэцэнбилег Цэвээний Дамарт – кандидат социологических наук, научный сотрудник Института философии Академии наук Монголии (*г. Улан-Батор, Монголия*).

Шестаков Ольга Игоревна – кандидат исторических наук, начальник научного управления Дальневосточного государственного технического рыбохозяйственного университета (*г. Владивосток, Россия*).

Шин Беом-Шик – Ph.D., профессор кафедры политических наук и международных отношений Сеулского национального университета (*г. Сеул, Республика Корея*).

Широ Сасаки – Ph.D., профессор кафедры передовых исследований в антропологии Национального музея этнологии, директор Национального музея культуры айнов (*г. Сираой, Япония*).

Ячин Сергей Евгеньевич – доктор философских наук, профессор департамента философии и религиоведения Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток, Россия*).

The scientific-theoretical journal "Ojkumena. Regional Researches" has been published since 2006, since 2009 it has been published quarterly.

The journal is registered by the Federal Service for Supervision of Mass Communications, Communications and Protection of Cultural Heritage. Registration certificate: PI № FS77–30578, dated December 12, 2007. ISSN 1998 6785.

Founder and publisher: Federal state budgetary educational institution of the higher education "Vladivostok State University". Address: 690014, Russia, Vladivostok, Gogolya St., 41.

The main goal of the journal is to contribute to the development of a methodology for interdisciplinary synthesis of knowledge about regional (social-territorial) systems, as well as planning regional studies and regional policy based on it.

Among the main tasks of our journal:

- monitoring and critique of the current publications and research in the field of the regional studies (primarily, but not exclusively, the Russian Far East);
- initiating and supporting discussions on the theoretical and methodological issues of regional studies;
- presentation of opinions and recommendations of scientists on topical problems of regional management;
- advancement of the ideas and methodology of interdisciplinary research;
- development of the programs for fundamental and applied regional studies and publication of their results.

The authors and readers of our journal are university professors and members of academic institutions in both the Far East and other regions of Russia, as well as scientists from the countries of the Asia-Pacific region and the CIS.

The journal includes the following thematic sections:

- ◆ Theory and Methodology of Regional Studies
- ◆ Historical Regional Studies
- ◆ Economy and Nature
- ◆ Social and Demographic structures
- ◆ Cultural and Ideological Factors of Regionalization
- ◆ Political Relations and Management of the Region
- ◆ World System and International Regions
- ◆ Interdisciplinary and Systemic Research of the Region
- ◆ Region in the Documents and Testimonies
- ◆ Study of Science
- ◆ Discussion
- ◆ Reviews
- ◆ Scientific Life

The journal is included in the List of peer-reviewed scientific journals recommended by the Higher Attestation Commission under the Ministry of Education and Science of Russian Federation

Scientific specialties and the corresponding branches of science, for which the publication is included in the List of peer-reviewed scientific publications:

- 5.4.1. – Theory, methodology and history of sociology (sociological sciences)
- 5.4.2. – Economic sociology (economic sciences)
- 5.4.2. – Economic sociology (sociological sciences)
- 5.4.4. – Social structure, social institutions and processes (sociological sciences)
- 5.5.1. – History and theory of politics (historical sciences)
- 5.5.1. – History and theory of politics (political sciences)
- 5.5.2. – Political institutions, processes, technologies (political sciences)
- 5.5.3. – Public administration and sector policies (political sciences)
- 5.5.4. – International relations (political sciences)
- 5.6.1. – Domestic history (historical sciences).

The journal is indexed in the Scopus database

"Ojkumena. Regional Researches" is an open access journal. All articles are made freely available to readers immediately upon publication.

Content of the journal is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Authors' points of view on the problems under investigation do not necessarily coincide with those of the Editorial Board.

Subscription to the journal "Ojkumena. Regional Researches" is accepted in all post offices. The journal's subscription index is 79089.

Information about articles published in the journal (since 2009) is placed in the database of the Russian Science Citation Index (RSCI) on the website of the Scientific Electronic Library (elibrary.ru).

Electronic computer is made up by V. N. Karaman
Graphic registration: Ya. A. Barbenko, V. N. Karaman,
V. V. Postnikov.
Corrector S. E. Baksheeva

Editorial address: 692900, Primorsky Territory, Nakhodka, st. Ozernaya, 2.

Official website of the journal: <http://www.ojkum.ru>
E-mail: ojkum@rambler.ru

Printed at the Resource Information and Methodological Center of Vladivostok State University, 690014, Vladivostok, 41 Gogol Street.

Published 23.03.2025. Circulation 200 copies. The price is free.

Editor in Chief

Alexandra G. Filipova – Doctor of Sociology, Associate Professor, Head of the Laboratory for Comprehensive Research of Childhood, Vladivostok State University (*Vladivostok, Russia*).

Executive Editor

Evgeny V. Zhurbey – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of Pacific Asia, Far Eastern Federal University (*Vladivostok, Russia*).

Editorial Board

Yaroslav A. Barbenko – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of Political Science, Far Eastern Federal University (*Vladivostok, Russia*).

Viktor A. Burlakov – Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Department of Communication and Media, Far Eastern Federal University (*Vladivostok, Russia*).

Anna V. Vinokourova – Candidate of Sociology, Associate Professor, Department of Social Sciences, Far Eastern Federal University (*Vladivostok, Russia*).

Andrey B. Volynchuk – Doctor of Political Sciences, Candidate of Geographical Sciences, Leading Researcher of the Department of International Relations of the Center for Global and Regional Studies, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, Professor, Department of Economics and Management, Vladivostok State University (*Vladivostok, Russia*).

Konstantin V. Grigorichev – Doctor of Sociology, Associate Professor, Vice-Rector for Research and International Activities, Irkutsk State University (*Irkutsk, Russia*).

Alexandr N. Demyanenko – Doctor of Geographical Sciences, Independent Researcher (*Khabarovsk, Russia*).

Svetlana M. Dudaryonok – Doctor of Historical Sciences, Candidate of Philosophy, Leading Researcher of the Department of Socio-Political Research, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Russian Far East, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (*Vladivostok, Russia*).

Ivan N. Zolotukhin – Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Head of Department of International Relations, Far Eastern Federal University (*Vladivostok, Russia*).

Vadim N. Karaman – Candidate of Historical Sciences, Leading Methodologist of Vladimir K. Arseniev Museum of Far East History (*Vladivostok, Russia*).

Anton A. Kireev – Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Department of Political Science, Far Eastern Federal University (*Vladivostok, Russia*).

Vladimir V. Kozhevnikov – Candidate of Historical Sciences, Professor, Department of Japanese Studies, Far Eastern Federal University (*Vladivostok, Russia*).

Gaye Christoffersen – Ph.D., Professor, John Hopkins University (*Nanjing, China*).

Anatolij M. Kuznetsov – Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of International Relations, Far Eastern Federal University (*Vladivostok, Russia*).

Yurij V. Latushko – Candidate of Historical Sciences, Head of the Center for Island and Coastal Anthropology of APR, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Russian Far East, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (*Vladivostok, Russia*).

Marina M. Lebedeva – Doctor of Political Sciences, Candidate of Psychology, Professor, Head of Department of World Political Processes, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia (*Moscow, Russia*).

Yana V. Leksytina – Doctor of Political Sciences, Professor, Department of American Studies, St. Petersburg State University (*St. Petersburg, Russia*).

Denis A. Litoshenko – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of History, Political Science and Public Law Disciplines, Maritime State University named after Admiral G. I. Nevelskoy (*Vladivostok, Russia*).

Artyom L. Lukin – Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Deputy Director for Science and Innovation of Institute of Oriental Studies – School of Regional and International Studies, Department of International Relations, Far Eastern Federal University (*Vladivostok, Russia*).

Natalia P. Ryzhova – Doctor of Economics, Leading Researcher, Palacky University (*Olomouc, Czech Republic*).

Aleksandr B. Sebentsov – Candidate of Geographical Sciences, Deputy Director for Research, Senior Researcher at the Laboratory of Geopolitical Studies, Institute of Geography, Russian Academy of Sciences; Leading Researcher at the Center for Advanced Social Research, Institute of Social Sciences, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (*Moscow, Russia*).

Sergej S. Sevastyanov – Doctor of Political Science, Professor, Department of Political Science and International Relations, National Research University Higher School of Economics (*St. Petersburg, Russia*).

Natalya V. Khisamutdinova – Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Intercultural Communication and Translation Studies, Vladivostok State University (*Vladivostok, Russia*).

Tseevenii Damart Tsetsenbileg – Candidate of Sociology, Researcher, Institute of Philosophy, Mongolian Academy of Sciences (*Ulaanbaatar, Mongolia*).

Olga I. Shestak – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Head of Scientific Department, Far Eastern State Technical Fisheries University (*Vladivostok, Russia*).

Beom-Shik Shin – Ph.D., Professor, Department of Political Science and International Relations, Seoul National University (*Seoul, Republic of Korea*).

Sasaki Shiro – Ph.D., Professor, Department of Advanced Studies in Anthropology, National Museum of Ethnology, Director of the National Museum of Ainu Culture (*Shiraoi, Japan*).

Sergej E. Yachin – Doctor of Philosophy, Professor, Department of Philosophy and Religious Studies, Far Eastern Federal University (*Vladivostok, Russia*).

ОЙКУМЕНА

Регионоведческие исследования

2025

Т. 19. № 1

научно-теоретический журнал

Выходит 4 раза в год

Основан в 2006 г.

ISSN 1998-6785

ТЕМА НОМЕРА: РОССИЯНЕ В АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОМ РЕГИОНЕ: ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ И БУДУЩЕЕ

От редактора рубрики 9

Наземцева Е. Н. Отступление Оренбургской и Семиреченской армий в Китай в 1920 г.: дипломатические аспекты (по документам АВП РИ и АВП РФ) 12

Хисамутдинова Н. В., Хисамутдинов А. А. Николай Автономов: педагог-новатор обучения русскому языку и историк просвещения на Дальнем Востоке 20

Поллард М. Анализ российской иммиграции с Дальнего Востока в Брисбен в период 1909–1915 гг. по данным Государственного Архива штата Квинсленд (QSA), Австралия 30

Антошин А. В. Русские солидаристы в Австралии в условиях обострения международной напряженности в годы Корейской войны (1950–1953) 38

Дударёнок С. М. Деятельность русской диаспоры штата Квинсленд (Австралия) по сохранению и распространению русской культуры 45

Журбей Е. В., Киселёва А. С., Владимирова Д. А. Русскоязычные мигранты в Австралии: выбор аккультурационных стратегий и факторы успешной интеграции 60

КРУГЛЫЙ СТОЛ

Бляхер Л. Е., Григоричев К. В., Демьяненко А. Н., Киреев А. А., Клиценко М. В., Швецов А. Н. Институты пространственного развития России в контексте исторического опыта 72

СОЦИАЛЬНЫЕ И ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ СТРУКТУРЫ

Садловская М. В., Ковалевский А. В., Бляхер Л. Е. Путь с Востока на Запад: межрегиональный миграционный обмен на Востоке России с 1991 по 2022 гг. (Часть 2) 84

Старшинова А. В., Рогачёва Т. В., Шестакова Е. В. Реабилитация людей с инвалидностью и оценка её результативности: социологическое обоснование и практика 94

КУЛЬТУРНЫЕ И ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ РЕГИОНАЛИЗАЦИИ

Спешилова Е. И. Культурное пространство города: перекрестья социального и географического воображения 105

Владивосток
2025

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ И УПРАВЛЕНИЕ РЕГИОНОМ

Котляров И. Д. Участие бизнеса в сборах средств для армии: опыт специальной военной операции **114**

Мамычев А. Ю., Арутюнов А. Г. Технология ДЭГ в региональном политическом процессе: цифровая трансформация избирательного процесса и механизмы противодействия негативным трендам **125**

МИРОВАЯ СИСТЕМА И МЕЖДУНАРОДНЫЕ РЕГИОНЫ

Киреев А. А. Государства и негосударственные акторы в структуре социально-экономических отношений России и Северной Кореи **136**

Дёмина Я. В., Мазитова М. Г. Экономика КНДР в современных условиях **152**

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Кузнецов А. М. Заметки "постороннего" о XIV съезде востоковедов России **163**

Макеева М. С., Ван И, Амурская М. А. "Россия и Китай: торгово-экономическое сотрудничество, сфера миграции, рынок труда": о II международной научно-практической конференции в Вэньчжоу (КНР) и Москве (РФ) **171**

scientific-
theoretical
journal

Issued
4 times a year

Founded
in 2006

ISSN 1998-6785

The Theme: Russians in the Asia-Pacific Region: Past, Present and Future

- From the editor of the heading 9
- Nazemtseva E. N.** The separation of the Orenburg and Semirechensk armies in China in 1920: diplomatic aspects (according to AVPRI and AVPRF documents) 12
- Khislamutdinova N. V., Khislamutdinova A. A.** Nikolai Avtonomov: innovative Russian language teacher and historian of education in the Far East 20
- Pollard M.** Analysis of the Russian immigration from the Far East to Brisbane between 1909–1915 according to data from the Queensland State Archives (QSA), Australia 30
- Antoshin A. V.** Russian solidarists in Australia during the heightened international tensions during the Korean War (1950–1953) 38
- Dudarenok S. M.** Activities of the Russian diaspora in the state of Queensland (Australia) to preserve and disseminate Russian culture 45
- Zhurbey E. V., Kiseleva A. S., Vladimirova D. A.** Russian-Speaking Migrants in Australia: Selection of Acculturation Strategies and Factors of Successful Integration 60

Round Table

- Bliakher L. Y., Grigoriev K. V., Demyanenko A. N., Kireev A. A., Klitsenko M. V., Shvetsov A. N.** Institutions of spatial development of Russia in the context of historical experience 72

Social and Demographic Structures

- Sadlovskaya M. V., Kovalevskii A. V., Bliakher L. E.** The Road from East to West: Outgoing Migration Flows in Eastern Russia from 1991 to 2022. Part 2 84
- Starshinova A. V., Rogacheva T. V., Shestakova E. V.** Rehabilitation of people with disabilities and assessment of its effectiveness: sociological justification and practice 94

Cultural and Ideological Factors of Regionalization

- Speshilova E. I.** Cultural Space of the City: The Intersection of Social and Geographic Imagination 105

Political Relations and Management of the Region

- Kotliarov I. D.** Participation of business in crowdfunding for army: the case of the special military operation 114

Vladivostok
2025

Mamychev A. Yu., Arutyunov A. G. Remote electronic voting technology in the regional political process: digital transformation of the electoral process and mechanisms for countering negative trends	125
--	------------

World System and International Regions

Kireev A. A. States and non-state actors in the structure of socio-economic relations between Russia and North Korea	136
Dyomina Ya. V., Mazitova M. G. The DPRK's economy under modern conditions	152

Scientific Life

Kuznetsov A. M. Notes from an "outsider" about XIV Congress of Russian Orientalists	163
Makeeva S. B., Wang Yi, Amurskaya M. A. "Russia and China: Trade and Economic Cooperation, Migration, Labor Market": on the II International Scientific and Practical Conference in Wenzhou (China) and Moscow (Russia)	171

От редактора рубрики

Рубрика, посвящённая истории русского Зарубежья, включая темы близко и неразрывно с нею связанные, уже не первый раз появляется на страницах журнала "Ойкумена. Регионоведческие исследования". Данная подборка объединяет статьи, освещающие некоторые проблемы истории восточной ветви русской эмиграции. Восточная ветвь включает главным образом эмиграцию, осуществлявшуюся с Дальнего Востока в страны АТР – Китай, Японию, страны Юго-Восточной Азии, Австралию и США.

Актуализация интереса исследователей к истории восточной ветви русской эмиграции обусловлена нарастающей с 2022 г. конфронтацией между коллективным Западом и Россией. Проживавшие и проживающие в странах АТР эмигранты из России создавали и создают положительный образ нашей страны в противовес распространяемым руководством западных стран России как источника всех проблем современного мира.

Значительную роль в создании и сохранении положительного образа России в истории восточной ветви русской эмиграции играл "Русский Харбин", важную роль играет русская диаспора Зелёного континента.

Настоящая рубрика состоит из двух разделов *"Российская эмиграция в Китае"* и *"Русская диаспора в Австралии: история, современное состояние и перспективы"*.

Научная новизна предлагаемых вниманию читателей публикаций обусловлена тем, что в них широко используются материалы наших соотечественников, проживающих в Австралии, большинство из которых впервые вводятся в научный оборот. Авторами активно использовались материалы периодической печати русской диаспоры в Австралии (журнал "Австралиада" и "Австралийская лампада"), интервью и беседы со старшим поколением русских австралийцев, а также результаты социологического опроса.

Коллектив авторов включает в себя российских ученых из Владивостока, Москвы, Екатеринбурга, а также наших коллег из Австралии.

Первый блок *"Российская эмиграция в Китае"* состоит из двух статей, различающихся по предмету, периоду и методам исследования.

В истории российской диаспоры в Китае исследователи выделяют пять основных периодов: имперский, период советизации, период китаизации, паназиатский период Маньчжоу-Го, период репатриации и реэмиграции диаспоры после августа 1945 г.

Уровень исследования этих этапов различен. Одни периоды более изучены, в других существуют "белые пятна", требующие более скрупулёзного изучения. Все три статьи рубрики посвящены недостаточно изученным проблемам истории русской диаспоры в Китае.

Открывает рубрику статья д.и.н., ведущего научного сотрудника Отдела Китая (Институт востоковедения РАН, Москва) Е. Н. Наземцевой "Отступление Оренбургской и Семиреченской армий в Китай в 1920 г.: дипломатические аспекты (по документам АВП РИ и АВП РФ)". Статья посвящена вопросам дипломатического сопровождения отступления остатков частей Белой армии в китайскую провинцию Синьцзян в 1920 г. и основана на не вводившихся ранее в научный оборот документах дипломатических ведомств бывшей Российской империи и Советской России.

Основное внимание в статье уделено проблемам получения от китайских властей командующими отступающих русских армий разрешения на переход границы для военных и гражданских беженцев, роли местных российских консулов и Посланника в Пекине в этом вопросе. В статье делается вывод, что и консулы, и Посланник бывшей Российской империи, и командующие отступавшими в Синьцзян остатками Белой армии пытались решить проблемы русских беженцев, однако укрепление новой советской власти в России и поражение Белой армии привели к переориентации китайского руководства в своей внешнеполитической стратегии относительно России. Это выразилось в отказе решать беженскую проблему и, как следствие – возникновению катастрофического положения на синьцзянском участке российско-китайской границы.

Вторая статья этого раздела – статья д.и.н., профессора Института педагогики и лингвистики (ВГУ, Владивосток) Н. И. Хисамутдиновой и д.и.н., заведующего сектором Центральной научной библиотеки (ДВО РАН, Владивосток) А. А. Хисамутдинова "Николай Автономов: педагог-новатор обучения русскому языку и историк просвещения на Дальнем Востоке".

Статья посвящена новатору преподавания русского языка как иностранного и историку просвещения Николаю Павловичу Автономову (1885–1976).

Постройка КВЖД не только оказала огромное позитивное влияние на развитие экономики, рост народонаселения и другие стороны общественной жизни Маньчжурии, но и активно развивала самую широкую и разнообразную культурно-просветительскую деятельность, открывавшиеся в массовом порядке школы давали образование и русским, и китайским детям.

Н. П. Автономов, работая в различных учебных заведениях Харбина, создал свою систему обучения русскому языку китайцев и японцев, положив в основу использование языка в конкретных ситуациях с учётом национальных особенностей. Он проявил себя и как историк просвещения, проанализировав школьное дело на российском Дальнем Востоке и в Маньчжурии. Уехав в США, Автономов продолжил преподавать русский язык как иностранный, став автором около 300 научных работ, посвящённых вопросам просвещения.

Второй раздел рубрики "*Русская диаспора в Австралии: история и современное состояние*" состоит из четырёх статей.

Русская диаспора Зелёного континента пополнялась волнами. Первая из них была вызвана неудачей земельной реформы в начале XX в., проводимой П. А. Столыпиным. Затем, после двух революций 1917 г., Гражданской и Второй мировой войн, количество переселенцев возросло. Значительное их количество составили выходцы из "Русского Харбина". Распад Советского Союза способствовал оттоку бывших его граждан в разные страны, в том числе в Австралию. В настоящее время в Австралии проживает около 100 тысяч выходцев из России. Многие вопросы истории русских австралийцев пока ещё недостаточно представлены в научных публикациях как российских, так и австралийских исследователей.

Открывает раздел статья независимого исследователя М. Поллард (Голд Кост, штат Квинсленд, Австралия) "Анализ российской иммиграции с Дальнего Востока в Брисбен в период 1909–1915 гг. по данным Государственного Архива штата Квинсленд (QSA), Австралия". В статье анализируются оцифрованные списки российских переселенцев, прибывавших в Брисбен в период 1909–1915 гг. с Дальнего Востока России. Делается вывод, что это была кратковременная, в основном, трудовая мужская иммиграция, а её "революционный" характер в трудах многих австралийских и российских исследователей явно преувеличен. Первая мировая войны отрезала обратный путь на родину, а запрет российского правительства покидать страну в военное время и опасность морских перевозок привели к тому, что к марту 1915 г. исход с Дальнего Востока прекратился. Дальневосточная эмиграция начала XX в. не создала в Австралии русскую диаспору. Многие одинокие мужчины женились на австралийских женщинах; женатые мужчины, оказавшись разлучёнными со своими семьями, вступали в Австралии в повторные браки, заводили детей и растворялись среди местного населения. Но всё-таки эта иммиграция не прошла незамеченной, потомки тех переселенцев всё ещё помнят свои российские корни.

Статья д.и.н., профессора кафедры востоковедения (УрГУ, Екатеринбург) А. В. Антошина "Русские солидаристы в Австралии в 1950-е гг." посвящена политической деятельности русских эмигрантов в разгар холодной войны. В центре внимания – деятельность Австралийского отдела Национально-трудового союза (НТС), ключевой организации русских солидаристов. Ключевыми темами исследования являются: роль Австралии как периферийного, но значимого центра русской эмиграции; влияние удалённости Австралии от основного "фронта" холодной войны на политическую активность русских антикоммунистов; внутренние противоречия и идеологические конфликты в среде эмигрантских групп НТС и специфика австралийского общества и её влияние на деятельность НТС. Данная работа представляет собой важный вклад в изучении истории русской эмиграции в Австралии и её роли в глобальных политических процессах середины XX века. В контексте рубрики

статья А. В. Антошина выделяется междисциплинарным подходом, сочетая элементы политической истории, миграционных исследований и исторической социологии. Её значимость заключается в демонстрации того, как географическая отдаленность и локальные социальные условия могут влиять на политические стратегии эмигрантских сообществ. Исследование также затрагивает малоизученные аспекты взаимодействия русской диаспоры с международными антикоммунистическими структурами. Статья Алексея Антошина органично дополняет тематику рубрики, раскрывая сложные вопросы адаптации русской эмиграции в условиях холодной войны. Исследование демонстрирует, как локальный контекст Австралии влиял на политические амбиции и деятельность русских антикоммунистов, превращая Австралию в своеобразный "тыл" глобального противостояния.

В статье д.и.н., профессора, ведущего научного сотрудника Отдела социально-политических исследований (ИИАЭ ДВО РАН, Владивосток) С. М. Дударенок "Деятельность русской диаспоры штата Квинсленд (Австралия) по сохранению и распространению русской культуры" рассматривается деятельность русских австралийцев штата Квинсленд (Австралия) по сохранению и распространению русского языка и русской культуры на Зелёном континенте. Характеризуются основные направления этой деятельности: проведение радиопередач на русском языке, работа с русскоязычными читателями библиотеки Свято-Николаевского собора г. Брисбена; издание журналов на русском языке, литературное творчество русских австралийцев, работа по сохранению исторической памяти о русских австралийцах; воспитательная работа с юными русскими австралийцами; организация празднования государственных и народных российских праздников и др.

Автором делается вывод о том, что любовь к России, русские традиции, русская культура и стремление сохранить русский язык играют колоссальную роль в консолидации русской иммиграции в Австралии, что проживающие в Австралии "харбинцы" гордятся тем, что они русские, передают эту "русскость" последующим поколениям русских австралийцев, что представители постсоветской эмиграции продолжили деятельность харбинцев и в настоящее время всячески стремятся сохранить и преумножить русскую культуру Пятого континента.

Завершает раздел статья к.и.н., доцента Школы региональных и международных исследований (ДВФУ, Владивосток) Е. В. Журбея, независимого исследователя А. С. Киселёвой и к.и.н., доцента Школы региональных и международных исследований (ДВФУ, Владивосток) Д. А. Владимировой "Русскоязычные мигранты в Австралии: выбор аккультурационных стратегий и факторы успешной интеграции". В статье анализируется сложный процесс аккультурации русскоязычных мигрантов в Австралии, их стратегии адаптации и ключевые факторы успешной интеграции в принимающее общество. Исследование основано на модели аккультурации Дж. Берри с использованием смешанной методологии (качественной и количественной). Ключевыми темами исследования являются: доминирующие стратегии аккультурации среди русскоязычных мигрантов, языковые барьеры и их влияние на интеграцию, социальные связи и их роль в успешной адаптации, проблемы культурной идентичности в мультикультурном австралийском обществе. Данная статья органично вписывается в концепцию рубрики, раскрывая ключевые аспекты межкультурного взаимодействия, стратегий адаптации и социальной интеграции мигрантов. Исследование подчёркивает важность поиска баланса между сохранением культурной самобытности и необходимостью адаптации к требованиям принимающего общества.

С. М. Дударёнок

Отступление Оренбургской и Семиреченской армий в Китай в 1920 г.: дипломатические аспекты (по документам АВП РИ и АВП РФ)

Елена Николаевна Наземцева
Институт востоковедения РАН; Дом русского зарубежья имени А. Солженицына
Москва, Россия, nazemtsevaelena5535@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена вопросам дипломатического сопровождения отступления остатков частей Белой армии в китайскую провинцию Синьцзян в 1920 г. Публикация основана на не вводившихся ранее в научный оборот документах дипломатических ведомств бывшей Российской империи и Советской России. Основное внимание уделено проблемам получения от китайских властей командующими отступающих русских армий разрешения на переход границы для военных и гражданских беженцев, роли местных российских консулов и Посланника в Пекине в этом вопросе.

Ключевые слова: *Россия, Китай, Синьцзян, Гражданская война, консульства, беженцы*

Для цитирования: Наземцева Е. Н. Отступление Оренбургской и Семиреченской армий в Китай в 1920 г.: дипломатические аспекты (по документам АВП РИ и АВП РФ) // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2025. Т. 19. № 1. С. 12–19. <https://doi.org/10.29039/1998-6785/2025-1/12-19>

Original article
<https://doi.org/10.29039/1998-6785/2025-1/12-19>

The separation of the Orenburg and Semirechensk armies in China in 1920: diplomatic aspects (according to AVPRI and AVPRF documents)

Elena N. Nazemtseva
Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences; Solzhenitsyn House of Russian Abroad
Moscow, Russia, nazemtsevaelena5535@gmail.com

Abstract. The article is devoted to the issues of diplomatic support for the retreat of the remnants of the White Army units to the Chinese province of Xinjiang in 1920. The publication is based on documents of the diplomatic departments of the former Russian Empire and Soviet Russia that were not previously introduced into scientific circulation. The main attention is paid to the problems of obtaining permission from the Chinese authorities by the commanders of the retreating Russian armies to cross the border for military and civilian refugees, the role of local Russian consuls and the Envoy in Beijing in this matter.

Key words: *Russia, China, Xinjiang, Civil war, consulates, refugees*

For citation: Nazemtseva E. N. The separation of the Orenburg and Semirechensk armies in China in 1920: diplomatic aspects (according to AVPRI and AVPRF documents) // Ojkumena. Regional Researches. 2025. Vol. 19. No. 1. P. 12–19. <https://doi.org/10.29039/1998-6785/2025-1/12-19>

Введение

После окончания Гражданской войны в России страну покинули сотни тысяч русских военных и гражданских беженцев. Основная их часть направилась в Европу, однако движение на Восток оказалось не менее масштабным. В начале 1920-х гг. только в Китае оказалось около 400 тыс. русских беженцев.

Тема формирования и дальнейшего развития в Китае одного из крупнейших центров русской эмиграции в постсоветский период получила достаточно широкое освещение в научной и популярной литературе. Рассматривались военные [3; 5; 6; 7; 8; 9; 16; 17; 18; 22], международные [1; 4; 11; 12; 13], социальные [2; 10; 14; 15] и другие аспекты этой темы. В постсоветский период огромная масса архивных источников и других материалов была введена в научный оборот. Однако вопросы дипломатического решения проблемы русских беженцев в Китае освещались мало. Это связано со спецификой поиска ведомственных документов и работы с ними исследователей.

Между тем, проблемы устройства и жизни беженцев в первые годы эмиграции решали не столько принимающие правительства, сколько консульства бывшей Российской империи, в том числе, в Китае, которые, несмотря на сокращение и последующее официальное прекращение своей деятельности, продолжали её осуществлять, опираясь на установившиеся ранее связи с местными китайскими властями, свой сохранившийся авторитет и финансы, оставшиеся в консульствах с дореволюционного времени.

Комплекс документов, положенный в основу статьи, ранее не вводился в научный оборот. Он представляет собой отложившуюся в Архиве внешней политики Российской империи (АВП РИ) и Архиве внешней политики Рос-

сийской Федерации (АВП РФ) переписку российских консульств в провинции Синьцзян с командующими отступавших туда остатков Белой армии, Российским Посланником в Пекине, а также местными китайскими властями по вопросам пропуска в Синьцзян гражданских и военных беженцев и оказании им материальной и дипломатической помощи.

Документы представляют собой телеграммы, донесения, отчёты, сводки сведений, переводы нот и писем китайских властей.

Проблемы гражданских беженцев в переписке Российского Посланника в Пекине Н. А. Кудашева, российских консулов в Синьцзяне с атаманами А. И. Дутовым и Б. В. Анненковым

В 1917–1920 гг. российские консульства официально подчинялись сначала российскому Временному правительству, а затем Омскому правительству во главе с А. В. Колчаком. С 1917 г. они пытались контролировать постепенно начинавшуюся эмиграцию русских беженцев в Китай и решать вопросы, связанные с оказанием им необходимой помощи.

Первые русские беженцы направились из Семиречья в китайскую провинцию Синьцзян в 1918 г. В этот период они были представлены как военными эмигрантами – отдельными отрядами несогласных с новой советской властью местных военных частей, так и гражданскими беженцами – крестьянами, торговцами. Однако с осени 1917 г. российско-китайская граница на её синьцзянском участке была закрыта властями, т. к. ещё в 1916 г. в провинции сформировалось многочисленное сообщество выходцев из Российской империи – исповедующих ислам народов Центральной Азии, бежавших сюда от последствий восстания 1916 г. К тому же с мая 1917 г. в Синьцзяне активизировалась общественная жизнь русской общины провинции, сформировавшаяся здесь ранее: начали образовываться исполнительные комитеты, проходили общественные собрания, появились советские агитаторы, выдававшие себя за новых дипломатических сотрудников [13]. Поэтому закономерно решение китайских властей провинции о закрытии границы во избежание в ней обострения внутриполитической обстановки. Поэтому пропуск новой волны русских беженцев в Синьцзян и оказание им необходимой помощи стали главными проблемами для консулов бывшей Российской империи.

Так, в 1918 г. в долине р. Текес российско-китайскую границу перешла группа казаков со своими семьями из с. Нарынколь и Сюме численностью около 350 чел. Они не участвовали в боях с советскими частями и надеялись укрыться в Китае. Прибывшие им навстречу китайские власти остановили их около границы уже недалеко от Сюме. На помощь беженцам, находившийся в это время в Синьцзяне полковник А. М. Ионов направил отряд во главе с хорунжим Грязновым. Однако отряд до глубокой осени 1918 г. бездействовал и не обеспечил питанием и одеждой ни беженцев, ни самих членов отряда. С наступлением холодов в лагере беженцев и отряде начался голод, распространялся тиф. В октябре Ионов на смену Грязнову направил в лагерь другого офицера – Минеева. Последнему удалось добыть продукты и тёплые вещи (АВП РФ. Ф. 0100. Оп. 10. П. 131. Д. 92. Л. 29)¹.

Однако китайские власти отказывались пропускать вглубь провинции сямбинских беженцев, и им пришлось остаться на месте. Активные военные действия в Семиречье и отсутствие дальнейшей помощи привели к тому, что к концу 1919 г. положение беженского лагеря оказалось катастрофическим. Здесь осталось всего 36 человек (АВП РИ. Ф. 188. Оп. 761. Д. 1549. Л. 174)². Для оказания помощи российским консульством в Кульдже в ноябре 1919 г. в Сямбинский лагерь были командированы исполняющий обязанности драгомана консульства П. В. Шебалин и состоявший в распоряжении российского консула прапорщик Лебедев, которые представили российскому консулу в Кульдже В. Ф. Любе подробный доклад, характеризующий положение беженцев в лагере. Согласно этому докладу, беженцы жили в землянках, расположенных в широком и пологом устье ущелья в урочище Малый Караганды. В каждой землянке была русская печь, деревянные нары или земляное

¹ АВП РФ – Архив внешней политики Российской Федерации.

² АВП РИ – Архив внешней политики Российской империи.

возвышение. В избушках были вставлены рамы или одно стекло, иногда окно было затянато материей или бумагой. Благодаря близости леса, дров не жалели и в землянках было тепло. Однако жилища были маленькими, скудно освещёнными, "с громадным количеством мышей", которые уничтожали запасы продовольствия (АВП РИ. Ф. 188. Оп. 761. Д. 1549. Л. 175). Не хватало тёплых вещей, пища была скудной. Консульство направило в лагерь 795 пудов муки³. Беженцам также были розданы вещи, пожертвованные ранее для фронта Первой мировой войны шубы, детские сапоги и шапки, а также печи, топоры и подпилки, один топор приходился приблизительно на 6–8 семейств, а подпилки – на 3–4 семьи. В целом, по мнению командированных, "состояние беженцев в настоящем вполне удовлетворительное и теперь смело можно считать их обеспеченными до самой весны" (АВП РИ. Ф. 188. Оп. 761. Д. 1549. Л. 176). В ответ беженцы Сямбинского лагеря направили в консульство благодарственное письмо, в котором особую благодарность выражали консулу Любе, "благодаря которому мы смогли просуществовать на территории Китая с самого нашего перехода границы и по сие время" (АВП РИ. Ф. 188. Оп. 761. Д. 1549. Л. 174).

Кроме того, в 1919 г. вблизи границы с Синьцзяном вели упорные бои отряды генерал-лейтенанта Карцева и полковника П. И. Сидорова, одновременно они прикрывали нелегальный уход в Китай крестьян Пржевальского уезда [9, с. 230].

Российские консулы в Синьцзяне в 1919 г. продолжили оказывать помощь скопившимся у границы беженцам и вели переговоры с китайскими властями о пропуске их в провинцию. Так, уже в январе 1919 г. В. Ф. Люба направил сообщение Российскому Посланнику в Пекине князю Н. А. Кудашеву, в котором отмечал, что из-за отказа недавно прорвавшихся в Синьцзян отрядов полковника Сидорова сдавать по требованию китайских властей оружие, невозможно убедить китайскую сторону пропустить гражданских беженцев в провинцию. Кудашев приказал Сидорову подчиниться китайским властям и сдать оружие "ради беженцев" (АВП РИ. Ф. 188. Оп. 761. Д. 1549. Л. 73).

Просил губернатора Синьцзяна открыть границу и прекратить возвращать в Советскую Россию гражданских беженцев и управляющий российским консульством в Кашгаре А. И. Успенский. Он направил ему телеграмму в ноябре 1919 г.: "все русские, которые бегут от большевиков в Уч-Турфан, возвращаются китайскими властями обратно, т. е. подвергаются смерти. Этими распоряжениями и действиями власти Почтенного Государства лишают русских людей, борющихся с большевиками права убежища [...] я прошу Ваше Превосходительство разрешить кашгарскому даоиню⁴ и заведующему дипломатическими делами пропускать в Кашгар тех людей, за коих консульство может поручиться" (АВП РИ. Ф. 188. Оп. 761. Д. 1549. Л. 86–87). Однако ответа не добился.

В начале 1920 г. ситуация стала катастрофической. Доходило до продажи скопившимися вдоль границы русскими беженцами местному населению своих дочерей и сыновей ради получения хоть каких-то средств существования. 29 января 1920 г. консул Российской империи в столице провинции Урумчи А. А. Дьяков обратился к губернатору Синьцзяна Ян Цзенсиню с эмоциональным письмом: "Ради человечества, ради Истинного Бога, сотворившего всех людей на земле, наипочтительнейше сим имею честь покорнейше просить Ваше Высокопревосходительство, а также просит Вас об этом наш Российский Посланник и Министр в Пекине князь Кудашев, – просим, примите этих несчастных беженцев – русских и поляков и других национальностей, спасающихся от большевиков, – примите, ради Бога, под свое покровительство, под Ваше государственное китайское попечение, ибо частным людям прокормить этих беженцев уже становится не под силу; ради Бога, покорнейше прошу Вас: 1) прокормить на государственный счет самых бедных беженцев; 2) дать им жилище при существующем таком морозе и 3) наисторожайше воспретить в Чугучаке и где бы то ни было торговлю живым товаром, чтобы никто из китай-

³ 1 пуд = 16, 380 кг

⁴ Даоинь – военный начальник

ско-подданных в Чугучаке или где бы то ни было не покупал бы молоденьких или не молоденьких девиц и женщин. Идут упорные слухи, что не имеющие средств несчастные беженцы продают, ради необходимости, китайско-подданным своих несовершеннолетних дочерей и сыновей, даже детей..." (АВП РИ. Ф. 188. Оп. 761. Д. 1549. Л. 288).

Бывшие российские консулы в Синьцзяне также направляли телеграммы в Пекин князю Н. А. Кудашеву с просьбой оказать влияние на Пекинское правительство, чтобы решить проблему с пропуском беженцев, скопившихся на границе России и Китая в районе провинции. Так, об этом в своём сообщении от 28 января 1920 г. в Пекин Кудашеву писал консул Российской империи в г. Чугучак В. В. Долбежев: "На границе в Бахтах скопилось большое число оренбургских и других беженцев, которых китайские власти через границу не пропускают. Для сохранения спокойствия на границе необходимо немедленно разрешить беженцам проследовать по дороге на Урумчи. Удержать долго беженцев невозможно. Ожидаю Ваших телеграфных определенных указаний" (АВП РИ. Ф. 188. Оп. 761. Д. 1549. Л. 221).

Решить проблему с пропуском гражданских беженцев в Синьцзян пытались и командующие терпящих поражения белых частей. На некоторых участках границы беженцев уже встречали отряды красноармейцев, которые по требованию китайской стороны не пропускали их на территорию провинции (АВП РИ. Ф. 188. Оп. 761. Д. 1549. Л. 73). Командующий Оренбургской армией генерал-лейтенант А. И. Дутов в январе 1920 г. просил российского Посланника повлиять на китайские власти и добиться разрешения перехода границы гражданскими беженцами: "Нужна дипломатическая помощь через Пекин – разрешение отправить беженцев через Китай или в Китай, а больных и раненных приютить за границей в Китае". Однако ответ Кудашева лишил последней надежды: "Правительство фактически перестало существовать, так что никому передавать телеграмму [...] помощь и защита будут оказаны лишь по мере возможности дабы не навлечь гнева большевиков" (АВП РИ. Ф. 188. Оп. 761. Д. 1549. Л. 66).

Проблемы с беженцами пытался решить и командующий Отдельной Семиреченской армией генерал-майор Б. В. Анненков. Через российского консула в Чугучаке В. В. Долбежева он направил в Пекин Кудашеву телеграмму, в которой так характеризовал положение: "Большое количество беженцев из мест, занятых красными, прибыло в район военных действий отдельной Семиреченской армии. Их присутствие крайне стесняет наши действия. Прошу спешного оказания [помощи] китайскими властями [и] принятии наших беженцев под свое покровительство" (АВП РИ. Ф. 188. Оп. 761. Д. 1549. Л. 209).

На объяснение китайских властей о главной причине запрещения пропуска беженцев в Синьцзян – возможное наличие среди них большевиков – в своей телеграмме от 3 января 1920 г. российскому консулу в Чугучаке В. В. Долбежеву Анненков отмечал: "Относительно беженцев, прошу уверить китайцев, что мы пропускаем их через такой фильтр, что большевики вряд ли могут пробраться. Эвакуация беженцев крайне желательна, так как это развязывает нам руки". В ответ Долбежев предложил Анненкову вариант решения беженской проблемы до получения положительной санкции на пропуск беженцев в Синьцзян. В частности, консул предлагал временно разместить беженцев в русских приграничных районах около Бахты, приобрести у местного населения несколько сот юрт, баранов и быков, а у китайцев хлеб "по получении разрешения Пекина". По мнению Долбежева, "это будет для беженцев полезнее, чем переход границы хотя бы самовольно и голод, которые доведут беженцев до окончательной гибели". Остановка беженцев в приграничных русских районах около Бахты должна ослабить панику. При этом Долбежев даже попытался "негласно пропустить в Чугучак" группу беженцев из Урджара, однако это ему не удалось из-за усиления охраны китайскими властями границы (АВП РИ. Ф. 188. Оп. 761. Д. 1549. Л. 194).

О скоплении беженцев у китайской границы в районе Алтайского округа Синьцзяна, "проникающих в округ несмотря на все запрещения китайских властей" сообщал в феврале 1920 г. в Пекин Кудашеву и консул в Шарасумэ М. Н. Кузьминский. Он опасался начала переговоров руководства округа с большевиками "из-за недостатка в округе вооруженных сил и двойственной

нерешительной политики местных властей" (АВП РИ. Ф. 188. Оп. 761. Д. 1549. Л. 233). Тем не менее, в марте Кузьминскому удалось добиться разрешения на пропуск в округ беженцев, за которых ручалось консульство, несмотря на всё ещё официально закрытую границу. Они даже получили материальную помощь. Всего же в округ проникло 3 тыс. беженцев (АВП РИ. Ф. 188. Оп. 761. Д. 1549. Л. 329).

Весной 1920 г. ситуацию на границе контролировать уже не представлялось возможным. В Синьцзян хлынули все скопившиеся здесь остатки Оренбургской и Семиреченской армий вместе с гражданскими беженцами. Общее количество солдат, казаков, офицеров и других беженцев составляло около 15 тыс. человек, из которых более 10 тыс. не имело никаких средств. В. В. Долбежев в своей телеграмме от 26 марта 1920 г. в Пекин Кудашеву отмечал: "Положение русской фактории и консульства тяжелое. На границе скопилось несколько тысяч беженцев, часть которых, минуя китайские заставы, прибыла в чугучакский район. [...] Положение беженцев не поддается описанию, так как более половины больных сыпным тифом" (АВП РИ. Ф. 188. Оп. 761. Д. 1549. Л. 369). Численность беженцев только в Чугучаке составила более 10 тысяч человек (АВП РИ. Ф. 188. Оп. 761. Д. 1549. Л. 374).

Российскому консулу в Урумчи А. А. Дьякову всё же удалось к концу февраля получить согласие губернатора провинции Ян Цзенсиня на пропуск всех беженцев в Чугучак и принятии попечения о них на китайский государственный счёт (АВП РИ. Ф. 188. Оп. 761. Д. 1549. Л. 287). Однако первоначально беженцев не пропускали вглубь провинции. Китайские власти лишь в начале мая 1920 г. разрешили направлять их небольшими партиями в Чугучак, Урумчи и Кульджу. При этом сами китайские чиновники обращались в российские консульства с просьбами выдать беженцам продовольствие. Однако последние уже не могли оказать им помощь из-за отсутствия средств. В частности, это отмечали в своих донесениях и управляющий российским консульством в Кульдже Г. Стефанович и консул В. В. Долбежев (АВП РИ. Ф. 188. Оп. 761. Д. 1549. Лл. 377, 419).

Вопрос о пропуске остатков военных частей Семиреченской и Оренбургской армий на территорию Синьцзяна

Одним из первых военных эмигрантов в Синьцзяне был полковник А. М. Ионов, который прибыл в г. Кульджу с небольшим отрядом в апреле 1918 г. после того, как его отряд потерпел поражение в боях с большевистскими отрядами под Мало-Алматинской станицей (недалеко от г. Верный, в настоящее время – часть г. Алматы – *Е.Н.*) и численностью около 1 тыс. человек перешёл границу в районе пограничного перехода Хоргос. Не будучи уверенным в том, что его отряд китайские власти пропустят на территорию провинции, полковник Ионов заявил о том, что он едет в Кульджу для переговоров о материальной помощи (АВП РФ. Ф. 0100. Оп. 10. П. 131. Д. 92. Л. 28).

Китайские власти не пропустили в Кульджу перешедших границу. Отряд был направлен в Толкинское ущелье, где находился около месяца у солёного озера Сайрам-Нур. В течение этого времени местные китайские власти решали вопрос с губернатором провинции о разрешении отряду двинуться вглубь провинции, однако 200 человек во главе с Ионовым всё же добрались до Кульджи. Оставшаяся группа под командованием полковника А. Г. Бычкова была направлена китайскими властями в г. Шихо, однако отряд не дошёл до города и вернулся на российскую территорию (АВП РФ. Ф. 0100. Оп. 10. П. 131. Д. 92. Л. 29).

В Кульдже при помощи российского консула В. Ф. Любы Ионову удалось установить связь с Н. А. Кудашевым, послами Великобритании, США, Японии, а также с белыми частями в Омске и Семипалатинске и направить им просьбы о необходимости оказания помощи Семиреченскому казачеству в борьбе с большевистскими частями. Российский консул в Чугучаке В. В. Долбежев поддержал Любу и Ионову и также направил телеграммы в Омск и Семипалатинск с просьбой о помощи Семиреченскому войску и направлении в район боёв – в Сергиополь – отрядов. Кроме того, он просил, чтобы отряды удерживали укрепление Бахты на границе, чтобы беженцы из Семиречья могли уходить в китайские пределы. Между тем, в июле китайскую границу

перешла ещё одна группа отступавших казаков и направилась в Чугучак [9, с. 227].

Благодаря такой активной поддержке дипломатических представителей в Китае и при активной помощи частей из Омска и Семипалатинска ситуацию в Семиречье вскоре удалось стабилизировать к концу 1918 г.

Однако деятельность полковника Ионова в Кульдже и направленных сюда позднее других представителей белого движения – полковника П. И. Сидорова и подполковника Брянцева, а именно мобилизация местного населения на борьбу с большевиками и отправка их в Россию вызвала закономерное возмущение властей провинции. По этому поводу ими был выражен протест российскому консульству (АВП РИ. Ф. 188. Оп. 761. Д. 1549. Л. 146).

Кроме того, китайским властям были известны факты помощи российскими консулами находившимся в Синьцзяне представителям Семиреченского казачества в формировании отрядов для борьбы с большевиками и нелегального снабжения их оружием. Например, управляющий консульством в Кульдже В. Ф. Люба предлагал наиболее видным представителям русских мусульманских обществ жертвовать винтовки и патроны. Однако они откликнулись "довольно слабо" (АВП РИ. Ф. 188. Оп. 761. Д. 1549. Л. 189). Чтобы пресечь это, китайские власти выслали конные разъезды, которые обыскивали проезжающих для обнаружения вывозимого из провинции в Россию оружия. Даоинем Илийского округа даже было издано специальное объявление о запрете торговли оружием и "всеми предметами, необходимыми для снабжения армии", без разрешения властей воспрещалось ношение оружия, собрания и даже беседы о положении русской армии. В то же время некоторые местные китайские начальники негласно пропускали раненых в Кульджу (АВП РИ. Ф. 188. Оп. 761. Д. 1549. Л. 190). Кроме того, власти Илийского округа провинции заявили протест консулу в Кульдже В. Ф. Любе. Последний вынужден был признать это из-за "опасения новых, более резких мер со стороны китайцев против наших офицеров, наезжающих с фронта и постоянно попадающих в руки китайских разъездов" (АВП РИ. Ф. 188. Оп. 761. Д. 1549. Л. 170).

Вопрос о пропуске военных беженцев в Синьцзян вновь возник и в 1919 г., когда, как отмечалось выше, на территорию провинции на короткое время отступил отряд полковника П. И. Сидорова. Он отказался сдать оружие китайским властям, как это требовалось. Даоинь округа просил управляющего российским консульством в Кульдже В. Ф. Любу повлиять на полковника "в предупреждение осложнений", обещая казакам "защиту против большевиков". Люба направил телеграмму в Пекин Кудашеву о действиях Сидорова. Кудашев потребовал указать Сидорову на необходимость подчиниться требованию китайцев сдать оружие (АВП РИ. Ф. 188. Оп. 761. Д. 1549. Л. 73).

В январе 1920 г. командующий Оренбургской армией генерал-лейтенант А. И. Дутов, также обращался в Пекин к российскому Посланнику, прося его о об оказании финансовой дипломатической помощи войскам: "Нужна помощь золотом, серебром, романовскими, иначе верный оплот России в Семиречье будет осужден на смерть и лишения. Оренбургская армия, сделав 1500 верст по голодной степи и совершив исторический поход, надеется на помощь Правительства". Однако Кудашев уже не мог повлиять на ситуацию (АВП РИ. Ф. 188. Оп. 761. Д. 1549. Л. 66). Более того, он был убеждён, что "при настоящей обстановке следует избегать всего, что способно привести к конфликту с китайцами, опасаящимися мести большевиков за всякой содействие белым" (АВП РИ. Ф. 188. Оп. 761. Д. 1549. Л. 235).

После объединения Оренбургской и Семиреченской армий под командованием атамана Б. В. Анненкова из-за катастрофического положения в войсках, последний просил российского консула в Чугучаке В. В. Долбежева "взять на себя труд снестись с китайским правительством в Урумчи относительно вывоза хлеба", необходимого для армии. Долбежев надеялся получить разрешение на это из Пекина при помощи Российского Посланника (АВП РИ. Ф. 188. Оп. 761. Д. 1549. Л. 194).

В итоге консулам удалось получить разрешение на переход остатками Оренбургской и Семиреченской армий китайской границы и оказании им помощи, но при условии сдачи оружия. 27 марта 1920 г. "по уговору с китайскими местными властями Оренбургская армия стала переходить границу и сдавать

оружие китайским властям". Только в пограничном пункте Бахты перешло 8000 солдат, 1200 офицеров (**АВП РИ. Ф. 188. Оп. 761. Д. 1549. Л. 375**).

Таким образом, и консулы, и Посланник бывшей Российской империи, и командующие отступавшими в Синьцзян остатками Белой армии пытались решить проблемы русских беженцев Гражданской войны. Однако укрепление новой советской власти в России и поражение Белой армии привели к переориентации китайского руководства в своей внешнеполитической стратегии относительно России. На местном уровне это выразилось в отказе решать беженскую проблему, и, как следствие – возникновению катастрофического положения на синьцзянском участке российско-китайской границы.

Литература / References

1. Аблова Н. Е. История КВЖД и российской эмиграции в Китае (первая половина XX в.). Минск: Изд-во БГУ, 1999. 430 с.
Ablova N. E. The history of the CER and Russian emigration in China (the first half of the twentieth century). Minsk: Publishing House of BSU, 1999. 430 p. (In Russ.).
2. Бакулина А. А. К вопросу о государственном регулировании положения российских эмигрантов в Маньчжурии (1918–1945 гг.) // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2011. № 1. С. 60–67.
Bakulina A. A. On the issue of state regulation of the situation of Russian emigrants in Manchuria (1918–1945) // Oikumena. Regional Researches. 2011. No. 1. P. 60–67. (In Russ.).
3. Балмасов С. С. Белоземляне на военной службе в Китае. М.: Центрополиграф, 2007. 557 с.
Balmasov S. S. White emigrants in military service in China. M.: Centropoligraf, 2007. 557 p. (In Russ.).
4. Бармин В. А. О сотрудничестве и взаимодействии российских консульств в Синьцзяне с белогвардейскими частями атамана Б. В. Анненкова в 1919–1920 гг. // Известия Алтайского государственного университета. 2015. № 3 / 2. С. 28–33.
Barmin V. A. On cooperation and interaction of the Russian consulates in Xinjiang with the White Guard units of Ataman B. V. Annenkov in 1919-1920 // Izvestiya Altai State University. 2015. No. 3 / 2. P. 28–33. (In Russ.).
5. Ганин А. В. "Борьба Анненков, бандит". Бессмысленность спора о белых и красных – кто был озлобленнее и страшнее – подтверждает судьба одной из самых мрачных фигур Гражданской войны // Родина. 2020. № 2. С. 56–59.
Ganin A. V. "Borka Annenkov, the bandit." The senselessness of the dispute about whites and reds – who was more embittered and scarier – is confirmed by the fate of one of the darkest figures of the Civil War // Homeland. No. 2. P. 56–59. (In Russ.).
6. Ганин А. В. Черногорец на русской службе. М.: Русский путь, 2004. 240 с.
Ganin A. V. Chernorets in the Russian service. M.: Russkiy put, 2004. 240 p.
7. Голиков Д. Г. Крушение антисоветского подполья в СССР М.: Политиздат, 1986. Кн. 1. М.: Политиздат, 1986. 332 с.
Golinkov D. G. The collapse of the anti-Soviet underground in the USSR M.: Politizdat, 1986. Book 1. M.: Politizdat, 1986. 332 p. (In Russ.).
8. Заика Л. М., Бобренев В. А. Атаман Анненков // Военно-исторический журнал. 1991. № 3. С. 68–77.
Zaika L. M., Bobrenov V. A. Ataman Annenkov // Military Historical Journal. 1991. No. 3. P. 68–77. (In Russ.).
9. Ивлев М. Н. Антибольшевическое движение в Семиреченском казачьем войске // Белая гвардия: Альманах / Редкол.: А. И. Дерябин, С. И. Дробязко, В. Ж. Цветков, А. Чичикалов. М.: Посев М. № 8: Казачество России в Белом движении: Памяти казаков – участников борьбы с большевиками в годы Гражданской войны 1917–1922 гг. / Гл. ред. В. Ж. Цветков; Редкол.: А. А. Каревский, А. П. Гольдин, А. Ганин, В. Чичерюкин-Мейнгардт, К. Кулагин, Н. А. Кузнецов, М. А. Хайрулин, Б. Татаров. М.: Посев М., 2005. С. 225–235.
Ivlev M. N. The anti-Bolshevik movement in the Semirechensk Cossack army // White Guard: Almanac / Ed. board: A. I. Deryabin, S. I. Droblyazko, V. Zh. Tsvetkov, A. Chichikalov. M.: Sowing M. No. 8: The Cossacks of Russia in the White Movement: In memory of the Cossacks – participants in the struggle against the Bolsheviks during the Civil War wars of 1917-1922 / Chief editor V. Zh. Tsvetkov; Ed.: A. A. Karevsky, A. P. Goldin, A. Ganin, V. Chicheryukin-Meingardt, K. Kulagin, N. A. Kuznetsov, M. A. Khairulin, B. Tatarov. M.: Posev M., 2005. P. 225–235. (In Russ.).
10. Капран И. К. Повседневная жизнь русского населения Харбина (конец XIX–50-х гг. XX в.). Владивосток: Изд-во Дальневосточного федерального университета, 2011. 202 с.
Kapran I. K. The daily life of the Russian population of Harbin (the end of the XIX–50s of the twentieth century). Vladivostok: Publishing House of the Far Eastern Federal University, 2011. 202 p. (In Russ.).

11. Кротова М. В. СССР и российская эмиграция в Маньчжурии (1920–1930-е гг.). СПб.: Астерион, 2014. 377 с.
Krotova M. V. USSR and Russian emigration in Manchuria (1920-1930s). St. Petersburg: Asterion, 2014. 377 p. (In Russ.).
12. Мелихов Г. В. Российская эмиграция в международных отношениях на Дальнем Востоке. 1925–1932. М.: Русский путь; Викмо-М, 2007. 320 с.
Melikhov G. V. Russian emigration in international relations in the Far East. 1925-1932. Moscow: Russian Way; Vikmo-M, 2007. 320 p. (In Russ.).
13. Наземцева Е. Н. "Закат" имперской и "восход" советской политики в провинции Синьцзян: дипломаты бывшей Российской империи и "советские консулы" в 1917–1920 гг. // Проблемы Дальнего Востока. 2022. № 5. С. 143–158.
Nazemtseva E. N. "Sunset" of imperial and "sunrise" of Soviet politics in Xinjiang province: diplomats of the former Russian Empire and "Soviet consuls" in 1917-1920. // Problems of the Far East. 2022. No. 5. P. 143–158. (In Russ.).
14. Наземцева Е. Н. Деятельность российских общественных организаций в Китае в 1917 г. (на примере русской колонии в Маньчжурии и Синьцзяне) // Вестник РУДН. Серия: История России. 2019. Т. 18. № 4. С. 758–778.
Nazemtseva E. N. Activity of Russian public organizations in China in 1917 (on the example of the Russian colony in Manchuria and Xinjiang) // Bulletin of the RUDN. Series: The History of Russia. 2019. Vol. 18. No. 4. P. 758–778. (In Russ.).
15. Ревякина Т. В. Российская эмиграция в Китае. Проблемы адаптации (20–40-е годы XX в.). М.: Ин-т Дальнего Востока РАН, 2002. 105 с.
Revyakina T. V. Russian emigration in China. Problems of adaptation (20-40s of the twentieth century). Moscow: Institute of the Far East of the Russian Academy of Sciences, 2002. 105 p. (In Russ.).
16. Смирнов С. В. Дальневосточный тупик: русская военная эмиграция в Китае (1920 – конец 1940-х годов). М.: ЛитРес, 2019. 712 с.
Smirnov S. V. The Far Eastern impasse: Russian military emigration in China (1920 – late 1940s). Moscow: LitRes: Samizdat, 2019. 712 p. (In Russ.).
17. Смирнов С. В. Российские эмигранты в Северной Маньчжурии в 1920–1945 гг. (проблема социальной адаптации). Екатеринбург: Уральский гос. пед. ун-т, 2007. 228 с.
Smirnov S. V. Russian emigrants in Northern Manchuria in 1920-1945 (the problem of social adaptation). Yekaterinburg: Ural State Pedagogical University. Univ., 2007. 228 p. (In Russ.).
18. Шалагинов В. К. Конец атамана Анненкова. Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1969. 62 с.
Shalaginov V. K. The end of Ataman Annenkov. Novosibirsk: Zap.-Siberian Publishing House, 1969. 62 p. (In Russ.).
19. Chiasson Blaine R. Administering the Colonizer: Manchuria's Russians under Chinese Rule, 1918–29. Vancouver, Toronto: UBC Press., 2010. 285 p.
20. Hohler S. Fascism in Manchuria. The Soviet – China Encounter in the 1930s. London; New York, Oxford, New Delhi, Sydney: BLOOMSBURY ACADEMIC, 2020. 262 p.
21. Patrikeeff F. Russian Politics in Exile. The Northeast Asian Balance of Power, 1924–1931. London; New York: Palgrave Press, 2002. XIV, 230 p.
22. Robinson P. The White Russian Army in Exile. 1920–1941. Oxford: Clarendon Press, 2002. VII, 257 p.

Информация об авторе

Елена Николаевна Наземцева, д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник отдела Китая Института востоковедения РАН; ведущий научный сотрудник Дома русского зарубежья имени А. Солженицына, Москва, Россия, e-mail: nazemtsevaelena5535@gmail.com

Information about the author

Elena N. Nazemtseva, Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher, China Department, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences; Leading Researcher, Solzhenitsyn House of Russian Abroad, Moscow, Russia, e-mail: nazemtsevaelena5535@gmail.com

Поступила в редакцию 02.10.2024

Одобрена после рецензирования 17.02.2025

Принята к публикации 25.02.2025

Received 02.10.2024

Approved 17.02.2025

Accepted 25.02.2025

Николай Автономов: педагог-новатор обучения русскому языку и историк просвещения на Дальнем Востоке

Наталья Владимировна Хисамутдинова
Владивостокский государственный университет, Владивосток, Россия, natalya.khisamutdinova@vvsu.ru
Амир Александрович Хисамутдинов
Центральная научная библиотека ДВО РАН, Владивосток, Россия, khisamut@yahoo.com

Аннотация. Статья посвящена новатору преподавания русского языка как иностранного и историку просвещения Николаю Павловичу Автономову (1885–1976). Работая в различных учебных заведениях Харбина, он создал свою систему обучения русскому языку китайцев и японцев, положив в основу использование языка в конкретных ситуациях с учётом национальных особенностей. Педагог проявил себя и как историк просвещения, проанализировав школьное дело на российском Дальнем Востоке и в Маньчжурии. Уехав в США, Автономов продолжил преподавать русский язык как иностранный, став автором около 300 научных работ, посвящённых вопросам просвещения. В статье использованы материалы, выявленные в Музее русской культуры в Сан-Франциско и библиотеке Гавайского университета (Гонолулу).

Ключевые слова: Н. П. Автономов (1885–1976), русские в Китае, обучение русскому языку как иностранному, просвещение на Дальнем Востоке

Для цитирования: Хисамутдинова Н. В., Хисамутдинов А. А. Николай Автономов: педагог-новатор обучения русскому языку и историк просвещения на Дальнем Востоке // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2025. Т. 19. № 1. С. 20–29. <https://doi.org/10.29039/1998-6785/2025-1/20-29>

Original article
<https://doi.org/10.29039/1998-6785/2025-1/20-29>

Nikolai Avtonomov: innovative Russian language teacher and historian of education in the Far East

Natalia V. Khisamutdinova
Vladivostok State University, Vladivostok, Russia, natalya.khisamutdinova@vvsu.ru
Amir A. Khisamutdinov
Central Academic Library Research Department, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences.
Vladivostok, Russia, khisamut@yahoo.com

Abstract. The article describes the teaching and academic activity of Nikolai Pavlovich Avtonomov (1885–1976), who is considered as an innovator of teaching Russian to foreigners. A teacher in Harbin, he developed his own system of teaching Russian to the Chinese and Japanese students based on direct communication in specific situations, considering national values. He also distinguished himself as a historian of education, having analyzed school functioning in the Russian Far East and Manchuria. Having left China for the USA, Avtonomov continued teaching Russian as a foreign language and published nearly 300 works about teaching. The article is based on the documents revealed in the Museum of Russian Culture in San Francisco and the University of Hawaii library (Honolulu).

Key words: N. P. Avtonomov (1885–1976), the Russians in China, teaching Russian as a foreign language, education in the Far East

For citation: Khisamutdinova N. V., Khisamutdinova A. A. Nikolai Avtonomov: innovative Russian language teacher and historian of education in the Far East // Ojkumena. Regional Researches. 2025. No. 1. P. 20–29. <https://doi.org/10.29039/1998-6785/2025-1/20-29>

Введение

По биографии Николая Павловича Автономова (1885–1976) можно составить историю русских учебных заведений в Китае: коммерческих училищ Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД), Харбинского политехнического института, Юридического факультета и Педагогического института в Харбине и др. Талантливый исследователь, оставивший нам богатый материал о народном просвещении на российском Дальнем Востоке и русском образовании в Китае, Автономов был ещё и педагогом-новатором, внёсшим вклад в методiku преподавания русского языка для иностранцев. Начав педагогическую деятельность в Харбинских коммерческих училищах, он разработал собственную систему обучения русскому языку китайцев и японцев, назвав её "прямым методом". В его основу педагог положил непосредственное общение, использование языка в конкретных ситуациях с учётом национальных культурных ценностей и норм поведения – то, что сегодня называется коммуникативной методикой, признанной наиболее эффективной и популярной при обучении иностранным языкам.

Сегодня, когда в российских университетах получают образование тысячи иностранных студентов, эти вопросы приобретают особую актуальность, и

опыт Автономова становится ещё более востребованным. Между тем он мало известен в России. Все работы педагога изданы в Китае и США и находятся в зарубежных коллекциях, малодоступных российским исследователям. Если упоминания о Н. П. Автономове встречаются в некоторых работах о русском влиянии на развитие образования в Китае [7; 12], то сведения о его педагогических взглядах и методах в отечественных публикациях крайне скудны [14].

Факты биографии Н. П. Автономова нам известны из публикаций его ученика Владимира Николаевича Жернакова, выпускника (1937 г.) экономического отделения Юридического факультета в Харбине [9; 10; 11]. Их дополняют материалы личного дела педагога в Государственном архиве Хабаровского края (ГАХК. Ф. 839. (Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской империи). Д. 262. 18 л.)¹, а также документы, выявленные в Музее русской культуры в Сан-Франциско (Фонд Н. В. Борзова). Воспоминания брата Н. П. Автономова, Петра Павловича [6], и другие материалы, собранные родными, позволяют нам узнать некоторые подробности семейной родословной.

О деятельности Автономова-педагога мы можем судить по его публикациям, увидевшим свет в Китае и США. Они собраны в Русской коллекции библиотеки Гавайского университета (Гонолулу, США) наряду с другими изданиями русской эмиграции благодаря стараниям русского библиографа Патриции Полански [16]. Некоторые из работ педагога отмечены в библиографическом справочнике русских изданий, напечатанных в Харбине, который издала в 2002 г. профессор университета Торонто Ольга Михайловна Бакич [17, р. 53, 123, 141, 169, 321]. Местонахождение личного архива Н. П. Автономова, который мог бы существенно дополнить имеющиеся сведения, к сожалению, неизвестно.

За помощь в использовании зарубежных коллекций авторы благодарят библиографа Гавайского университета Патрицию Полански и заместителя председателя Музея русской культуры в Сан-Франциско Ива Франкьена. Они также выражают признательность родственникам Н. П. Автономова за содействие при подготовке статьи.

Как стать педагогом

Николай Автономов родился 13 (25) декабря 1885 г. в слободе Гуляевке Усть-Медведицкого округа Донской области (ГАХК. Ф. 839. Д. 262. Л. 1), где его отец Павел Викторович Автономов, выпускник Донской духовной семинарии, служил при церкви, преподавая Закон Божий в церковноприходской школе. Вскоре отца перевели заведовать школой в хуторе Безыменском, и там Николай окончил в 1897 г. приходское училище. После этого он пошёл по стопам отца, продолжив учёбу в Усть-Медведицком духовном училище (1897–1901), а затем в Донской духовной семинарии в Новочеркасске (1901–1907) [6, с. 28–29].

Первый педагогический опыт Николай получил ещё подростком: "И был такой случай: однажды учительница должна была повезти своего больного мужа в больницу в соседнюю станицу, а школу оставила на законоучителя, отца Николая Павловича. Но утром в этот день его отец получил сообщение о смерти своего брата, священника, и должен был немедленно выехать, а школу передать сыну, и в течение одного дня последний в 12 лет выступал в качестве заведующего школой. Николай Павлович, шутя, говорит, что считает этот день наибольшим своим педагогическим достижением" [9, с. 4].

Учёба в духовных учебных заведениях не только выработала в юноше усидчивость и терпение, но и дала хорошее образование. В семинарии ему преподавали логику, психологию, историю философии, дидактику. В качестве специальной дисциплины в течение всех пяти лет обучения было "Сочинение". Если в первом и втором классе семинаристы писали сочинения по библейской истории и литературе, то в последующем темы усложнялись, и им придавалось большое значение [9, с. 2]. Думается, именно практика написания сочинений приучила Автономова к чёткому выражению мыслей и способствовала его дальнейшей исследовательской работе.

¹ ГАХК – Государственный архив Хабаровского края.

Окончив в 1907 г. семинарию, Автономов получил предложение поехать за казённый счёт в духовную академию, но отказался, мечтая поступить в университет. Средств для этого у него не имелось, и юноша предполагал собрать нужную сумму, работая учителем. Он слышал, что на Дальнем Востоке ощущался большой недостаток преподавателей и решил поехать туда. В Хабаровске он обратился с просьбой о трудоустройстве к окружному инспектору Приамурского края и получил отказ. Объяснили просто: занятия в школах уже начались и вакансий не имеется.

Найти работу в Иркутской военно-фельдшерской школе ему помог дядя, главный врач Иркутского военного госпиталя, но долго там Николай Автономов не задержался. В августе 1908 г. он поступил на словесное отделение Нежинского историко-филологического института князя Безбородко и через четыре года окончил его. Студентом четвёртого курса он получил предложение от начальника учебного отдела Управления КВЖД и директора Харбинских коммерческих училищ Николая Викторовича Борзова приехать в Харбин и занять должность учителя. Он согласился, хотя и понёс денежные потери. Коммерческие училища КВЖД (мужское и женское), открытые в 1906 г., находились в ведении Министерства торговли и промышленности, и Автономову пришлось вернуть Министерству народного просвещения деньги, затраченные на его обучение в институте [9, с. 4].

Русская школа в Китае

1 сентября 1912 г. Николай Автономов стал преподавателем Харбинских коммерческих училищ КВЖД. Он вёл занятия по русскому языку, литературе, истории и латинскому языку, а также был классным наставником и секретарём педагогического комитета. Уже с первого года пребывания в Харбине Автономов обратил внимание на особенности русской школы в Маньчжурии. Хотя программы русских учебных заведений в полосе отчуждения КВЖД (школ, гимназий, реальных и других училищ) базировались на тех, что были приняты в России, и главным принципом было формирование у учащихся национального самосознания [13, с. 100], в них был заметен уклон в сторону востоковедения. Педагоги понимали необходимость адаптации учащихся к новой многоязычной и многокультурной среде и подготовки их к работе в местных условиях и дополняли учебные планы востоковедческими дисциплинами. Наряду с европейскими языками во всех учебных заведениях в обязательном порядке преподавали китайский язык, а в некоторых – ещё японский и маньчжурский. Краеведческие дисциплины – история и география Китая и Японии, культура этих стран, основы дальневосточной коммерции и др. – входили в программы практически всех школ [1, с. 7–8].

Учебный отдел Управления КВЖД поддерживал это направление, признавая его необходимой мерой: многочисленные частные и государственные предприятия, возникавшие в зоне КВЖД, нуждались в работниках, знакомых с местной спецификой. Автономов писал: "Деятельность Учебного отдела не ограничивалась только организацией и надзором за школами. Он ежегодно, можно сказать, устраивал съезды железнодорожных учителей..., организовывал особые курсы для учителей (по востоковедению, по естествознанию) с приглашением солидных научных сил из Владивостока, Томска. Учебный отдел, пока было возможно (до войны, до революции), ежегодно посылал в Европейскую Россию своих учителей на курсы (учительские)" [1, с. 4]. Сам Автономов был знаком с работой харбинских педагогов не понаслышке: в 1918–1919 гг. он, в то время секретарь Маньчжурского педагогического общества (МПО), участвовал в ревизии школ КВЖД [9, с. 4].

Историк русского просвещения

Сравнивая школьное дело в России и Маньчжурии, Автономов занялся изучением истории просвещения в Приамурском крае, постепенно расширяя географические границы на весь российский Дальний Восток. Интерес к исследованию школьного дела он проявил ещё студентом Нежинского института, изучая историю ряда уездных школ и написав об этом ряд очерков. Этот опыт пригодился ему в новой работе.

Начиная с 1915 г. летние, зимние и пасхальные каникулы Автономов проводил в канцелярии окружного инспектора в Хабаровске, изучая архив-

ные и текущие документы. Не раз он посещал Благовещенск, Владивосток, Николаевск-на-Амуре, Никольск-Уссурийский, бывая в школах и обсуждая с педагогами особенности преподавания в каждой из них, учительские проблемы и идеи. Заметки Автономова-историка просвещения стали всё чаще появляться в харбинских журналах. Многие педагоги, например, заметили его статью "К характеристике Дальневосточного учителя", опубликованную в журнале МПО "Просветительное дело в Азиатской России" (1913, № 11–12). В ней Автономов обращал внимание общественности на отличительные особенности учителя "далёкой окраины", как тогда называли российский Дальний Восток.

В Маньчжурское педагогическое общество Автономов вступил сразу же по приезде в Харбин. В первой параграфе устава этой организации подчёркивалось: "Целью Общества является: а) следить за текущей педагогической литературой в России и за границей; б) следить за педагогическими вопросами, возбуждаемыми научной и художественной литературой; в) способствовать уяснению вопросов, выдвигаемых учебно-воспитательной практикой" (МРК. Собрание Н. В. Борзова)². На заседаниях МПО Автономов делился с коллегами своими находками и идеями. Он представлял харбинских педагогов на Съезде по внешкольному образованию в Томске (1915 г.) и Первом всероссийском съезде словесников в Москве (1916 г.), где узнавал о новейших идеях в педагогике и сам выступал с докладами, которые затем публиковал в журнале МПО.

В апреле 1921 г. Николай Павлович представлял МПО и Общество русских ориенталистов (ОРО) на Первом съезде по изучению Уссурийского края в естественно-историческом отношении в Никольск-Уссурийском, где выступил с двумя докладами: "Опыт библиографии по истории школы в Приамурском крае" и "Исторический очерк приамурской школы", в которых использовал материалы исследования дальневосточного просвещения. На съезде Автономов познакомился с Владимиром Клавдиевичем Арсеньевым. К тому времени путешественник стал преподавать в Дальневосточном государственном педагогическом институте имени К. Д. Ушинского во Владивостоке, читая курс "Первобытная культура" на факультете гуманитарных наук и лекции по антропологии и этнографии на факультете математических и естественных наук. Изучая коренные народы российского Дальнего Востока, Арсеньев пытался разобраться и в их языках, поэтому неудивительно, что он сблизился с харбинским педагогом-словесником. Автономову же были интересны наблюдения путешественника о школах Уссурийского края.

Масштабная работа педагога по изучению истории просвещения на Дальнем Востоке осталась незаконченной, но отрывки из неё Автономов опубликовал в "Вестнике КВЖД" ("Положение школьного дела в полосе отчуждения Китайско-Восточной железной дороги". 1920, № 18) и журнале ОРО "Вестник Азии": "Сахалинская школа" (1922, № 48), "Камчатская школа" (1922, № 48), "Русская школа для инородцев в Приамурском крае (1922, № 49). По этим работам видно, насколько скрупулезно Автономов подходил к исследованию. Он подробно описывал особенности содержания школ разных типов, размер и состояние помещений, материальное обеспечение, расписание занятий и внеклассной работы, состав учеников и учителей. Без его внимания не остался даже вопрос питания в пансионатах для детей коренных народностей Дальнего Востока.

Автономову принадлежит и заслуга составления истории харбинских учебных заведений. Всё началось в 1913 г., когда администрация Харбинских коммерческих училищ КВЖД, решив издавать годовые отчёты, поручила Автономову написать для первой публикации исторический очерк о создании училищ и их работе до 1913 г. Через несколько лет, когда отмечалось 15-летие училищ, вновь на Автономова пал выбор для описания истории учебного заведения. Так появился "Исторический обзор Харбинских коммерческих училищ за 15 лет (26 февраля 1906 г. ст. ст. – 11 марта 1921 г. нов. ст.)" (Харбин, 1921). Позднее педагог напишет историю Первого харбинского общественного коммерческого училища, Педагогического института [4], Юридического факультета [2].

² МРК – Музей русской культуры в Сан-Франциско.

Автономов входил в редакционную коллегию "Вестника Азии" (1922–1926 гг.) и составил историю ОРО. Будучи секретарем секции по изучению культурного развития края в Обществе изучения Маньчжурского края, он опубликовал программу изучения полосы отчуждения КВЖД в культурно-просветительном отношении.

Русский язык для иностранцев

В Харбине молодой педагог столкнулся с новым направлением: обучением русскому языку китайцев и японцев. В 1912–1913 учебном году у него оказались около двадцати китайских учеников, которые записались на специальные двухгодичные курсы русского языка, чтобы затем поступить в коммерческое училище КВЖД. Автономов занимался с ними все годы до окончания училища, а о качестве обучения можно судить по золотой медали, полученной одним из его учеников-китайцев за отличную учёбу [9, с. 7].

Начиная преподавать русский язык как иностранный и задумываясь над наиболее эффективными методами обучения, педагог пришёл к выводу, что к знакомству с русским языком нужно подходить с разных сторон и с использованием различных средств. Так, рассказывая о русском словообразовании, он создал ряд таблиц, облегчающих понимание различных частей русского слова: корень, суффикс, приставка и окончание изображались разными красками.

Особое внимание в преподавании русского языка Автономов обращал на рассказы об истории и культуре России. Свои лекции он оформлял цветными историческими картами и нарисованными им самим "историческими картинами по русской истории". Картин-плакатов у педагога было около пятидесяти, а отдельных рисунков исторического характера на них насчитывалось более тысячи [9, с. 7].

Полагая, что "живое" общение является одним из важнейших компонентов изучения русского языка, он регулярно приглашал на занятия своих знакомых. Иногда это были видные русские учёные, как, например, профессор юриспруденции Валентин Александрович Рязановский, иногда – обычные горожане, которые рассказывали о себе и своей работе, отвечали на вопросы. Использование языка в конкретных ситуациях с учётом национальных особенностей педагог считал важнейшим средством обучения. С этой же целью он водил китайских студентов на занятия в другие русские учебные заведения, считая, что они должны привыкать к русской речи "в разном исполнении". Регулярно организовывалось и совместное посещение кинопоказов и спектаклей.

Автономов считал, что в учебный процесс нужно обязательно включать песни, и к русским праздникам, которые он всегда отмечал с китайскими учениками, заранее разучивались русские песни. Время от времени он заводил китайцев в православные храмы, где они слушали проповеди и песнопения. Познавать язык в тесном сочетании с культурой – это был основной принцип Автономова. В педагогической деятельности ему всегда помогала жена Анна Ивановна (род. 10 июня 1895 г.), выпускница Высших женских курсов в Санкт-Петербурге, отлично знавшая английский и китайский языки [11, с. 3].

Начальник учебного отдела Управления КВЖД Борзов, по характеру новатор в педагогике, сразу увидел в Автономове единомышленника и в дальнейшем всегда поддерживал его начинания. Можно предположить, что создание при коммерческих училищах Высшего китайского класса русской литературы и юридических наук, работавшего в 1922–1923 гг., произошло по инициативе Автономова.

Изменение политической власти в России почти не отразилось на жизни педагога. В анкете он написал о своих политических убеждениях: "Внепартийный. Сторонник твёрдой правовой власти" (ГАХК. Ф. 839. Д. 262. Л. 3). Имея отличную репутацию, Автономов с успехом продолжил педагогическую деятельность и став эмигрантом. Он преподавал в Высшем китайском классе русской литературы и юридических наук, читал лекции в Институте Японо-Русского общества (1922–1924 гг.) и проявил себя отличным администратором, заседаая в Департаменте народного просвещения в Харбине.

Но политика все-таки затронула Автономова. После Мукденского соглашения (20 сентября 1924 г.) между правительствами Советского Союза и Особого района трёх Восточных провинций³ управление КВЖД стало совместным советско-китайским, а все русские учебные заведения, поддерживаемые железной дорогой, перешли в подчинение советской администрации. Последовала ревизия учебных программ, которую не захотели поддерживать руководители ряда русских учебных заведений.

27 февраля 1925 г. управляющий КВЖД А. Иванов издал приказ: "В течение последнего времени было установлено, что директор Харбинских коммерческих училищ Н. В. Борзов, совершенно не считаясь с переменами, происшедшими в результате Мукденского соглашения, проводит в жизнь собственную политическую линию, явно враждебную СССР и установлению русско-китайской дружбы. Деятельная поддержка в этом отношении Н. В. Борзову оказывалась преподавателями тех же училищ Н. П. Автономовым и А. И. Коробовым" (ГАХК. Ф. 839. Д. 262. Л. 7).

Уволили Автономова по политическим мотивам и из Института Японо-Русского общества. Если Н. В. Борзов после увольнения предпочёл уехать в США, то Автономов остался в Харбине, устроившись в 1-е Харбинское общественное коммерческое училище, основанное в 1921 г. Помимо двух отделений, коммерческого и английского языка, оно имело три подготовительных класса для китайской молодежи. Методика Автономова по обучению русскому языку китайцев нашла полное понимание со стороны директора Фёдора Кузьмича Мухачёва. В училище Автономов работал до 1934 г., пока при японской оккупации новые власти не закрыли его. В память о пребывании педагога в училище остался иллюстрированный очерк "Первое десятилетие 1-го Харбинского Общественного Коммерческого училища. 1921–1931" (Харбин, 1931), подготовленный им к юбилею учебного заведения.

Одновременно с 1926 г. Автономов вёл занятия по русскому языку в китайских подготовительных классах при Юридическом факультете в Харбине. "Классы были двухгодичные, – писал он. – При создании этих классов предполагалась, что китайские молодые люди, закончившие китайскую среднюю школу, будут в течение двух лет изучать русский язык и русскую юридическую терминологию, а затем будут переходить на русский факультет и слушать там русских профессоров. Однако жизнь подготовительных классов пошла несколько не так, как намечал её Совет профессоров факультета" [2, с. 43].

Окончившие подготовительные классы молодые китайцы вместо перехода на факультет остались при классах, сформировав первый курс экономического отделения другого юридического факультета, китайского. Преподавательский персонал состоял из китайской профессуры и русских преподавателей подготовительных классов. После реорганизации классов в самостоятельный китайский вуз Автономов остался в нём в прежней должности старшего преподавателя и расширил программу обучения русскому языку. Он включил в неё ряд теоретических курсов, разработав к ним методические указания. В 1931 г. его пригласили преподавать и на подготовительных курсах для китайцев при Харбинском политехническом институте, где он работал до 1935 г., когда японские власти запретили использовать в институте русский язык.

Но русский язык понадобился и японцам: в 1937 г. они организовали массовое (до 400 человек одновременно) обучение русскому языку железнодорожных служащих, пригласив русских педагогов. Помимо занятий с японцами Николай Павлович руководил работой своих русских коллег, передавая им опыт преподавания русского языка как иностранного. При организации японцами Харбинского железнодорожного института Автономова пригласили на должность старшего преподавателя с обязанностями руководить обучением японских студентов русскому языку [9, с. 9].

Николай Павлович постоянно общался со своими китайскими коллегами-сеньшенами (учителями), консультировался у них, использовал их методы в преподавании языка иностранцам. Он отмечал помощь братьев Е Дзун-га-

³ Особый район трёх Восточных провинций (ОРТВП или ОРВП) существовал в Маньчжурии с 1920 г. по 1931 г. и состоял из территории бывшей полосы отчуждения КВЖД, включавший в себя часть трёх современных Мукденской, Гиринской и Хэйлуцзянской провинций.

ня и Е Дзун-ляня, но особенно сдружился с генералом Ян-Чжо, хорошо знавшим русский язык. "Каким образом китаец стал "Сергеем Дмитриевичем", прекрасно говорящим по-русски? – писал о нём Автономов. – Как мне передавали, его, "маленького китайчонка", где-то подобрала и пригрела известная капелла Агренева-Славянского⁴, дала ему имя Сергей, а отчество он унаследовал от главы капеллы. В наших училищах Сергей Дмитриевич появился после революции 1917 г., недолго оставался в скромном положении сяншэна, уволился, стал военным, скоро стал майором, через некоторое время – генералом и вскоре, года через два–три, занял на КВЖД очень высокое положение товарища председателя ревизионного комитета дороги" [3, с. 43].

Китайский знакомый Автономова, чрезвычайно деятельный человек, организовал в Харбине прибыльное предприятие, общество "Кино-сцена", заняв в нём пост директора. Он привлек в правление Общества несколько русских деловых людей, в том числе Автономова, который вскоре стал секретарем правления и даже финансистом. "В связи с последним, – вспоминал педагог, – мне пришлось взять несколько уроков по этой премудрости для словесника. А он обратился ко мне не только потому, что знал меня по училищу, но и для того, чтобы я, по его просьбе, читал ему лекции по русской литературе (главным образом 19 в.). Меньшее, "уроки" русского языка, его не устраивало" [цит. по: 11, с. 3]. Благодаря "Кино-сцене" в Харбине появились новые кино-театры, а Николай Павлович воспользовался работой в компании для выпуска первых учебных кинофильмов по русскому языку, которые применяли на уроках, и он сам, и другие преподаватели.

Успешным было сотрудничество Автономова и с преподавателем Юридического факультета Сергеем Николаевичем Усовым, для которого китайский язык был родным. Совместно они создали в 1931 г. новую версию учебника С. Н. Усова и П. А. Штосса "Учитесь по-русски!", представлявшего собой целый курс обучения русскому языку. Учебник состоял из четырёх частей, которые при каждом переиздании перерабатывались. Ко времени отъезда Автономова из Харбина 1-я часть учебника выдержала 19 изданий, 2-я – 11, 3-я – семь и 4-я – шесть изданий [9, с. 8]. К учебнику прилагалось дополнение "Грамматические пояснения и переводы", а также экзаменационная программа для всех четырёх частей учебника.

В 1938 г. Автономов напечатал для преподавателей на русском и японском языках методологическую брошюру к этому курсу "Научно-практический метод изучения русского языка". В том же году вышел из печати Русско-японско-маньчжурский словарь [17, р. 298], для которого он составил русскую часть.

Попытка создать свою школу педагогики

Ещё одним учебным заведением, в котором преподавал Н. П. Автономов, был Харбинский педагогический институт, учреждённый в 1925 г. правительством Особого района Восточных провинций (ОРВП) с задачей обеспечить учительскими кадрами харбинские школы. Основателем института был бывший директор Департамента народного просвещения Степан Васильевич Кузнецов, однокурсник Автономова по Нежинскому историко-филологическому институту, который и пригласил его на работу. Помимо педагогических дисциплин и избранной специальности студенты двух факультетов, словесно-исторического и физико-математического, изучали латинский и английский языки, основы китайского и японского языков, а также регионоведческие дисциплины: географию, историю, политическое устройство и культуру Японии и Китая [4, с. 145].

Работая в педагогическом институте с 1927 по 1937 гг., Автономов вёл занятия по общей педагогике, истории русского и европейского просвещения, истории педагогических учений и школ, дидактике, введению в языкознание и пытался создать в институте свою школу педагогики. Анализируя интерес молодежи, русской и китайской, к педагогическому образованию, он писал,

⁴ "Славянская капелла" – хор, основанный певцом и собирателем народных песен Д.А. Агреньевым-Славянским, имевший в своём составе группу мальчиков. Капелла много гастролировала и за 40 лет существования (1868–1918) дала около 15 тыс. концертов в разных странах.

что оно "привлекало не только своей специальностью, но и наличием целого ряда общих дисциплин философского и историко-филологического, которые часто пользуются большим вниманием молодежи. Поэтому, как скоро в Харбине нашлась небольшая, настойчивая и относительно компетентная группа лиц, задавшаяся целью организовать в Харбине высшую педагогическую школу, как возник и педагогический институт, который был проводником национального воспитания и всяческих новейших педагогических идей" [4, с. 144]. Педагог был убеждён, что даже на чужой земле "русская школа не только не потеряет своих положительных сторон, но будет все более и более совершенствоваться, отражая собой лучшие стороны русского духа" [5, с. 34].

Об авторитете Автономова-педагога можно судить по привлечению его к административной работе. В Департаменте народного просвещения ОРВП он работал в четырёх (из пяти) первых регистрационных комиссиях, дававших разрешение на преподавание в начальной или средней школе. Был он и председателем комиссии по разработке программы русского языка для китайских школ.

С японской оккупацией, продажей КВЖД и отъездом из Харбина многих русских семей положение русских вузов заметно ухудшилось. Весной 1936 г. Педагогический институт и Юридический факультет, испытывавшие нехватку средств, преподавателей, учебных пособий, объединились. После ухода С. В. Кузнецова в отставку новым ректором К. И. Зайцев вместе с Автономовым и другими преподавателями пытался спасти положение с помощью публичных лекций и различных курсов, но несмотря на все попытки в 1937 г. учебное заведение закрылось. Николай Павлович подвёл итоги, написав две работы, обобщающие историю Харбинского педагогического института [4] и его взгляды на проблемы русского просвещения [5].

Последней русской школой, где работал Н. П. Автономов до отъезда из Харбина, была Первая правительственная (Маньчжудиго) гимназия. В 1939 г., понимая бесперспективность жизни в Китае, вероятно, не без влияния Н. В. Борзова, он решил эмигрировать в США, где продолжил преподавать русский язык, используя свои педагогические методы. Памятью о жизни в Китае стало издание Автономовым журнала "Харбинские коммерческие училища Китайско-Восточной железной дороги". Он выходил в Сан-Франциско в 1955–1973 гг. нерегулярно, в зависимости от занятости Автономова. Всего он напечатал 12 номеров, содержание которых не ограничивалось описанием работы училищ. Журнал включал и другой исторический материал о Харбине, например, сведения об экономической и культурной жизни города. Специальный номер (№2) был посвящён памяти бывшего директора коммерческих училищ Н. В. Борзова, с которым Автономов поддерживал дружеские отношения и в США.

Издание журнала не приносило материальной прибыли. Напротив, чтобы получить средства для его выпуска, Николай Павлович брался за любую работу: садовника, помощника сестер милосердия в больнице и др. В последние годы жизни Автономов редактировал рукопись "На родине и в изгнании", написанную вместе с братом, жившим во Франции, Петром Павловичем Автономовым, которая потерялась вместе с личным архивом педагога.

Н. П. Автономов скончался 20 июня 1976 г. в Сан-Франциско и был похоронен на Сербском кладбище в Колме [8]. В одном из некрологов отмечалось: "Николай Павлович обладал изумительной памятью, чувством тонкого юмора, и был очень интересным собеседником" [10].

Заключение

Несмотря на огромное в целом число публикаций о русской эмиграции в Китае и кажущуюся осведомленность о большинстве её известных деятелей, многие лица, тем не менее, остаются в тени из-за труднодоступности источников, содержащих сведения о них. В этом списке оказался и Николай Павлович Автономов, педагог и историк просвещения на Дальнем Востоке. Начав педагогическую деятельность в Китае с должности учителя русского языка, словесности и истории, он разработал собственную систему обучения русскому языку китайцев и японцев, став основоположником современного коммуникативного метода, признанного наиболее эффективным при обучении иностранному языку. За многолетнюю педагогическую деятельность в Китае, реализуя свою

методику в различных учебных заведениях Харбина, Автономов воспитал несколько поколений учащихся разных национальностей.

Помимо преподавания Автономов проявил себя и как историк просвещения, проанализировав школьное дело на российском Дальнем Востоке и в Маньчжурии и описав историю ряда учебных заведений и русских научно-просветительских организаций в Харбине. Покинув Китай, Автономов с успехом продолжил преподавательскую деятельность в США, преподавая русский язык как иностранный. Его перу принадлежат около трёхсот работ, в основном, посвящённых методике преподавания русского языка как иностранного, составления учебников и пособий для чтения, вопросам просвещения в Маньчжурии и на российском Дальнем Востоке.

Литература / References

1. Автономов Н. П. Положение школьного дела в полосе отчуждения КВЖД. Харбин, 1920. 13 с. Avtonomov N. P. The situation with school business in the CER zone. Harbin, 1920. 13 p. (In Russ.).
2. Автономов Н. П. Юридический Факультет в Харбине за восемнадцать лет существования // Известия Юридического факультета в г. Харбине. 1938. Т. XII. С. 78. С. 1–84. Avtonomov N. P. Law Faculty in Harbin during the 18-year period // Harbin Law Faculty Newsletter. Harbin, 1938. Vol. XII. P. 1–84. (In Russ.).
3. Автономов Н. П. Педагогическая корпорация (китайские преподаватели) // Харбинские коммерческие училища КВЖД. 1961. № 8. С. 43. Avtonomov N. P. Pedagogical staff (Chinese teachers) // Harbin Kommecial Schools. 1961. No. 8. 43 p. (In Russ.).
4. Автономов Н. П. Харбинский педагогический институт (1925–1937): исторический очерк / Сборник Государственного Педагогического Института (1925–1937). Харбин, 1937. С. 143–160. Avtonomov N. P. Harbin teachers' institute (1925–1937): historical essay // Collection of State Pedagogical Institute (1925–1937). Harbin, 1937. P. 143–160. (In Russ.).
5. Автономов Н. П. Важнейшие вопросы истории русского просвещения по данным краевой школы. Харбин: Издание Государственного педагогического института, 1937. 36 с. Avtonomov N. P. Urgent issues of the Russian educational history according to the regional school data. Harbin: State Pedagogical Institute, 1937. 36 p. (In Russ.).
6. Батурлинский М. В. Воспоминания Петра Павловича Автономова // Нижне-Волжский исторический сборник Царицынского генеалогического общества. Волгоград: Изд-во ЦГО, 2014. № 7. С. 26–134. Baturlinskij M. V. Petr Pavlovich Avtonomov's recollections // Historical collection of Tsaritsyn Genealogical Society. Volgograd: TGO publishing house, 2014. No. 7. P. 26–134. (In Russ.).
7. Василенко Н. А. Русские педагоги в Маньчжурии // Россия и АТР. 2002. № 1. С. 104–114. Vasilenko N. A. Russian teachers in Manchuria // Russia and APR. 2002. No. 1. P. 104–114. (In Russ.).
8. Гребенщиков В. Николай Павлович Автономов (1885–1976): Некролог // Russian Language Journal = Русский язык. 1977. Vol. 31, No. 108. P. 211–213. Grebenshnikov V. Nikolaj Pavlovich Avtonomov (1885–1976): Obituary // Russian Language Journal = Russkij yazyk. 1977. Vol. 31, No. 108. P. 211–213. (In Russ.).
9. Жернаков В. Н. Николай Павлович Автономов. Мельбурн: Изд. авт., 1979. 35 с. Zhernakov V. N. Nikolaj Pavlovich Avtonomov. Mel'burn: author's publ., 1979. 35 p. (In Russ.).
10. Жернаков В. Н. Памяти Н. П. Автономова: (Некролог) // Русская жизнь. 1976. 2 июля. Zhernakov V. N. In Memory of N. P. Avtonomov: Obituary // Russian Life. 1976. 2 July. (In Russ.).
11. Жернаков В. Н. К 90-летию Н. П. Автономова // Русская жизнь. 1975. 27 дек. Zhernakov V. N. Commemorating N. P. Avtonomov's 90th anniversary // Russian Life. 1975. 27 December. (In Russ.).
12. Косинова О. А. Организация деятельности общественно-педагогических объединений российского зарубежья в Китае в 1920–1940-е гг. // Вестник Вятского государственного университета. 2008. № 1. С. 120–123. Kosinova O. A. Organization of the Russian diaspora public and pedagogical associations activity in China in the 1920s–1940s // Vyatka state university Journal. 2008. No. 1. P. 120–123. (In Russ.).
13. Косинова О. А. Национальная идея в содержании образования и воспитания российского зарубежья в Китае первой половины XX века // Знание. Понимание. Умение. 2008. № 1. С. 98–105. Kosinova O. A. National idea in the education and upbringing of Russian expatriates in China in the first half of the 20th century // Knowledge. Understanding. Ability. 2008. No. 1. P. 98–105. (In Russ.).
14. Косинова О. А. Педагог русского зарубежья на территории Китая Николай Павлович Автономов // Люди и судьбы Русского зарубежья. Вып. 3. Москва: Изд-во Института всеобщей истории, 2016. С. 91–100.

- Kosinova O. A. Teacher of Russian diaspora in China Nikolay Pavlovich Avtonomov // *People and destinies of the Russian diaspora abroad*. Vol 3. Moscow: Institute of Global History Publishing House, 2016. P. 91–100. (In Russ.).
15. Полански П. Русская печать в Азиатско-Тихоокеанском регионе = Russian Publications in the Asia-Pacific Region: Каталог собрания Библиотеки имени Гамильтона Гавайского университета. Москва: Пашков дом, 2015. Ч. 1. 213 с.; Ч. 2. 156 с.
Polanski P. Russian Publications in the Asia-Pacific Region: Hawaii university Hamilton library catalogue. Moscow: Pashkov dom, 2015. Vol. 1. 213 p.; Vol. 2. 156 p. (In Russ.).
16. Bakich O. Harbin Russian imprints: bibliography as history, 1898–1961: Materials for a definitive bibliography. New York; Paris: Norman Ross Publishing Inc. 2002. 584 p.

Информация об авторах

Наталья Владимировна Хисамутдинова, д-р ист. наук, профессор Института педагогики и лингвистики Владивостокского государственного университета, Владивосток, Россия, e-mail: natalya.khisamutdinova@vvsu.ru

Амир Александрович Хисамутдинов, д-р ист. наук, заведующий сектором Центральной научной библиотеки ДВО РАН, Владивосток, Россия, e-mail: khisamut@yahoo.com

Information about the authors

Natalia V. Khisamutdinova, Doctor of Historical Sciences, Professor, Pedagogy and Linguistics Institute, Vladivostok State University, Vladivostok, Russia, e-mail: natalya.khisamutdinova@vvsu.ru

Amir A. Khisamutdinov, Doctor of Historical Sciences, Head of the Central Academic Library Research Department, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, Vladivostok, Russia, e-mail: khisamut@yahoo.com

Поступила в редакцию 27.01.2025

Одобрена после рецензирования 07.02.2025

Принята к публикации 25.02.2025

Received 27.01.2025

Approved 07.02.2025

Accepted 25.02.2025

Научная статья
УДК 947.0831+314.74(571.6+943)
<https://doi.org/10.29039/1998-6785/2025-1/30-37>

Анализ российской иммиграции с Дальнего Востока в Брисбен в период 1909–1915 гг. по данным Государственного Архива штата Квинсленд (QSA), Австралия

Марина Поллард
независимый исследователь, Голд Кост, Австралия, marina.pollard1@gmail.com

Аннотация. В статье анализируются оцифрованные списки российских переселенцев, прибывавших в Брисбен в период 1909–1915 гг. с Дальнего Востока России. Делается вывод, что это была кратковременная, в основном, трудовая мужская иммиграция, а её "революционный" характер в трудах многих австралийских и российских исследователей явно преувеличен. Первая мировая война отрезала обратный путь на родину, а запрет российского правительства покидать страну в военное время и опасность морских перевозок привели к тому, что к марту 1915 г. исход с Дальнего Востока прекратился.

Ключевые слова: *российская иммиграция, Дальний Восток, Квинсленд, Брисбен, Иммиграционное дело "Янгаба", Анзаки*

Для цитирования: Поллард М. Анализ российской иммиграции с Дальнего Востока в Брисбен в период 1909–1915 гг. по данным Государственного Архива штата Квинсленд (QSA), Австралия // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2025. Т. 19. № 1. С. 30–37. <https://doi.org/10.29039/1998-6785/2025-1/30-37>

Original article
<https://doi.org/10.29039/1998-6785/2025-1/30-37>

Analysis of the Russian immigration from the Far East to Brisbane between 1909–1915 according to data from the Queensland State Archives (QSA), Australia

Marina Pollard
Independent Researcher, Queensland, Australia, marina.pollard1@gmail.com

Abstract. The article analyzes digitized records of the Russian immigrants who arrived in Brisbane in the period 1909–1915 from the Far East. It is concluded that it was a short-term, mainly labor, male immigration and that its "revolutionary" nature is in the works of many Australian and Russian researchers is exaggerated. The First World War cut off the return route to their homeland, and the Russian government's ban on leaving the country in wartime as well as the danger of sea transportation led to the fact that by March 1915 the exodus from the Far East stopped.

Key words: *Russian immigration, Far East, Queensland, Brisbane, Yungaba Immigration Depot, Anzacs*

For citation: Pollard M. Analysis of the Russian immigration from the Far East to Brisbane between 1909–1915 according to data from the Queensland State Archives (QSA), Australia // Ojkumena. Regional Researches. 2025. No. 1. P. 30–37. <https://doi.org/10.29039/1998-6785/2025-1/30-37>

Введение

История восточной ветви русской эмиграции продолжает находиться в эпицентре внимания исторической науки. Особую актуальность приобретает анализ процесса формирования русских диаспор в странах Азиатско-Тихоокеанского региона, адаптация российских иммигрантов к новым социальным и культурным условиям.

В данном контексте интерес представляет исследование формирования и культуры русской диаспоры в Австралии, которая, вслед за Китаем, стала для многих русских второй родиной.

Целью данной статьи является количественный и качественный анализ российской иммиграции с Дальнего Востока России в Брисбен в период 1909–1915 гг.

Историография проблемы. Некоторые проблемы истории русской эмиграции в начале XX в. в Австралию нашли отражение в ряде публикаций как российских, так и австралийских историков [3; 4; 5; 6; 7; 8]. В данных работах рассматривались проблемы формирования русской диаспоры; было определено место иммигрантов из России в социокультурной истории Австралии; охарактеризована их культура и религия, даны биографии наиболее известных австралийцев русского происхождения и пр.

Однако история первых российских переселенцев с российского Дальнего Востока на пятый континент пока ещё не нашла достаточного освещения как в российской, так и в австралийской историографии.

Источниками для написания данной статьи послужили материалы Государственного архива штата Квинсленд (QSA, Австралия), в первую очередь

– Иммиграционный реестр (г. Брисбен, Австралия) (1885–1917), база данных "Русские Анзаки" и оцифрованные австралийские газеты начала XX в. из базы данных Trove¹.

Некоторый материал для данной статьи был получен автором из нарративного интервью с потомком русских эмигрантов Дейл Олссон.

Методика исследования опирается на метод научного описания.

Основная часть

Ко второму десятилетию XX в. одним из главных путей иммиграции из Российской империи становится Дальний Восток. В 1910–1911 гг. в "стольпинском" переселенческом движении на восток произошел перелом, в результате которого в Сибири и на Дальнем Востоке оказалось много людей, разочарованных как в своих экономических, так и политических ожиданиях. Были и бежавшие из сибирской каторги ссыльные. Многие демобилизованные участники недавно закончившейся Русско-японской войны также не могли найти себе применения на родине. Уезжали и от этнических притеснений: евреи, например, спасались от погромов. Сын одного из этих иммигрантов, Рон Лопатин (Ron Lopaten) вспоминал о своём отце: "Я не уверен, почему он приехал в Австралию ... все они решили уехать по какой-то конкретной причине, либо ради приключений, либо чтобы уйти от чего-то. Единственное, что я могу предположить, это то, что он не хотел попасть в царскую армию ... Я думаю, в 1913 году в русской армии не очень хорошо обращались или не очень хорошо платили" [9].

Австралия привлекала этих неустроенных людей демократизмом своей политической системы и свободной экономикой, а именно возможностью трудиться на своей земле. Их выезд осуществлялся в основном через Харбин и Владивосток, где активно действовали вербовщики. Проезд до Австралии с пересадкой в японских портах Моджи, Кобе, Йокогама и Нагасаки занимал около месяца. Очень небольшое количество переселенцев выходило в портах Северного Квинсленда, некоторые ехали до Сиднея и Мельбурна, но основная масса стремилась в Брисбен. Город в это время испытывал экономический подъём – было достаточно просто найти работу и купить жильё. Рабочие руки требовались по всему штату – на плантациях сахарного тростника на севере, в шахтах и фермах. Большевик Артём (Ф. Сергеев), соратник Ленина, бежавший из сибирской ссылки, оказался в Брисбене этим же путём. В декабре 1911 г. он сообщал на родину: "В Австралии сейчас пропасть русских. Вы в Квинсленде встретите русских повсеместно" [1, с. 95]. Это подтверждает в донесении от 31 мая 1914 г. и генеральный консул Российской империи в Австралии А. Н. Абаза: в мае 1914 г. в Квинсленде проживало уже 5 тыс. русских (АВП РИ. Ф. 155. Оп. 408. Д. 1274. Л. 5–10 об.)².

Перевозка иммигрантов в Брисбен в этот период осуществлялась в основном японскими пароходами. Все они далее следовали в Сидней и Мельбурн, поэтому неглубоко заходили в устье реки Брисбен и швартовались в Пинкенба (Pinkenba). Вот как описывает в декабре 1910 г. приезд русских местная газета "The Brisbane Courier": "С недавнего времени российские иммигранты постоянно прибывают в Квинсленд... Ещё одна партия прибыла вчера в Пинкенба на пароходе Кумано Мару. Среди них 17 мужчин и 3 женщины. На вид они крепкого телосложения и приехали из Маньчжурии. Кроме четырёх, все путешествовали в третьем классе и сами оплатили свой проезд. На причале их встретили ранее приехавшие земляки и представитель Иммиграционного Департамента, г-н Маккензи. Никто из иммигрантов не в состоянии говорить ни на каком другом языке, кроме собственного" [13, р. 6].

Представитель Иммиграционного департамента далее сопровождал вновь прибывших переселенцев в Иммиграционное депо "Янгаба", расположенное в районе Кенгуру Пойнт, на реке Брисбен. Здесь они регистрировались и жили, пока не находили работу. Депо было специально построено в 1887 г. для приёма субсидированных североамериканских иммигрантов, кото-

¹ См.: URL: www.trove.nla.gov.au

² АВП РИ – Архив внешней политики Российской империи.

50

REGISTER OF IMMIGRANTS PER SHIP *Nikko Maru*

DATE OF ARRIVAL	NAME IN FULL	AGE	MARRIED OR SINGLE	TRADE OR OCCUPATION	SEX	RACE	RELIGION
June 25	Golodni Mark	33	single	Labourer			
	Bolstnicof Ignat	35	"	Carpenter			
	Alakceff Janh	38	"	Blacksmith			
	burloch Peter	34	Married	"			
	" Stanislaf	14		son			
	" Almes	33		wife			
	" Keri	9		Daughter			
	" Julia	4		"			
	Pichkin Fkim	30	single	Carpenter			
	Wbre Franc	31	"	Labourer			
	Wroloski Velvelin	29	"	"			
	Scholmatr nicolus	24	"	"			
	Schue nicolus	27	"	"			
	Schupmar Lelies	24	"	Blacksmith			
	Sonic Yann	28	"	Labourer			
	Matvilschie Yann	34	"	"			
	Saottof Yann	25	"	"			
	Maston Vasili	26	"	"			
	Valkovsci Frank	24	"	"			
	Schirocov Vasili	21	"	"			
Varasenevski Alder	20	"	"				
Podacke Sevastian	24	"	"				
Manchirie Andri	26	"	"				

Рис. 1. Образец оцифрованного реестра

Источник: архив автора.

Fig. 1. Sample of a Digitized Register

Source: Author's archive.

рые прибывали по государственной программе и получали финансовую поддержку.

Выходцы из России приезжали самостоятельно и субсидий на переезд не имели. Поскольку в Квинсленде по-прежнему спрос на сельскохозяйственных рабочих (мужчины) и на прислугу (женщины) превышал предложения, иммигранты, в том числе с российского Дальнего Востока, продолжали прибывать. Если в 1908 г. в штат оттуда переселилось двое русских, то за 1910 г. уже 249 человек. Вся информация об условиях представлена в брошюре, распространяемой Иммиграционным офисом в Брисбене.

Тем не менее, власти Квинсленда были озабочены таким наплывом самостоятельных русских иммигрантов. В местном парламенте стали звучать мнения, что приветствовать следует лишь качественную иммиграцию, не-

одеты в длинные подпоясанные рубашки и круглые шапки, а женщины в простые платья и чёрные кружевные шали на головах. Дети были ... в высоких до колен сапогах, что особенно странно для глаз жителей Квинсленда. По мнению людей, наблюдавших за ними на улице, это желательные для штата иммигранты" [10, р. 6].

Для защиты своих интересов россияне создали Ассоциацию Русских иммигрантов Квинсленда. На её полугодовом собрании (2 июля 1911 г., в Брисбене в "Trades Hall" на Edward Street) присутствовало около 60 человек, включая представителей из других центров расселения русских. Было решено обратиться к правительству с просьбой распространить на русских иммигрантов, и особенно на приезжающих из Восточной Сибири и Манчжурии, те финансовые привилегии, которыми пользуются иммигранты из Британии и континентальной Европы. Отмечалось, что тысячи замечательных людей готовы приехать в Австралию со своими семьями, чтобы обосноваться на здешней земле, но высокие цены на билеты, которые запрашивают перевозчики, этому препятствуют.

В местной прессе продолжающийся приезд русских оставался одной из главных новостных тем: "39 русских прибыло вчера в Брисбен на пароходе Никко Мару... Это крестьяне и ремесленники, которые решили заняться сельским хозяйством в Квинсленде. В основном все они приехали из Харбина ..." [12, р. 7].

В QSA хранится Иммиграционный Реестр (г. Брисбен, 1885–1917 гг.), где эти переселенцы выделены в отдельную серию – "Русские иммигранты" (сентябрь 1909 г. – март 1915 г.) [2]. Я не являюсь первооткрывателем этого источника: специалистам-австраловедам он известен. Но сейчас Реестр оцифрован, что позволило мне провести более детальный демографический анализ этой иммиграции. Нужно отметить, что в данный период времени русские с Дальнего Востока Российской империи попадали в Брисбен и другими путями. Например, приезжали на других судах или возвращались те, которые изначально следовали до Сиднея и Мельбурна, но не нашли там работы. В данной статье я анализирую лишь тех, кто записан в "Русской" серии Реестра, в реестре, состоящем из ста рейсов как японских судов, так и судов других юрисдикций. У подавляющего большинства "Россия" указана как страна происхождения, но в отдельных случаях есть указание более конкретного места, например, Сибирь, Урал, Санкт-Петербург, Томск или Харбин. Мне встретилось лишь несколько записей этнического происхождения – например, еврей, или турок. Фамилии / имена в английской транскрипции сильно искажены, т. к. записывались чиновниками, как правило, со слуха. Возраст и записи профессий по-английски, напротив, читаются хорошо. В Реестре также есть даты прибытия в Иммиграционное бюро, отъезда из него и куда выбыл (*рис. 1*). По каждому судну из Реестра, где были русские эмигранты, я проверяла достоверность его информации по объявлению в "The Brisbane Courier" в разделе Shipping Arrivals.

Таким образом, по данным Реестра, уточнённым по другим источникам, в Брисбен с Дальнего Востока за 1909–1915 годы прибыло 2034 человека, из которых более половины (1160 человек, или 57%) были молодые одинокие мужчины от 11 до 60 лет, а в возрастной группе от 20 до 39 лет их количество достигает 931. Женатых мужчин (195 человек, или 9.6%) и замужних женщин (220 человек, или 10.8%) переселялось намного меньше. Некоторые женщины с детьми ехали в Австралию для воссоединения с ранее уехавшим мужем или это были женщины с детьми, потерявшими кормильца, но всё ещё считающие себя замужними. Некоторые мужчины, оставшие семьи в России, указывали себя как женатыми, так и неженатыми. Среди этих переселенцев число детей – 389 (19.2%), одиноких женщин – 70 (3.4%).

Подавляющее число как одиноких, так и женатых мужчин, имело рабочие специальности: 576 – разнорабочие, 97 – столяры, 76 – слесари, 66 – кузнецы и 57 – фермеры. Людей с высшим образованием в Реестре единицы – 15 инженеров, 2 журналиста, 1 архитектор, а у 282 человек профессии не указаны вовсе.

Замужние женщины в графе Реестра "occupation" в преобладающем большинстве отмечены как "жена" (wife) и в некоторых случаях "домохозяйка" (housewife). Только у 2 указаны их собственные занятия – прачка и масса-

Фото 1. Шакловские в Одессе перед отъездом в Брисбен

Источник: архив автора.

Photo 1. The Shaklovskys in Odessa before departure to Brisbane

Source: Author's archive.

жистка. Из 70 одиноких женщин у 29 занятия не указаны, а 19 записаны как "домохозяйка". Это либо действительно одинокие женщины, либо замужние, едущие в Австралию вслед за мужем. В категорию одиноких также входят как взрослые одинокие члены семьи (сестра, дочь, мать), так и вдовы (5). Есть 2 учительницы, 1 медсестра, 1 акушерка, 1 портниха, 5 рабочих и 2 фермера.

Из записей в Реестре видно, что россияне в "Янгаба" долго не задерживались, практически сразу находили работу и уезжали. В Квинсленде возникло несколько центров относительно компактного их проживания Далби, Валламбилла, Блэкхолл, Ипсуич и Виннам. В своём большинстве они работали в шахтах, на строительстве железных дорог, грузчиками, подсобными рабочими на фермах, а в сезон рубили сахарный тростник на севере штата или собирали хлопок. В условиях такого рынка труда квалифицированные профессии не требовались.

Дополнительную информацию о переселенцах из Реестра мне удалось получить из базы данных "Русские Анзаки" [9]. Сопоставив два этих документа, выяснилось, что 90 мужчин, упоминаются как в Реестре, так и в "Анзаках". В их армейских личных делах есть данные о месте рождения, что позволило сделать вывод о национальном составе иммиграции в целом. Костяк её составляли русские, украинцы, поляки, белорусы и евреи. Это подтверждают и их фамилии. Абсолютно преобладают русские и украинские, хотя встречаются и экзотические, как например, Лордкипанидзе, Кирвалидзе, де Граншан, де Рамер и Диаконеску. Если численность прибывших иммигрантов представить по годам, то наблюдается её равномерное возрастание с 1909 г. и до 1914 г. с пиком в 1911 г., когда русские стали четвёртой по численности этнической группой в Брисбене, а к началу 1915 г. их массовый переезд прекратился.

В целом можно заключить, что это была трудовая, мужская иммиграция и что её "революционный" характер в работах многих австралийских и российских исследователей явно преувеличен. На самом деле, Россию в этот период покидали преимущественно молодые и одинокие мужчины. Они уез-

жали как насовсем, так и на заработки. Женатые ехали как на заработки, так и "на разведку" с надеждой либо вернуться, либо перевезти в Австралию семьи. Первая мировая война отрезала их путь обратно на родину. А запрет российского правительства покидать страну в военное время и опасность морских перевозок привели к тому, что к марту 1915 г. иммиграция с Дальнего Востока прекратилась. Она не создала в Австралии русскую диаспору. Многие одинокие мужчины женились на австралийских женщинах; женатые мужчины, оказавшись разлучёнными со своими семьями, вступали в Австралии в повторные браки, заводили детей и растворялись среди местного населения. Из уже упомянутых 90 мужчин-анзаков, приехавших с Дальнего Востока, две трети (62 человека) умерли в Австралии. Из них за границей умерло 12, на фронтах Первой мировой войны погибли 9 и только 7 вернулись в Россию.

Но всё-таки эта иммиграция не прошла незамеченной и не забыта. Недавно я познакомилась с очень пожилой дамой, Дейл Олссон. Мы разговорились, и она сказала, что у неё тоже есть русская кровь. Оказалось, её бабушка, Ирена Шакловски, приехала в Брисбен из Одессы, через Дальний Восток, с шестью детьми вслед за уехавшим дедушкой (*фото 1*). Я спросила её фамилию и потом нашла её в Реестре. Так что и потомки тех переселенцев всё ещё помнят свои российские корни.

А славное Иммиграционное депо "Янгаба", давшее в начале XX в. временное пристанище стольким российским иммигрантам, несколько лет назад было перестроено в квартиры класса ретро-люкс. Теперь это самый центр Брисбена и лакомый участок земли. Вокруг "Янгаба" всё уже застроено многоквартирными домами. О том, что в нём когда-то размещались самостоятельно приехавшие в Брисбен иммигранты с Дальнего Востока в истории здания не упоминается.

Заключение

В связи с тем, что подобный процесс происходит и в современной России, изучение этого кратковременного, в основном, "трудового", но и с элементами политического, "исхода" россиян с Дальнего Востока после Русско-японской войны и столыпинской переселенческой реформы представляет интерес для исследователей эмиграционных процессов в их историческом контексте.

Литература / References

1. Артём (Ф. А. Сергеев). Статьи, речи, письма. М.: Политиздат, 1983. 350 с. (In Russ.). Artyom (F. A. Sergeev). Articles, Speeches, Letters. Moscow: Politizdat, 1983. 350 p.
2. Иммиграционный Реестр, Брисбен, 1885–1917. URL: <https://www.data.qld.gov.au/dataset/f6c0b435-5c62-41ad-bce0-3e89e9ca9e63/resource/54d9a8e4-8b5b-41fa-86ad-b94a40d1991a/download/register-of-immigrants-arriving-at-brisbane-1885-1917.csv> (дата обращения: 10.05.2024). Immigration Register, Brisbane, 1885–1917. URL: <https://www.data.qld.gov.au/dataset/f6c0b435-5c62-41ad-bce0-3e89e9ca9e63/resource/54d9a8e4-8b5b-41fa-86ad-b94a40d1991a/download/register-of-immigrants-arriving-at-brisbane-1885-1917.csv> (accessed 10.05.2024). (In Russ.).
3. Каневская Г. И. "Мы ещё мечтаем о России" – история русской диаспоры в Австралии: конец XIX – вторая половина 80-х гг. XX в. Владивосток: Изд-во Дальневосточ. гос. Ун-та, 2010. 369 с. Kanevskaya G. I. "We Still Dream of Russia" – The History of the Russian Diaspora in Australia: Late 19th Century – Second Half of the 1980s. Vladivostok: Far Eastern State University Press, 2010. 369 p. (In Russ.).
4. Кравцов А. Н. Русская Австралия. М.: Вече, 2011. 303 с. Kravtsov A. N. Russian Australia. Moscow: Veche, 2011. 303 p. (In Russ.).
5. Лысенко Л. К. Русские без России. Очерки о российских эмигрантах, встреченных в походах по Австралии и США. Владивосток: Русский Остров, 2020. 189 с. Lysenko L. K. Russians Without Russia. Essays on Russian Emigrants Met During Travels Across Australia and the USA. Vladivostok: Russian Island, 2020. 189 p. (In Russ.).
6. Мельникова Н., Суслов Т. История русских в Австралии в 2-х тт. / Отв. ред. Н. А. Мельникова. Сидней: Австралиада, 2004. Т. 1. К 80-летию русских общин в Австралии (1923–2003). 297 с. Т. 2. Русский язык в Австралии. 271 с. Melnikova, N., Suslov, T. The History of Russians in Australia in 2 volumes / Ed. by N. A. Melnikova. Sydney: Australiada, 2003. Vol. 1 On the 80th Anniversary of Russian Communities in Australia (1923–2003). 297 p. and Vol. 2 The Russian Language in Australia. 271 p. (In Russ.).
7. Рудницкий А. Ю., Азизян П. М. Другая жизнь и берег дальний. Русские в австралийской истории. М.: Наука, 1991. 191 с.

- Rudnitsky A. Yu., Azizyan R. M. *Another Life and the Distant Shore. Russians in Australian History*. Moscow: Nauka, 1991. 191 p. (In Russ.).
8. Фицпатрик Ш. Белые русские – красная угроза? История русской эмиграции в Австралии. URL: https://www.google.ru/books/edition/%D0%91%D0%B5%D0%BB%D1%8B%D0%B5_%D1%80%D1%83%D1%81%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B5_%D0%BA%D1%80%D0%B0%D1%81%D0%BD%D0%B0%D1%8F/nEH0EAAAQBAJ?hl=ru&gbpv=0 (дата обращения: 10.07.2024).
 9. Fitzpatrick S. *White Russians – Red Threat? The History of Russian Emigration in Australia*. URL: https://www.google.ru/books/edition/%D0%91%D0%B5%D0%BB%D1%8B%D0%B5_%D1%80%D1%83%D1%81%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B5_%D0%BA%D1%80%D0%B0%D1%81%D0%BD%D0%B0%D1%8F/nEH0EAAAQBAJ?hl=ru&gbpv=0 (accessed 10.07.2024). (In Russ.).
 9. Электронная база данных "Русские Анзаки" Е. Говор. URL: <https://russiananzacs.net/Lopatén> (дата обращения: 10.05.2024).
 9. Electronic Database "Russian Anzacs" by E. Govor. URL: <https://russiananzacs.net/Lopatén> (accessed 10.05.2024). (In Russ.).
 10. Our Four O'clock. By VESTA // *The Dungog Chronicle: Durham and Gloucester Advertiser*, 11.11.1910.
 11. Queensland and Russian Immigrants // *The Queenslander*, 25.11.1911.
 12. Russian Immigrants // *Darling Downs Gazette*. 11.01.1912.
 13. Russian Immigrants // *The Brisbane Courier*. 12.12.1910.

Информация об авторе

Марина Поллард, независимый исследователь, Голд Кост, Австралия, e-mail: marina.pollard1@gmail.com

Information about the author

Marina Pollard, Independent Researcher, Gold Coast, Australia, e-mail: marina.pollard1@gmail.com

Поступила в редакцию 07.10.2024

Received 07.10.2024

Одобрена после рецензирования 10.02.2025

Approved 10.02.2025

Принята к публикации 25.02.2025

Accepted 25.02.2025

Русские солидаристы в Австралии в условиях обострения международной напряженности в годы Корейской войны (1950–1953)

Алексей Валерьевич Антошин
Уральский федеральный университет им. Первого Президента России Б. Н. Ельцина,
Екатеринбург, Россия, alex_antoshin@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена политической деятельности русских эмигрантов в Австралии в условиях холодной войны. В центре внимания автора – история Австралийского отдела Национально-трудового союза (НТС) в условиях резкого обострения международной напряженности, связанного с Корейской войной 1950–1953 гг. Источниковой базой статьи являются материалы архивов США и Германии, прежде всего, эго-документы. Методологической основой исследования послужили подходы, характерные для исторической антропологии. Автор доказывает, что удаленность Австралии от основного "фронта" холодной войны, находившегося в Европе, накладывала сильный отпечаток на деятельность антикоммунистических группировок на Зелёном континенте.
Ключевые слова: Австралия, холодная война, Корейская война, антикоммунизм, Национально-трудовой союз (НТС), газета "Единение"

Для цитирования: Антошин А. В. Русские солидаристы в Австралии в условиях обострения международной напряженности в годы Корейской войны (1950–1953) // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2025. Т. 19. № 1. С. 38–44. <https://doi.org/10.29039/1998-6785/2025-1/38-44>

Original article
<https://doi.org/10.29039/1998-6785/2025-1/38-44>

Russian solidarists in Australia during the heightened international tensions during the Korean War (1950–1953)

Aleksej V. Antoshin
Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin,
Yekaterinburg, Russia, alex_antoshin@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the political activities of Russian emigrants in Australia during the Cold War. The author focuses on the history of the Australian Department of the National Labor Union (NTU) during the sharp escalation of international tensions associated with the Korean War of 1950–1953. The source material for the article is the archives of the USA and Germany, primarily ego documents. The methodological basis of the study approaches characteristics of historical anthropology. The author proves that Australia's remoteness from the main "front" of the Cold War, which was in Europe, left a strong imprint on the activities of anti-communist groups on the Green Continent.
Key words: Australia, Cold War, Korean War, anti-communism, National Labor Union (NTU), newspaper "Edinienie"
For citation: Antoshin A. V. The DPRK's economy under modern conditions // Ojkumena. Regional Researches. 2025. Vol. 19. No. 1. P. 38–44. <https://doi.org/10.29039/1998-6785/2025-1/38-44>

Введение

Вторая мировая война серьезно изменила картину расселения русских эмигрантов по различным странам и континентам. Всё большая их часть стала проживать не в Европе, а за океаном – в США, Канаде, странах Латинской Америки. Именно во второй половине 1940-х – 1950-е гг. значимым центром русской эмиграции становится и Австралия, чему способствовала политика правительства Дж. Чифли, взявшего курс на активное привлечение иммигрантов из числа находившихся в Европе перемещённых лиц (displaced persons, "ди-пи") [4, p. 325–341; 5, p. 166–204]. Часть оказавшихся на Зелёном континенте русских эмигрантов включилась в политическую деятельность. Важный этап в истории групп русских антикоммунистов в Австралии пришёлся на начало 1950-х гг., когда в условиях Корейской войны резко обострилась международная напряжённость и многим современникам стало казаться, что человечество стоит на пороге новой мировой войны. Наиболее известной политической организацией Русского зарубежья эпохи холодной войны являлся НТС (Национально-трудовой союз, затем – Народно-трудовой союз), члены которого разделяли идеологию русского солидаризма. Поэтому закономерен тот факт, что возникшие в Австралии группы НТС в условиях Корейской войны предприняли попытку активизировать свою деятельность.

История Австралийской организации НТС уже привлекала внимание исследователей. На наш взгляд, особого внимания заслуживают работы Г. И. Каневской [см., напр., 1], основанные на архивных источниках, личной переписке автора с деятелями Союза, материалах газеты "Единение" – печатного органа Австралийской организации НТС. Именно в монографии

Г. И. Каневской представлено наиболее структурированное изложение истории русской эмиграции в Австралии, в том числе и деятельности местной организации солидаристов.

Среди работ австралийских авторов последних лет следует выделить труд известного историка Шейлы Фитцпатрик. Прежде всего, его характеризует стремление Ш. Фитцпатрик представить значимость истории русской эмиграции в Австралии в контексте глобального противостояния эпохи, концептуально осмыслить феномен эмигрантов из Советского Союза, проживавших в странах Западного блока. Исследователь справедливо отмечает: "В большинстве исторических работ, посвященных холодной войне, о миграции почти не говорится; чаще всего в центре внимания оказывается дипломатия высшего уровня, поиск сверхдержавами союзников и государств-сателлитов, а также страхи перед шпионами и врагами на собственных территориях. Но в любом обсуждении холодной войны как международного явления следовало бы затрагивать – как очень важную – тему миграции. Ведь мигранты могли оказаться переносчиками коммунистической заразы, особенно если их родным языком был русский" [3, с. 12]. Опираясь на обширный комплекс документов Национального архива Австралии, историк анализирует деятельность членов НТС на Зелёном континенте в годы холодной войны. Тем не менее, на наш взгляд, некоторые аспекты истории групп НТС в городах Австралии всё ещё требуют дополнительного изучения.

Анализируя феномен НТС, нельзя обойти внимание труды современного американского исследователя Бенджамена Тромли. Глубокое изучение документов американских спецслужб, хранящихся в Национальном архиве США, позволило историку показать, что НТС активно пользовался финансовой поддержкой со стороны ЦРУ. При этом, однако, исследователь подчёркивает, что солидаристы "стремились максимизировать финансирование ЦРУ, минимизируя его контроль над ним" [6, p. 85]. Б. Тромли доказывает, что НТС систематически преувеличивал свои успехи в деле пропаганды антикоммунистических идей среди советских граждан. Указанные особенности деятельности Союза, характерные и для Австралии, необходимо учитывать при анализе его истории на Зелёном континенте.

Источниковой базой данного исследования послужили материалы ряда зарубежных архивов. Некоторые материалы о жизни русских эмигрантов в Австралии в 1950-е гг. хранятся в Бахметевском архиве русской и восточноевропейской культуры Колумбийского университета (США, Нью-Йорк), в частности, в фонде В. П. Никитина. Особое значение имеет личный фонд многолетнего председателя НТС В. М. Байдалакова, находящийся в Отделе специальных коллекций Библиотеки Джорджтаунского университета (США, Вашингтон). В нём хранится большой комплекс личной переписки фондообразователя с деятелями Австралийского отдела НТС, содержащий весьма ценную информацию о морально-психологической атмосфере внутри групп солидаристов в Сиднее, Мельбурне, Брисбене и т. д. Данные документы показывают реальную картину истории организаций НТС в Австралии, которая нередко сильно отличалась от официальных данных, представленных на страницах эмигрантской прессы. Кроме того, некоторые материалы о деятельности групп НТС в Австралии хранятся в Архиве Центра исследований Восточной Европы Университета Бремена (Германия). Здесь находятся личный фонд видного деятеля НТС Г. А. Рара и фонд издательства "Посев", содержащие переписку и протоколы съездов Совета НТС, в которых затрагивался и вопрос о деятельности солидаристов на Зелёном континенте.

В ожидании Третьей мировой войны: позиция руководства НТС в годы Корейской войны

Именно материалы съезда совета НТС, прошедшего в декабре 1950 г., ярко характеризуют атмосферу, сложившуюся внутри Союза в условиях начавшейся войны в Корее. Характерно, что в докладе председателя НТС В. М. Байдалакова подчёркивалось: "Нарастает угроза военного конфликта – надо спешить! Намечается солидная материальная помощь извне – не смеем оставлять за собой "кладбищ упущенных возможностей" из-за недостатка или неподготовленности наших кадров" ((FSO UB. HA. F. 98. Протоколы съез-

да Совета НТС. Декабрь 1950)¹. Таким образом, деятели НТС, как и многие современники, исходили из потенциальной возможности перерастания войны в Корею в глобальный конфликт. При этом уже в 1950 г. они ощутили повышенное внимание к себе со стороны западных спецслужб и собирались воспользоваться данной благоприятной ситуацией.

Деятели Союза, однако, допускали и возможность, что начало Третьей мировой войны, напротив, создаст дополнительные препятствия для деятельности находившегося в Германии руководства НТС. В этих условиях вставал вопрос о том, чтобы создать "запасной" центр Союза где-то за океаном. Однако видный деятель НТС А. Р. Трушнович, например, был против этой идеи, заметив: "Запасные центры ничего не дадут. Если центр в Европе перестанет существовать, то и Союз перестанет существовать. Может быть, что-то и будет функционировать, но это уже не будет Союз" (FSO UB. HA. F. 98. Протоколы съезда Совета НТС. Декабрь 1950).

В данной характеристике ощущается свойственное для многих солидаристов скептическое отношение к практике деятельности далёких от Европы организаций НТС. При этом именно Австралия нередко выступала как наиболее яркая иллюстрация подобных структур. Так, например, известный деятель НТС инженер-химик Л. Л. Зальцберг, находившийся в Гамбурге, указывал в личном письме: "Ехать в Австралию я не могу – там можно погибнуть от тоски". Рассказывая о полученных оттуда письмах своих друзей, он замечал: "От этих писем веет жутью, хотя там и описываются белые булочки, мясо в изобилии, дешёвые промтовары и прочее. Но – впечатление, что эти люди попали на другую планету, откуда возврата нет. Ясно, что жизнь там на отлете – морально почти немислима" (FSO UB. HA. F. 98. Л. Л. Зальцберг – Г. С. Околовичу. 28. 04. 1949). Некоторые члены НТС вообще обвиняли уезжавших в страны Южно-Тихоокеанского региона в стремлении "отсидеться в укромном углу" (FSO UB. HA. F. 106. Письмо члена НТС. Ноябрь 1947), избежать опасностей, которые несло в себе пребывание в Германии – на главном "фронте" холодной войны.

В глубококом "тылу" холодной войны: русские антикоммунисты на Пятом континенте

Действительно, оказавшиеся в Австралии русские эмигранты ощущали атмосферу стабильности, которой характеризовалась местная общественная и политическая жизнь. Известный историк И. И. Гапанович, проживавший на Зелёном континенте с 1953 г., отмечал: "Есть кое-что, напоминающее Россию – королевская семья, являющаяся символом империи. Есть устойчивое правительство... Есть и качества, непохожие на наши, и жаль, что у нас их не было. Уважение к традиции, способность к организации, сдержанность в личных отношениях. Прибавьте к этому английскую вежливость". И. И. Гапанович с женой жил в хорошем доме из трёх комнат с кухней, построенном в рамках государственной программы. "Это не личная удача, все их здесь имеют", – указывал он (BAR. Vasilii Nikitin collection. И. И. Гапанович – В. П. Никитину. 05.09.1959)². Конечно, оказаться в такой обстановке после жизни в полной опасности холодной войны Европе было весьма комфортно, что существенно затрудняло для местного руководства НТС ведение активной антикоммунистической деятельности.

Яркое описание реальной ситуации в Австралийском отделе НТС в начале 1950-х гг. содержит письмо одного из его лидеров О. В. Перекрестова В. М. Байдалакову в январе 1953 г. Он было написано по просьбе руководителя Австралийского отдела (АО) НТС Г. В. Бердникова. "Глеб просил меня описать Вам без всяких прикрас действительное положение в АО с тем, по словам Глеба, "чтобы центральное руководство Союза не строило бы никаких иллюзий об Австралии". Играть ложную роль, как он говорит, он больше не может и не желает, т. к. это идет против его совести. "Меня забрасывают вопросами, на которые я ответить по состоянию кадров не могу, мне дают инструкции, передать которые некому. А фальшивить или играть в солдатики я

¹ FSO UB. HA – Forschungsstelle Osteuropa an der Universität Bremen. Historisches Archiv

² BAR – Bakhmeteff Archive of Russian and East European Culture

не намерен" (GUL. SC. The Victor Baydalakoff collection. O. V. Перекрестов – В. М. Байдалакову. Box 9. Folder 1. 01.01. 1953)³.

Такая позиция лидера Австралийской организации Союза Г. В. Бердникова объяснялась трезвым анализом ситуации, который содержался в письме его соратника. О. В. Перекрестов отмечал, что резкое обострение международной напряженности, ожидания начала нового глобального конфликта слабо чувствовались в далекой от основных центров мировой политики Австралии. "Даже посылка людей в Европу, – указывал он, – не смогла бы произвести, по нашему мнению, больших сдвигов в положительную сторону. Горят делом лишь единицы (в этом сказывается отчасти всё же расстояние от нас до Европы). Часть кадра находится в спячке, другая же часть ищет применения своим силам в голой активности или в игре в солдатики" (GUL. SC. The Victor Baydalakoff collection. O. V. Перекрестов – В. М. Байдалакову. Box 9. Folder 1. 01.01. 1953).

О. В. Перекрестов отмечал, что серьезное влияние на практику деятельности НТС в Австралии оказывала специфика Зелёного континента, для которого характерно наличие немногочисленных крупных городов при доминировании сельской глубинки и значительных по площади малозаселенных территорий. "Трагичность положения здесь ещё и в том, – замечал он, – что нельзя говорить об АО как об одном целом: каждая группа, отделение специфично по своему составу, количеству, возрастному и союзному цензу. Сложность работы заключается ещё и в том, что сами группы находятся на очень большом расстоянии друг от друга; каждая находится на не меньшем расстоянии, чем как от Берлина до Парижа" (GUL. SC. The Victor Baydalakoff collection. O. V. Перекрестов – В. М. Байдалакову. Box 9. Folder 1. 01.01. 1953).

Следует подчеркнуть, что данная характеристика ситуации в Австралийском отделе НТС в условиях резкого подъёма политической активности Русского зарубежья в целом не являлась лишь субъективным взглядом О. В. Перекрестова. Фактически аналогичную картину рисовал другой видный деятель НТС С. А. Зезин. В письме В. М. Байдалакову он указывал, что именно условия, в которых развивалась деятельность солидаристов в Австралии, порождали господство "мифов" и "фикций", очковтирательство, столь характерные (как показывает, в частности, Б. Тромли) для многих аспектов деятельности НТС в целом. "Существует отдел. Существуют группы. Существуют люди. Существует связывающая их идея и вера в нее, – писал С. А. Зезин. – Но каждый из них живет ещё и в области своей фантазии, в своём мире фикций и своими глазами утверждает или осуждает действия другого. В виду того, что группы и зачастую члены групп раскинуты по всей Австралии кучками и в одиночку, то средством общения является переписка... Но этот род общения очень двоякий сам по себе. Как раз в письмах и раздуваются фантазии, "дела", которые только остаются в письмах, они в письмах же вырастают в небоскребы со всеми статистическими данными" (GUL. SC. The Victor Baydalakoff collection. С. А. Зезин – В. М. Байдалакову. 10.01. 1953).

Именно эти специфические условия, в которых НТС работал в Австралии, порождали и многочисленные конфликты между членами организации, которые также были весьма характерны для послевоенного Союза в целом. "Австралия сама по себе провинция, а в самой Австралии, помимо Сиднея и Мельбурна, остальное всё провинция в провинции – глушь. Провинция накладывает свой отпечаток на все слои населения во всё... Кто-то сопротивляется этому, а кто-то нашёл в этом свою сферу. Чем жила и живёт провинциальная глушь? Сплетней, скандальчиками, интрижками...Реальных применений сил нет, только изредка некоторые партизанские выпады (листовки, день непримиримости, пикеты) ...Люди заедают друг друга" (GUL. SC. The Victor Baydalakoff collection. С. А. Зезин – В. М. Байдалакову. 10.01. 1953). Следует отметить, что подобная ситуация характерна для русских эмигрантских сообществ во многих городах и странах, однако условия жизни в Австралии усиливали данные тенденции.

Переписка деятелей Австралийского отдела НТС с В. М. Байдалаковым содержит и интересные характеристики каждой из местных групп Союза. Так,

³ GUL. SC – Georgetown University Library. Special collections

О. В. Перекрестов выделял организацию в Мельбурне как "самую сильную группу во всех отношениях" (GUL. SC. The Victor Baydalakoff collection. **О. В. Перекрестов – В. М. Байдалакову. Vox 9. Folder 1. 01.01. 1953**). Как указывала Г. И. Каневская, мельбурнских солидаристов сплачивало общее прошлое – совместное пребывание во второй половине 1940-х гг. в лагерях "ди-пи" в Европе, прежде всего в известном центре НТС в Менхегофе (Германия). Они прибыли в Австралию 16 июля 1949 г. на теплоходе "Fairsea", и ещё в дороге обсуждали планы совместной работы [1, с. 140]. Неслучайно именно в Мельбурне начала издаваться газета "Единение", ставшая печатным органом НТС в Австралии. Её первый номер вышел 2 декабря 1950 г.

Впрочем, в Мельбурнской группе была и активная оппозиция руководству в лице Р. Г. Жукова. Последний в письмах В. М. Байдалакову крайне негативно характеризовал личностные качества О. В. Перекрестова, доказывая, что последнему удалось захватить полный контроль над редакционной политикой газеты "Единение" (GUL. SC. The Victor Baydalakoff collection. **Р. Г. Жуков – В. М. Байдалакову. Vox 9. Folder 1. 08.02. 1953**). Пожалуй, именно в данном конфликте ярко проявились все те негативные особенности духовно-нравственной атмосферы в австралийских организациях НТС, на которые было указано выше.

Чрезвычайно сложной была ситуация и в Сиднее, где находился Г. В. Бердников. Местная группа к началу 1953 г. находилась, по выражению, О. В. Перекрестова, "в почти что трагическом положении": "В течение года они достигли численности в 14 человек, а сейчас у них осталось всего пятеро... Глеб ужасно похудел, физически ослаб и до крайности стал нервным... Молодежь разбежалась" (GUL. SC. The Victor Baydalakoff collection. **О. В. Перекрестов – В. М. Байдалакову. Vox 9. Folder 1. 01.01. 1953**). С. А. Зезин о ситуации в Сиднее выразился ещё более решительно: "Никакой группы нет". Он же нарисовал и трагический портрет Г. В. Бердникова: "Несмотря на то, что знаю Глеба и его истерики, но теперь он просто испугал меня, он дошёл до потолка... Мне его бесконечно жаль... Начинают вкрадываться сомнения: "Зачем исковеркал свою жизнь, стоило ли...". Издёрган. К Вам (в Европу – прим. А. В. Антошина) ехать боится – комплекс. Говорит, что стар. Я ему посоветовал основательно полечиться, так он себя вгонит в гроб" (GUL. SC. The Victor Baydalakoff collection. **С. А. Зезин – В. М. Байдалакову. 10.01. 1953**).

В Брисбенской группе Союза ключевую роль играл С. А. Зезин, который, по словам, О. В. Перекрестова, "уравновешивал положение" (GUL. SC. The Victor Baydalakoff collection. **О. В. Перекрестов – В. М. Байдалакову. Vox 9. Folder 1. 01.01. 1953**). Однако вскоре он переехал в Мельбурн.

"Самым слабым" звеном О. В. Перекрестов считал организацию НТС в Аделаиде. Там к началу 1950-х гг. осталось всего 5 членов Союза. "Работа ведется вяло, – замечал деятель НТС, – и о каких-либо высоких задачах думать не приходится, т. к. уровень как интеллектуальной, так и союзной подготовки ниже среднего" (GUL. SC. The Victor Baydalakoff collection. **О. В. Перекрестов – В. М. Байдалакову. Vox 9. Folder 1. 01.01. 1953**).

Ощущали ли в Австралии, насколько изменилась ситуация в мире в начале 1950-х гг., чувствовали ли там то приближение нового глобального конфликта, о котором писали в Европе? Сами лидеры Австралийского отдела признавали, что члены местных организаций далеко не в полной мере разделяли те чувства, которые были характерны для проживавших в Германии руководителей Союза. "Я очень остро ощущаю разрыв нашего фронта от "тыла", – прямо указывал Г. В. Бердников. – Представляю, как в Центре все успехи и достижения, все труды и усилия отзываются в душе каждого там. Но они ошибаются и строят иллюзии, полагая, что такая же реакция в тылу. Нет!" (GUL. SC. The Victor Baydalakoff collection. **Г. В. Бердников – В. М. Байдалакову. 06.05.1953**).

В этом плане очень характерна история, связанная с отправкой в Европу группы членов Австралийского отдела НТС в рамках т. н. союзной мобилизации. Подобные мобилизации проводились во всех отделах НТС в период Корейской войны, поскольку руководство Союза готовилось к возможности перерастания конфликта в Корею в стадию новой мировой войны: предполагалось, что в этом случае кадры антикоммунистов могут понадобиться, прежде

всего, в Германии. Однако, когда в начале 1953 г. союзный Центр обратился к руководству Австралийского отдела с просьбой прислать в Европу до 10 человек, то Г. В. Бердникова это "весьма озаботило и напугало". "Сами знаете, как наши неохочи ехать", – написал он В. М. Байдалакову. В итоге уехать в Европу вышло всего четыре члена НТС (**GUL. SC. The Victor Baydalakoff collection. Г. В. Бердников – В. М. Байдалакову. 10.06.1953**).

Весьма осторожно оценивали сами лидеры НТС и успехи Австралийского отдела в деле пропаганды антикоммунистических идей среди представителей австралийской общественности. От руководства НТС во Франкфурте-на-Майне Австралийский отдел получил воззвания "К свободному миру", которые были переведены на английский язык, размножены в виде листовок и направлены в крупные города Австралии. Однако О. В. Перекрестов признавался в письме В. М. Байдалакову: "Какова будет реакция австралийцев, затрудняюсь пока сказать, но думаю, что вроде "ушата холодной воды". Сегодняшний курс австралийского правительства вполне гармонирует с английским сосуществованием двух систем" (**GUL. SC. The Victor Baydalakoff collection. О. В. Перекрестов – В. М. Байдалакову. 02.04. 1953**). Иными словами, солидаристам представлялось, что содержание распространяемой ими антикоммунистической литературы не вполне соответствовало тем политическим настроениям, которые были характерны для австралийской общественности, часть представителей которой разделяли левые убеждения, иногда сочувственно относясь к социалистическому эксперименту в СССР.

Заключение

В целом исторические источники демонстрируют крайнюю удалённость деятелей Австралийского отдела НТС от основных политических центров эпохи холодной войны. Г. В. Бердникову, О. В. Перекрестову и их товарищам трудно было почувствовать "нерв" переживаемых событий, ощутить ту атмосферу, в которой жили члены НТС, находившиеся в Европе. Безусловно, как показывают, в частности, труды Н. С. Скоробогатых, и в Австралии период Корейской войны ознаменовался обострением социально-политической напряженности, страхом перед "коммунистической опасностью" в условиях усиления активности левых сил [2, с. 193–196]. Тем не менее, в контексте политической деятельности русских эмигрантских группировок Австралия оставалась глубоким "тылом" холодной войны, о чём свидетельствовала и история местных организаций НТС.

Литература / References

1. Каневская Г. И. "Мы ещё мечтаем о России..." История русской диаспоры в Австралии (конец XIX – вторая половина 80-х гг. XX в.). Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2010. 372 с. Kanevskaya G. I. "We still dream of Russia..." History of the Russian diaspora in Australia (late 19th – second half of the 80s of the 20th century). Vladivostok: Publishing House of the Far East University, 2010. 372 p. (In Russ.).
2. Скоробогатых Н. С. История Австралии. XX век. М.: ИВ РАН, 2015. 452 с. Skorobogatykh N. S. History of Australia. XX century. Moscow: Institute of Oriental Studies RAN, 2015. 452 p. (In Russ.).
3. Фитцпатрик Ш. Белые русские – красная угроза? История русской эмиграции в Австралии. М.: Изд-во АСТ; Corpus, 2023. 544 с. Fitzpatrick Sh. White Russians – Red Peril? A Cold War history of migration to Australia. Moscow: АСТ; Corpus, 2023. 544 p. (In Russ.).
4. Blainey G. The story of Australia's people. The Rise and Rise of a New Australia. Penguin Random House Australia, 2015. 486 p.
5. Richards E. Destination Australia. Migration to Australia Since 1901. Sydney: University of New South Wales Press, 2008. 432 p.
6. Tromly B. The Making of a Myth: The National Labor Alliance, Russian Emigres and Cold War Intelligence Activities // The Journal of Cold War Studies. 2016. Vol. 18. N. 1. P. 80–111.

Информация об авторе

Алексей Валерьевич Антошин, д-р. ист. наук, профессор кафедры востоковедения Уральского федерального университета им. Первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия, e-mail: alex_antoshin@mail.ru

Information about the author

Alexey V. Antoshin, Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Oriental Studies, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russia, e-mail: alex_antoshin@mail.ru

Поступила в редакцию 30.11.2024

Received 30.11.2024

Одобрена после рецензирования 16.02.2025

Approved 16.02.2025

Принята к публикации 25.02.2025

Accepted 25.02.2025

Деятельность русской диаспоры штата Квинсленд (Австралия) по сохранению и распространению русской культуры

Светлана Михайловна Дударёнок
Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН,
Владивосток, Россия, dudarenoksv@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена деятельности русских австралийцев штата Квинсленд (Австралия) по сохранению и распространению русского языка и русской культуры на Зелёном континенте. Характеризуются основные направления этой деятельности: проведение радиопередач на русском языке; работа с русскоязычными читателями библиотеки Свято-Николаевского собора г. Брисбена; издание журналов на русском языке; литературное творчество русских австралийцев; работа по сохранению исторической памяти о русских австралийцах; воспитательная работа с юными русскими австралийцами; организация празднования государственных и народных российских праздников и др. Основными источниками для написания данной статьи послужили номера журналов "Австралиада. Русская летопись" (1994–1996 и 1999–2001) и "Австралийская лампада" (2009–2024); нарративные интервью с Людмилой Леонидовной Ларкиной – создателем и главным редактором журнала о жизни русской диаспоры в Австралии "Австралийская лампада" и руководителем литературно-музыкального салона "Лампада" в штате Квинсленд (Австралия) во время посещения Австралии (2016, 2018), а также встреч с нею в Харбине (2023) и России (2024). В основу методологии статьи положена устная история; методика исследования опирается на метод научного описания. В заключении делается вывод, что русские австралийцы штата Квинсленд стремятся сохранить свою национальную идентичность, делая всё возможное для сохранения русского языка и русской культуры.

Ключевые слова: Австралия, штат Квинсленд, русские австралийцы, русская диаспора, эмиграция, Русский Харбин, харбинцы, русская культура, русские школы, русские библиотеки, русскоязычные журналы

Для цитирования: Дударёнок С. М. Деятельность русской диаспоры штата Квинсленд (Австралия) по сохранению и распространению русской культуры // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2025. Т. 19. № 1. С. 45–59. <https://doi.org/10.29039/1998-6785/2025-1/45-59>

Original article
<https://doi.org/10.29039/1998-6785/2025-1/45-59>

Activities of the Russian diaspora in the state of Queensland (Australia) to preserve and disseminate Russian culture

Svetlana M. Dudarenok
Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, Vladivostok, Russia, dudarenoksv@gmail.com

Abstract. The article is devoted to the activities of Russian Australians in the state of Queensland (Australia) to preserve and spread the Russian language and Russian culture on the Green Continent. The main directions of this activity are characterized: conducting radio programs in Russian; work with Russian-speaking readers of the library of St. Nicholas Cathedral in Brisbane; publication of magazines in Russian; literary creativity of Russian Australians; work to preserve the historical memory of Russian Australians; educational work with young Russian Australians; organization of celebration of state and national Russian holidays, etc. The main sources for writing this article were the issues of journals Australiada. Russian Chronicle" (1994–1996 and 1999–2001) and "Australian Lamp" (2009–2024); narrative interviews with Lyudmila Larkina – the creator and editor-in-chief of the magazine about the life of the Russian diaspora in Australia "Australian Lamp" and the head of the literary and musical salon "Lampada" in Queensland (Australia) during a visit to Australia (2016, 2018), as well as meetings with her in Harbin (2023) and Russia (2024). The methodology of the article is based on oral history; The research methodology is based on the method of scientific description. In conclusion, it is concluded that Russian Australians in Queensland strive to preserve their national identity, doing everything possible to preserve the Russian language and Russian culture.

Key words: Australia, Queensland, Russian Australians, Russian diaspora, emigration, Russian Harbin, Harbin, Russian culture, Russian schools, Russian libraries, Russian-language magazines

For citation: Dudarenok S. M. Activities of the Russian diaspora in the state of Queensland (Australia) to preserve and disseminate Russian culture // Ojkumena. Regional Researches. 2025. Vol. 19. No. 1. P. 45–59. <https://doi.org/10.29039/1998-6785/2025-1/45-59>

Введение

Постановка проблемы. Тема "Русского зарубежья" становится всё более популярной в отечественной исторической науке. В настоящее время очень много говорится и пишется о сохранении традиционных культурных ценностей и традиций, в том числе языковых. В этом смысле непреходящее значение имеет опыт русской иммиграции: вдали от Родины иммигранты не только сохранили свои культурные традиции, язык, но оказали и оказывают значительное влияние на культуру принимающего общества.

Фото 1. Празднование 60-летия пребывания харбинцев в Австралии. Сидней, 3 сентября 2017 г.

Источник: Фотоархив журнала "Австралийская лампада".

Photo 1. Celebration of the 60th anniversary of Harbiners' presence in Australia. Sydney, September 3, 2017.

Source: Photo archive of the journal "Australian lampada".

В данном контексте особый интерес представляет исследование современной культуры русской диаспоры в Австралии, которая стала для многих выходцев из СССР и России второй родиной.

Целью данной статьи является попытка рассмотреть основные направления деятельности русской диаспоры штата Квинсленд (Австралия) по сохранению русской культуры, языка и традиционных русских ценностей.

Историография проблемы. Некоторые проблемы истории культуры русской диаспоры в Австралии нашли отражение в ряде публикаций как в России [29; 30; 35; 37], так и в Австралии [25; 27; 34; 37]. Однако её современное состояние пока ещё не нашло достаточного отражения в научной литературе, именно этим и определён интерес к теме данного исследования.

Основными источниками для написания данной статьи послужили номера журналов "Австралиада. Русская летопись" (1994–1996 и 1999–2001) и "Австралийская лампада" (2009–2024); нарративные интервью с Людмилой Леонидовной Ларкиной – создателем и главным редактором журнала о жизни русской диаспоры в Австралии "Австралийская лампада" и руководителем литературно-музыкального салона "Лампада" в штате Квинсленд (Австралия) во время посещения Австралии (2016, 2018), а также встреч с нею в Харбине (2023) и России (2024), а также Текущий архив Свято-Николаевского собора г. Брисбена: документы, письма, фотографии, грамоты, газеты, журналы.

В основу методологии статьи положена устная история, которая по определению Сигурда Шмидта есть "практика научно организованной устной информации участников или очевидцев событий, зафиксированной специалистами" [38, с. 262]. Исследование основано на методе научного описания.

Русская диаспора Австралии: общая характеристика

Австралия является самой многоязычной страной в мире, здесь говорят более чем на 240 языках. Несмотря на то, что в многонациональном австра-

лийском обществе русские занимают не последнее место, они по-прежнему для многих остаются экзотикой.

По неофициальным данным в Австралии проживает более 100 тыс. выходцев из России и стран бывшего СССР. Это выходцы из России, Украины, Белоруссии, Казахстана и других бывших республик СССР. Подавляющее большинство иммигрантов проживает в крупнейших австралийских городах: Сиднее (20 тыс. чел.), Мельбурне (20 тыс. чел.) и Брисбене (15–20 тыс. чел.). Много наших соотечественников в Аделаиде, Перте и в столице Австралии Канберре.

Национальная перепись 2021 г. показала, что почти 55 тыс. австралийцев, в том числе потомки первых волн русских переселенцев, продолжают использовать русский язык в качестве второго в своей разговорной речи, из них почти 24 тыс. человек родились в России. Несмотря на свою малочисленность (менее 0,2% от населения страны), русская диаспора оставила заметный след в истории Пятого континента.

Современное русскоязычное сообщество Австралии состоит из трёх основных групп. Старшее поколение (самые пожилые) – это переехавшие из новообразованного СССР через китайский Харбин и после Второй мировой войны. Они положили основу первых "Русских районов", например, Бондай (Bondi) в Сиднее или районы Балаклава и Сент-Килда (Balaclava, St. Kilda) в Мельбурне. Харбинцы были и остаются самыми активными хранителями и распространителями русской культуры в Австралии.

3 сентября 2017 г. в Русском клубе г. Сиднея в Стратфилде праздновался 60-летний юбилей со дня прибытия в Австралию русских из Харбина [13, с. 15–16]. В зале собралось более 280 чел. родившихся в Китае и прибывших в Австралию со своими родителями (*фото 1*).

На встрече присутствовал посол РФ Г. С. Логвинов, который в своём выступлении выразил благодарность харбинцам, внесшим бесценный вклад в развитие русской общины. В частности, он сказал: "Ещё готовившись к приезду в Австралию, я узнал, что значительную часть российской общины составляют выходцы из Харбина, но тогда я не понял, что за этим стоит. Через год после приезда, познакомившись с вами, вашей жизнью и историей, я понял, что произносить и писать это слово, харбинцы, здесь нужно с большой буквы. Для меня теперь Харбинец — это синоним высоты духа и русского патриотизма в его исконном понимании и значении, которое не подразумевает автоматической лояльности тому или иному политическому режиму" [Цит. по: 13, с. 16]. Поздравила гостей и поблагодарила организаторов праздника министр правительства Нового Южного Уэльса Татьяна Михайлок, родственники которой по линии отца также приехали в Австралию из Китая.

Именно харбинцы создали в Австралии солидную русскую инфраструктуру: православные храмы и монастыри, русские школы выходного дня, скаутские организации, клубы, газету "Единение", художественные объединения, дома престарелых, обустроили русские участки на крупных австралийских кладбищах. Живя вдали от России, харбинцы обустроивали свою жизнь в Австралии по русским обычаям и традициям.

Вторая группа – российские соотечественники, переехавшие в Австралию в середине 1990-х – 2000-х гг. в рамках профессиональной иммиграции. Большинство из них имеет высшее образование, полученное в ведущих вузах СССР. Значительная часть из них активно приобщают своих детей к русскому языку и развивают российскую культуру в условиях австралийского зарубежья.

Третья – это, в основном студенты, приезжающие на обучение в последние 7–10 лет. Они быстро интегрировались в австралийское общество как русскоязычное, так и англоязычное.

В крупных городах Австралии ежегодно проводятся "русские мероприятия", которые собирают сотни человек. В штате Квинсленд большинство "русских мероприятий" проводится членами литературно-музыкального салона "Лампада", созданного Л. Л. Ларкиной в 2009 г. О деятельности Л. Л. Ларкиной по сохранению русской культуры в Австралии мы уже писали [28].

По словам Л. Л. Ларкиной, целью литературно-музыкального салона является "сохранение русского языка и многовековых культурных традиций в условиях англоязычного общества", а также "воспитание чувства любви и

интереса у молодёжи к истории и культуре России через мир музыки, поэзии, живописи, прикладного искусства и других видов творчества" (НИ, июль 2016 г.)¹.

Все три группы русских австралийцев объединяет русская культура, которая, в отличие от Америки и Европы, сохранилась в Австралии наиболее полно. Определённую роль в этом играла и играет православная религия [33]. Церковь для русского человека в Австралии, как и в других странах За рубежом, является не только местом, где он может удовлетворить свои религиозные потребности и совершить обряды, но и местом для встреч с соотечественниками, местом приобщения молодых русских австралийцев к русской культуре.

При православных приходах действуют субботние и воскресные школы, в которых кроме языка детям преподают отечественную литературу, историю, географию, обучают народной музыке, танцам и пению. Такие школы существуют во всех австралийских штатах, за исключением Тасмании и Северной территории [26].

Одним из организаторов работы по сохранению русского языка и русской культуры в штате Квинсленд является харбинец, настоятель Свято-Николаевского собора Брисбена протоиерей Гавриил Макаров. Он является инициатором и организатором большинства мероприятий русской диаспоры по сохранению русского языка и русской культуры. Эти мероприятия чаще всего проходят в помещениях Свято-Николаевского собора (прицерковная школа, библиотека и пр.).

Русские австралийцы создали разветвленную сеть общественных неполитических организаций, деятельность которых сосредоточена на вопросах культуры, просвещения, образования, воспитания, благотворительности, иммиграции, социального обеспечения². Их основу составляют так называемые этнические ассоциации и русские клубы, которые существуют во всех крупных городах страны. Эти ассоциации и клубы составляют основу Совета российских соотечественников Австралии (СРСА).

Ежегодно в столице Австралии г. Канберре или в Генконсульстве России в Сиднее проводятся ежегодные собрания и конференции организаций российских соотечественников организаций российских соотечественников. В форумах принимают участие руководители общественных организаций и объединений. На данных форумах обсуждаются актуальные вопросы жизни русскоязычной общины Австралии, включая тему противодействия фактам дискриминации, основные проекты просветительских мероприятий в поддержку русского языка и культуры и пр.

Посольство Российской Федерации оказывает общественным организациям российских соотечественников в Австралии в организации их деятельности моральную, правовую и материальную помощь.

Во многом сохранению и развитию русской культуры в Австралии способствует основная идея политики австралийского общества – мультикультурализм, предусматривающий осуществление комплекса мер, которые поддерживают существование в австралийском обществе различных культур, часто несопоставимых систем ценностей, официально признаваемых равнозначными.

Сохранение и распространение русской культуры на Пятом континенте – результат деятельности энтузиастов, тративших на это благородное дело много сил, времени и собственных средств. В 1950-х – 1980-х гг. большинство энтузиастов являлись представителями харбинской ветви русской эмиграции.

С начала 1990-х годов такими энтузиастами, как правило, стали представители профессиональной иммиграции, которые привлекают к своей деятельности русскоговорящую молодёжь, прибывшую в Австралию в последние 7–10 лет.

¹ НИ – Нарративное интервью с Людмилой Леонидовной Ларкиной (июль 2016 г.; январь 2018 г.; июнь 2023 г.; октябрь 2024 г.)

² Перечень этих объединений приведен на официальном сайте посольства Российской Федерации в Австралии. URL: <https://archive-australia.mid.ru/ob-organizaciah-rossijskih-sootcecestvennikov>

Сохранение и распространение русской культуры и русского языка в штате Квинсленд осуществлялось и осуществляется русскими австралийцами посредством проведения радиопередач на русском языке, мероприятий русской библиотеки Свято-Николаевского собора г. Брисбена, печатных изданий на русском языке и литературное творчество русских австралийцев, деятельности по сохранению исторической памяти о русских иммигрантах, воспитательную работу с юными русскими австралийцами, организацию празднования государственных и народных праздников и др.

Радиопередача "Русский час"

Программа "Русский час" на брисбенском радио 4ЕВ.98.1FM существует уже более 35 лет. Она была создана представителями харбинской эмиграции, прибывшими в Австралию в 1950–1960-е годы. Первая передача на русском языке вышла в эфир в первую пятницу сентября 1989 г. с 17.00 до 18.00. В этом же режиме времени радио "Русский час" работает и сегодня.

Первым диктором, ведущей и оператором радиопанели была Татьяна Шахматова, которая проработала в программе "Русский час" более 20 лет, до 2010 г. В её программах было много музыки, русских песен, новостей о различных мероприятиях русского общества Брисбена, интервью с приходившими в студию гостями. Помогали ей в работе на радио харбинцы Елена Попова, Николай Новосёлов и другие представители русского Брисбена. В отсутствие Интернета и русского телевидения, программа "Русский час" была еженедельным событием для многих русских австралийцев, которые стремились установить культурные связи на своём родном языке, передать информацию, услышать российские, мировые, австралийские новости и пр.

Постсоветская волна русских австралийцев в отличие от харбинцев ориентировалась в поиске информации на Интернет и русское телевидение, которые с конца 1990-х гг. прочно вошли в повседневную жизнь русских семей Брисбена.

Чтобы сохранить русское радиовещание и сделать "Русский час" интересным для русских австралийцев любого возраста и волны эмиграции, сотрудники "Русского часа" решили изменить формат программы, сделав каждую передачу тематической.

Для реализации нового формата радиопередачи были привлечены новые ведущие: Владислав Коссе (2010–2019), Алла Эксархо (2010–2012), Ирина Александрова-Буш (2010–2019), Елена Тилли (2010 г. – по н. в.), Елена Мануленко (2011–2019), Людмила Ларкина (2013 г. – по н. в.), Марина Поллард (2015 г. – по н. в.).

В 2019 г. в команду радио "Русский час" вошли молодые ведущие: Александра Чичаева, Елена Плахотник, Лара Анвари, Елена Бреретон и Анжелика Котелкина, которые успешно и плодотворно работают вместе с опытными ведущими Е. Тилли, Л. Ларкиной, М. Поллард.

В настоящее время на радио "Русский час" существуют исторические, литературные, юридические и другие тематические рубрики. В программе постоянно транслируются аудиозаписи мероприятий русской диаспоры Брисбена; в студию в прямой эфир приглашаются специалисты разных областей: юристы, агенты по недвижимости и эмиграции, доктора; со своими произведениями и рассказами о своем творчестве приходят музыканты, певцы, поэты, писатели, артисты, художники.

Качественно подготовить такое количество рубрик и провести на должном уровне радиопередачу позволяет то, что на радио "Русский час" работают несколько ведущих. Чаще всего, тот или иной ведущий выходит в эфир только один раз в месяц, у него есть время качественно подготовить запланированную передачу или интервью. Формат живых интервью с русскоязычными людьми очень привлекателен и хорошо воспринимается радиослушателями.

"Русский час" служит не только для трансляции радиопрограмм, но и для тесного сотрудничества русского сообщества штата Квинсленд, для поддержки и продвижения молодых русскоязычных талантов и людей разных профессий [19, с. 33–36].

Роль библиотеки при Свято-Николаевском соборе в сохранении русской культуры

Первая русская библиотека штата Квинсленд была основана при храме Святого Николая³, расположенном в русском квартале Брисбена Вуллунгаба, основой которой послужила коллекция книг о. А. Турчинского, приехавшего в Брисбен в 1924 г. из Ханькоу. Фонд библиотеки пополнялся во многом за счет книг, жертвуемых самими иммигрантами.

По мнению одного из энтузиастов библиотечного дела в Австралии Ю. М. Доманского, цель создания библиотеки заключалась не только в том, чтобы "собирать материалы, интересные читателю, ищущему развлечения, но и читателя, интересующегося Россией, её историей, языком, литературой, описанием страны, историей экономики страны, жителями государства Российского" [Цит. по: 1, с. 13]. Одним из значимых жертвователей был известный регент и учитель пения А. А. Михайлов [2, с. 5–6].

Заметный след в организации работы библиотеки оставил харбинец Н. Д. Супрунович и его жена Елена. Библиотеку он принял в 1958 г. и завёдовал ею 41 год. К его приходу в библиотеке было 3 тыс. книг [30, с. 83], а через 40 лет фонд насчитывал более 13 тыс. книг [15, с. 43]. В библиотеке были представлены книги различных жанров: художественные, религиозные, многочисленные энциклопедии, новые и старые журналы ("Нива", харбинский "Рубеж" и др.), имелись детский и технический отделы. Пополнялась она за счёт пожертвований или путём покупки книг, обычно после смерти их владельца, родственники которого уже не читали по-русски. Библиотека была открыта два раза в неделю — в воскресенье утром и в среду вечером. По воскресным дням народу было много, 40—56 человек, по средам — меньше, 15—20 [3, с. 31–33]. В библиотеке проводились различные мероприятия: встречи с интересными людьми, литературные и поэтические чтения, вечера, посвященные деятелям русской культуры и пр.

В 2001 г. ответственность за библиотеку взяли на себя Алексей и Марина Зарва, которые в течение пяти лет (2001–2005) трудились над компьютеризацией библиотечного фонда. В 2006 г. обновлённая библиотека была вновь открыта, но книги на русском языке перестали пользоваться большим спросом, как это было в предыдущие годы.

Самыми активными читателями библиотеки Свято-Николаевского собора с момента её открытия были выходцы из Харбина, многих из них уже нет в живых. Их внуки и правнуки, представители 4-го, 5-го поколений, в силу ассимиляции, уже не читают на русском языке, а иногда и не говорят.

Активными читателями в настоящее время являются выходцы из Советского Союза, которые с детства были равнодушны к чтению, часами стояли в очередях за книгами, как в библиотеках, так и в магазинах. Находясь за тысячи километров от своей Родины, они сохранили любовь к чтению и русской литературе. Что же касается эмигрантов, родившихся после распада СССР, то они чаще удовлетворяют свои интересы для чтения в интернет-ресурсах.

К концу 2014 г. из-за отсутствия места хранения и большого спроса на книги библиотека была расформирована. Ценные экземпляры остались в фондах собора, они продолжают пользоваться спросом у читающих русских австралийцев; оставшиеся книги были по символическим ценам проданы и розданы бесплатно прихожанам и книголюбам Брисбена [15, с. 43–44]. Библиотека при Свято-Николаевском соборе сыграла значительную роль в сохранении русской национальной идентичности в условиях существования в чуждом культурном пространстве.

Русскоязычные издания и литературное творчество русских австралийцев

Литературно-художественный журнал «Жемчужина» (редактор и издатель — Тамара Малеевская) выходит четыре раза в год с 2000 года.

³ Свято-Никольский приход был основан в Брисбене в 1925 г. и до 1940-х гг. являлся главным центром русского рассеяния штата Квинсленд.

Литературно-художественный журнал "Жемчужина" (редактор-издатель Тамара Малеевская⁴) выходит 4 раза в год с 2000 г. Десять лет журнал выходил только в бумажном варианте; электронные версии номеров журнала в Интернете начали выходить с 2011 г.⁵

С момента основания "Жемчужины", в журнал начали писать местные австралийские авторы – русские харбинцы и послевоенные эмигранты из Европы. Почти одновременно, к ним присоединились русскоязычные поэты и прозаики из США, Венесуэлы, Франции, Италии и, конечно же, из всех уголков России и бывших республик СССР.

Основными направлениями журнала "Жемчужина" являются патриотизм и безграничная любовь к исторической России. В различных разделах журнала печатаются статьи, посвящённые русскому языку, русской литературе, истории и культуре, перепечатываются редкие произведения XIX в., биографии русских писателей и поэтов. В журнале есть страницы посвящённые молодёжи, где периодически печатаются сочинения учеников русских школ Австралии; существует детский раздел, где помимо сказок и стихов, регулярно выходит серия "Тузик и его друзья": кроме неизменных приключений, весёлые обитатели Шумного Двора, вместе с Тузиком, постоянно отзываются на общественные проблемы и решают "что такое хорошо, и что такое плохо".

Журнал "Австралийская лампада" был основан в 2009 г. Людмилой Леонидовной Ларкиной, одной из самых известных "летописцев" русских австралийцев.

"Австралийская лампада", по словам Л. Л. Ларкиной, – это островок России в Австралии (**НИ, январь 2018 г.**), в нём "описываются жизненные пути русских эмигрантов, как прошлого века, так и настоящих дней" [14, с. 2]. В журнале открыты семейная, детская, молодёжная, литературная, историческая рубрики; рубрика "по следам старой фотографии" – о судьбах русских иммигрантов Австралии; "события в русской общине" – описание мероприятий, которые организуются в настоящее время. Есть рубрика притч, назидательных рассказов и пр.

"Австралийская лампада" имеет два сайта, где публикуются статьи, которые выходят в печатных номерах журнала, а также те статьи, которые в журнале разместить нет возможности из-за ограничения зарегистрированных для журнала страниц. На сайте размещаются все новости о жизни русских австралийцев Квинсленда, исторические статьи и очерки о жизненном пути русских эмигрантов, как прошлого века, так и настоящих дней. В настоящее время журнал "Австралийская лампада" стал дискуссионным клубом для читателей всех возрастов [21, с. 2–14].

Оба журнала – издания светские, но материал в них подаётся с православных позиций. Издаются журналы на личные средства редакторов-издателей и их семей.

Редакторы-издатели обоих журналов являются яркими представителями русскоязычной литературы штата Квисленд: Т. Малеевская пишет стихи, рассказы, воспоминания, статьи, исторические и путевые очерки на русском и английском языках, занимается переводами; издала 4 своих книги: сборник стихов и рассказов "Страна отцов", сборник рассказов "Душенька", поэтический сборник "Серебряный город", сборник стихов, рассказов, воспоминаний и путевых очерков "Видения" [27]; Л. Л. Ларкина – поэт, публицист, профессиональный журналист. Ей принадлежит ряд поэтических сборников: "Вы – тайное явление для меня", "Душа необычайной красоты", "Мы все пришельцы на земном погосте", "Русь моя венчальная", "Любовь долготерпит, прощая обиды" и др. Наиболее интересным её поэтическим сборником является сборник духовной поэзии, посвященный России, друзьям, Богу, поиску смысла жизни и пр. "Не остави, Владыко, меня" (Брисбен, 2012); в сборник вошли около пятисот стихотворений.

⁴ Тамара Малеевская родилась в Харбине, жила и училась в трёх странах на трёх языках. С 14 лет живёт в Австралии, с 2014 г. является членом Российского Союза писателей, с 2000 г. – редактор-издатель литературного журнала "Жемчужина" на русском языке в Австралии URL: <https://www.unification.com.au/authors/user/17/>

⁵ Официальный сайт журнала: URL: <https://zhemchuzhina.yolasite.com/pearl-82.php>

В штате Квинсленд живёт замечательный поэт и прозаик Ирина (Ляля) Нисина, приехавшая из Винницы в 1994 г., выпускница Казанского института культуры, а также Винницкого пединститута. Ляля – призёр ряда литературных конкурсов, автор более 50 публикаций в многочисленных журналах и сборниках ("Стороны света", "Чайка", "Южная звезда", "Австралийская мозаика" и др.).

Талантливыми авторами Квинсленда, пишущими на русском языке, являются: Елена Воробьева, приехавшая из Москвы, Елена Светлая из г. Новочебоксарска, Жёня Мень из Санкт-Петербурга [27], поэт-переводчик Владислав Некляев, поэт Александр Семченко, поэтессы Наталья Стасиковская, Алина Джалимбетова, Марианна Сладова [18, с. 35–38].

Н. Стасиковская и А. Джалимбетова пишут лирические стихи о любви, о своих мыслях, переживаниях; М. Сладова пишет стихи для малышей дошкольного возраста, в которых она описывает сказочный животный мир Пятого континента. Впервые её стихи были опубликованы в журнале "Австралийская лампада" в 2017 г. (№ 35).

Сохранение памяти о русских австралийцах

Одним из направлений культурной жизни русской диаспоры штата Квинсленд является деятельность по сохранению памяти о наших соотечественниках, имеющая четыре основных направления.

Первое направление – сбор и публикация архивных материалов по истории русской эмиграции. Примером может служить сборник документов "Российская консульская служба в Австралии. 1857–1917 гг." (2014). Данный сборник документов составлен М. Поллард, проживающей в Австралии с 1990 г., совместно с д.и.н. А. Я. Массовым на основе Архива внешней политики Российской империи. Документы извлекались авторами из австралийских и российских архивохранилищ.

М. Поллард принадлежит и повесть "Последний консул" (2023), прототипом которой является Александр Николаевич Абаза, последний генеральный консул Российской империи в Австралии и Новой Зеландии; повесть написана на основе реального исторического материала.

Второе направление – устная история: сбор материалов о жизни русской диаспоры штата Квинсленд, публикация биографий, интервью и очерков о русских австралийцах. Наиболее активно данной деятельностью занимается основатель литературно-музыкального салона "Лампада" и журнала "Австралийская лампада" Л. Л. Ларкина. Ею написано более трёхсот статей и около 15 книг о жизни русских иммигрантов в Австралии. В каждом номере журнала "Австралийская лампада" обязательно есть статья о каком-либо русском австралийце, сыгравшем или играющим значительную роль в жизни русской диаспоры Квинсленда.

Л. Л. Ларкиной были записаны интервью со следующими жителями Квинсленда: Марией Кравченко, протоиереями Гавриилом Макаровым, Михаилом Клебанским, Руфом Тоболовым, Кириллом и Людмилой Мартин, Евгением Закржевским, Иваном Педио, Константином Дроздовским, Юрием Приданниковым, Павлом Носковым, Алексеем Дятловым, Валентиной Решетниковой (Шишковой), Любовью Павловой, Марией Окуловой, Евстолией Плюсниной (Раменской), Еленой Поповой, Ларисой Алтабасовой, Татьяной Флориановой, Людмилой Дятловой, Ларисой Осачей, Ангелиной Кокшаровой, Михаилом, Викторией и Сергеем Толстовыми и др. (НИ, июнь 2023 г.). Почти все они представители харбинской ветви эмиграции. В интервью они делились воспоминаниями о харбинском периоде своей жизни, рассказывали о трудностях адаптации к жизни в Австралии. Некоторых из них уже нет в живых, что делает материалы данных интервью очень ценным источником по истории восточной ветви русской эмиграции.

Наиболее интересными книгами Л. Л. Ларкиной о судьбах русских австралийцев являются: "Уральские казаки в Квинсленде" (2011), "Брисбенский иконописец Арсений Савицкий" (2012), "Подвиг русского духа" (2014), "Фарфоровый ангел" (2017), "Гардемарин с чужой судьбой" (2018), "Обет русского беженца Ефима Шишкова" (2021), "Чутьрский бунтарь, он же первый русский регент в Австралии" (2023) и др. Для Л. Л. Ларкиной источниками для написания статей и книг о жизни русских австралийцев стали не только ар-

живные документы, но и встречи, и беседы с потомками русских иммигрантов, семейные архивы, а также нарративные интервью с членами русской диаспоры. Всё то, что является основой устной истории.

Третье направление – организация выставок, экспозиций, видео, книг и пр., посвященных истории русской эмиграции. Так, например, в мае 2023 г. была организована экспозиция "100 лет первому русскому православному приходу в Австралии" [22, с. 35–38], где кроме фотодокументов были представлены вещи, привезённые беженцами из России в Брисбен более ста лет назад (награды, генеральские эполеты, знамена, столовые приборы и т.д.) (ТАСНСБ. Д. 3; 18, октябрь 2024 г.)⁶.

Ещё один пример. В ноябре 2023 г. в Брисбене во время празднования столетия прибытия казаков в Австралию, была представлена видео книга "100 лет казачеству в Австралии", составленная Л. Л. Ларкиной. Фотодокументы, видео, книги рассказывают о строительстве казаками храмов, русских клубов, школ, создании бизнесов, напоминают об истории двух знамён Уральского казачьего войска, которые уральские казаки под командованием генерал-атамана Владимира Сергеевича Толстова привезли с собой в 1923 г. на Пятый континент. Несколько десятилетий знамёна хранились в построенном ими Свято-Николаевском храме в Брисбене. На праздновании присутствовали внуки и правнуки генерал-атамана В. С. Толстова [23, с. 45–46]. К столетнему юбилею прибытия казаков в Австралию был издан и специальный номер журнала "Австралийская лампада" [22].

Четвертое направление – цикл бесед, проводимый творческим объединением "Австралийская лампада", о судьбах русских австралийцев штата Квинсленд. Первая беседа проходила 21 октября 2018 г. и называлась "Выдающиеся прихожане". Участники познакомились с жизнью и деятельностью двух харбинцев – брата и сестры Кривилёвых, которые приложили много сил для развития русской общины в Брисбене, как православной, так и светской, именно они стояли у истоков создания Русского Общественного Центра Квинсленда (РОЦК) [17, с. 33].

Проекты для детей и юношества

Значимым направлением деятельности по сохранению русского языка и русской культуры представители русской диаспоры штата Квинсленд считают разработку образовательно-развлекательных проектов для детей и юношества, направленных на знакомство маленьких русских австралийцев с миром русской культуры.

Одним из наиболее популярных и масштабных проектов в рамках этой деятельности является празднование Дня рождения А. С. Пушкина (или Дня русского языка), который ежегодно проводится в столице штата Брисбене.

В 2011 г. журналом "Австралийская лампада" был организован конкурс детского рисунка и прикладного творчества на тему "Рисуем Пушкина" и конкурс художественного чтения "Читаем Пушкина" [6, с. 20–36]. В конкурсах приняли участие ученики и педагоги Свято-Николаевской и Свято-Серафимовской приходских школ, а также дети, получающие образование в домашних условиях. С этого времени подобные конкурсы стали традиционными.

Активная работа русской диаспоры Брисбена с маленькими русскими австралийцами проводится совместно со Свято-Николаевским приходом г. Брисбена. Так, например, при Свято-Николаевской прицерковной школе дети организуют выставки-продажи детских рисунков и поделок. Вырученные деньги от продаж своих работ учащиеся отправляют в Россию, в Тушкинский детский приют в г. Москве (ТАСНСБ. Д. 3).

Ежегодно в прицерковной школе Свято-Николаевской собора проводятся конкурсы художественного чтения. Для многих маленьких русских австралийцев желание поучаствовать в данном конкурсе является ещё одним побудительным мотивом для изучения русского языка [24, с. 18]. Проводятся с учениками школы и уроки милосердия [4, с. 45–46], на которых детей знакомят с примерами благотворительной деятельности русских иммигрантов.

В октябре 2010 г. русская диаспора Брисбена совместно с приходом организовали выставку "Православные храмы Брисбена в детском творчестве"

⁶ ТАСНСБ – Текущий архив Свято-Николаевского собора в Брисбене

[7, с. 23–25], а с 2011 г. в Свято-Николаевской прицерковной школе стало традицией праздновать День семьи, Любви и Верности в честь Благоверных Муромских святых Петра и Февронии [10, с. 13–15; 11, с. 45–47]. В первый год празднования дети подготовили выставку семейных фотографий с небольшими рассказами на тему "Моя семья". Организатором праздника выступил настоятель Свято-Николаевского собора Брисбена протоиерей Гавриил Макаров (ТАСНСБ. Д. 3).

Из других проектов можно назвать создание кукольного театра "Три медведя" (руководители – Павел и Ирина Веселовы). Премьерный спектакль театра "Эмиграция Колобка в Австралию" прошел 9 апреля 2016 г. [20, с. 31]. Работу православного лагеря отдыха для детей младшего, среднего и старшего возраста (2003–2008). В 2008 г. в лагере отдыхало 155 брисбенцев, включая детей, родителей и учителей [15, с. 39]. Ежегодные Рождественские ёлки со сказочными постановками, играми, песнями и, конечно же, со Снегурочкой и Дедом Морозом (НИ, октябрь 2024 г.)

Наиболее значимый проект для молодёжи – организация участия молодых русских австралийцев в Международных съездах "Содружество православный молодежи" [4, с. 10–32; 8, с. 3–21]. Первый съезд прошёл в 2007 г., последний – с 17 июля по 2 августа 2024 г. [23, с. 58]. Возглавляют австралийскую делегацию, как правило, представители старшего поколения священнослужителей. Например, в 2018 г. во главе делегации, состоящей из 15 молодых (18–26 лет) русских австралийцев, стояли настоятель Свято-Николаевского собора Брисбена протоиерей Гавриил Макаров и председатель молодёжного отдела Австралийско-Новозеландской епархии протоиерей Александр Абрамов (Мельбурн) (ТАСНСБ. Д. 3). А. Абрамов занимается организацией съездов Содружества православной молодежи с 2014 г.

Участие в подобных съездах позволяет молодым русским австралийцам познакомиться с верующими из России и других стран, воочию прикоснуться к русской культуре, пообщаться на русском языке со своими сверстниками. Часто участие в качестве делегата очередного съезда "Содружество православный молодежи" приводит к заключению браков и пополнению русской диаспоры Австралии молодыми хорошо образованными россиянами, которые по прибытию на новую родину активно включаются в культурную жизнь русской диаспоры. За период проведения съездов было создано более 30 молодых семей [16, с. 36]. На таком съезде, например, познакомились Владимир (Брисбен) и Анна Бигдан (Ковалёва) (Россия) – дьякон и дьяконица (регент) Свято-Николаевского собора Брисбена. Анна в настоящее время является одной из активных русскоязычных блогеров Брисбена.

Роль праздников в сохранении русской культуры и русского языка

Сохранению русского языка и русской культуры во многом способствует празднование русскими квинслендцами Дня славянской культуры и письменности (*фото 2*). В 2011 г. лейтмотивом праздника был тезис: "Спасем язык – спасем Россию" [5, с. 45–48]; в 2014 г. – "Россия – Родина моя! Нашли тебя в Австралии!" [12, с. 23–31].

День славянской культуры и письменности отмечается во всех русских общинах Австралии. Представители русскоязычных общин посещают праздничные мероприятия друг друга, знакомятся с творчеством и обмениваются опытом сохранения культурного наследия.

Так, например, на День славянской культуры и письменности в мае 2022 г. в Брисбен из Сиднея прилетел фольклорный ансамбль "Калинка". В концертной программе приняли участие ученики балетной школы балерины Лейлы Альпиновой "Fouette Ballet School" (Гонконг). В концертной программе приняли участие известные представители русскоязычной общины Квинсленда. Мария Бреретон исполнила несколько музыкальных произведений на флейте, а Давид Виола (David Viola) представил песни на итальянском и английском языках. Инесса Макинтайр порадовала зрителей народными песнями, а Женья Бакоуполос исполнила польские и литовские композиции под аккомпанемент баяниста Георгия Черных. Ярким завершением программы стало выступление танцевального дуэта "Коробейники" (Л. Ларкина и А. Яценко) с шуточным танцем.

Фото 2. День славянской культуры. Брисбен, 2015 г.

Источник: Фотоархив журнала "Австралийская лампада".

Photo 2. Day of Slavic Culture. Brisbane, 2015.

Source: Photo archive of the journal "Australian lampada".

В рамках Дня славянской культуры и письменности была организована выставка прикладного искусства – "Ярмарка мастеров". На выставке были представлены: мебель ручной работы (К. Колесниченко), декоративные панели, столешницы, настенное панно ручной работы (В. Кошманов), оригинальные сумки ручной работы (Yulia Treasures), вышитые бисером иконы (С. Сафронова), детские игрушки (Iryna Eastment) и др.

Свои картины представили Е. Тилли, Н. Шнайдер, Л. Ларкина. Национальные костюмы демонстрировали: Е. Кристалева и её бабушка О. Ященко (украинский костюм), Ю. Захваткина и её бабушка Гельфиния (татарский костюм), Н. Черных (киргизский костюм) и многие другие [23, с. 37–38].

Традиционным для русских австралийцев Квинсленда является День России. В праздничные дни в Брисбене проходят разнообразные мероприятия, включающие концерты учеников прицерковной школы и русскоязычных деятелей культуры, выставки работ местных русских художников и изделий старинного народного промысла, викторины для детей и молодежи "Знаю Россию", различные детские познавательные конкурсы и многое другое [9, с. 38–46; 12, с. 17–18].

Но наиболее значимым из государственных праздников для русских австралийцев Квинсленда является День Победы (фото 3). Ежегодно в праздничные дни члены литературно-музыкального салона "Лампада" проводят для ветеранов Великой Отечественной войны и всех русскоязычных австралийцев различные мероприятия. Наиболее значимые из них: "Костёр Памяти", посвященный 35 поэтам, погибшим в годы Великой Отечественной войны (2012); творческая встреча "Вальсы XX века" (2013); вечер, посвященный К. Симинову (2014); литературно-музыкальная композиция "Мы помним ваши имена" (2015); встреча с представителями старшего поколения русских австралийцев "Молодежь против войны" (2017); историко-литературная композиция "Дети войны" (2021) и др. (НИ, январь 2018 г.; июнь 2023 г.).

7 мая 2018 г. в Брисбене при поддержке Австралийского Союза Соотечественников России (АССР) прошёл ставший уже традиционным марш "Бес-

Фото 3. День Победы в литературно-музыкальном салоне "Лампада". Брисбен, май 2015.

Источник: Фотоархив журнала "Австралийская лампада".

Photo 3. Victory Day at the literary and musical salon Lampada. Brisbane, May 2015.

Source: Photo archive of the journal "Australian lampada".

смертного Полка" и состоялся праздничный концерт в Русском Общественном Центре (РОЦК). "Бессмертный Полк" прошёл по набережной г. Брисбена и собрал более 170 участников с портретами своих героев (*фото 4*). Песни и музыка военных лет придавали шествию торжественность и привлекали внимание случайных зрителей и прохожих. Для них специально были подготовлены листовки на английском языке с историческим описанием происходящего, которые раздавались всем желающим. Возглавляли колонну участники австралийской группы историков-реконструкторов "За Родину" ("За Rodinu!") в форме солдат Советской Армии. Вдохновителем движения является преподаватель Университета Квинсленд О. Харина [15, с. 7–9].

9 мая 2021 г. коллектив литературно-музыкального салона "Лампада" организовал и провёл в столице штата празднование 76-й годовщины Великой Отечественной войны: "Вечно жить в сердцах удостоены". Посол РФ А. В. Павловский в онлайн режиме поздравил ветеранов и детей войны с праздником. В ходе празднования Зинаида Исмаилова и Людмила Алексеева поделилась воспоминаниями о своём военном детстве; с экрана прозвучали воспоминания и других "детей войны", проживающих в Австралии, записанные Л. Л. Ларкиной в апреле 2021 г.

Были поставлены три мини-спектакля: "За день до войны", "Военный госпиталь" и "Бери шинель, пошли домой". В постановках играли Е. Опешко, Н. Федорова, Е. Виола, И. Веселкова, А. Шевель под собственный аккомпанемент (гитара) исполнила песню Б. Ш. Окуджавы "До свидания, мальчики". Пели также Ю. Дорохова, Р. Виола, А. Сиволапов, Е. Бокопоулос [22, с. 32].

В настоящее время русская диаспора Квинсленда активно готовится отпраздновать 80-ю годовщину окончания Великой Отечественной войны.

Значимым потенциалом приобщения к русской культуре обладают также православные (Рождество, Пасха, Троица и др.) [14, с. 37–44] и народные праздники, которые постоянно отмечаются представителями русской диаспоры Квинсленда. Масленица занимает особое место среди народных праздников. Русские австралийцы Квинсленда отмечают её с размахом: пекут блины,

Фото 4. Шествие "Бессмертного Полка". Брисбен, 7 мая 2017 г.

Источник: Фотоархив журнала "Австралийская лампада".

Photo 4. "Immortal Regiment" march. Brisbane, May 7, 2017.

Source: Photo archive of the journal "Australian lampada".

готовят разнообразные блюда традиционной русской кухни, а также организуют творческие мероприятия, включая конкурсы, поэтические и музыкальные номера, театрализованные представления и другие развлечения. Для русских австралийцев Квинсленда Масленица – это ещё один повод собраться вместе и вспомнить свои русские корни.

Заключение

Итак, любовь к России, русские традиции, русская культура и стремление сохранить русский язык играют важную роль в консолидации русской иммиграции. Потомки харбинцев, проживающие в Австралии, были воспитаны в русском духе и гордятся тем, что они русские, передают эту "русскость" молодым из поколения в поколение.

Представители постсоветской эмиграции продолжили деятельность харбинцев и в настоящее время всячески стремятся сохранить и преумножить русскую культуру Пятого континента. Примером этому является разнообразная деятельность коллектива литературно-музыкального салона "Лампада" г. Брисбена и всей русской диаспоры штата Квинсленд по сохранению своей русской идентичности.

Литература / References

1. Австралиада. Русская летопись. Сидней, 1995. № 5. Australiada. Russian Chronicle. Sydney, 1995. No. 5. (In Russ.).
2. Австралиада. Русская летопись. Сидней, 1996. № 6. Australiada. Russian Chronicle. Sydney, 1996. No. 6. (In Russ.).
3. Австралиада. Русская летопись. Сидней, 2000. № 25. Australiada. Russian Chronicle. Sydney, 2000. No. 25. (In Russ.).
4. Австралийская лампада. Брисбен, 2010. № 6. Australian Lamp. Brisbane, 2010. No. 6. (In Russ.).
5. Австралийская лампада. Брисбен, 2011. № 8. Australian Lamp. Brisbane, 2011. No. 8. (In Russ.).
6. Австралийская лампада. Брисбен, 2011. № 9. Australian Lamp. Brisbane, 2011. No. 9. (In Russ.).
7. Австралийская лампада. Брисбен, 2011. № 10.

- Australian Lamp. Brisbane, 2011. No. 10. (In Russ.).
8. Австралийская лампада. Брисбен, 2012. № 11.
Australian Lamp. Brisbane, 2012. No. 11. (In Russ.).
9. Австралийская лампада. Брисбен, 2012. № 14.
Australian Lamp. Brisbane, 2012. No. 14. (In Russ.).
10. Австралийская лампада. Брисбен, 2012. № 15.
Australian Lamp. Brisbane, 2012. No. 15. (In Russ.).
11. Австралийская лампада. Брисбен, 2014. № 20.
Australian Lamp. Brisbane, 2014. No. 20. (In Russ.).
12. Австралийская лампада. Брисбен, 2014. № 22.
Australian Lamp. Brisbane, 2014. No. 22. (In Russ.).
13. Австралийская лампада. Брисбен, 2017. № 35.
Australian Lamp. Brisbane, 2017. No. 35. (In Russ.).
14. Австралийская лампада. Брисбен, 2018. № 36.
Australian Lamp. Brisbane, 2018. No. 36. (In Russ.).
15. Австралийская лампада. Брисбен, 2018. № 37.
Australian Lamp. Brisbane, 2018. No. 37. (In Russ.).
16. Австралийская лампада. Брисбен, 2018. № 38.
Australian Lamp. Brisbane, 2018. No. 38. (In Russ.).
17. Австралийская лампада. Брисбен, 2018. № 39.
Australian Lamp. Brisbane, 2018. No. 39. (In Russ.).
18. Австралийская лампада. Брисбен, 2019. № 41.
Australian Lamp. Brisbane, 2019. No. 41. (In Russ.).
19. Австралийская лампада. Брисбен, 2019. № 42.
Australian Lamp. Brisbane, 2019. No. 42. (In Russ.).
20. Австралийская лампада. Брисбен, 2019. № 43.
Australian Lamp. Brisbane, 2019. No. 43. (In Russ.).
21. Австралийская лампада. Брисбен, 2019. № 44.
Australian Lamp. Brisbane, 2019. No. 44. (In Russ.).
22. Австралийская лампада. Брисбен, 2023. № 51.
Australian Lamp. Brisbane, 2023. No. 51. (In Russ.).
23. Австралийская лампада. Брисбен, 2024. № 54.
Australian Lamp. Brisbane, 2024. No. 54. (In Russ.).
24. Австралийская лампада. Брисбен, 2013. № 66.
Australian Lamp. Brisbane, 2013. No. 66. (In Russ.).
25. Говор Е. Страницы русской Австралии. Русский Сидней – у истоков // Австралийская мозаика. 2018. № 41. С. 31–45; № 43. С. 28–39; 2019. № 46. С. 41–53.
Govor E. Pages of Russian Australia. Russian Sydney – at the Origins // Australian Mosaic. 2018. No. 41. P. 31–45; No. 43. P. 28–39; 2019. No. 46. P. 41–53. (In Russ.).
26. Громов Н. Н. Русские храмы в Австралии // Архитектурное наследие. URL: <http://www.artz.ru/download/1804836099/1804856792/34>. (дата обращения: 04.10.2024).
Gromov N. N. Russian Temples in Australia // Architectural heritage. URL: <http://www.artz.ru/download/1804836099/1804856792/34>. (accessed 04.10.2024). (In Russ.).
27. Даугавиете И. На окраине мира. О русской поэзии в Австралии // Эмигрантская лира. 2018. № 2. URL: <http://www.intelros.ru/readroom/emigrantskaya-lira/l2-2018/37240-na-okraine-mira-o-russkoy-poezii-avstralii.html> (дата обращения: 10.10.2024).
Daugaviete I. On the Outskirts of the World. On Russian Poetry in Australia // Emigrant Lyre. 2018. No. 2. URL: <http://www.intelros.ru/readroom/emigrantskaya-lira/l2-2018/37240-na-okraine-mira-o-russkoy-poezii-avstralii.html> (accessed 10.10.2024). (In Russ.).
28. Дударенок С. М. "Летописец" русских австралийцев // Россия: использование отечественного исторического опыта для эффективного ответа на вызовы времени. Сборник научных статей по материалам международного научного форума. Под ред. О. Н. Синюткиной. Новгород, 2023. С. 183–193.
Dudarenok S. M. "Chronicle" of Russian Australians // Russia: the use of domestic historical experience for an effective response to the challenges of time. Collection of scientific articles based on the materials of the international scientific forum. Ed. by O. N. Sinyutkina. Novgorod, 2023. P. 183–193. (In Russ.).
29. Каневская Г. И. "Мы ещё мечтаем о России" – история русской диаспоры в Австралии: конец XIX – вторая половина 80-х гг. XX в. Владивосток: Изд-во Дальневосточ. гос. ун-та, 2010. 369 с.
Kanevskaya G. I. "We still dream of Russia" – the history of the Russian diaspora in Australia: the end of the XIX – the second half of the 80s of the XX century. State University, 2010. 369 p. (In Russ.).
30. Каневская Г. И. Русские библиотеки в Австралии в XX веке // Библиотекосведение. 2009. № 3. С. 80–85.
Kanevskaya G. I. Russian Libraries in Australia in the XX Century. 2009. No. 3. P. 80–85. (In Russ.).
31. Кравцов А. Н. Русская Австралия. М.: Вече, 2011. 303 с.
Kravtsov A. N. Russian Australia. Moscow.: Veche, 2011. 303 p. (In Russ.).

32. Лысенко Л. К. Русские без России. Очерки о российских эмигрантах, встреченных в походах по Австралии и США. Владивосток: Русский Остров, 2020. 189 с.
Lysenko L. K. Russians without Russia. Essays on Russian emigrants met in campaigns in Australia and the USA. Vladivostok: Russkiy Ostrov, 2020. 189 p. (In Russ.).
33. Максимов Ю. Православие в Австралии. URL: <http://www.pravoslavie.ru/put/070118140118.htm> (дата обращения: 02.10.2024).
Maksimov Y. Orthodoxy in Australia. URL: <http://www.pravoslavie.ru/put/070118140118.html> (accessed 02.10.2024). (In Russ.).
34. Мельникова Н., Суслов Т. История русских в Австралии в 2-х томах / Отв. ред. Н. А. Мельникова. Сидней: Австралиада, 2004. Т. 1: К 80-летию русских общин в Австралии (1923–2003). 297 с.; Т. 2: Русский язык в Австралии. 271 с.
Melnikova, N., Suslov, T. The History of Russians in Australia in 2 volumes / Ed. by N. A. Melnikova. Sydney: Australiada, 2004. Vol. 1: On the 80th Anniversary of Russian Communities in Australia (1923–2003). 297 p. and Vol. 2: The Russian Language in Australia. 271 p. (In Russ.).
35. Петриковская А. С. Российское эхо в культуре Австралии. (XIX – первая половина XX века). М.: Институт востоковедения РАН, 2019. 200 с.
Petrikovskaya A. S. Russian Echo in the Culture of Australia. (XIX – the first half of the XX century). Moscow: Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, 2019. 200 p. (In Russ.).
36. Рудницкий А. Ю., Азизян Р. М. Другая жизнь и берег дальний. Русские в австралийской истории. М.: Наука, 1991. 191 с.
Rudnitsky A. Yu., Azizyan R. M. The Other Life and the Far Coast. Russians in Australian History. Moscow, Nauka Publ., 1991. 191 p. (In Russ.).
37. Фицпатрик Ш. Белые русские – красная угроза? История русской эмиграции в Австралии / пер. с англ. Т. Азаркович. Изд-во Corpus, 2023. 642 с. URL: <https://www.litres.ru/book/sheila-fitzpatrick/belye-russkie-krasnaya-ugroza-istoriya-russkoy-emigraci-69796201/chitat-onlayn/> (дата обращения: 15.10.2024).
Fitzpatrick Sh. White Russians – the Red Threat? History of Russian Emigration in Australia / transl. from English by T. Azarkovich. Corpus Publisher, 2023. 642 p. URL: <https://www.litres.ru/book/sheila-fitzpatrick/belye-russkie-krasnaya-ugroza-istoriya-russkoy-emigraci-69796201/chitat-onlayn/> (accessed 15.10.2024). (In Russ.).
38. Шмидт С. О. Предпосылки "устной истории" в историографической культуре России // Реализм исторического мышления. Проблемы отечественной истории периода феодализма: Чтения, посвященные памяти А. Л. Станиславского. Тезисы докладов и сообщений. Москва, 27 января – 1 февраля 1991 г. М., 1991. С. 262–263.
Shmidt S. O. Prerequisites of "oral history" in the historiographic culture of Russia / Problems of Russian History of the Feudalism Period: Readings Dedicated to the Memory of A. L. Stanislavsky. Abstracts of reports and communications. Moscow, January 27 – February 1, 1991. Moscow, 1991. P. 262–263. (In Russ.).

Информация об авторе

Светлана Михайловна Дударёнок, д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток, Россия, e-mail: dudarenoksv@gmail.com

Information about the author

Svetlana M. Dudarenok, Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Russian Far East, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, Vladivostok, Russia, e-mail: dudarenoksv@gmail.com

Поступила в редакцию 25.10.2024

Received 25.10.2024

Одобрена после рецензирования 08.02.2025

Approved 08.02.2025

Принята к публикации 25.02.2025

Accepted 25.02.2025

Русскоязычные мигранты в Австралии: выбор аккультурационных стратегий и факторы успешной интеграции

Евгений Викторович Журбей
Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, zhurbey.ev@dvfu.ru
Анастасия Станиславовна Киселёва
независимый исследователь, Владивосток, Россия, kiseleva.ast@dvfu.ru
Диана Альбертовна Владимирова
Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, vladimirova.da@dvfu.ru

Аннотация. Аккультурация русскоязычных мигрантов в Австралии представляет собой сложный процесс, включающий адаптацию к новому социальному и культурному контексту. Настоящее исследование анализирует стратегии аккультурации, барьеры интеграции и перспективы адаптации данной группы в принимающем сообществе. В исследовании с опорой на модель аккультурации Джона Берри использована комплексная методика с применением методов анкетирования (n=100) и интервью (n=10) для выявления доминирующих стратегий и факторов, влияющих на процесс адаптации. Результаты показывают, что большинство русскоязычных мигрантов придерживаются стратегии интеграции, однако сталкиваются с языковыми барьерами, ограниченным доступом к рынку труда и сложностью установления социальных связей с местным населением. Несмотря на трудности, уровень удовлетворённости жизнью в Австралии остаётся высоким, а мигранты демонстрируют стремление к сохранению родной культуры при одновременной адаптации к австралийским реалиям. Исследование подчёркивает важность комплексной государственной поддержки, направленной на облегчение интеграции мигрантов, а также необходимость дальнейшего анализа политики мультикультурализма в Австралии.

Ключевые слова: аккультурация, русскоязычные мигранты, Австралия, интеграция, мультикультурализм
Для цитирования: Журбей Е. В., Киселёва А. С., Владимирова Д. А. Русскоязычные мигранты в Австралии: выбор аккультурационных стратегий и факторы успешной интеграции // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2025. Т. 19. № 1. С. 60–71. <https://doi.org/10.29039/1998-6785/2025-1/60-71>

Original article
<https://doi.org/10.29039/1998-6785/2025-1/60-71>

Russian-Speaking Migrants in Australia: Selection of Acculturation Strategies and Factors of Successful Integration

Evgeny V. Zhurbey
Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, zhurbey.ev@dvfu.ru
Anastasia S. Kiseleva
Independent Researcher, Vladivostok, Russia, kiseleva.ast@dvfu.ru
Diana A. Vladimirova
Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, vladimirova.da@dvfu.ru

Abstract. The acculturation of Russian-speaking migrants in Australia is a complex process that involves adaptation to a new social and cultural context. This study analyzes acculturation strategies, integration barriers, and adaptation prospects for this group within the host society. In the study, based on John Berry's acculturation model, a comprehensive methodology was employed, incorporating survey methods (n=100) and interviews (n=10) to identify the dominant strategies and factors influencing the adaptation process. The findings indicate that most Russian-speaking migrants adopt an integration strategy but face challenges such as language barriers, limited access to the labor market, and difficulties in establishing social connections with the local population. Despite these challenges, the overall life satisfaction level remains high, and migrants demonstrate a willingness to preserve their cultural heritage while adapting to Australian realities. The study highlights the importance of comprehensive government support to facilitate migrant integration and the need for further analysis of Australia's multiculturalism policies.

Key words: acculturation, Russian-speaking migrants, Australia, integration, multiculturalism

For citation: Zhurbey E. V., Kiseleva A. S., Vladimirova D. A. Russian-Speaking Migrants in Australia: Selection of Acculturation Strategies and Factors of Successful Integration // Ojkumena. Regional Researches. 2025. Vol. 19. No. 1. P. 60–71. <https://doi.org/10.29039/1998-6785/2025-1/60-71>

Введение

Изучение аккультурационных стратегий русскоязычных мигрантов в Австралии и факторов, способствующих их успешной интеграции, является актуальной задачей в контексте современных миграционных процессов. Австралия традиционно выступает как страна с развитой миграционной политикой, ориентированной на привлечение квалифицированных специалистов и создание инклюзивного общества. Русскоязычная община, как часть мультикультурного австралийского общества, демонстрирует разнообразные стратегии адаптации, что делает её интересным объектом научного анализа.

Настоящее исследование является продолжением ранее выполненных научных работ, посвященных изучению аккультурационных стратегий

мигрантов: [4–7]. Оно опирается на существующие теоретические модели и эмпирические исследования, углубляя анализ особенностей адаптации русскоязычных мигрантов в Австралии. Исследование дополняет предыдущие результаты, расширяя понимание факторов, влияющих на процесс аккультурации, а также предлагая актуализированные выводы, основанные на современных данных и изменяющихся миграционных тенденциях.

В условиях растущей мобильности населения и интенсификации миграционных потоков понимание процессов адаптации мигрантов становится значимым как в теоретическом плане, так и с практической точки зрения, в частности, для разработки эффективных интеграционных программ. Русскоязычные мигранты, переезжая в Австралию, сталкиваются с необходимостью балансировать между сохранением культурной идентичности и освоением новых социальных норм. Аккультурационные стратегии, которые они выбирают, зависят от множества факторов, включая языковую адаптацию, социальные связи, мотивацию переезда, профессиональную самореализацию и психологическую устойчивость.

Результаты настоящего исследования имеют как теоретическое, так и практическое значение. С теоретической точки зрения, исследование расширяет понимание процессов аккультурации через призму модели Дж. Берри, выявляя, какие стратегии доминируют среди русскоязычных мигрантов в Австралии. С практической стороны, полученные данные могут быть полезны для образовательных учреждений, социальных служб, а также для организаций, оказывающих поддержку новым мигрантам в процессе адаптации.

Таким образом, актуальность исследования обусловлена необходимостью выявления факторов, способствующих успешной интеграции русскоязычных мигрантов, а также рекомендацией для формирования эффективных программ поддержки, направленных на гармоничное встраивание мигрантов в социальную, культурную и экономическую ткань австралийского общества.

В предметном поле нашего исследования существуют пробелы.

Во-первых, недостаток исследований по русскоязычным мигрантам в Австралии. В то время как существует значительное количество работ по аккультурации мигрантов в Австралии в целом (например, китайских или индийских), русскоязычное сообщество остаётся менее изученным. Большинство исследований аккультурации мигрантов в Австралии фокусируются на англофонских и азиатских диаспорах, оставляя русскоязычных мигрантов вне центра внимания.

Во-вторых, недостаток исследований, учитывающих современные реалии и новые волны миграции. Исследования по аккультурации русскоязычных мигрантов, проведённые ранее, касаются иммигрантов 1990-х – начала 2000-х гг. Однако в последние годы характер русскоязычной миграции изменился (например, увеличилось число высококвалифицированных специалистов, цифровых кочевников, студентов). Влияние цифровой среды, транснациональных сообществ и новых миграционных волн практически не исследовано.

В-третьих, недостаточное внимание к барьерам и вызовам русскоязычных мигрантов. Многие работы рассматривают аккультурацию через призму общего интеграционного процесса, такие, как языковая адаптация, дискриминация, психологический стресс и правовые ограничения. Неясно, какие факторы (например, возраст, уровень образования, экономический статус и др.) в наибольшей степени влияют на выбор аккультурационной стратегии.

Всё вышесказанное позволяет сформулировать основную целевую установку нашего исследования – определить аккультурационные стратегии, используемые русскоязычными мигрантами в Австралии, а также выявить ключевые факторы, способствующие успешной интеграции в принимающее общество, с опорой на модель аккультурации Дж. Берри.

Теоретические основания исследования

Процесс адаптации и интеграции русскоязычных мигрантов будет рассмотрен через призму теории социального конструирования и аккультурации (в изложении канадского этнопсихолога Дж. Берри) [2–3; 8–15]. Теория социального конструирования основывается на фундаментальном принципе, согласно которому люди (ре)конструируют свой опыт посредством социальных взаимодействий, т. е. их трансформация (например, адаптация) является

продуктом таких социальных взаимодействий [17]. Когда русскоязычные мигранты приезжают в Австралию, они должны адаптироваться в новой культуре, найти новую работу, иногда вернуться в школу, завести новых друзей, привыкнуть к другой еде, быть физически вдали от семьи, привыкнуть к климатическим различиям и научиться говорить по-английски. Все эти изменения обычно происходят одновременно, и это может вызвать стресс, перенапряжение сил. "Все формы человеческой деятельности как повторяющийся и рефлексивный процесс, в котором ресурсы (значения) выражаются в практиках (действиях) и в которых практики (ре)конструируют ресурсы. Таким образом, термин "(ре)конструкция" определяет воздействие, которое практика оказывает на ресурсы, изменяет ли она или подтверждает существующий набор ресурсов" [18, р. 23–25].

В этих новых для себя обстоятельствах русскоязычные неизбежно воссоздают свой социальный мир. Переезд в другую страну означает изучение новой культуры. Живя в новой для себя стране (в нашем случае в Австралии), русскоязычные могут создать новый социальный мир или воссоздать старую домашнюю культуру своей родины (например, России). В процессе адаптации постоянно возникают новые смыслы, и иммигранты чувствуют, что они всегда меняются.

Стратегии аккультурации показывают, как мигранты хотят жить в стране после иммиграции, и эти стратегии основаны на двух межкультурных аспектах: сохранении культурного наследия ("поддержание культуры") и контакте с другими людьми за пределами своей группы ("культурный контакт"). Пересечение этих двух аспектов, "культурное поддержание" и "культурный контакт", приводит, по мнению Дж. Берри, к четырём стратегиям аккультурации: ассимиляции, интеграции, сепарации и маргинализации. Ассимиляция относится к процессу принятия новой культуры при отказе от своей первоначальной культуры, что выражается в низкой заинтересованности мигранта в сохранении своей культурной самобытности и низкой заинтересованности во взаимодействии с другими культурами. Интеграция относится к процессу принятия новой культуры при сохранении своей исходной культуры. Это означает, что человек адаптируется к новой культуре, сохраняя при этом элементы своей собственной культуры. Сепарация относится к процессу сохранения своей первоначальной культуры при отказе от новой культуры. Это означает, что человек не принимает ценности, обычаи или поведение новой культуры, а вместо этого сохраняет своё собственное культурное наследие. Маргинализация относится к процессу отказа как от новой культуры, так и от исходной культуры. Это означает, что человек чувствует себя оторванным от обеих культур и не идентифицирует себя ни с одной из них [5, с. 108].

Аккультурационная теория Дж. Берри – одна из самых адекватных теорий, согласно которой первоначально люди должны принимать решения исходя из двух вопросов: степень, в которой индивид рассматривает исконную культурную идентичность и важные характеристики; степень, в которой индивид становится вовлеченным в другие культурные группы и перенимает практику других культур или остается в рамках своей. При оценке результатов процесса аккультурации можно отметить, что адаптация является наиболее эффективной, а маргинализация – наименее успешной, ассимиляция и сепарация находятся на промежуточной позиции.

Методы исследования

Исследование было выполнено с опорой на количественные и качественные методы. Полевые работы проводились осенью – зимой 2023–2024 гг. Для сбора и анализа количественных данных по различным аспектам аккультурации, таким как владение языком, культурные обычаи, социальная интеграция и психологическое благополучие, использован метод анкетирования. выборочная совокупность формировалась методом "снежного кома", т. е. начинали с небольшой группы известных участников (так называемая "начальная выборка" или "семена"), а затем просили их рекомендовать других потенциальных участников, соответствующих критериям исследования. Этот процесс повторялся, и выборка "накручивалась" подобно снежному кому, постепенно расширяясь за счёт рекомендаций уже привлеченных участников. Снежный ком эффективен при исследовании малочисленных популяций, к

Табл. 1. Динамика численности русскоязычных (выходцев из России) и общего населения Австралии
Table 1. Dynamics of the Russian-speaking population (originating from Russia) and the total population of Australia

Показатель	2016	2021	Изменение (%)
Выходцы из России (или лица с российским происхождением)	85 тыс.	98 тыс.	+13%
Общее население Австралии	≈23,4 млн	25,4 млн	+8,6% (≈+2 млн человек)

Источник: [1].
Source: [1].

которым можно отнести русскоязычных мигрантов Австралии, когда стандартные методы вероятностной выборки не могут быть применимы [16]. В качестве респондентов было опрошено 100 человек (ПМА 2024). Выборка в 100 респондентов может быть достаточной для выявления основных тенденций и уточнения первоначальных гипотез для последующих, более масштабных исследований.

Наряду с анкетированием использовался метод неформализованного интервью. В неформализованном интервью приняли участие 10 респондентов (ПМА 2023)¹.

Совмещение количественной и качественной методологии позволяет изучать тонкости аккультурации, процесса согласования личной идентичности и культурной адаптации.

Социально-демографические характеристики русскоязычных мигрантов в Австралии

В Австралии установлен пятигодичный цикл проведения переписей населения, осуществляемых Австралийским бюро статистики (Australian Bureau of Statistics, ABS). Такой регулярный интервал позволяет отслеживать динамику демографических изменений, миграционных процессов и другие социально-экономические тенденции в стране, что является важным для проведения качественных и количественных исследований в области демографии и миграционных процессов. Основными источниками в определении социально-демографических характеристик русскоязычных мигрантов в Австралии выступили переписи населения 2016 и 2021 гг.

Рост численности выходцев из России (+13%) опережает прирост населения (+8,6%), что может свидетельствовать о специфических миграционных процессах или демографических особенностях данной группы (табл. 1). Учитывая, что общий прирост населения составляет около 1100 человек в день, можно предположить, что миграционные потоки и естественное увеличение населения в Австралии является существенными факторами в формировании мультикультурного облика страны.

Географическое распределение показывает, что основная масса выходцев из России сконцентрирована в штатах с развитой экономикой, таких как новый Южный Уэльс и Виктория. Пропорциональность распределения свидетельствует о том, что миграционные потоки охватывают все регионы, хотя масштабы варьируются (табл. 2).

Более половины выходцев из России сохраняют русский язык в быту (56%), что свидетельствует о сильной приверженности культурным и языковым традициям. Повышение среднего возраста (с 35–39 до 40–44 лет) вместе с уменьшением доли молодых людей (15–29) и приростом числе детей до 14 лет может указывать на смену демографической структуры внутри группы, что требует дополнительного анализа в контексте интеграционных и социальных процессов (табл. 3).

¹ ПМА 2023 – Полевые материалы авторов/ Интервью с русскоязычными мигрантами Австралии. Участие в интервью приняло 10 чел. (n=10) (2023).

Табл. 2. Региональное распределение русскоязычных мигрантов (выходцев из России) в Австралии
 Table 2. Regional Distribution of Russian-Speaking Migrants (Originating from Russia) in Australia

Штат / Территория	Численность (чел.)
Новый Южный Уэльс	35000
Виктория	27000
Квинсленд	17000
Южная Австралия	7000
Западная Австралия	7000
Австралийская столичная территория	1900
Тасмания	1000
Северная территория	379

Источник: [1].

Source: [1].

Опыт аккультурации русскоязычных мигрантов в Австралии

Результаты анкетного опроса, проведённого в 2024 г. среди русскоязычных мигрантов, проживающих в Австралии, позволяют выявить ключевые тенденции, связанные с их процессом аккультурации, адаптации к новым социально-культурным условиям и восприятием жизни в принимающем обществе. Средний возраст опрошиваемых – 46 лет. Опрошенных женского пола – 76 человека, мужского – 24. Города, в которых живут опрошенные: Мельбурн, Перт, Сидней, Аделаида, Брисбен, Медоуи, Вуллонгонг, Вангаратта, Логан, Аскит, Голд Кост. 84,9% респондентов имели высшее образование, полученное в России. 75,5% потребовалось дополнительное образование в Австралии (схожая тенденция во взглядах с интервьюируемыми). Большая часть опрошенных работает и учится.

Анкетирование демонстрирует, что для русскоязычных мигрантов в Австралии доминирующим стимулом к переезду является улучшенные социально-экономические условия (высокий уровень жизни, семейная стабильность и безопасность), тогда как вопросы культурной интеграции, образовательных возможностей и профессионального развития менее значимы. Аналогичным образом, ключевые проблемы, с которыми сталкиваются мигранты, имеют преимущественно внутренний (психологический и языковой) и бытовой характер, что подчёркивает необходимость комплексного подхода к адаптации мигрантов в принимающем австралийском обществе.

Интересно, что 50,9% опрошенных считают, что не имеют никаких проблем на данный момент, тогда как 28,3% отметили, что сумели справиться с возникшими трудностями. Ещё 15,1% находились в процессе их преодоления, а 5,7% выразили сомнения в своих возможностях полностью адаптироваться. Одним из ключевых факторов адаптации для большинства респондентов стало владение английским языком: 47,2% и 39,6% респондентов считают, что говорят свободно или говорят хорошо, но иногда не хватает слов; 11,3% понимают, но говорят плохо и 1,9% плохо понимает и совсем не говорит. При этом 67,9% подчеркнули важность двуязычия и сохранения родного языка наряду с английским; 20,8% считают, что важнее владеть в совершенстве английским; 7,5% считают, что для них важно ни владеть ни русским, ни английским; 3,8% считают, что русским владеть важнее. 73,6% респондентов предпочитают иметь среди знакомых и выходцев из России, и австралийцев; 9,5% предпочитают выходцев из России, ещё 9,4% практически ни с кем не общаются, 7,5% предпочитают австралийцев. 47,2% ответили, что у них есть несколько знакомых среди австралийцев, 41,5% ответили, что у них много знакомых среди

Табл. 3. Языковые и возрастные характеристики русскоязычных мигрантов в Австралии (выходцев из России)

Table 3. Linguistic and Age Characteristics of Russian-Speaking Migrants in Australia (Originating from Russia)

Параметр	2016	2021	Тенденция
Доля респондентов, говорящих дома на русском	-	56%	-
Средний возраст	35–39 лет	40–44 года	Рост среднего возраста
Доля респондентов в возрасте 15–29 лет	29,4%	25,4%	Снижение
Ранг русского языка по доле респондентов до 14 лет	32-е место	32-е место	Прирост
Ранг русского языка среди языков Австралии	-	32-е место	-
Основные языки (для сравнения):			
Английский	72,0%	72,0%	Без изменений
Китайский	3,0%	3,0%	Без изменений
Арабский	1,4%	1,4%	Без изменений
Вьетнамский	1,3%	1,3%	Без изменений

Источник: [1].

Source: [1].

австралийцев, 7,5% ответили, что знакомых нет, 3,8% ответили, что знакомых нет, но хотели бы познакомиться (ПМА 2024)².

Среди культурных практик также прослеживаются интересные закономерности. Например, 77,4% респондентов считают, что важно сохранять свои традиции и одновременно усваивать австралийские, что, по их мнению, способствует более успешной интеграции в новое общество. В то же время почти половина опрошенных (47,2%) полностью отказалась от празднования российских праздников, отдавая предпочтение местным традиционным мероприятиям. 22,6% и 20,8% отмечают российские праздники, где первые отмечают довольно часто, а вторые редко; 9,4% не отмечают, но хотели бы. 50,9% опрошенных предпочитают мероприятия, в которые включены и выходцы из России, и австралийцы; 26,4% не посещают мероприятия вообще; 17% предпочитают мероприятия, посвященные австралийской культуре; 5,7% предпочитают мероприятия, посвященные их культуре, с выходцами из России (ПМА 2024).

83,0% респондентов ощущают себя в Австралии как дома (схожая тенденция во взглядах с интервьюируемыми); 9,4% не могут определиться, 3,8% не ощущают себя в Австралии как дома, но хотели бы; 3,8% никогда не ощущали себя в Австралии как дома. У 83% респондентов самочувствие нынешнее улучшилось; 7,5% самочувствие ухудшилось; 5,7% самочувствие не изменилось; 3,8% не определились с ответом (ПМА 2024).

Большая часть респондентов (62,3%) удовлетворена опытом проживания в Австралии (схожая тенденция во взглядах с интервьюируемыми), а 28,3% скорее удовлетворены, чем нет. 7,5% неудовлетворены, а 1,9% респондентов не определился с ответом. 75,5% чувствуют себя частью австралийского общества (схожая тенденция во взглядах с интервьюируемыми); 17% не чувствуют себя частью австралийского общества, но хотели бы; 7,5% не чувствуют себя частью австралийского общества. 92,5% респондентов не планируют покидать Австралию, что свидетельствует о формировании у большинства устойчивого чувства принадлежности к принимающему обществу. Оставшиеся 3,8% пла-

² ПМА 2024 – Полевые материалы авторов. Анкетный опрос русскоязычных мигрантов Австралии. Участие в анкетировании приняли 100 человек (n=100) (2024).

нируют покинуть Австралию, а 3,7% не планируют покидать Австралию, но хотели бы (ПМА 2024).

Для более глубокого понимания факторов, влияющих на процесс аккультурации, а также для выявления индивидуальных стратегий адаптации, в дополнение к анкетному опросу считаем целесообразным представить результаты неформализованных интервью с русскоязычными мигрантами. В интервью приняли участие 10 русскоязычных мигрантов из различных городов Австралии, включая Сидней, Перт, Мельбурн, Тумби-бей, Голд Кост и Банбери (ПМА 2023). Качественный анализ интервью позволил не только подтвердить выявленные в опросе тенденции, но и выявить субъективные восприятия и эмоциональные аспекты адаптационного процесса. В частности, респонденты делились своими впечатлениями о сложностях общения с австралийцами, необходимости сохранения культурной идентичности и важности владения английским языком уже на момент прибытия.

Основные трудности при переезде были следующие: психологические проблемы, формирование нового социального круга, поиск работы, поиск жилья, сохранение и поддержание своих традиций, языковой барьер.

Все респонденты уверены, что определенный уровень английского должен быть на момент приезда. Более того, было отмечено, что уровень английского должен соответствовать целям мигрантов.

"Я была уверена, что в Австралии можно подтянуть язык на месте, но быстро поняла, что без базового уровня простые вещи становятся сложными. Например, в первый же день не смогла понять, как купить проездной (ПМА 2023: Инф. 2).

"Я уехала с минимальным уровнем, и это было большой ошибкой. Даже поход к врачу или оформление документов становились стрессом. Я бы посоветовала всем заранее хотя бы освоить базовый английский язык" (ПМА 2023: Инф. 3).

"Я готовилась заранее, потому что знала, что собираюсь искать работу в профессиональной сфере. Для этого нужно было не просто говорить на бытовом уровне, а уметь поддерживать деловые переговоры" (ПМА 2023: Инф. 5).

"Если человек приезжает на время, допустим, как студент, ему достаточно разговорного уровня. Но если планируешь здесь остаться надолго, особенно с семьёй, нужно сразу вложиться в изучение языка" (ПМА 2023: Инф. 7).

"Мне было важно работать по профессии, поэтому я сдавала IELTS ещё в России. Думаю, что, если человек хочет построить карьеру, ему стоит заранее определить, как уровень английского нужен для его сферы" (ПМА 2023: Инф. 6).

Также наши информанты отметили, что выстраивать тёплые дружеские отношения с австралийцами тяжело и по сей день, и, в основном, всё общение сводится к взаимодействию с русскоязычными друзьями и приятелями.

"Большая часть моих друзей здесь – это русскоязычные мигранты. Нам проще понимать друг друга: общие традиции, менталитет, да и язык родной" (ПМА 2023: Инф. 4).

"Я пыталась больше общаться с австралийцами, но быстро поняла, что мне проще быть в кругу русскоязычных. Это даёт ощущение дома" (ПМА 2023: Инф. 6).

"В основном встречаемся с русскими семьями – праздники, пикники, детские мероприятия. Так легче поддерживать культурную связь с родной" (ПМА 2023: Инф. 1).

"Я познакомилась с девушкой из Бразилии в языковой школе. С тех пор мы часто общаемся, потому что у нас похожие трудности в адаптации" (ПМА 2023: Инф. 2).

"Мне повезло – на работе меня приняли очень тепло. Мы вместе ходим на кофе, иногда встречаемся на выходных. Коллеги помогли мне быстрее понять местную культуру" (ПМА 2023: Инф. 7).

"У нас есть друзья-австралийцы: соседи, коллеги мужа. Но для этого понадобилось время и усилия. Нужно быть очень открытым и инициативным" (ПМА 2023: Инф. 7).

Интервьюируемые отметили, что стоит сохранять свои культурные традиции и усваивать австралийские. Большая часть отмечают и российские праздники, и австралийские, однако часть уже отмечают только австралийские.

"Для меня важно сохранить русские традиции, но при этом я стараюсь и принимать австралийские. Это помогает чувствовать себя частью общества, не теряя связь с корнями" (ПМА 2023: Инф. 3).

"Мы стараемся воспитывать детей в двух культурах. Дома мы говорим по-русски, отмечаем Масленицу и Новый год, но при этом с удовольствием участвуем в местных праздниках, например, в Австралийском дне" (ПМА 2023: Инф. 7).

"Я считаю, что интеграция не означает отказ от своей культуры. Мы, например, готовим оливье на Рождество, а на следующий день идём на барбекю с соседями-австралийцами" (ПМА 2023: Инф. 5).

"Культурные традиции – это якорь, особенно в эмиграции. Но если ты хочешь стать частью общества, нужно принимать и их обычаи" (ПМА 2023: Инф. 4).

подавляющая часть опрошенных отметили, что чувствуют себя в Австралии как дома, тогда как только один человек сообщил, что не ощущает себя дома в этой стране.

"Поначалу было сложно привыкнуть к новой стране, но спустя несколько лет я чувствую себя здесь абсолютно как дома. Свой дом, своя работа, друзья – всё это создает ощущение стабильности" (ПМА 2023: Инф. 3).

"Когда я поняла, что мне уже не нужно переводить слова в голове и могу спокойно болтать с соседкой, я почувствовала себя здесь по-настоящему дома" (ПМА 2023: Инф. 5).

"Мы с семьей создали свой уютный уголок здесь. У нас есть свой дом, дети ходят в местную школу, мы участвуем в жизни сообщества. Австралия стала нашим домом" (ПМА 2023: Инф. 6).

"Мой дом здесь. Я скучаю по России, но в Австралии я нашла свой комфорт и стабильность" (ПМА 2023: Инф. 7).

Каждый из информантов отметил, что со временем его состояние улучшилось, несмотря на все трудности иммиграции. Значительная часть интервьюированных удовлетворены опытом проживания (*"Я очень довольна тем, что уехала. Здесь я нашла новые возможности, спокойную жизнь и доброжелательное окружение"* (ПМА 2023: Инф. 6), *"Австралия дала мне шанс изменить свою жизнь к лучшему. Я чувствую себя здесь в безопасности и комфорте"* (ПМА 2023: Инф. 3)). Большая часть считает себя частью австралийского общества, но есть и те, кто этого ещё не ощущает: *"Мы активно общаемся с местными, участвуем в жизни сообщества. Я действительно чувствую себя частью Австралии"* (ПМА 2023: Инф. 6). Интервьюируемые отмечают желание пожить в других странах (*"Я люблю Австралию, но не исключаю, что ещё попробую пожить в Канаде"* (ПМА 2023: Инф. 4), *"Мы уже думаем о переезде в Новую Зеландию – там лучший климат, новое место"* (ПМА 2023: Инф. 7)).

В целом, для переезда в Австралию иммигранту лучше владеть английским языком. Конечно, в Австралии есть курсы английского языка (по словам одного из интервьюируемых), однако лучше, чтобы был хотя бы начальный уровень. Таким образом, адаптация будет проходить не слишком тяжело, со временем язык станет лучше, о чем говорят результаты опросника. В основном главной проблемой для приезжих является акцент и сленговые выражения.

Заводить дружбу (в понимании стран постсоветского пространства) с австралийцами достаточно тяжело, чаще всего это приятельские отношения. Иными словами, люди друг другу знакомые, но не друзья. Именно поэтому многие русскоязычные иммигранты стараются в первое время после прибытия искать русскоязычные сообщества. Как выразился один из интервьюируемых: *"приходится общаться с теми русскоязычными, с которыми ты бы вряд ли общался на родине"*.

Похожая тенденция наблюдается и относительно сохранения культуры родной страны и усваиванию австралийской. Респонденты считают, что для успешной адаптации важно сохранять баланс. Тем не менее, баланса иногда

трудно достичь. Многие отметили, что это отнимает очень много энергии, кто-то выразился, что балансировка – это "идеал".

В общей сложности, опытом проживания в Австралии довольна большая часть интервьюируемых и опрошенных. Многие не хотели бы переезжать из Австралии, только если "пожить на несколько стран, включая Австралию". Большинству удалось преодолеть миграционные трудности со временем, что положительно сказывается на их самочувствии на данный момент.

Обсуждение

В ходе проведённых количественного и качественного исследований мы можем сделать вывод, что русскоговорящие иммигранты из России больше придерживаются стратегии интеграции. В подтверждение отметим: респонденты уверены, что по приезду должен быть определенный уровень английского языка, чтобы было легче адаптироваться в обществе. То есть сепарация или даже маргинализация в отношении владения английским не рассматривались среди опрошиваемых. Многие из респондентов стараются разговаривать со своими детьми на русском языке, часто посещают встречи в русскоязычном сообществе, у некоторых партнёры учат русский язык. Отказа от своей личной культурной идентичности или русского языка, как это происходит в стратегии ассимиляции, среди опрошенных не наблюдается.

Тем не менее, большая часть опрошенных утверждают, что среди друзей у них больше русскоязычных, чем австралийцев. Однако почти каждый респондент сказал, что у него есть австралийские знакомые, с которыми они также могут собраться на праздники или посидеть в кафе. Несмотря на то, что степень привязанности различается между русскоговорящими друзьями и австралийскими знакомыми, иммигранты стараются поддерживать отношения и с теми, и с теми.

Также превалирование стратегии интеграции подтверждает тот факт, что почти все интервьюированные и 77,4% опрошенных считают важным сохранять свои культурные традиции и усваивать австралийские. Вдобавок, большая часть респондентов отмечает и российские праздники, и австралийские. Также значительная часть опрошенных предпочитают мероприятия, в которых задействованы и выходцы из России, и австралийцы.

Стоит добавить, что такие самые распространенные среди опрошенных трудности, как: психологические проблемы, языковой барьер, поиск жилья и работы, формирование нового социального круга сохранение и поддержание своих традиций, а также легализация статуса со временем не вызывали значительных сложностей и были успешно преодолены (у 83% опрошенных и каждого интервьюированного нынешнее состояние стало лучше, в сравнении с состоянием по приезду), что выразилось в текущей удовлетворенности проживанием в Австралии (62,3% опрошенных и большая часть интервьюированных полностью довольны, 28,3% опрошенных скорее удовлетворены, чем нет). 92,5% опрошенных не хотят менять Австралию как постоянное место жительства.

Наше исследование, а также многие другие указывают на необходимость мигрантов адаптироваться к австралийскому обществу и следовать его нормам. Однако даже при длительном проживании высоки показатели сохранения мигрантами своих кругов общения, поскольку менталитеты групп могут различаться, несмотря на усилия мигрантов в интеграции. Многие русскоязычные предпочитают общаться с представителями своей собственной культурной группы, чем с австралийцами. Хотя существуют и противоположные примеры, они встречаются довольно редко.

Можно предположить, что успешность стратегии интеграции в Австралии оказывается далека от принципов политики мультикультурализма. Присоединение к англо-кельтскому (австралийскому) обществу требует значительных усилий, которые далеко не каждый желает предпринимать, учитывая наличие более привлекательных альтернатив. Рассмотрение политики мультикультурализма в Австралии и анализ роли русскоязычных мигрантов требует более глубокого изучения. Следует отметить, что многие мигранты, не являющиеся частью англо-кельтской группы, предпочитают кооперироваться друг с другом, что может отражать мультикультурное общество. Однако важно заметить, что в мультикультурном обществе предполагается равноправное

отношение между этническими группами, вместо доминирования одной группы над остальными (в данном случае – англо-кельтской). Например, один из опрошенных, отвечая на вопрос "Чувствуете ли вы себя частью австралийского общества?", попросил уточнения: "Англо-саксонского общества или общества мигрантов?". Такое разделение общества на мигрантское и англо-саксонское приводит к различиям и в других сферах общественной жизни. Высокая удовлетворенность жизнью в Австралии объясняется даже не тем, что удалось "вклиниться" в принимающее общество, а в целом тем, что посчастливилось более-менее снизить множество стрессовых факторов во время адаптации: кто-то получил образование в Австралии и теперь может работать, кто-то нашёл свой круг общения (близкий круг всё же чаще состоит из представителей множества этносов, чем из представителей англо-саксонского общества – условных австралийцев), а кто-то может похвастаться статусом гражданина Австралии (при этом не идентифицируя себя как австралийца).

Однако русскоязычные иммигранты не слишком стремятся к ассимиляции, объясняя это тем, что они уделяют равное внимание как культуре Австралии, так и своей собственной. Несмотря на то, что их единство не слишком крепко, русскоязычные мигранты всё же находят своих единомышленников в принимающих странах и формируют сообщества, которые часто помогают справиться с непростыми ситуациями, что способствует более или менее успешной адаптации в многонациональном обществе.

Отношение к мигрантам в Австралии не всегда является крайне дружеским (не все принимают мигрантов с распростертыми объятиями), однако, оно также не является крайне отрицательным, что способствует тенденции к интеграции, а не к ассимиляции, сепарации или маргинализации. Общины русскоязычных мигрантов не считают себя чужими, но и не чувствуют себя абсолютно встроенными в условное австралийское общество – они находятся где-то посередине, применяя стратегию интеграции.

В целом, можно предположить, что изменение отношения к мигрантам будет влиять на стратегии их адаптации. Например, усиление дискриминации в отношении новоприбывших, скорее всего, приведёт к увеличению сепарации от принимающего общества или, в худшем случае, к маргинализации. Акцент на ассимиляции может оказать положительное воздействие на принимающее общество, но это также подчёркивает нестабильность политики мультикультурализма, которая не предполагает наличия единого доминирующего принимающего общества. В целом, высока вероятность, что выбранная иммиграционная политика определит тенденции взаимной адаптации как мигрантов, так и общества в Австралии – всё зависит от их потребностей и контекста.

Дополнительным фактором, способствующим успешной интеграции русскоязычных мигрантов в австралийское общество, является сочетание индивидуальных установок на адаптацию и доступность институциональной поддержки. Результаты опроса демонстрируют, что 75,5% респондентов ощущают себя частью австралийского общества, что свидетельствует о наличии у них внутренней мотивации к интеграции. Однако важную роль в этом процессе играют доступные курсы английского языка, программы профессиональной переподготовки и различные инициативы, направленные на вовлечение мигрантов в социально-культурную жизнь. Такие структурные ресурсы снижают уровень психологического дискомфорта, связанного с адаптацией, и помогают мигрантам более уверенно чувствовать себя в новой среде. Например, те респонденты, которые прошли языковые курсы по прибытии, чаще отмечали высокий уровень владения английским языком и более позитивное восприятие собственного социального статуса.

Кроме того, значительное влияние на успешную интеграцию оказывает социальный капитал мигрантов. Наличие смешанных социальных связей, как с русскоязычными, так и с австралийскими знакомыми создают условия для лучшего понимания принимающего общества. Например, 50,9% респондентов предпочитают участвовать в мероприятиях, где присутствуют как австралийцы, так и представители русскоязычной общины. Такая гибкая социальная структура позволяет мигрантам не только сохранить культурную идентичность, но и освоить новые социальные практики, способствующие более эффективному взаимодействию с окружающим обществом. При этом

недостаток глубоких дружеских связей с австралийцами, о котором упоминали респонденты, может замедлять процесс полной интеграции и приводить к формированию этнически замкнутых групп. Следовательно, успешность аккультурации в данном случае зависит не только от индивидуальных усилий, но и от наличия мостиков взаимодействия между различными культурными группами, что подтверждает важность гибкости и взаимной открытости в рамках политики мультикультурализма.

Заключение

Аккультурация русскоязычных мигрантов в Австралии представляет собой сложный и динамичный процесс, в котором пересекаются личные, социальные и институциональные факторы. В отличие от концепции ассимиляции, когда мигранты полностью отказываются от своей исходной культуры, в данном случае преобладает интеграционная модель, позволяющая сочетать элементы родной идентичности с адаптацией к новой среде.

Одной из ключевых особенностей процесса аккультурации является формирование устойчивых русскоязычных сообществ, которые выполняют функцию поддержки для новых мигрантов, но в то же время могут замедлять их интеграцию в местное общество. Русскоязычные ощущают дистанцию от местного австралийского населения, что подтверждает необходимость более глубокого анализа политики мультикультурализма в Австралии. Важно учитывать, что степень успешности интеграции зависит не только от усилий самих мигрантов, но и от того, насколько принимающее общество открыто к межкультурному взаимодействию.

Несмотря на ряд трудностей, большинство русскоязычных мигрантов успешно адаптируются к жизни в Австралии. Однако процесс остаётся непростым и требует значительных усилий: как со стороны самих мигрантов, так и со стороны государства, которое должно обеспечивать условия для успешной интеграции. В долгосрочной перспективе важнейшим фактором остаётся поддержка языковой и культурной самобытности мигрантов, наряду с созданием благоприятных условий для их включения в экономическую систему страны.

Таким образом, интеграция русскоязычных мигрантов в Австралии не является линейным процессом: это постоянный поиск баланса между сохранением собственной культурной идентичности и адаптацией к требованиям принимающего австралийского общества. Развитие миграционной политики Австралии, учитывающей эти аспекты, позволит не только улучшить качество жизни мигрантов, но и создать более устойчивую модель культурного взаимодействия в многонациональном австралийском сообществе.

Литература / References

1. Австралия меняется на наших глазах // Единение. 8 августа 2022. URL: <https://www.unification.com.au/articles/1659934534/> (дата обращения: 21.06.2024).
Australia is changing before our eyes // Unification. August 8 2022. URL: <https://www.unification.com.au/articles/1659934534/> (accessed 21.06.2024) (In Russ.).
2. Аккультурация и адаптация среди мигрантов. Презентация Джона Берри и Национального исследовательского университета "Высшая школа экономики" для Московского городского университета управления Правительства Москвы. 19 ноября 2014 года URL: <https://mguu.ru/wp-content/uploads/2014/12/john-berri.pdf?ysclid=lis4ipno9o61079184> (дата обращения: 21.06.2024).
Acculturation and Adaptation Among Migrants. Presentation by John Berry and the National Research University "Higher School of Economics" for the Moscow City University of Management under the Government of Moscow on November 19, 2014 URL: <https://mguu.ru/wp-content/uploads/2014/12/john-berri.pdf?ysclid=lis4ipno9o61079184> (accessed 21.06.2024) (In Russ.).
3. Берри Дж. Кросс-культурная психология. Исследования и применение / Дж. Берри, А. Х. Пуртинга, М. Х. Сигалл, П. Р. Дасен. Харьков: Гуманитарный Центр, 2007. 554 с.
Berry J. Cross-cultural psychology. Research and Application / J. Berry, A. H. Poortinga, M. H. Segall, P. R. Dasen. Kharkov: Humanitarian Center, 2007. 554 p. (In Russ.).
4. Владимирова Д. А., Гарусова Л. Н., Журбей Е. В. Иммиграционная политика и восточноазиатские мигранты в странах Северной Америки в прошлом и настоящем. Владивосток: изд-во ДВФУ, 2022. 202 с. EDN: CCNCTN.

- Vladimirova D. A., Garusova L. N., Zhurbey E. V. Immigration Policy and East Asian Migrants in North American Countries: Past and Present. Vladivostok: FEFU Publishing House, 2022. 202 p. EDN: CCNCTN (In Russ.).
5. Журбей Е. В. История формирования вьетнамской диаспоры США в 60–80-е гг. XX в.: проблемы адаптации и интеграции вьетнамских беженцев // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2022. № 2. С. 107–120. <http://doi.org/10.24866/1998-6785/2022-2/107-120>
 - Zhurbey E. V. History of the formation of the Vietnamese diaspora in the United States in the 60–80s. XX century: problems of adaptation and integration of Vietnamese refugees // Ojkumena. Regional Researches. 2022. No. 2. P. 107–120. <http://doi.org/10.24866/1998-6785/2022-2/107-120> (In Russ.).
 6. Журбей Е. В., Бунина В. И., Пушкарева Д. А. Проблемы адаптации и интеграции бразильских иммигрантов в США во второй половине XX – XXI вв. // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2024. № 1. С. 96–111.
 - Zhurbey E. V., Bunina V. I., Pushkareva D. A. Problems of adaptation and integration of Brazilian immigrants to the United States in the second half of the XX – XXI centuries // Ojkumena. Regional Researches. 2024. No. 1. P. 96–111. (In Russ.).
 7. Рыбачук Д. А., Журбей Е. В. Латиноамериканские иммигранты в Канаде: историческая ретроспектива и проблемы интеграции // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2021. № 2. С. 104–116. <http://doi.org/10.24866/1998-6785/2021-2/104-116>
 - Rybachuk D. A., Zhurbey E. V. Latin American immigrants in Canada: historical retrospective and problems of integration // Ojkumena. Regional Researches. 2021. № 2. P. 104–116. <http://doi.org/10.24866/1998-6785/2021-2/104-116> (In Russ.).
 8. Berry J. W. A critique of critical acculturation / J. W. Berry // International Journal of Intercultural Relations. 2009. Vol. 33. № 3. P. 361–371.
 9. Berry J. W., Kim U., Power S., Young M., Bujaki M. Acculturation attitudes in plural societies // Applied Psychology. 1989. No. 38. P. 185–206.
 10. Berry J. W., Annis R. C. Acculturative stress: The role of ecology, culture and differentiation // Journal of Cross-Cultural Psychology. 1974. No. 5. P. 382–406.
 11. Berry J. W., Kim U., Minde T., Mok D. Comparative studies of acculturative stress // International Migration Review. 1987. No. 21. P. 491–511.
 12. Berry J. W. Contexts of acculturation. In D. L. Sam & J. W. Berry (Eds.), The Cambridge handbook of acculturation psychology: Cambridge University Press, 2006. P. 27–42.
 13. Berry J. W. Design of acculturation studies. In D. L. Sam & J. W. Berry (Eds.), The Cambridge handbook of acculturation psychology: Cambridge University Press, 2006. P. 129–141.
 14. Berry J. W. Stress perspectives on acculturation. In D. L. Sam & J. W. Berry (Eds.), The Cambridge handbook of acculturation psychology: Cambridge University Press, 2006. P. 43–57.
 15. Berry J. W. Immigrant youth in cultural transition: Acculturation, identity and adaptation across national contexts / J. W. Berry, J. S. Phinney, D. L. Sam, P. Vedder, P. Mahwah: Lawrence Erlbaum Associates, 2006. 344 p.
 16. Biernacki P., Waldorf D. Snowball Sampling: Problems and Techniques of Chain Referral Sampling // Sociological Methods & Research. 1981. № 10 (2). P. 141–163.
 17. Leeds-Hurwitz W. Social approaches to communication. New York: Guilford Press, 1995. 260 p.
 18. Pearce W. B. Communication and the human condition. Carbondale, IL: Southern Illinois University Press., 248 p. [Selected material: Communication: A perspective, not a thing]. P. 23–31.

Информация об авторах

Евгений Викторович Журбей, канд. ист. наук, доцент кафедры Тихоокеанской Азии Дальневосточного федерального университета, Владивосток, Россия, e-mail: zhurbey.ev@dvfu.ru

Анастасия Станиславовна Киселёва, независимый исследователь, Владивосток, Россия, e-mail: kiseleva.ast@dvfu.ru

Диана Альбертовна ВладимIROVA, канд. ист. наук, профессор кафедры Тихоокеанской Азии Дальневосточного федерального университета, Владивосток, Россия, e-mail: vladimirova.da@dvfu.ru

Information about the authors

Evgeny V. Zhurbey, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of Pacific Asia, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: zhurbey.ev@dvfu.ru

Anastasia S. Kiseleva, Independent Researcher, Vladivostok, Russia, e-mail: kiseleva.ast@dvfu.ru

Diana A. Vladimirova, Candidate of Historical Sciences, Professor of the Department of Pacific Asia at Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: vladimirova.da@dvfu.ru

Институты пространственного развития России в контексте исторического опыта

Леонид Ефимович Бляхер
Тихоокеанский государственный университет, Хабаровск, Россия, Leonid743342@mail.ru
Константин Вадимович Григоричев
Иркутский государственный университет, Иркутский институт химии СО РАН,
Иркутск, Россия, grigoritchev@yandex.ru
Александр Николаевич Демьяненко
независимый исследователь, Хабаровск, Россия, ad716008@mail.com
Антон Александрович Киреев,
Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, antalkir@yandex.ru
Максим Вадимович Клиценко,
Российский государственный аграрный университет – МСХА имени К. А. Тимирязева,
Москва, Россия, klitsenko.m@gmail.com
Александр Николаевич Швецов
Федеральный исследовательский центр "Информатика и управление" РАН, Москва, Россия, san@isa.ru

Ключевые слова: *пространственное развитие, пространственная политика, институты управления пространством, регионоведение, Россия, российский Дальний Восток*

Для цитирования: Бляхер Л. Е., Григоричев К. В., Демьяненко А. Н., Киреев А. А., Клиценко М. В., Швецов А. Н. Институты пространственного развития России в контексте исторического опыта // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2025. Т. 19. № 1. С. 72–83.
<https://doi.org/10.29039/1998-6785/2025-1/72-83>

Round Table
<https://doi.org/10.29039/1998-6785/2025-1/72-83>

Institutions of spatial development of Russia in the context of historical experience

Leonid Y. Bliakher
Pacific State University, Khabarovsk, Russia, Leonid743342@mail.ru
Konstantin V. Grigorichev
Irkutsk State University, Irkutsk Institute of Chemistry, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
Irkutsk, Russia, grigoritchev@yandex.ru
Alexander N. Demyanenko
Independent Researcher, Khabarovsk, Russia, ad716008@mail.com
Anton A. Kireev
Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, antalkir@yandex.ru
Maxim V. Klitsenko
Russian State Agrarian University – K. A. Timiryazev Moscow Agricultural Academy,
Moscow, Russia, klitsenko.m@gmail.com
Alexander N. Shvetsov
Federal Research Center "Informatics and Control" of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia, san@isa.ru

Key words: *spatial development, spatial policy, spatial management institutions, regional studies, Russia, Russian Far East*

For citation: Bliakher L. Y., Grigorichev K. V., Demyanenko A. N., Kireev A. A., Klitsenko M. V., Shvetsov A. N. Institutions of spatial development of Russia in the context of historical experience // Ojkumena. Regional Researches. 2025. Vol. 19. No. 1. P. 72–83. <https://doi.org/10.29039/1998-6785/2025-1/72-83>

3 декабря 2024 г. в Тихоокеанском государственном университете в режиме online был проведен круглый стол "Институты пространственного развития России в контексте исторического опыта", объединивший исследователей из Владивостока, Иркутска, Москвы и Хабаровска. Предлагаем вниманию читателей сокращенное изложение материалов этой дискуссии.

1) Какое содержание вы вкладываете в понятие "пространственное развитие"?

Демьяненко А. Н.: Я не очень понимаю, что такое "пространственное развитие", даже применительно к РФ. Любопытно, что ни в "Стратегии про-

странственного развития Российской Федерации на период до 2025 г." (СПР), ни в последнем по времени проекте Концепции СПР от марта сего года нет определения того, что же такое "пространственное развитие". Я не случайно упомянул эти два документа. По моему мнению, стратегическое планирование, несомненно, является институтом пространственного развития.

Киреев А. А.: И всё-таки, справедливости ради, следует сказать, что в глоссарии СПР есть определение пространственного развития. Оно звучит следующим образом: "совершенствование системы расселения и территориальной организации экономики". При этом смысл слова "совершенствование" остается неясным.

Демьяненко А. Н.: Спасибо, Антон Александрович, за уточнение. Но, как вы сами отметили, процитированное определение на самом деле таковым не является. Однако вернусь к изложению своего понимания того, что есть пространственное развитие. Но для начала одна цитата от нобелевского лауреата Р. Лукаса: "... теорией роста мы называем то, о чём у нас есть какое-то представление, а развитием – всё остальное" [8, с.54].

И здесь я считаю уместным ещё раз подчеркнуть, что мы имеем дело именно с пространствами, а не с пространством. Будет нелишним вспомнить о концепции А. Лефевра, который почти полвека тому назад утверждал, что социальное пространство – это, во-первых, ансамбль разнообразных социальных пространств или подпространств, а во-вторых, что социальное пространство имеет в основании пространство природы (физико-географическое или ландшафтное), которое может быть и не всегда явно проявляется, но присутствует всегда, и именно оно задаёт исходное разнообразие социальных пространств.

Скорее всего, речь должна идти не о "пространственном развитии", а о формировании такой пространственной организации российского общества, которая бы обеспечивала, с одной стороны, условия для достижения целей развития российского общества, а с другой – органичное вхождение российских пространств в глобальные пространства.

Здесь, полагаю, мне лучше остановиться и передать слово А. Н. Швецову.

Швецов А. Н.: Очень мудро начать обсуждение явления с его определения. Хотя, думаю, достичь быстрого и всех устраивающего результата не получится. Понятие "пространственное развитие" пришло в российское обществоведение из зарубежной науки о связи пространства и экономики, и это заимствование было выборочным и, главное, использованным в иной – постперестроечной – реальности. До этого в СССР географы, экономисты и социологи создали научный фундамент территориальной организации социалистического государства с его тотальным административно-партийным руководством, преимущественно общественной собственностью и государственной системой планирования и управления всем и вся. Им были хорошо известны достижения учёных "капиталистического лагеря", но по официально-идеологическим причинам могли быть использованы только их некоторые методические практики.

В постсоветские десятилетия предпринимались попытки дать актуальное определение "пространственного развития". Но они так и не увенчались успехом: не удалось предложить такое определение, которое уверенно закрепилось бы в научном обороте, в законодательстве, в учебниках. Как следствие – понятийная неразбериха и невнятность трактовок этого понятия. Оно стало употребляться как само собой понятное, самоочевидное и давно известное. Однако это вовсе не сняло с повестки проблемы установления смысла и вытекающего из него принципиального содержания пространственного развития, т. е. совокупности признаков и свойств, составляющих это явление. Без этого исходного условия мы не можем с уверенностью рассуждать на эту тему и быть верно понятыми другими.

С относительно недавних пор, вместо существительного "территория" и производных от него прилагательных стали использовать термин "пространство" и производные от него слова. Без особых возражений и в научный оборот, политическую полемику и управленческую практику уверенно вошло словосочетание "пространственное развитие". Легитимности этому новому термину придало его нормативно-правовое закрепление в правительственной СПР, претендующей на роль доктринального и планово-конкретного документа со-

временной региональной политики. В нём концентрировано выражены смысл и содержание, инструменты и ожидаемые результаты этой политики, которую теперь логичнее было бы называть уже не "региональной", а "пространственной", да и вместо "политика" уместнее говорить "стратегия".

На мой взгляд, под пространственным развитием следует понимать эволюцию территории во всех её аспектах (экономическом, социальном, экологическом, физическом). Подчеркну, что речь идёт не об одномерном и однонаправленном движении по принципу "вперед и вверх" и "ни шагу назад", а об эволюции как альтернативах разнонаправленной трансформации пространства: развитие, упадок, разгрузка, депрессия. Это или результат регулируемого воздействия на ситуацию, или следствие естественного развития событий, или их комбинация. Если и можно говорить о едином термине, выражающем смысл и цель пространственного развития, то лучше всего подходит слово "гармонизация". Она заключается в достижении и поддержании устойчивого баланса между факторами функционирования пространства – количеством жителей, числом мест приложения их труда, достаточной социальной и транспортной инфраструктурой.

Киреев А. А.: Действительно, нынешняя ситуация с определением понятия "пространственное развитие" неблагоприятна. На мой взгляд, в этой области наметились два основных подхода. Согласно более распространённому "линейному" подходу, уровень пространственного развития есть некая интегральная мера контроля общества над окружающим пространством (прежде всего физико-географическим). И меру этого контроля можно повышать практически бесконечно, в неразрывной связи с прогрессом общества. Прочитанное определение пространственного развития из СПР является примером именно этого подхода.

Другой, как представляется, более продуктивный, подход можно назвать "циклическим". Он предполагает, что в исторически заданных пространственных условиях общество способно достичь лишь локального и временно-го равновесия с природной и социальной средой, относительного оптимума, ценность которого заключается в устойчивости, в возможности сравнительно длительного его сохранения. В рамках этого подхода пространственное развитие многовекторно, оно не имеет единой и предопределённой траектории. У разных социальных систем (стран, регионов, городов), адаптирующихся к различным средам, направления этого развития могут существенно расходиться, вплоть до взаимной несовместимости, конфликтности.

Предварительно я предложил бы следующее определение пространственного развития: это процесс достижения и поддержания равновесия (гомеостаза) между социальной системой и пространственными условиями её существования (структурными параметрами её физико-географической и социально-географической среды).

Григоричев К. В.: Говоря о пространственном развитии, я всегда подразумеваю взгляд П. Бурдые [4], предлагавшего смотреть на пространство как на поле конструирования реальности с позиций разных наук, конкурирующих за право определения его как целого и его отдельных элементов. В такой перспективе пространство выглядит своего рода слоёным пирогом, каждый слой ("поле" в терминологии Бурдые) которого формируется репрезентациями той или иной аналитической позиции и реализуется через соответствующие управленческие практики. Экономическое поле здесь не является абсолютно доминирующим и тем более единственным. С этих позиций, пространственное развитие, как мне представляется, предполагает непротиворечивое сочетание процессов, протекающих в различных "полях", "подпространствах", "слоях".

Клиценко М. В.: Позвольте небольшую ремарку. Несколько слов относительно туристического пространства, которое, по моему мнению, представляет собой не просто слоёный пирог, но взаимопроникновение природных и социальных пространств, этакое гибридное пространство. Наверняка, туристическое пространство не единственный случай гибридных пространств. А если это так, то исследование таких пространств вряд ли возможно свести к изучению отдельных "слоёв". В конце концов, мы и слоёный пирог потребляем не по слоям. Не так ли?

Бляхер Л. Е.: Концепт "развитие" предполагает изначально заданную установку о финальном (идеальном) состоянии, куда, собственно, и происхо-

дит движение. Представляется, что в случае принятия концепта "пространственное развитие" в качестве исследовательской категории, мы вольно или невольно переходим от анализа географического или социального пространства к анализу государственной политики. Сама же категория, тем не менее, из инструмента исследования становится предметом анализа, причем, не существующим объективно, но порожденном конкретной идеологической системой или даже конкретной политической ситуацией.

Демьяненко А. Н.: У меня возникло ощущение, что и определение А. Н. Швецова и А. А. Киреева, как и К. В. Григоричева, в общем об одном и том же, хотя и с разных дисциплинарных позиций. Или я не прав? Если бы у нас было больше времени, то, наверное, следовало бы остановиться и на гибридных пространствах, как и на обсуждении того, что есть хорошо, по определению Л. Е. Бляхера, с точки зрения соотносительности пространств с государственной политикой.

2) В чем, на ваш взгляд, состоят важнейшие проблемы пространственного развития России?

Бляхер Л. Е.: Исходя из того, что я говорил по поводу первого вопроса, проблема состоит в попытке придания идее развития онтологического статуса. Речь здесь идет об особых условиях производства пространства, которые создаёт несколько взаимосвязанных элементов. Первый элемент – средства коммуникации, прежде всего, транспортные артерии. В зависимости от того, выступают ли в этом качестве река, сухопутная дорога (сезонная, круглогодичная), железная дорога или что-то ещё, принципиально меняются характеристики и системы расселения, и самого образа пространства. При этом важно понимать, что все эти локальности пространства "живут" рядом и, в каком-то отношении, вместе. Второй элемент – упомянутая выше система маркеров, позволяющих утверждать, что эта локальность является освоенным ("развитым") пространством. И, наконец, третий элемент – система формальных и неформальных институтов, направленных на производство пространства, контроль над ним, недопущения альтернатив в данном пространстве. Проблема или проблемы "пространственного развития" и заключаются в том, как осознаются и как работают эти элементы. Чаще всего, неадекватное восприятие пространства, возникающее на первом уровне, гасится за счёт имитации маркеров освоенности на втором уровне и возникновения неформальных институтов производства пространства на третьем [3].

Демьяненко А. Н.: На мой взгляд, проблема проблем заключается в том, что если не определены стратегические цели для общества в целом, то искать таковые для его пространственной организации – дело малопродуктивное. Но попробовать, наверное, можно: вреда от такой попытки точно не будет. Скорее всего, придётся признать, что мы имеем дело с тем, что существующая в настоящее время совокупность (слово "система" применять не рискну) институтов и организаций, ответственных за формирование пространственной организации российского общества и его основных подсистем (экономической, социальной, политической), не вполне отвечает требованиям.

Если перейти на следующий уровень проблем, то, скорее всего, здесь имеет место устойчивая тенденция к фрагментации российских пространств, которая сопровождается истончением социальных пространств и появлением в них лакун – это с одной стороны, а с другой, – деформация сложившихся связей внутри российских пространств, сопровождается деградацией связей с глобальными и / или субглобальными пространствами.

Другая, не менее значимая проблема – гипертрофированная пространственная концентрация экономической и не только экономической деятельности в немногих крупнейших, прежде всего столичных, агломерациях. Неоднократно декларируемый тезис о том, что агломерации являются локомотивами развития общества, применительно к российским реалиям приводит к забвению, как минимум, двух простых вопросов: первый – кто сказал или, точнее, доказал, что периферия – источник ресурсов для центра, т. е. агломерации, и только? По моему мнению (и не только моему), центр отвечает за развитие своей периферии или хинтерланда.

Швецов А. Н.: В пространственном развитии страны имеется множество разнообразных проблем. Даже наиболее крупные из них не перечислить

и не охарактеризовать путём полной инвентаризации и поштучной оценки. Но в рамках формата нашего "круглого стола" есть смысл поставить вопрос несколько иначе – о главных причинах, предпосылках, составляющих первооснову всего обширного проблемного поля современного пространственного развития. На мой взгляд, можно предложить для обсуждения в качестве главных три источника таких проблем, в совокупности вбирающих в себя многовековой опыт исторических переходов в организации российского пространства.

На первое место в качестве первоисточника проблем я бы поставил само беспрецедентное физико-географическое пространство, обретенное нашим отечеством по воле непреодолимых обстоятельств. Такое пространство продолжает оставаться ёмким и неиссякаемым источником, с одной стороны, уникальных возможностей и преимуществ, а, с другой, – существенных рисков и ограничений развития страны. Можно ли и как сбалансировать эти крайности? Тут решающая роль принадлежит экономически целесообразным и социально приемлемым способам решения задач обретения и освоения пространства.

Выбор таких способов, с последствиями которых мы имеем дело, я бы назвал вторым источником важнейших пространственно обусловленных проблем. В длинной и монотонной череде исторических трансформаций российского пространства обнаруживаются два периода, отмеченные пространственными изменениями особого свойства – тотальными, лавинообразными и кардинальными. Один такой – советский – период начался благодаря великой социальной революции чуть более ста лет назад, длился всего семь (а наиболее продуктивно – пять) десятилетий, но радикально, до неузнаваемости преобразил освоенное пространство огромной страны. Другой – постсоветский – последовавший сразу же за первым и также революционно оборвавший прежнюю траекторию движения, начался 30 лет назад, и как будет проходить, когда и чем закончится, ещё неизвестно. Хотя уже ясно, что с самого начала он проигрывает предшествовавшему периоду и по замыслам, и по размаху, и по энергии пространственных преобразований. Если первая трансформация была выходом из контекста социоэкономической эволюции страны, алогичным выбросом из этого процесса, то вторая стала возвратом в него.

Особенности постсоветского этапа пространственных преобразований, взятых в широком историческом контексте и, прежде всего, в связке с советским прошлым, следует, на мой взгляд, рассматривать в качестве третьей первопричины нынешних пространственных проблем, на которые мы имеем возможность влиять. Но для этого надо понимать происходящее. Пока же осмысления и понимания того, что произошло и почему, а также каковыми окажутся последствия постсоветской волны пространственных трансформаций, не произошло. Из-за отсутствия верного понимания причин и содержания начавшегося сдвига в организации российского пространства возникло заблуждение, что пореформенное пространственное развитие будет продолжено путём принципиального возврата к славному прошлому, возобновления прежней, оказавшейся столь результативной традиции – советской в своих главных чертах, но с некоторыми новыми нюансами, с характерными для неё доминирующей ролью государства в целеполагании и ресурсном обеспечении процесса, с унитарно-централизованным устройством власти, сохраняющей приверженность плано-размещенческому подходу. Парадоксально, но, несмотря на смену смысла, принципов и правил организации пространства, прежняя, сформированная при социализме схема по инерции воспринимается нормой. А начавшиеся процессы ее стихийной перестройки по новым – рыночным – критериям оцениваются как отступление от нормы, и потому вызывают у власти волю к противодействию и поддержанию прежнего порядка.

Демьяненко А. Н.: После А. Н. Швецова трудно продолжать свой спич, но все-таки попробую. Итак, *второй* вопрос: кто доказал, что нет жизни за пределами агломерационных пространств? Здесь можно было бы порассуждать о работах Дж. Скотта и его отечественных последователей. Но в присутствии Л. Е. Бляхера и К. В. Григоричева, несомненно, более сведущих в этой теме, я ограничусь очень простым тезисом: за пределами агломерационных пространств тоже живут люди, которые желают жить по-своему.

Григоричев К. В.: На мой взгляд, ключевая проблема пространственного развития России, по крайней мере, Востока России, заключается в попыт-

ке совместить разные модели в разных "полях" пространства. Перелом советской модели в 1990-е гг. привёл к быстрому и очень болезненному изменению схемы пространственного размещения экономики. Поскольку эти изменения происходили в значительной мере за счёт ВПК и добывающей промышленности, наиболее остро это сказалось на северных и восточных регионах страны. Резкий рост интенсивности "западного дрейфа миграции" во многом стал отражением того, как система расселения трансформировалась вслед за системой размещения экономики. В более широком смысле, ломалась советская концепция расселения вслед за экономикой, в рамках которой население рассматривалось как восполняемый и управляемый ресурс, который может быть перемещён тем или иным способом в любую точку пространства в соответствии с нуждами экономики. Не случайно именно "молодые города" воспринимались как современниками, так и ретроспективно сегодня, важнейшими символами пространственного развития страны.

В последнее десятилетие активно разрабатываются и воплощаются масштабные проекты "нового освоения", которые вновь радикально меняют схему пространственного развития. Однако практически все они запланированы к реализации (уже реализуются) в районах с наибольшей интенсивностью депопуляции и миграционной убыли. Последняя является ярким отражением того, что в этом (условно – "демографическом") поле пространства протекают процессы, прямо противоположные тем, которые инициированы в поле "экономическом". Несмотря на это, заселение "пустых" территорий определяется во властной риторике как важнейший индикатор результативности "нового освоения".

Однако уже сейчас разнонаправленность процессов в разных "полях" ("слоях", "подпространствах") пространства определяет будущую неудачу такого развития. Острая нехватка населения ведёт не к развитию сети постоянных поселений, а к росту временной трудовой миграции, ёмко описываемой словом "вахта". За этим образом стоят не только ритмы миграционного движения, но и образ жизни, опирающийся на представление о "временности" пребывания в точках развития. И это представление не только участников, но и "организаторов" миграции, формирующих не более не менее как модель освоения территории. Последняя отнюдь не предполагает роста системы постоянных поселений с многоуровневой иерархией населённых пунктов, а, напротив, ориентирована на "вахтовую" модель расселения.

В этой перспективе не случайной выглядит трансформация системы организации муниципального самоуправления, связанная с ликвидацией двухуровневой модели административно-территориальной организации, в которой огромные в условиях востока России территории становятся невидимыми за районными центрами, представляющими собой, прежде всего, городские населённые пункты. Собственно же пространство страны как физико-географическая сущность, как и его "поля", всё более уходят из фокуса "государственного зрения" и, соответственно, выпадают из содержания развития.

Клиценко М. В.: Я полагаю, что, применительно к российским пространствам существует реальная проблема отсутствия должной координации между институтами пространственного развития, как по вертикали, то есть между различными иерархическими уровнями в пределах тех или иных пространств или полей, так и по горизонтали, то есть между отдельными частями (регионами, районами, локациями и т. д.). Опять-таки вернусь к туризму, который в последние годы стал любимым объектом стратегирования на всех уровнях власти, от федерального центра до муниципального. Отличительная черта туристических стратегий – нежелание учитывать особенности туристического пространства, что в конечном счёте приводит к тому, что та или иная дестинация оказывается в своих отдельных частях объектом не только стратегического, но и оперативного управления. В результате: у семи нянек дитя без глаза.

3) Имеют ли они естественное (объективное) или, скорее, институциональное происхождение?

Бляхер Л. Е.: Поскольку сам концепт "пространственное развитие" имеет институциональную природу, то и проблемы, связанные с ним, институциональны. Точнее, они возникают на пересечении институции и онтоло-

гии. Если институты неадекватны, возникают проблемы. Впрочем, как правило, проблемы эти разрешаемы за счёт формирования иных институтов.

Демьяненко А. Н.: Наверное, и то, и другое. С одной стороны, имеет место усложнение социальной жизни, которая становится не только всё более динамичной, но всё более труднопредсказуемой, а с другой, – явно ощущается дефицит идей относительно того, каким образом институты должны эффективно реагировать на такого рода изменения, в том числе и в пространственной организации общества.

Применительно к российским реалиям, пожалуй, наиболее явно это проявляется в том, что сложившаяся в настоящее время совокупность институтов стратегического планирования явно неэффективна. По своей сути она, скорее, ухудшенный вариант советской системы, уже по той простой причине, что уровень изученности отдельных российских пространств оставляет желать лучшего. При этом вызывает большие сомнения сам подход, в соответствии с которым единицы административно-территориального деления (АТД), от муниципалитетов до федеральных округов, рассматриваются *a priori* в качестве пространственных систем. Скорее всего, в этом случае речь должна идти о конгломератных структурах, но о них лучше может рассказать А. Н. Швецов, я же ограничусь только некоторыми, наиболее вопиющими примерами. Первый – ДФО, с ДВ, Якутией и Забайкальем, второй – граница между ЕАО и Хабаровским краем, рассекающая Хабаровскую городскую агломерацию.

Хотелось бы обратить внимание также на то, что многочисленные исследования, имеющие отношение к пространственной проблематике, отличаются недостаточным уровнем концептуализации. Отчасти причины и источники уже озвучил А. Н. Швецов. Мне осталось только сказать, что пути решения проблем такого рода достаточно известны: во-первых, попытаться использовать концепции, уже сложившиеся в соседних дисциплинах, во-вторых, поискать нечто полезное в научных школах за пределами нашего отечества, и, наконец, обратиться к собственному опыту. Именно об этом и пойдёт наш разговор, но об этом чуть позже, а сейчас слово А. Н. Швецову.

Швецов А. Н.: Органичное пространственное развитие возможно при условии разумного сочетания естественности и регулируемости пространственно обусловленных процессов и явлений. В разные периоды соотношение этих начал складывается по-разному. В советское время в пространственном развитии абсолютно доминировало всеобъемлющее директивное государственное планирование и управление. В тот период масштабные и точечные трансформации территориальной организации общества были оправданы задачами реализации крупных проектов индустриализации и коллективизации, приоритетного развития "окраин", формирования территориально-производственных комплексов, создания новых городов, ликвидации "бесперспективных деревень" и т. д. В 1990-е гг. постсоветских реформ случился резкий и такой же краткий поворот в сторону неумеренно-стихийной децентрализации пространственной организации. В 2000-е гг. контрреформ начался быстрый возврат к укреплению государственного регулирования в этой сфере, которое во многом оказывается чрезмерным по задачам и затратам и неоправданным по ожиданиям. В новейший период декларируемой задачей становится снижение диспропорций социально-экономического развития и благосостояния населения макрорегионов, регионов, муниципалитетов и населенных пунктов. А в последние годы к этому добавляются настойчивые императивного сдерживания естественных процессов депопуляции на территориях с неблагоприятными условиями.

Государственное участие выступает признаком важности и залогом успешности любого общественно значимого нововведения. Сложилось убеждение, что без активной целенаправленной государственной поддержки никакая заявившая о себе новация не в состоянии пробиться и раскрыть свой потенциал. Отсюда стремление непременно сделать её объектом специального государственного воздействия. Но, попадая в зону особого государственного внимания, то или иное подававшее надежды нововведение может не только не проявить, но и растерять свои сильные стороны. Так случилось, например, с территориальным стратегическим планированием, которое в инициативном порядке (снизу) стало распространяться в городах и регионах в качестве полезного ситуативно применяемого инструмента, но попав в жёсткие рамки

ведомственной опеки (сверху) превратилось в принудительно-всеобщую бюрократически зарегулированную схему, не только не дающую свободно раскрыться преимуществам этого инструмента, но и превратившую его в подобие замороженного советского планового опыта. Напомним и другой пример, когда государственная политика стала причиной многих проблем становления российского местного самоуправления, которое, вместо реформирования по пути его конституционно декларированной автономности, оказалось втянутым контрреформами обратно в государственную "вертикаль власти", лишившую муниципалитеты преимуществ самоорганизации и самостоятельности. Не исключено, что столь же неблагоприятные последствия могут ожидать и городские агломерации. Они веско заявили о себе в процессе длительного стихийного развития, но со временем ощутили на себе государственную волю регламентировать их несстественную эволюцию, заменив её унифицированными проектами формирования агломераций во имя надуманных целей. Концепцию эволюционного становления агломераций в ходе длительного естественного процесса, в качестве закономерной стадии зрелости урбанистического развития, всё более теснят креационистские представления, не только допускающие, но и настаивающие на необходимости сознательного ускоренного "создания" агломераций посредством реализации специальных административных решений "с учётом целей, задач и приоритетов пространственного развития Российской Федерации".

Киреев А. А.: Важнейшие пространственные проблемы российского общества имеют естественное происхождение. Как много раз отмечалось, объективно обусловленные проблемы пространственного развития России коренятся в высокой природной гетерогенности страны и относительной неблагоприятности большей части её территории для проживания и хозяйствования. Впрочем, учитывая, что названные "проблемы" по своему масштабу не сопоставимы с регулятивными возможностями российского общества (и государства), правильнее было бы считать их "пространственной данностью".

В большей мере наименование "проблема пространственного развития России" заслуживает комплекс вопросов межрегионального неравенства. У этой проблемы двойная, "естественно-искусственная" обусловленность. Ввиду этого, её острота может быть хотя бы отчасти амортизирована политическими средствами, в т. ч. корректировкой АТД страны.

Наиболее же доступна для регулирования, и поэтому особенно актуальна, проблема взаимного согласования работы различных институтов управления российским пространством. В частности – разрешения противоречий между институтами пространственного развития и пространственной безопасности. Как пример можно привести крайне непростые отношения между ТО-Раами (а также СПВ, и более ранними приграничными торгово-экономическими комплексами и свободными экономическими зонами) и таким институтом как погранзона.

4) Опыт каких институтов советского и досоветского периодов российской истории представляет интерес для разработки пространственной политики в настоящее время?

Бляхер Л. Е.: Строго говоря, формальные институты развития и в советские, и в досоветские годы имели вполне понятные пределы эффективности. В силу того, что эти институты (точнее – организации) не работали и не могли работать эффективно, возникла опасная коллизия для чиновников на местах. Здесь возникают два варианта действий, которые, порой, реализовывались одновременно. Первый – имитация, производство отчётов и "потемкинских деревень". Второй – создание неформального актора (акторов), способных как-то контролировать жизнь на территории, обеспечивать складывание сколько-нибудь адекватных её форм [2].

Демьяненко А. Н.: Сначала в продолжение сказанного Леонидом Ефимовичем: даже в самых жёстких рамках формальных институтов остаётся место для неформальных институтов. И сей факт означает поиск успешных механизмов согласования формальных и неформальных институтов, ответственных за пространственное развитие.

Теперь относительно опыта. Я более или менее знаком с институтами досоветского периода и организациями, имеющими отношение к сфере государ-

ственной политики, нацеленной на преобразование российских пространств. Речь идет об Экспедиции, снаряженной Императорскими Вольным экономическим и Русским географическим обществами для исследования хлебной торговли и производительности в России 1867–1873 гг., Амурской экспедиции 1910 г. (АЭ) и Комитете по заселению Дальнего Востока.

Начну с Экспедиции 1867–1873 гг. Замысел её был прост: определить те изменения в производстве хлебов и торговли этими хлебами в Европейской России, которые имели место в пореформенный период. Что принципиально нового было в этом проекте? Прежде всего рассмотрение экономики не как совокупности производств отдельных видов товаров, но как совокупности пространственных систем, то есть районов. Далее, отказ от статистического описания в пользу выявления динамики и прогноза будущих состояний пространственных экономических систем. Наконец, и, на мой взгляд, это важно, в ходе экспедиционных исследований в работу вовлекались местные эксперты из числа не только чиновников и сотрудников земств, но и представителей бизнес-сообществ. Примечательно и то, что этот исследовательский проект выполнялся главным образом силами негосударственных организаций, хотя его цель явно имела отношение к сфере государственного регулирования [5].

Еще один кейс, который, как мне представляется, небезынтересен в контексте наших обсуждений – АЭ 1910 г., деятельность которой была самым непосредственным образом связана с Комитетом по заселению Дальнего Востока (отчасти этот кейс был рассмотрен в [6; 7]), который был создан при Совете Министров "для объединения и общего направления правительственных мер по колонизации Приамурского края ...".

А всё начиналось так: в 1908 г. Правительство представило в Государственную думу проект сооружения Амурской железной дороги, который вызвал достаточно жёсткую критику и воспринимался многими как большая политическая ошибка и нерациональное расходование бюджетных средств. Для нас важно то, на что обратил внимание П. А. Столыпин: "Господа, действительно, верно, что вам впервые придётся подать свой голос в большом историческом деле. До настоящего времени такого рода государственные вопросы доходили до Верховной власти в разработке только одних служилых людей. Впервые теперь в деле народного строительства до престола Монаршего дойдёт голос и ваш, голос народных представителей..." [10, с. 129]. То есть впервые в российской истории инвестиционный мегапроект, имеющий общегосударственное значение, разработанный исполнительной властью выносится на обсуждение и утверждение власти законодательной. И здесь для характеристики этого проекта уместно привести цитату из речи П. А. Столыпина в Государственном Совете: "нигде, может быть, более, чем в данном деле, в деле Амурской железной дороги не соединены так гармонично совершенно разнообразные интересы. Военный, политический и экономический" [10, с. 163].

Киреев А. А.: А не преувеличиваете ли вы, Александр Николаевич, использование на практике результатов упомянутых вами экспедиций и организаций?

Демьяненко А. Н.: Ничуть! Попробую проиллюстрировать это на одном примере: г. Алексеевск, ныне Свободный, был спроектирован именно в ходе АЭ 1910 г. – это, своего рода, образчик градостроительного планирования [1].

Киреев А. А.: И все-таки результаты этой экспедиции стали подспорьем в большей мере не для управленческих решений, а для работы учёных последующих поколений. В частности, Труды АЭ 1910 г. достаточно часто цитируют современные историки.

Демьяненко А. Н.: Действительно, в среде историков, особенно дальневосточных, материалы АЭ хорошо известны, и они нередко ссылаются на те или иные тома Трудов, но мне не удалось найти ни одного монографического исследования, посвященного той или другой экспедициям. Это – во-первых, а, во-вторых, труды экспедиций практически неизвестны ни экономистам, ни представителям других социально-гуманитарных дисциплин. А коль они неизвестны, то трудно представить ситуацию, когда опыт, накопленный в ходе упоминавшихся экспедиций, может быть использован.

Что же касается советского периода, то меня интересовала деятельность институтов, имеющих отношение к реформированию АТД СССР на принци-

пах экономического районирования в 1920-е гг., и в первую очередь Секции районирования Госплана.

Киреев А. А.: Безусловно, любой исторический опыт институализации пространственной политики ценен и заслуживает изучения. Но не следует забывать и о его стадильной принадлежности. Вплоть до 1920-х гг. институты пространственного развития на РДВ были сфокусированы на аграрной колонизации макрорегиона. Сегодня перед ним стоят прежде всего задачи индустриального и постиндустриального освоения. В этом отношении для современного РДВ более актуален советский опыт пространственной политики. Хотя, как справедливо заметил А. Н. Швецов, его прямое перенесение в реалии постсоветского рынка вряд ли возможно.

В ряду обсуждаемых здесь институтов советского периода наиболее богатый материал для размышлений дает случай Дальстроя. Можно выделить три крупных новации, апробированных в ходе создания этого института, которые не утратили актуальности: 1) переход от очагового, поселенческого способа освоения к ареальным, площадным формам пространственной организации расселения и хозяйственной деятельности; 2) формирование многоотраслевых территориально-производственных комплексов вокруг ведущих предприятий профилирующей (горнопромышленной) специализации; 3) построение высокоавтономной системы административного управления территорией, подчиненной решению экономических задач.

Демьяненко А. Н.: Наверное, опыт Дальстроя небезынтересен. Но, на мой взгляд, большей актуальностью отличается опыт Акционерного Камчатского общества (АКО), сыгравшего значительную роль в социально-экономическом развитии дальневосточного Севера.

Заодно хочу отметить, что Антон Александрович не совсем прав, говоря о том, что "вплоть до 1920-х гг. институты пространственного развития на РДВ были сфокусированы на аграрной колонизации макрорегиона". В частности, и в Трудах АЭ, и в работах исследователей начала XX в. отмечается, что в период после Русско-японской войны происходит своего рода сдвиг в направленности колонизационных процессов: на смену крестьянской колонизации приходит колонизация промышленная.

5) Что из опыта работы этих институтов может быть использовано в современном институциональном строительстве в данной сфере?

Григоричев К. В.: На мой взгляд, обращение к историческому опыту функционирования институтов пространственного развития, может иметь противоречивое значение. С одной стороны, это, несомненно, огромный массив накопленной информации, отработанных практик. С другой стороны, институты разных эпох имеют существенные отличия как в используемой оптике, так и в системе вертикальных и горизонтальных взаимодействий. Логика государственного упрощения [11] в позднейимперскую, советскую и постсоветскую эпохи задавала разные механизмы и фокусы управленческого зрения. Это детерминировало очень разные представления о "пустом" и "наполненном" пространстве. Иначе говоря, власть пыталась увидеть очень разные реальности. Так, дореволюционные экспедиционные наблюдения ставили своей целью выявление фактов заселения и хозяйственной жизни, которые не описывались и не могли быть описаны статистически. Соответственно, материалы таких наблюдений корректировали властную картину пространственного развития и корректировали властные практики. В том числе и институтов пространственного развития, таких, например, как Переселенческое управление, чиновники которого на местах ориентировались в большей мере на знание о том, "как на самом деле делаются дела" [11], нежели на обобщенно-усредненную картину статистических описаний [9].

Современный государственный взгляд формируется исключительно статистическими описаниями пространства, являющимся единственной легитимной оптикой. Соответственно, если экспедиционные наблюдения выявляют факты пространственного развития, не выявленные через оптику статистических наблюдений, то тем хуже для фактов. Эта логика задается отнюдь не злым умыслом, а фокусом "государственного зрения", не ориентированного на выявление фактов социальной и даже экономической жизни за пределами прямого властного регулирования. И мне представляется пока крайне оп-

тимистичным утверждать возможность использование такого исторического опыта в современном пространственном развитии.

Использование же опыта советских институтов, на мой взгляд, во многом может быть "от обратного", т. е. от понимания, "как не работает". Не потому, что эти институты были плохи, но потому, что их опыт, в том числе и негативный, показывает пределы прямого властного управления процессами пространственного развития. По крайней мере, в сфере регулирования процессов миграции и расселения, где мы уже можем видеть за краткосрочными успехами долговременные следствия.

Киреев А. А.: Примечательным аспектом в наследии Дальстроя является география входивших в его состав предприятий, которых к концу его истории насчитывалось около 450. Большая часть из этих объектов в дальнейшем прекратила существование (в т. ч. по вполне основательным для своего времени экономическим соображениям), но места их размещения продолжают представлять освоенческий интерес. Вполне возможно, что именно они станут площадками для нового индустриального строительства, и переосвоение севера РДВ во многом пойдет по маршрутам дальстроевской колонизационной волны.

Демьяненко А. Н.: Наверное, дело не в Дальстрое или скажем в АКО. Проблема шире и заключается в поиске ответа на вопрос: что из потерянного по разным причинам в пространственной организации предшествующих волн колонизации подлежит восстановлению, если и не сейчас, то в обозримом будущем.

Бляхер Л. Е.: Думаю, что едва ли не каждая ситуация была уникальной, породившей уникальный институциональный дизайн, связанный с производством пространства. Может быть, это и стоит использовать.

Демьяненко А. Н.: Пожалуй, на этот вопрос ответить труднее всего, во всяком случае, для меня. Дело в том, что все известные мне кейсы, имеющие отношение к регулированию трансформационных процессов в российских пространствах в целом, и в отдельных регионах – крайне разнохарактерны. Означает ли это, что исторический опыт в рассматриваемой нами сфере не актуален и имеет интерес только для историков? Полагаю, что это не так. И обмен мнениями в рамках нашего круглого стола убеждает меня в том, что исторический опыт – это тот исследовательский объект, который требует усилий специалистов из разных областей знания. Это, во-первых, а во-вторых, для того чтобы актуализировать исторический опыт, его нужно знать и знать досконально.

Литература / References

1. Алексеевск Амурской области. Амурская экспедиция. 1910. Благовещенск, 1912. 28 с. Alekseevsk, Amur region. Amur expedition. 1910. Blagoveshchensk, 1912. 28 p. (In Russ.).
2. Бляхер Л. Е., Григоричев К. В., Ковалевский А. В. Барон умер – да здравствует баронет! Политическая медиация на границе пустого и наполненного пространства // Полития. 2023. № 3. С. 23–46. Bliakher L. E., Grigoriev K. V., Kovalevsky A. V. Baron Is Dead – Long Live Baronet Political Mediation on The Border of Empty and Filled Space // Polity. 2023. № 3. P. 23–46. (In Russ.).
3. Бляхер Л. Е., Григоричев К. В., Ковалевский А. В. Жизнь в пустоте: антропологические очерки социального пространства за пределами властного регулирования. М.: Common Place, 2024. 264 с. Bliakher L. E., Grigoriev K. V., Kovalevsky A. V. Life in the Void: Anthropological Essays on Social Space Beyond Government Regulation. Moscow: Common Place, 2024. 264 p. (In Russ.).
4. Бурдьё П. Идентичность и репрезентация: элементы критической рефлексии идеи "региона" // Ab Imperio. 2002. № 2. С. 45–60. Bourdieu P. Identity and Representation: Elements of Critical Reflection on the Idea of the "Region" // Ab Imperio. 2002. № 2. P. 45–60. (In Russ.).
5. Демьяненко А. Н., Дятлова Л. А. Из опыта комплексных исследований экономических проблем: к 150-летию Экспедиции 1867–1876 гг. // Регионалистика. 2017. Т. 4. № 1. С. 48–58. Demyanenko A. N., Dyatlova L. A. From the Experience of Complex Studies of Economic Problems: The 150th Anniversary of the Expedition 1867–1876 // Regionalistics. 2017. Vol. 4. No. 1. P. 48–58. (In Russ.).

6. Демьяненко А. Н., Дятлова Л. А. Общий замысел Амурской экспедиции 1910 года и краткий обзор ее Трудов // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2010. № 3. С. 7–28.
Demyanenko A. N., Dyatlova L. A. General plan of the Amur expedition of 1910 and a brief overview of its works // Ojkumena. Regional Researches. 2010. № 3. P. 7–28. (In Russ.).
7. Демьяненко А. Н., Дятлова Л. А. Современные стратегические инициативы и уроки истории в освоении Дальнего Востока // ЭКО. 2017. № 4. С. 45–60.
Demyanenko A. N., Dyatlova L. A. Modern strategic initiatives and lessons of history in the development of the Far East // ECO. 2017. № 4. P. 45–60. (In Russ.).
8. Лукас Р. Э. Лекции по экономическому росту. М.: Изд-во Института Гайдара, 2013. 288 с.
Lucas R. E. Lectures on Economic Growth. Moscow: Gaidar Institute Publishing House, 2013. 288 p. (In Russ.).
9. Ремнев А. В. Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX – начала XX веков. Омск: Изд. ОмГУ, 2004. 552 с.
Remnev A. V. Russia of the Far East. Imperial geography of power in the 19th – early 20th centuries. Omsk: OMSU Publ., 2004. 552 p. (In Russ.).
10. Столыпин П. А. Нам нужна Великая Россия...: Полн. собр. речей в Государственной думе и Государственном совете. 1906–1911 гг. М.: Мол. гвардия, 1991. 411 с.
Stolypin P. A. We need a Great Russia ...: Complete collection of speeches in the State Duma and State Council. 1906–1911. Moscow: Mol. Gvardia. 411 p. (In Russ.).
11. Scott J. Seeing like a state: How Certain Schemes to Improve the Human Condition Have Failed. Yale University Press, 1999. 464 p.

Информация об авторах

Леонид Ефимович Бляхер, д-р филос. наук, профессор Высшей школы социальных и политических наук Тихоокеанского государственного университета, Хабаровск, Россия, e-mail: Leonid743342@mail.ru

Константин Вадимович Григоричев, д-р соц. наук, проректор по научной работе и международной деятельности Иркутского государственного университета; ведущий научный сотрудник Федерального исследовательского центра "Иркутский институт химии" СО РАН, Иркутск, Россия, e-mail: grigoritchev@yandex.ru

Александр Николаевич Демьяненко, д-р геогр. наук, независимый исследователь, Хабаровск, Россия, e-mail: ad716008@mail.com

Антон Александрович Киреев, канд. полит. наук, доцент кафедры политологии Дальневосточного федерального университета, Владивосток, Россия, e-mail: antalkir@yandex.ru

Максим Вадимович Клиценко, канд. соц. наук, доцент кафедры связей с общественностью, речевой коммуникации и туризма Российского государственного аграрного университета – МСХА имени К. А. Тимирязева, Москва, Россия, e-mail: klitsenko.m@gmail.com

Александр Николаевич Швецов, д-р экон. наук, главный научный сотрудник Федерального исследовательского центра «Информатика и управление» РАН, Москва, Россия, e-mail: san@isa.ru

Information about the authors

Leonid E. Bliakher, Doctor of Philosophy, Professor, Department of Social and Political Sciences, Pacific State University, Khabarovsk, Russia, e-mail: Leonid743342@mail.ru

Konstantin V. Grigoriev, Doctor of Sociology, Vice-Rector for Research and International Cooperation, Irkutsk State University; Leading Researcher, Federal Research Center "Irkutsk Institute of Chemistry", Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Irkutsk, Russia, e-mail: grigoritchev@yandex.ru

Alexander N. Demyanenko, Doctor of Geographical Sciences, Independent Researcher, Khabarovsk, Russia, e-mail: ad716008@mail.com

Anton A. Kireev, Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Department of Political Science, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: antalkir@yandex.ru

Maxim V. Klitsenko, Candidate of Sociology, Associate Professor, Department of Public Relations, Speech Communication and Tourism, Russian State Agrarian University – Moscow Agricultural Academy named after K. A. Timiryazev, Moscow, Russia, e-mail: klitsenko.m@gmail.com

Alexander N. Shvetsov, Doctor of Economics, Chief Researcher, Federal Research Center "Informatics and Control", Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, e-mail: san@isa.ru

Поступила в редакцию 08.01.2025

Received 08.01.2025

Принята к публикации 25.02.2025

Accepted 25.02.2025

Научная статья
УДК 327.82
<https://doi.org/10.29039/1998-6785/2025-1/84-93>

Путь с Востока на Запад: межрегиональный миграционный обмен на Востоке России с 1991 по 2022 г. (Часть 2)

Мария Вячеславовна Садловская
Тихоокеанский государственный университет, Хабаровск, Россия, 008710@pnu.edu.ru
Андрей Владимирович Ковалевский
Тихоокеанский государственный университет, Хабаровск, Россия, 012551@pnu.edu.ru
Леонид Ефимович Бляхер
Тихоокеанский государственный университет, Хабаровск, Россия, 000048@pnu.edu.ru

Аннотация. В статье представлен анализ внутренней миграции в постсоветской России с фокусом внимания на Дальнем Востоке. Авторы сопоставляют статистические данные межрегиональной миграции между субъектами ДФО и европейской частью России за период с 1991 г. по настоящее время. Работа позволяет сформировать целостную картину, способную не только отразить динамику формальных показателей, но и дать ключи к их пониманию. В результате исследования выделяются миграционные сценарии, определяется интенсивность миграционного обмена между регионами в разные периоды, а также их специфические особенности. Вопреки сложившемуся в научном дискурсе нарративу о постсоветском "побеге" населения с Востока на Запад в работе выдвигается гипотеза о существовании иных (встречных) сценариев, обусловленных социальными особенностями региона и сложившимся феноменом "проточного общества".

Ключевые слова: миграция, межрегиональная миграция, внутренняя миграция, трансмиграция, Дальний Восток, регион, динамика, статистика, входящие и исходящие потоки

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00554, <https://rscf.ru/project/24-28-00554/>.

Для цитирования: Садловская М. В., Ковалевский А. В., Бляхер Л. Е. Путь с Востока на Запад: межрегиональный миграционный обмен на Востоке России с 1991 по 2022 г. (Часть 2) // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2025. Т. 19. № 1. С. 84–93. <https://doi.org/10.29039/1998-6785/2025-1/84-93>

Original article
<https://doi.org/10.29039/1998-6785/2025-1/84-93>

The Road from East to West: Outgoing Migration Flows in Eastern Russia from 1991 to 2022. Part 2

Maria V. Sadlovskaya
Pacific National University, Khabarovsk, Russia, 008710@pnu.edu.ru
Andrey V. Kovalevskii
Pacific National University, Khabarovsk, Russia, 012551@pnu.edu.ru
Leonid E. Bliakher
Pacific National University, Khabarovsk, Russia, 000048@pnu.edu.ru

Abstract. The article presents an analysis of internal migration in the Russian Federation, with a particular focus on the Far Eastern Federal District. The authors present a comparative analysis of statistical data on interregional migration between the subjects of the Far Eastern Federal District and the European part of Russia for the period from 1991 to the present. The work enables the formation of a comprehensive picture that can not only reflect the dynamics of formal indicators, but also provide insights into their interpretation. The study identifies stable migration scenarios, determines the intensity of migration exchange between regions in different periods, as well as their specific features. In contrast with the post-Soviet narrative of the population "escaping" from the East to the West, the paper hypothesizes the existence of other scenarios due to the social peculiarities of the region and the existing phenomenon of "flow society".

Key words: migration, transmigration, Far East, region, dynamics, statistics, incoming and outgoing flows

The study is supported by the Russian Science Foundation, Project № 24-28-00554, <https://rscf.ru/project/24-28-00554/>.

For citation: Sadlovskaya M. V., Kovalevskii A. V., Bliakher L. E. The Road from East to West: Outgoing Migration Flows in Eastern Russia from 1991 to 2022. Part 2 // Ojkumena. Regional Researches. 2025. Vol. 19. No. 1. P. 84–93. <https://doi.org/10.29039/1998-6785/2025-1/84-93>

Взаимообмены населением между регионами Дальнего Востока

В подавляющем большинстве случаев основную долю миграций составляют межрегиональные миграции в пространстве ДФО. В целом, в разные

Окончание – начало см.: Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2024. № 4. С. 95–108.

годы, следуя официальной статистике свыше 60–70 % миграций приходится на долю межрегиональных перемещений населения. Часть этих цифр достигается путём особенности системы учёта миграций, значительная часть остаётся на счете миграций внутри одного региона, однако общий для Дальнего Востока тренд на перемещения между соседними регионами просматривается достаточно ясно (табл. 13).

Основным местом прибытия для мигрантов из Республики Бурятия за всю историю наблюдений является Забайкальский край. С сильным отставанием – республика Саха (Якутия). Например, в 2022 г. из Бурятии в Забайкалье уехало 1439 человек, в Якутию – 750 человек, в остальные регионы ДВ – заметно меньше.

Что интересно, для перемещающегося населения Забайкальского края основным местом назначения в свою очередь также является республика Бурятия. То есть мы видим не переезд из бедного региона в богатый, а встречные миграционные потоки, причём вполне количественно сопоставимые. В 90-е гг. прошлого века заметным направлением миграции из Забайкалья также была Амурская область. Чуть меньше – Хабаровский и Приморский края. В 2000-х их значение снизилось. А в 2010-х на второе место после Бурятии в карте миграций Забайкалья вышел Хабаровский край. Затем – Приморье и Амурская область. В 2022 г. из Забайкальского края в Республику Бурятия приехало 2101 человек, в Хабаровский край – 609 человек, в Приморский край – 549, в Амурскую область – 411, еще меньше в Якутию – 270, в остальные регионы – в разы меньше.

Республика Саха (Якутия) поставляла больше всего людей с 1997 по 2006 г. в Амурскую область, с 2006 по 2010 г. в Республику Бурятия, с 2011 по 2015 г. в Хабаровский край, с 2016 по 2022 г. снова в Бурятию. Также заметную роль в разные годы играли Забайкальский и Приморский края. Остальные регионы такого веса не имели. Последние данные за 2022 г. демонстрируют 573 уехавших в Бурятию, 389 уехавших в Амурскую область, 341 – в Хабаровский край, 277 – в Приморье, 177 – в Забайкалье.

Из Камчатского края люди стабильно едут в Приморский край. Следом – Хабаровский край. В 90-е гг. на третьем месте по популярности была Амурская область, в последние годы всё чаще Сахалинская область или Республика Бурятия. Для понимания порядка цифр, за 2022 г. с Камчатки в Приморье перебрались 433 человека, в Хабаровский край – 224 человека, в Амурскую область – 90, в Бурятию – 89, на Сахалин – 79.

Из года в год лидирующим направлением миграции из Приморского края является Хабаровский край. Затем, сильно реже до 2010-х – Амурская и Сахалинская области, в 2010-х – Сахалинская область, Камчатский край, Амурская область. В 2022 г. показатели составили: из Приморья в Хабаровский край – 3482 человека, из Приморья в Амурскую область – 805, из Приморья на Сахалин – 609, на Камчатку – 579.

В свою очередь, основной поток мигрантов из Хабаровского края перемещается в Приморский край. Порядок цифр сопоставимый – в 2022 г. из Хабаровского края в Приморье прибыли 3284 человека. Т.е. здесь мы тоже можем говорить о полноценной миграционной системе с перекрёстными потоками, а не просто о перемещении людей из региона-донора в регион-реципиент. Следующим получателем человеческого капитала из Хабаровского края выступает Амурская область (1390 человек в 2022 г.). Третье место попеременно занимают то Еврейская автономная область (1298 человек), то Сахалинская область (642).

Ещё один регион, который может быть включен в эту миграционную систему – Амурская область. Основное направление отъезда населения из Амурской области – Хабаровский край, в 2022 г. этот показатель был равен 1665. На втором месте – Приморский край, в 2022 г. туда уехало 1039 человек. Куда менее активные, но всё же заметные направления в разные годы – Забайкальский край, Якутия, ЕАО, Сахалинская область.

Магаданская область в основном направляет людей в Приморский и Хабаровский края. В 2022 г. из региона уехало в Приморье 124 человека, в Хабаровский край – 116 человек, в другие субъекты – заметно меньше.

Пальму первенства по приёму мигрантов из Сахалинской области также делят между собой Хабаровский и Приморский края, остальные регионы

несравнимы с ними по показателям. В 2022 г. с Сахалина в Хабаровский край прибыло 786 человек, в Приморье – 768 человек.

Очень много людей уезжает из Еврейской автономной области в Хабаровский край. Дошло до того, что с 2013 г. количество миграций из ЕАО в Хабаровский край превышает количество внутренних миграций в субъекте. В разы меньше перемещений из Еврейской автономии в Амурскую область и Приморский край. В 2022 г. покинуло ЕАО в направлении Хабаровского края – 1760 человек, в направлении Приморья – 270 человек, Амурской области – 232 человека. Для сравнения: миграций внутри региона за этот год зарегистрировано 1202.

О миграционных тенденциях Чукотского автономного можно сказать следующее. Во-первых, существует движение населения в сторону ближайших / соседних регионов – чаще всего в Магаданскую область (в 2022 г. туда уехало 106 человек). Во-вторых, есть тренд на перемещение в центральные / "столичные" / развитые регионы – в какие-то годы больше в Приморский край (в 2022 г. – 99 человек), в какие-то в Хабаровский край (в 2022 г. – 77 человек).

В целом можно говорить о двух регионах лидерах – Хабаровском крае и Приморском крае. В этих регионах располагаются города "мегаполисы" – Хабаровск и Владивосток, которые концентрируют в себе основные ресурсы и являются наиболее востребованными у дальневосточников. Хабаровск, который явно выделяется даже на фоне Владивостока занимает лидерство из-за статуса столицы большую часть рассматриваемого периода.

Куда едут дальневосточники?

Что касается миграций населения за пределы Дальнего Востока, их целесообразно рассматривать по отдельным субъектам ДФО, т.к. это лучше всего отражает "разность" регионов и образует их специфику. Нужно оговориться что в визуальных материалах (табл. 15–16) приведены данные по верхним трём регионам-реципиентам в доле к общероссийской внутренней миграции.

Пальму первенства по приёму людей из Республики Бурятия на протяжении всего наблюдаемого периода удерживает Иркутская область. На втором месте с 1991 по 2007 гг. стабильно располагался Красноярский край, на третьем – Новосибирская область (сильно реже – Челябинская область и г. Москва), с 2008 г. они поменялись местами. Т. е. здесь мы тоже видим географическое тяготение относительно близких регионов. А вот с 2015 г. в тройке лидеров к Иркутской области и Красноярскому краю присоединился г. Москва.

С 1991 по 2005 гг. основным регионом, принимающих людей из республики Саха (Якутия), также как и в случае с Бурятией, была Иркутская область. С 2006 г. на первое место вышла Новосибирская область. В течение всего исследуемого периода (за исключением 2000–2004 гг.) заметное место в структуре исходящей миграции Якутии также занимает Краснодарский край. С 2014 г. можно наблюдать чёткий тренд переезда в г. Санкт-Петербург.

Вновь подтверждает большое значение территориальной близости миграционная картина Забайкальского края. Доминирующую позицию в исходящем миграционном потоке региона все годы занимает Иркутская область, далее – Красноярский край. В 1991–1995 гг. прослеживалась и с 2013 г. возобновилась тенденция отъезда на юг, в Краснодарский край. С 1997 по 2006 гг. в структуре миграции из Забайкалья возникла Московская область. С 1996 г. периодически возникала, а с 2005 по 2019 гг. окончательно закрепились Новосибирская область как популярное направление переезда.

Жители Камчатского края на протяжении последних тридцати лет стабильно уезжают в Краснодарский край, г. Санкт-Петербург и Московскую область. Пункты назначения мигрантов из Приморского и Хабаровского краёв также не отличаются оригинальностью, но кроме Краснодарского края, Московской области, Санкт-Петербурга они довольно часто выбирают для себя и Москву.

Амурская область в целом поддерживает эти традиционные направления миграции, но с некоторой спецификой – на протяжении всех 90-х гг. своё значение сохраняла Иркутская область, а с 2007 по 2012 гг. была заметна роль Новосибирской области.

Магаданская область несколько выбивается из общей картины. Южное направление миграций представлено там не только Краснодарским краем, но и Ростовской областью на протяжении всех 90-х гг. прошлого века. С 1997 г. по 2011 гг. в структуре перемещений значительную долю занимает Белгородская область. В остальном все стереотипно – Краснодарский край, г. Санкт-Петербург, Московская область.

В ранний постсоветский период картина исходящей миграции Сахалинской области довольно схожа с Магаданской областью – те же Краснодарский край и Ростовская область. В дальнейшем мы видим преобладание уже классических направлений, с той только разницей, что чаще всё же фигурирует г. Москва, а не Московская область.

До 2000 г. трудно говорить о каких-то трендах в миграционной активности населения Еврейской автономной области. С начала 2000-х уже появляется стабильность – наиболее привлекательными регионами для перемещения становятся Краснодарский край и Московская область. Также с 2013 г. в топ-3 мест для переезда входит г. Санкт-Петербург.

С 1991 по 2000 гг. самыми популярными направлениями у жителей Чукотского автономного округа были Краснодарский край, Ростовская и Московская области. С 2004 по 2010 гг. пьедестал занимали Краснодарский и Ставропольский края, третий регион варьировался. В последние годы лидерами стали Омская область, Ростовская область, Краснодарский край, в некоторые годы – республика Калмыкия.

Кто едет на Дальний Восток?

В визуальных материалах ниже (табл. 17–18) приведены данные по верхним трём регионам, из которых пребывают мигранты на Дальний Восток в доле к общероссийской внутренней миграции.

Большинство прибывающих в Забайкальский край неизменно представляли Иркутскую область, Красноярский край, Новосибирскую область. Идентичная ситуация складывалась в республике Бурятия, и только после 2018 г. выходцев из Новосибирской области в этом регионе потеснили москвичи. В Республику Саха (Якутия) также поставляют людей Иркутская область, Краснодарский край, Новосибирская область, Красноярский край, но с 2015 г. место Красноярского края занял Санкт-Петербург.

Разнообразие вносит Камчатский край – сюда стабильно едут люди из Краснодарского края и Санкт-Петербурга, также в разное время на состав мигрантов влияли Ростовская область, Алтайский край, Московская область.

В 90-е гг. в Приморский край ехали из Иркутской области, г. Санкт-Петербурга, Красноярского края. С 2000 г. вместо Санкт-Петербурга больше приезжих стало из Алтайского края, с 2005 г. место Красноярского края занял Краснодарский край. С 2012 г. тройка лидеров по экспорту людей в Приморье выглядит следующим образом: Краснодарский край, г. Москва, г. Санкт-Петербург. Идентичная ситуация наблюдалась и в Хабаровском крае, лишь с небольшими вариациями в 2000-х гг., хотя перечень основных регионов-доноров оставался неизменным: Красноярский край, Краснодарский край, Алтайский край, Новосибирская область сменяли друг друга.

Похожим образом обстояли дела и в Амурской области: в 1990-е гг. поставляли людей региону Иркутская область и Красноярский край, в 2000-е гг. – стабильно присоединился Краснодарский край, в 2010-е гг. – Краснодарский край, г. Санкт-Петербург, г. Москва (Московская область).

Совсем уж неожиданно, но и в Магаданскую область в 90-е гг. больше всего людей приезжало из Краснодарского края, Ростовской области, г. Москва, Московской области (пусть и в разы меньше, чем уезжало). В 2000-х гг. вместо Москвы и области чаще звучит Белгородская область. После 2010 г. возникают вполне классические уже Краснодарский край, г. Санкт-Петербург, г. Москва.

Большая часть приезжих в Сахалинскую область на протяжении всех тридцати лет была из Краснодарского края. С 2002 по 2006 гг. замечен был приток населения из Санкт-Петербурга. С 2007 по 2011 г. его сменил Алтайский край. С 2012 г. уже много раз обозначенные Краснодарский край, г. Санкт-Петербург, г. Москва.

В Еврейскую автономную область в последнее десятилетие XX в. ехали в основном из Иркутской области и Красноярского края. В первом десятилетии XXI в. к ним присоединились / заменили Оренбургская область и Алтайский край. Во втором десятилетии мы видим все ту же триаду Краснодарский край – Санкт-Петербург – Москва.

По Чукотскому автономному округу до середины 2000-х гг. преобладали выходцы из Краснодарского края, Ростовской области, Москвы / Московской области, со второй половины 2000-х – из Омской области, Краснодарского края, Ростовской области (в последние годы иногда – из республики Калмыкия).

Выводы

Тезис о том, что "люди уезжают с Дальнего Востока" в целом находит своё подтверждение в статистике, однако ситуация далеко не катастрофична. Стоит отметить, что с каждым годом и уезжает, и приезжает всё меньше людей. Отток, как и приток постепенно сокращается.

Действительно, в нескольких регионах, таких как Республика Саха (Якутия), Камчатский край, Магаданская область, Сахалинская область, Чукотский автономный округ, в 90-х – начале 2000-х гг. наблюдалась критическая ситуация, когда количество уезжающих в 1,5–2–3 раза превышало приезжающих в эти субъекты. В Сахалинской области ситуация выровнялась только в 2010-х гг. По Магаданской области убыль населения по-прежнему заметная, хоть и не такая фатальная как до 2010-х гг.

В последние годы, входящие / исходящие потоки в большей части регионов примерно сопоставимы (однако, отток населения почти всегда превышает приток). Такой стабильностью отличаются республика Бурятия, Забайкальский край, Приморский край, Хабаровский край, Амурская область. Уникальная ситуация складывалась в Еврейской автономной области, когда в 90-е гг. туда приезжало людей больше, чем уезжало. С 2010-х гг. такая картина эпизодически наблюдается только в Чукотском автономном округе.

Рассматривая внутренние миграционные потоки на Дальнем Востоке, следует отметить, что доминирующую позицию на протяжении всего периода наблюдений занимают перемещения внутри субъектов. В каждом из регионов их число на порядок, а иногда и на два выше, чем перемещений между регионами ДВ или за пределы федерального округа. Исключением вновь является лишь Еврейская АО, где с 2013 г. преобладают миграции из региона в Хабаровский край.

В целом, регионом-лидером, как по приёму, так и по отправке людей стабильно является Приморский край. За исключением 2005 г., когда первое место заняла Амурская область, и 2007 г. – когда на первый план вышла Республика Бурятия. За второе-третье места по количеству мигрантов с 1991 г. до середины 2000-х гг. боролись, периодически сменяя друг друга, Хабаровский край и Амурская область (по числу уезжающих с 1999 по 2003 гг. – ещё и Забайкальский край). Со второй половины 2000-х до конца 2010-хх гг. на втором месте прочно закрепился Хабаровский край, на третьем – Бурятия, заметно активнее стало перемещаться население Забайкалья и Якутии. В последние годы тройка лидеров выглядит следующим образом: Приморье, Забайкалье, Хабаровский край.

Отчётливо проявляется миграционное тяготение соседних / близких регионов друг к другу. При этом, если ожидаемыми были перемещения людей из отдалённых регионов в центральные, более населённые или из дотационных регионов в экономически развитые, то здесь мы наблюдаем любопытные примеры перекрёстных, вполне сопоставимых миграционных потоков: Бурятия – Забайкалье / Забайкалье – Бурятия и Приморский край – Хабаровский край / Хабаровский край – Приморский край.

Среди других устойчивых миграционных направлений внутри Дальнего Востока также можно выделить следующие:

- из Якутии в Бурятию и Амурскую область (периодически значимое количество людей из Якутии принимает также и Хабаровский край);
- с Камчатки в Приморье (реже и в меньшей степени в Хабаровский край);

- из Магаданской области наибольшее число людей переезжает попеременно в Приморье и Хабаровский край;
- Сахалин также стабильно поставляет людей в Приморье и Хабаровский край;
- для Чукотки регионами-реципиентами являются Магадан, Хабаровск, Приморье.

В разрезе всероссийских перемещений, как ни парадоксально, мы видим встречные миграционные потоки в большинстве регионов – люди едут не только с Дальнего Востока на условный запад / на юг, но и с запада / юга на Дальний Восток. С некоторой долей допущения можно говорить о том, что приезжают из тех же регионов, в которые уезжают, пусть и с количественной разницей. Если в случае исходящих миграций чаще всего звучат территориально близкие Иркутская область и Красноярский край, южные Краснодарский край и Ростовская область, столичные Санкт-Петербург, Московская область, Москва, то они же возникают и при анализе входящего миграционного потока.

Заключение

Таким образом, представления о катастрофическом опустении территории Дальнего Востока, мягко говоря, слабо соотносятся с данными официальной государственной статистики. Да, определённый отток наблюдается. Но, в целом, он соответствует общемировой тенденции центростремительного движения населения (от сельских поселений к небольшим городам, от них к мегаполисам и глобальным городам). Более того, сохранение оттока наряду с факторами, уже описанными специалистами в области миграции (отсутствие укоренённости в регионе значительной части населения [2], сохранение связей в точке исхода и т. д. [1]) детерминировано изменением самого подхода государства и, что не менее важно, крупного бизнеса к освоению территории.

Если в советский период, как и в период Российской империи ставка делалась именно на заселение региона (вокруг промышленных объектов возникли вполне стационарные населённые пункты со всей необходимой социальной и властной инфраструктурой), то сегодня необходимыми для производства трудовые ресурсы поставляет "вахта", состоящая из людей, зарегистрированных в совершенно иных регионах. Да, как и во всей стране, ощущается некоторая "нехватка" населения. Но пока она ведёт лишь к сокращению безработицы, росту заработной платы наемных работников, то есть, к возрастанию уровня жизни большей части дальневосточников.

Почему же, в условиях, когда сохраняется не особенно значительный отток населения из региона, продолжает тиражироваться априорная исследовательская установка об угрозе национальной безопасности, о катастрофической ситуации в ДФО [4]? Почему "привратники" продолжают свою работу? Причина, как представляется находится за пределами научного дискурса, в принципе, не склонного к эмоциональному переживанию ситуации. Как показал С. Г. Кордонский, формой взаимодействия региональной и федеральной власти в России выступает "конструирование угроз" [3]. Региональная власть конструирует угрозу, для нейтрализации которой и получает дополнительное финансирование из центра. Это может быть угроза национализма, как в Татарии, сепаратизма, как в Чечне. "Дальневосточной угрозой", с которой борется региональная власть субъектов федерации, выступает сокращение населения. Наличие такой влиятельной группы и её возможностей воздействия через СМИ, грантовую поддержку исследований и т. д. создает эмоциональный и смысловой фон, приводящий к сохранению "привратников", диктующих описание ситуации в качестве катастрофической.

В условиях, когда пусть незначительный отток, но сохраняется, а естественный прирост не достигает уровня даже простого воспроизводства, заселение Дальнего Востока, привлечение новых потоков переселенцев маловероятно. Разве только иностранными мигрантами из бедных и перенаселенных стран или за счёт сокращения населения в иных регионах России. Есть еще вариант: признать сам факт невозможности (климатической, демографической, логистической и т.д.) заселения этой территории в ближайшее время и действовать, исходя из наличной ситуации. Скажем, развивать "малолюд-

Табл. 13. Динамика численности прибывающего населения во внутрорегиональных миграциях и общей численности выбывающего населения на Дальнем Востоке в 1991–2022 гг.
Table 13. Dynamics of the number of intra-regional migrants and the total number of out-migrants in the Far East, 1991–2022.

Год	Общий показатель ушедших	Из них прибыли в регионы ДФО	Год	Общий показатель ушедших	Из них прибыли в регионы ДФО
1991	423657	282303	2007	182992	124661
1992	389782	235322	2008	181148	121207
1993	337195	192454	2009	155224	102967
1994	381194	202329	2010	168872	106157
1995	381709	211616	2011	271046	183895
1996	322672	191404	2012	316410	214219
1997	298581	175940	2013	330441	220562
1998	288858	172734	2014	323181	217914
1999	271657	164482	2015	327973	222913
2000	238574	154339	2016	321427	219636
2001	215850	140591	2017	324258	222054
2002	206878	136902	2018	328358	222842
2003	202489	136927	2019	306718	215616
2004	184168	126162	2020	267846	186996
2005	176589	120518	2021	285904	199203
2006	180180	121412	2022	275055	191036

Источник: составлено авторами на основе сводных данных, предоставленных ФСГС.

Source: compiled by the authors on consolidated data provided by the Federal State Statistics Service.

Табл. 14. Распределение уехавших из одного региона ДФО в другой регион ДФО
Table 14. Share of those who left one region of the Far Eastern Federal District for another region of the Far Eastern Federal District

Откуда убыли \ Куда прибыли	Куда прибыли										
	РБ	РС(Я)	ЗК	КК	ПК	ХК	АО	МО	СО	ЕАО	ЧАО
РБ		16,7	54,3	2,0	8,4	7,2	5,0	1,7	3,2	0,6	0,9
РС(Я)	23,6		12,2	0,9	13,5	19,1	21,7	4,6	1,4	2,0	0,9
ЗК	48,4	6,5		1,2	11,4	13,6	14,0	1,2	1,9	1,4	0,3
КК	3,2	1,2	2,6		48,1	26,7	8,3	2,0	4,4	2,4	1,1
ПК	3,4	3,0	5,3	8,5		48,9	13,1	2,4	11,6	3,7	1,1
ХК	2,2	3,8	5,2	3,7	36,2		19,5	2,1	10,1	16,3	0,9
АО	3,2	7,3	9,9	2,1	21,4	42,0		1,3	5,4	6,7	0,7
МО	7,0	5,5	5,3	3,3	30,4	26,2	11,3		2,0	3,7	5,3
СО	3,2	0,9	2,6	2,9	35,8	40,8	10,2	0,6		2,7	0,2
ЕАО	0,6	1,2	1,4	1,1	10,4	69,4	12,1	0,6	2,9		0,3
ЧАО	4,7	2,8	2,3	7,9	17,6	26,4	7,5	27,2	1,4	2,4	

Источник: составлено авторами на основе данных ФСГС.

Source: compiled by the authors on the basis of data from Federal State Statistics Service

Табл. 15. Долевое распределение по территориям-реципиентам мигрантов, выбывших из ДФО в 1991–2022 гг. Часть 1

Tabl. 15. Distribution of the share of migrants leaving the Far Eastern Federal District in 1991–2022 by receiving region. Part 1

Республика Бурятия		Республика Саха (Якутия)	
Иркутская область	22%	Новосибирская область	12%
Москва	13%	Краснодарский край	10%
Красноярский край	10%	Санкт-Петербург	7%
Забайкальский край		Камчатский край	
Иркутская область	11%	Краснодарский край	13%
Краснодарский край	9%	Санкт-Петербург	10%
Красноярский край	8%	Московская область	7%
Приморский край		Хабаровский край	
Санкт-Петербург	14%	Краснодарский край	15%
Москва	13%	Санкт-Петербург	12%
Краснодарский край	9%	Москва	11%

Источник: составлено авторами на основе данных ФСГС.

Source: compiled by the authors on the basis of data from Federal State Statistics Service.

Табл. 16. Долевое распределение по территориям-реципиентам мигрантов, выбывших из ДФО в 1991–2022 гг. Часть 2

Tabl. 16. Distribution of the share of migrants leaving the Far Eastern Federal District in 1991–2022 by receiving region. Part 2

Амурская область		Магаданская область	
Краснодарский край	15%	Краснодарский край	12%
Санкт-Петербург	9%	Санкт-Петербург	9%
Московская область	7%	Московская область	7%
Сахалинская область		Еврейская автономная область	
Краснодарский край	12%	Краснодарский край	15%
Санкт-Петербург	10%	Санкт-Петербург	9%
Москва	8%	Москва	8%
Чукотский автономный округ			
Краснодарский край	9%		
Омская область	8%		
Ростовская область	7%		

Источник: составлено авторами на основе данных ФСГС.

Source: compiled by the authors on the basis of data from Federal State Statistics Service.

Табл. 17. Долевое распределение по субъектам ДФО мигрантов, прибывших в регион в 1991–2022 гг. Часть 1

Tabl. 17. Distribution of the share of migrants arriving in the region in 1991–2022 by Far Eastern Federal District subject. Part 1

Республика Бурятия		Республика Саха (Якутия)	
Иркутская область	28%	Новосибирская область	9%
Красноярский край	10%	Иркутская область	8%
Москва	8%	Санкт-Петербург	7%
Забайкальский край		Камчатский край	
Иркутская область	16%	Санкт-Петербург	9%
Новосибирская область	9%	Краснодарский край	9%
Красноярский край	8%	Московская область	6%
Приморский край		Хабаровский край	
Санкт-Петербург	10%	Краснодарский край	12%
Москва	9%	Санкт-Петербург	9%
Краснодарский край	8%	Москва	8%

Источник: составлено авторами на основе данных ФСГС.

Source: compiled by the authors on the basis of data from Federal State Statistics Service.

Табл. 18. Долевое распределение по субъектам ДФО мигрантов, прибывших в регион в 1991–2022 гг. Часть 2

Tabl. 18. Distribution of the share of migrants arriving in the region in 1991–2022 by Far Eastern Federal District subject. Part 2

Амурская область		Магаданская область	
Краснодарский край	10%	Краснодарский край	12%
Санкт-Петербург	7%	Санкт-Петербург	6%
Москва	6%	Белгородская область	5%
Сахалинская область		Еврейская автономная область	
Краснодарский край	9%	Краснодарский край	11%
Санкт-Петербург	8%	Санкт-Петербург	9%
Москва	7%	Москва	5%
Чукотский автономный округ			
Краснодарский край	9%		
Омская область	8%		
Ростовская область	5%		

Источник: составлено авторами на основе данных ФСГС.

Source: compiled by the authors on the basis of data from Federal State Statistics Service

ные" производства с низкими транспортными издержками. Но это будет уже совсем-совсем другая история.

Литература / References

1. Бляхер Л. Е. Искусство неуправляемой жизни. Москва: Европа, 2014. 208 с. Bliakher L. E. The art of unmanaged life. Moscow: Europe, 2014. 208 p. (In Russ.).
2. Ковалевский А. В., Бляхер Л. Е., Дальневосточная миграция: особенности интерпретации на примере кейса Хабаровского края // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2020. № 3(54). С. 120-127. <https://www.doi.org/10.24866/1998-6785/2020-3/120-127>
Kovalevskii A. V., Bliakher L. E. Far Eastern migration: peculiarities of the interpretation. Example of the Khabarovsk Territory case // Oikumena. Regional Researches. 2020. N. 3. P. 120–127. (In Russ.) <https://www.doi.org/10.24866/1998-6785/2020-3/120-127>
3. Кордонский С. Г., Дехант Д. К. Нейтрализация угроз как форма деятельности органов власти // Микроэкономика. 2014. № 6. С. 52–58.
Kordonsky S. G., Dechant D. K. Neutralizing Threats as a Form of Government Activity // Microeconomics. 2014. N. 6. P. 52–58. (In Russ.)
4. Симагин Ю. А., Муртузалиева Д. Д. Демографические проблемы геостратегических территорий Дальнего Востока России // Народонаселение. 2020. № 4 (23). С. 153–160.
Simagin Yu. A., Murtuzaliev D. D. Demographic Problems of Geostrategic Territories of the Russian Far East // Population. 2020. N. 4 (23). P. 153–160. (In Russ.).

Информация об авторах

Мария Вячеславовна Садловская, канд. соц. наук, доцент Высшей школы социальных и политических наук Тихоокеанского государственного университета, Хабаровск, Россия, e-mail: 008710@pnu.edu.ru

Андрей Владимирович Ковалевский, канд. соц. наук, заведующий Лабораторией междисциплинарных исследований социального капитала Тихоокеанского государственного университета, Хабаровск, Россия, e-mail: 012551@pnu.edu.ru

Леонид Ефимович Бляхер, д-р филос. наук, профессор Высшей школы социальных и политических наук Тихоокеанского государственного университета, Хабаровск, Россия, e-mail: 000048@pnu.edu.ru

Information about the authors

Maria V. Sadlovskaya, Candidate of Sociology, Associate Professor, Department of Social and Political Sciences, Pacific National University, Khabarovsk, Russia, e-mail: 008710@pnu.edu.ru

Andrey V. Kovalevskii, Candidate of Sociology, Head of the Laboratory of Interdisciplinary Studies of Social Capital, Pacific National University, Khabarovsk, Russia, e-mail: 012551@pnu.edu.ru

Leonid E. Bliakher, Doctor of Philosophy, Professor, Department of Social and Political Sciences, Pacific National University, Khabarovsk, Russia, e-mail: 000048@pnu.edu.ru

Поступила в редакцию 05.08.2024

Одобрена после рецензирования 15.11.2024

Принята к публикации 25.02.2025

Received 05.08.2024

Approved 15.11.2024

Accepted 25.02.2025

Реабилитация людей с инвалидностью и оценка её результативности: социологическое обоснование и практика

Алевтина Викторовна Старшинова
Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия;
Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия, a.v.starshinova@urfu.ru
Татьяна Владимировна Рогачёва
Областной центр реабилитации инвалидов Свердловской области, Екатеринбург, Россия, tvrog@yandex.ru
Елена Васильевна Шестакова
Областной центр реабилитации инвалидов Свердловской области,
Екатеринбург, Россия, shestakova.ev68@yandex.ru

Аннотация. В статье проанализированы социологические исследования, посвященные социальной интеграции людей с инвалидностью в непосредственной связи с процессом реабилитации. Показано, что исследования, отличающиеся практико-ориентированной направленностью, способствуют формированию российской и международной системы законодательства, регулирующего деятельность по реабилитации на основе социальной модели инвалидности. Одновременно профессиональное сообщество получает возможность взаимодействовать с участниками реабилитационного процесса, используя единый понятийный аппарат, а также разрабатывать измерительные инструменты для оценки результативности реабилитации и доказательно совершенствовать систему реабилитации.

Ключевые слова: *инвалидность; международная классификация функционирования ограничений жизнедеятельности и здоровья; реабилитационный процесс; результативность; социальная интеграция*

Статья подготовлена при поддержке РНФ в рамках проекта № 24-18-00542 "Экосоциальная модель социально-го государства в России: концептуальные основы, дискурсы, институты", реализуемого в СПбГУ.

Для цитирования: Старшинова А. В., Рогачёва Т. В., Шестакова Е. В. Реабилитация людей с инвалидностью и оценка её результативности: социологическое обоснование и практика // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2025. Т. 19. № 1. С. 94–104. <https://doi.org/10.29039/1998-6785/2025-1/94-104>

Original article
<https://doi.org/10.29039/1998-6785/2025-1/94-104>

Rehabilitation of people with disabilities and assessment of its effectiveness: sociological justification and practice

Alevtina V. Starshinova
Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russia;
St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia. a.v.starshinova@urfu.ru
Tatyana V. Rogacheva
Center for Social Rehabilitation of the Disabled of the Sverdlovsk region, Yekaterinburg, Russia, tvrog@yandex.ru
Elena V. Shestakova
Center for Social Rehabilitation of the Disabled of the Sverdlovsk region,
Yekaterinburg, Russia, shestakova.ev68@yandex.ru

Abstract. The article analyzes sociological studies on the social integration of people with disabilities in direct connection with the rehabilitation process. It is shown that research, characterized by a practice-oriented orientation, contributes to the formation of the Russian and international system of legislation regulating rehabilitation activities based on the social model of disability. At the same time, the professional community gets the opportunity to interact with participants in the rehabilitation process using a single conceptual framework, as well as to develop measuring tools to assess the effectiveness of rehabilitation and evidence-based improvement of the rehabilitation system.

Key words: *disability; international classification of functioning of disability and health; rehabilitation process; effectiveness; social integration*

The article was prepared with the support of the Russian National Science Foundation within the framework of project No. 24-18-00542 "The ecosocial model of the welfare state in Russia: conceptual foundations, discourses, institute", which is being implemented at St. Petersburg State University.

For citation: Starshinova A. V., Rogacheva T. V., Shestakova E. V. Rehabilitation of people with disabilities and assessment of its effectiveness: sociological justification and practice // Ojkumena. Regional Researches. 2025. Vol. 19. No. 1. P. 94–104. <https://doi.org/10.29039/1998-6785/2025-1/94-104>

Введение

Социальная интеграция людей с инвалидностью признана большинством современных государств одним из ключевых направлений социальной политики. "Стандартные правила обеспечения равных возможностей для инвалидов", принятые в 1993 году на Генеральной Ассамблее ООН [11], стали основополагающим международным документом, на который ориентируются национальные законодательства в реализации интегративной социальной

политики. В Федеральном законе № 181 "О социальной защите инвалидов в Российской Федерации", принятом в 1995 г., социальная адаптация и интеграция людей с инвалидностью в общество рассматривается в качестве цели их социальной реабилитации [22]. В Концепции развития комплексной реабилитации, утвержденной Распоряжением Правительства РФ в 2021 г., уточняется понятие инвалидности в соответствии с современными представлениями о ней как социальном феномене. Инвалидность определяется как совокупность барьеров, затрудняющих обычную жизнь человека при наличии у него стойких нарушений здоровья и функций организма [17]. При этом в концепции под системой комплексной реабилитации подразумеваются реабилитационные услуги, обеспечение инвалидов техническими средствами и меры, способствующие социальной адаптации и интеграции. Однако в нормативных документах не определены понятия социальной адаптации и интеграции, что затрудняет практическую деятельность по реабилитации людей с инвалидностью. Необходимость анализа имеющихся теоретических подходов к осмыслению социальной интеграции людей с инвалидностью в непосредственной связи с процессом их реабилитации продиктована потребностью в прояснении базовых понятий. В практическом отношении наиболее важным является вопрос о результативности реабилитации инвалидов. Проведенный анализ имеет непосредственное значение для специалистов-практиков, чтобы по результатам дискуссии составить консолидированное представление о возможных методах оценки результативности процесса реабилитации людей с инвалидностью.

Концептуализация понятия "интеграция"

Теоретическими основаниями определения интеграции служат философские и социально ориентированные концепции XIX–XX вв., в которых под интеграцией понималось создание равноправных условий для всех членов социума. В тот период многие исследователи задаются вопросом понимания нормы, предлагая консенсусный подход к изучению общества. Еще Г. Спенсер, трактуя дифференциацию и интеграцию как две стороны общественного процесса, подразумевал под интеграцией участие всех членов социума в совместной деятельности при единых социальных нормах и ценностях [18, с. 273–309]. Данная трактовка близка Э. Дюркгейму, определявшему интеграцию как способ присоединения индивидов к обществу. Уровень интегрированности он связывал со степенью испытываемого индивидом чувства принадлежности к социальной группе или коллективу на основании разделяемых норм, ценностей, убеждений [6, с. 258]. Он предложил анализировать интеграцию на двух уровнях: макро- и микроуровне, а соотношение коллективного и индивидуального рассматривать главным образом через соотношение нормы и патологии. Дюркгейм писал, что "болезнь не делает человека особым существом, а лишь принуждает его иначе адаптироваться в обществе" [6, с. 73]. В его понимании границы между нормой и патологией определяются конкретной социальной ситуацией, которая в свою очередь детерминирована культурой. Т. Парсонс рассматривал интеграцию органичной частью социализации как процесс интернализации культуры того общества, где родился человек [16, с. 475]. Дж. Мид раскрывает данный социальный процесс через освоение внешних структур, превращающихся во внутренние регуляторы [14, с. 225]. Человек маркируется социумом как инвалид в том случае, когда его поведение, состояние здоровья не соответствуют той системе норм и правил, которые приняты в данном обществе. Достаточно длительное время в социологии интеграция рассматривалась с позиций концепции социального неравенства [29, с. 223].

Английский социолог Д. Локвуд первым концептуализировал понятие "социальная интеграция", разграничив два понятия – системная и социальная интеграция. Под системной интеграцией подразумеваются бесконфликтные отношения на структурном уровне (уровень *structure*), представленном, например социальными институтами, а под социальной интеграцией понимаются бесконфликтные отношения на уровне межличностного взаимодействия (уровень *agency*). Бесконфликтность или стабильность в социуме достигается "подвижной" интеграцией, балансом между акторами (*agency*) и структурой [33, с. 245]. Продолжая категоризацию понятия "интеграция", Э.

Гидденс считал, что без активности актора структура не существует и полагал, что данное понятие не является синонимом сплоченности или консенсуса, а характеризует процесс межличностного взаимодействия (акторов). Объясняя механизм интеграции, он вводит понятие "рефлексивный мониторинг действия" (*reflexive monitoring of action*), основанный на рационализации и являющийся постоянной, неотъемлемой характеристикой повседневного действия любого индивида [2; 3, с. 48; 32, с. 57]. Поведение индивида зависит от величины "запасов знания", составляющего его социальную компетентность. Запасы знания или человеческий капитал, определяются в том числе и "практическим сознанием", представляющим собой "не артикулированное, порой не рефлексивное знание, которое индивид не может сформулировать дискурсивно, но умело применяет его при реализации той или иной линии поведения" [32, с. 211].

Для предмета нашего анализа важно подчеркнуть, что активная разработка понятия "интеграция" в классической и современной зарубежной социологии повлияла на формирование нормативных документов по регулированию деятельности, направленной на реабилитацию инвалидов. При этом акцент смещался с *медицинской* модели на *социальную*, а затем и *социокультурную* модель инвалидности. Понимание инвалидности как социального феномена становится приоритетным не только в теории, но и в практической сфере, в частности в реабилитационной практике. В рамках социальной модели интеграции людей с инвалидностью рассматривается как их полное и эффективное участие в жизни общества наравне с другими. При таком подходе интегрированность человека с ограничениями жизнедеятельности зависит не столько от устранения его дефекта или болезни, сколько от минимизации вызванных дефектом ограничений в процессах социализации. Равноправное включение в общество связано с тем, что человек с инвалидностью обязан на доступном ему уровне функционировать физически и интеллектуально. У него необходимо формировать (абилитация) или восстанавливать (реабилитация) личную самостоятельность, независимость в доступных ему пределах, свободу выбора, ответственность за этот выбор. При этом с позиций социальной модели инвалидности интеграция понимается и как процесс адаптации человеком с ограничениями здоровья к жизни в обществе, его "встраивание" в общественную структуру и как изменения самого общества, направленные на приспособление к особенностям человека с инвалидностью.

Среди российских социологов обсуждаются вопросы социальной интеграции людей с инвалидностью [1; 7; 25, с.22], однако, при наличии множества трактовок данного понятия, число исследований, ориентированных на реабилитационную практику, не столь значительно. Нередко социальная интеграция понимается представителями социальных и гуманитарных наук "в своих интересах", что накладывает ограничения при решении практических задач реабилитации. В то же время выделяются работы, содержащие приближенные к реабилитационной практике конструктивные идеи. Так, Д. В. Зайцев определяет интеграцию как процесс, во-первых, объединения людей на основе общих ценностей и взаимозависимости, во-вторых, как межличностные связи и практики взаимодействия, взаимной адаптации, в-третьих, как процесс и одновременно система включения индивида в различные социальные группы и отношения посредством организации совместной деятельности. В его работе содержится различие "пассивной" и "активной" интеграции и, что особенно важно, выделяются стадии данного процесса [7, с. 72]. Он обращает внимание на необходимость выявления готовности человека к социальной интеграции. Критериями такой готовности выступают "определённый уровень психофизиологического и социокультурного развития, отсутствие ярко выраженных нарушений онтогенеза и прогрессивности в течении хронических заболеваний, наличие способности к трансформации собственных ценностных ориентаций и установления продуктивных взаимоотношений с окружающими, умение находить баланс между собственными интересами и внешними требованиями" [7, с. 116–117].

Практико-ориентированную направленность демонстрируют и работы других учёных, где интеграция рассматривается как двухсторонний процесс [12, с. 161–162], подчёркивается функциональность этих процессов, затрагивающих интересы всех участников. В целом, соглашаясь с социологами

З. Т. Голенковой, Е. Д. Ихитханян, И. М. Ореховой, что в отечественных исследованиях социальной интеграции людей с инвалидностью пока не сложилось чёткого понятийного аппарата [8, с. 22], следует признать данное направление как одно из наиболее востребованных для дальнейшего изучения. В то же время на основе проведенного анализа можно констатировать, что в социологической теории социальной интеграции были разработаны положения, отвечающие на актуальные запросы практики, в частности реабилитации людей с инвалидностью.

Активность и участие как показатели реабилитации людей с инвалидностью

Сформированные в классической, а затем развиваемые в современной социологии представления о социальной интеграции, болезни и инвалидности, а также логика исследований интеграции как общественного процесса во многом способствовали созданию Всемирной организацией здравоохранения классификатора, который позволяет описывать различные, в том числе социальные показатели здоровья, и показатели, связанные со здоровьем любого человека – Международной классификации функционирования, ограничений жизнедеятельности и здоровья, (МКФ) (International Classification of Functioning, Disability and Health, ICF). В этой классификации впервые появляются такие составляющие, как *активность и участие*, характеризующие способность выполнения человеком с инвалидностью определённых социальных задач или действий, а также его вовлечённость в социальную жизнь [13]. Показатели *активности* отражают возможности человека в самообслуживании, передвижении, обучении и когнитивной сфере, общении, ориентации, способности контролировать свое поведение и профессиональной деятельности. *Участие* характеризует включённость человека в различные социальные группы и институты. Эти индикаторы позволяют в ходе профессиональной оценки состояния человека, имеющего те или иные ограничения жизнедеятельности, составить представление о его реальных потребностях и поставить конкретную цель реабилитации на конкретный период времени. Определение *цели реабилитации* с учётом активности и участия человека, имеющего инвалидность, таким образом, основывается на представлении о его функциональных возможностях для интеграции в социум и адаптации к требованиям окружающей социальной среды.

Интеграция людей с инвалидностью в общество в современных социальных государствах обеспечивается системой комплексной реабилитации. В процессе реабилитации происходит восстановление функциональных способностей людей с инвалидностью, позволяющее им возобновить участие в социальной жизни. Подчеркнем, что реабилитация означает не только устранение нарушений здоровья, то есть патологии, затрудняющей функционирование организма человека, а восстановление способности именно социального функционирования. По мере реабилитации человек с инвалидностью в пределах достигнутых возможностей возвращается к выполнению бытовых, семейных, профессиональных и других общественных функций. Если в социологических категориях это обозначается понятиями социального взаимодействия, межличностной коммуникации, выполнения социальных ролей и функций, то в МКФ как нормативном документе, регулирующем реабилитационную практику, произведена своеобразная операционализация категорий активности и участия и сформирована система чётко определённых показателей этих категорий, на основе которых проводится оценка структурно-функциональных нарушений человека, определяющих ограничения его социальной жизнедеятельности. Программы реабилитации, разработанные с применением МКФ в соответствии с полученной оценкой, направлены на максимально возможное преодоление имеющихся ограничений у людей с инвалидностью для жизни в обществе. Реализация таких программ отличается индивидуальными траекториями, как и результат реабилитации. Но это не исключает схематизации/ типологии реабилитационных технологий, а также оценки результатов реабилитации. Поэтому в целях дальнейшего анализа представляют интерес исследовательские подходы к определению результативности реабилитации и как они могут быть трансформированы в практические решения.

Результативность реабилитации

В научной литературе, посвящённой проблеме оценивания деятельности организаций, понятия "результативность" и "эффективность" часто употребляются как синонимы. В то же время в экономических работах "при операционализации понятия эффективности принято различать результативность (*effectiveness*) и экономичность (*efficiency*) её деятельности" [23, с. 51]. В первом варианте измеряется степень достижения установленных для организации целей. Во втором дается представление о том, насколько экономично организация функционирует с учётом соотношения затраченных ресурсов и достигнутых результатов. Учитывая обозначенные различия, мы используем понятие результативности реабилитационного процесса, которое получило развитие в рамках целевого подхода в научных исследованиях по экономике и менеджменту качеством в деятельности организаций.

Оценка результативности реабилитационного процесса признается одной из наиболее сложных в теоретическом обосновании этого процесса [24, с. 224]. Ключевой этап в программах реабилитации составляет планирование целей [5, с. 76; 35, с. 295]. Поэтому применение МКФ как документа, регламентирующего реабилитационный процесс, посредством включенных в неё категорий активности и участия делает возможным сформулировать единую для всех участников реабилитации цель. Именно эти составляющие МКФ позволяют определить степень решения задач, которые актуальны для клиента в данный момент времени и во взаимодействии с социальным окружением/средой. В рамках целевого подхода за результативности реабилитационного процесса принимается наиболее вероятный уровень достижения поставленной цели на определённый период времени. Конкретизируя данный вопрос, российские исследователи предлагают различать цель и в зависимости от того, на кого направлено действие, и кто его выполняет. Они выделяют: 1) цель реабилитации пациента в целом; 2) цель восстановления отдельной функции или активности пациента, в том числе цель для факторов среды; 3) цель работы специалиста с данным пациентом; 4) цель технологии реабилитации; 5) цель работы реабилитационного отделения; 6) цель ухода за инвалидом (поддержки и помощи) [26, с. 11].

Следуя требованиям МКФ, в соответствии с которыми выстраиваются систематизированные схемы выполнения реабилитационных и абилитационных мероприятий, исследователи обсуждают и дополнительные факторы и индикаторы результативности в зависимости от конкретных условий и сфер интеграции людей с инвалидностью. Так, американские учёные Н. Доула и Л. Чан, уточняя применение МКФ для анализа индикаторов в отношении пациентов, перенёвших инсульт, выделяют 3 блока индикаторов качества профессиональной деятельности специалистов: показатели структуры, показатели процесса и результаты реабилитации. Они делают вывод: "В оптимальной ситуации пациент должен вернуться домой максимально здоровым и с функциональными способностями, позволяющими ему возобновить активное участие в жизни семьи, работе или учёбе" [30, с. 235–236]. Голландский социолог Й. Друес предлагает поделить все показатели результативности на 2 группы: "объективные результаты, касающиеся различных сторон жизни (жильё, учёба, работа, социальные контакты) и субъективные, индивидуальные результаты (рост уверенности в себе, чувство идентичности клиента и пр.)" [4, с. 101]. В ряде исследований утверждается, что необходимо учитывать вклад самого клиента в реабилитационный процесс и ожидания других заинтересованных участников реабилитационного процесса, что усилит результативность реабилитации [35; 19; 21; 28]. Р. Бартон подчёркивает, что цель реабилитации обязательно должна включать "усиление активности инвалидов, их восстановление и достижение ими компетентности" [27, с. 527]. Отечественные и зарубежные социологи обращают внимание на то, что не только активное участие здоровых людей в реабилитации инвалидов, например, групп поддержки [20; 34, с. 689], но и участие людей с инвалидностью в решении проблем других инвалидов усиливает их интегрированность в общество [28; 31 с. 488].

А. А. Шмонин, М. Н. Мальцева, Е. В. Мельникова вносят существенные уточнения, рассматривая под целью реабилитации "конечный желаемый результат, то есть что планируется достичь в жизни пациента и в его функционировании к определённому моменту в будущем" [26, с. 12]. В работе

Е. Р. Исаевой, Ю. В. Мухитовой. обосновывается, что в качестве ключевого критерия результативности реабилитации следует считать "уровень достигнутых функциональных возможностей за время, отведенное для проведения реабилитации, самостоятельность и социальную активность пациента" [9, с. 229]. Здесь важным показателем выступает этапность реабилитации, когда специалисты могут оценить достижение цели реабилитации, поставленной на определённый период времени, например, период нахождения в реабилитационном учреждении. Авторы утверждают, что "ожидаемый результат реабилитационных мероприятий должен представлять собой наиболее вероятный уровень достижения между постановкой цели и установленной датой проверки. При этом условно реабилитационные цели можно подразделить на краткосрочные (достижение в течение 5–14 дней) или долгосрочные" [9, с. 230]. Следовательно, результативность в первую очередь определяется по отношению к конкретному человеку, имеющему ограничения жизнедеятельности и проходящему реабилитацию в определённый период его пребывания в специализированном учреждении. В таком случае результативность выражается в "соответствии процесса реализации запланированной реабилитационной деятельности (цели реабилитации) достижению запланированных результатов" [10, с. 37].

Таким образом, как следует из проведённого анализа, для разработки метода оценки результативности реабилитационного процесса на основе применения МКФ можно сформировать критерии оценки тех целевых показателей, которые актуальны для конкретного клиента реабилитационной организации. В составляющих классификации "активность" и "участие" определены те разделы, по которым будет проводиться реабилитация или абилитация в соответствии с имеющимися ограничениями жизнедеятельности. Например, для одного клиента актуально восстановление навыка приёма пищи (раздел "Самообслуживание", домен d550), для другого по тому же разделу "Самообслуживание" актуально восстановить навык ухода за своим телом (домен d520). Однако при разработке такой методики невозможно подсчитать количественно любой показатель активности и участия. Поэтому целесообразно использовать и качественные методы, позволяющие гибко оценивать результаты реабилитации клиентов и реабилитационной организации.

Методика оценки результативности реабилитационного процесса клиента

Принимая во внимание методологию практико-ориентированных подходов и имеющийся опыт определения результативности реабилитации клиентов, в Областном центре реабилитации инвалидов (ОЦРИ, Екатеринбург) разработана и внедрена методика *качественной оценки результативности* реабилитационного процесса. При её разработке авторы опирались на целевой подход к определению результативности реабилитации в условиях организации, оказывающей реабилитационные услуги. Алгоритм оценки результатов комплексной реабилитации каждого клиента проводится по шкалам и методикам, которые были определены с учётом предложений и рекомендаций представителями ведущих российских реабилитационных учреждений. Выбор таких диагностических инструментов осуществляется в том числе и в зависимости от показателя ограничений жизнедеятельности человека с инвалидностью.

Оценка состояния клиента проводится на основе диагностики в начале и в конце реабилитационных мероприятий. Длительность реабилитационного этапа в центре составляет 14 дней [15]. Каждый критерий оценивается по универсальной шкале, содержащейся в МКФ: 0 – нет нарушений, 1 – лёгкие, 2 – умеренные, 3 – тяжёлые, 4 – абсолютные. При этом используются допустимые для порядковой шкалы операции, такие как "больше" (">"), "меньше" ("<") и "равно" ("="). Целевые показатели, соответствующие поставленным реабилитационным задачам при поступлении инвалида в центр и по окончании реабилитационных мероприятий, сравниваются. Полученный результат вносится в документ оценки, обозначаясь знаками "+", "-" или (0) в случае ">", "<" и "=", что соответствует состояниям клиента, характеризующим "улучшение", "ухудшение" и "без изменений". Общая результативность клиента выводится, исходя из количества полученных знаков:

- преобладание "+" → "+";

- преобладание "-" → "-";
- равное количество "+" и "-" → "0";
- все полученные значения "0" → "0".

Таким образом, в предложенной методике результативность оценивается качественно и может выражаться в значениях "улучшение", "ухудшение" и "без изменений". Следовательно, используются допустимые для порядковой шкалы операции, а полученные знаковые значения можно подсчитать количественно для оценки результативности с допустимостью применения всех статистических критериев интервальной шкалы (так как подсчёт количества знаков является показателем, выраженным в интервальной шкале). Этому методу оценки результативности реабилитации свойственны определённые ограничения. К ним относится высокая чувствительность к изменениям. Проблема решается либо присваиванием знаков "+" и "-" при разнице сравнимых показателей более, чем в один порядок, либо настраиванием градации значений целевых показателей, чтобы сделать их более требовательными для сдвига порядка.

Разработанный в реабилитационном центре алгоритм оценки результативности включает расчёт по всем шкалам для каждого отделения: социально-медицинских услуг, социально-бытовой и социально-средовой реабилитации, социально-психологической и социально-педагогической реабилитации, адаптивной физической культуры, а также по всем отделениям для каждого клиента. Следует отметить, что в центре составлена программа автоматического подсчёта баллов по заложенным в программу формулам. Программа генерирует все показатели по каждому отделению и выводит общий результат по тем же критериям, по которым оценивалась результативность клиента. Расчёт по всем отделениям для каждого клиента проводится по среднему арифметическому, исчисляемому из показателя результативности всех отделений.

Методика была внедрена в деятельность отделений ОЦРИ в 2018 г., за этот период специалисты провели оценку результативности реабилитации около 8 тыс. человек, а методика используется как один из доказательных инструментов мониторинга качества услуг организации.

Выводы

Анализ научных подходов позволил выявить ключевые особенности процесса социальной интеграции людей с инвалидностью и результативности их реабилитации позволяет сформулировать следующие основные выводы.

1) Эволюция социологических подходов к определению социальной интеграции как состоянию общества, которое достигается за счёт активности социальных акторов и их участия в межличностном взаимодействии, повлияла на понимание инвалидности как социального феномена. В данной теоретической перспективе сформировалось представление, что социальная интеграция людей с инвалидностью обеспечивается не только минимизацией патологии (отклонения от нормы), вызывающей инвалидность, но и изменениями или адаптацией общественных условий под их потребности.

2) Исследования, ориентированные на запросы реабилитационной практики, в ответ на вопрос о том, как может человек с инвалидностью реализовать своё право на участие в общественной жизни наравне с другими людьми, исходят из того, что восстановление (реабилитация) или формирование (абилитация) способности инвалида к самостоятельности/активности одновременно предполагает создание общественных условий для реализации этих способностей, позволяющих инвалидам осуществлять социальное взаимодействие на доступном каждому из них уровне.

3) МКФ, принятая ВОЗ в качестве основополагающего документа, регулирующего деятельность реабилитационных организаций, была разработана в соответствии с логикой теоретических и практико-ориентированных научных подходов к пониманию социальной интеграции людей с инвалидностью. При этом применение классификации не исключает детализацию факторов, которые могут способствовать усилению результативности реабилитационного процесса в каждом конкретном случае.

4) Оценка результатов реабилитации инвалида на основе анализа показателей МКФ в рамках целевого подхода определяется соотношением по-

ставленной цели реабилитации и достигнутых результатов на тех или иных этапах реабилитационного процесса. Так же учитывается характер ограничений жизнедеятельности и основные сферы общественной жизни, в которые интегрируется человек.

5) Предложенная методика оценки результативности реабилитации клиента и деятельности отделения представляет собой качественный метод оценивания и в условиях реабилитационной организации при наличии соответствующей программы можно рассчитать количественные итоговые результаты по каждому направлению реабилитации.

В завершение подчеркнём, что дальнейшие исследования процесса результативности реабилитационного процесса нуждаются в развитии наметившихся подходов, ориентированных на практическую деятельность реабилитационных учреждений для разработки и внедрения научно обоснованных измерительных инструментов.

Литература / References

1. Бородкина О. И., Сулимова А. А. Эко-социальные технологии интеграции людей с ограниченными возможностями здоровья: региональные практики // Социология науки и технологий. 2023. Т. 14. № 4. С. 188–204. <https://doi.org/10.24412/2079-0910-2023-4-188-204>
Borodkina O. I., Sulimova A. A. Eco-social technologies of integration of people with disabilities: regional practices // Sociology of science and technology. 2023. Volume 14. No. 4. P. 188-204. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2079-0910-2023-4-188-204>
2. Гидденс Э. Модерн и самоидентичность / Реф. Е. В. Якимовой // Современная теоретическая социология: Энтони Гидденс. Реферативный сборник под ред. Ю. А. Кимелева. Серия "Социология". М.: ИНИОН РАН, 1995. С.114–151.
Giddens E. Modernity and self-identity / Ref. E. V. Yakimova // Modern theoretical sociology: Anthony Giddens. Abstract collection edited by Yu. A. Kimelev. Series "Sociology". Moscow: INION RAS, 1995. P.114–151. (In Russ.).
3. Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структуризации. М.: Академический проект, 2005. 528 с.
Giddens E. The organization of society: An essay on the theory of structuration. M.: Academic project, 2005. 528 p. (In Russ.).
4. Друес Й. Эффективность психосоциальной реабилитации // Социальная и клиническая психиатрия. 2005. № 1. Т.15. С. 100–104.
Drues Y. The effectiveness of psychosocial rehabilitation // Social and clinical psychiatry. 2005. No. 1. Vol. 15. P. 100–104. (In Russ.).
5. Друкер П. Классические работы по менеджменту. М.: "Альпина Бизнес Букс", 2008. 220 с.
Drucker P. Classical works on management. M.: Alpina Business Books, 2008. 220 p. (In Russ.).
6. Дюркгейм Э. Самоубийство: Социологический этюд. М.: Мысль, 1994. 399 с.
Durkheim E. Suicide: A sociological study. M.: Mysl, 1994. 399 p. (In Russ.).
7. Зайцев Д. В. Социальная интеграция детей-инвалидов в современной России. Саратов: Научная книга, 2003. 255 с.
Zaitsev D. V. Social integration of disabled children in modern Russia. Saratov: Scientific book, 2003. 255 p. (In Russ.).
8. Интеграционные процессы в социально-структурных отношениях современного российского общества / З. Т. Голенкова, Е. Д. Игитханян, И. М. Орехова. Перепечатка с сайта Института социологии РАН <http://www.isras.ru/> URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Int_processes.pdf (дата обращения: 03.08.2024).
Integration processes in the socio-structural relations of modern Russian society / Z. T. Golenkova, E. D. Igitkhanyan, I. M. Orekhova. Reprint from the website of the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences <http://www.isras.ru/> URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Int_processes.pdf (accessed 08.03.2024) (In Russ.).
9. Исаева Е. Р., Мухитова Ю. В. Выбор стратегий и оценка эффективности в системе психосоциальной реабилитации: современное состояние проблемы // Диагностика в медицинской (клинической) психологии: современное состояние и перспективы. М.: ООО "Сам Полиграфист", 2016. С. 222–239.
Isaeva E. R., Mukhitova Yu. V. The choice of strategies and evaluation of effectiveness in the system of psychosocial rehabilitation: the current state of the problem // Diagnostics in medical (clinical) psychology: current state and prospects. M.: ООО "Sam Polygraphist", 2016. P. 222–239. (In Russ.).
10. Исаева Е. Р., Рогачёва Т. В. Теоретические основания для определения результативности реабилитационного процесса // Технологии реабилитации: наука и практика. Материалы Между-

- народной научной конференции. Главный редактор Г. Н. Пономаренко. 2018. СПб: ООО "Р-КО-ПИ", 2018. С. 32–37.
- Isaeva E. R., Rogacheva T. V. Theoretical grounds for determining the effectiveness of the rehabilitation process // *Rehabilitation technologies: science and practice. Materials of the International Scientific Conference*. Editor-in-chief G. N. Ponomarenko. 2018. St. Petersburg, Publishing House: R-KOPI, 2018. P. 32–37. (In Russ.)
11. Конвенция ООН по правам инвалидов. (Принята резолюцией 61/106 Генеральной Ассамблеи от 13 декабря 2006 г.). Женева, 2010. 39 с.
The UN Convention on the Rights of Persons with Disabilities. (Adopted by General Assembly resolution 61/106 of December 13, 2006). Geneva, 2010. 39 p. (In Russ.).
12. Маслиева С. Н. Интеграция и инклюзия: парадигмальная характеристика // *Историческая и социально-образовательная мысль*. 2014. № 2 (24). С. 159–165.
Maslieva S. N. Integration and inclusion: a paradigmatic characteristic // *Historical and socio-educational thought*. 2014. No. 2 (24). P. 159–165. (In Russ.).
13. Международная классификация функционирования, ограничений жизнедеятельности и здоровья (МКФ). Женева: Всемирная Организация Здравоохранения; СПб.: Институт усовершенствования врачей-экспертов. 2001. 347 с.
International Classification of Functioning, Disability and Health (ICF). Geneva: World Health Organization; St. Petersburg: Institute of Advanced Medical Experts. 2001. 347 p. (In Russ.).
14. Мид Дж. Г. Азия / Американская социологическая мысль / Под ред. В. И. Добренкова. М.: Изд-во МУБиУ. 1996. С. 225–235.
Mead J. G. Asia / American Sociological Thought / Edited by V. I. Dobrenkov. M.: MUBiU Publishing House. 1996. P. 225–235. (In Russ.).
15. Отчёт по Государственному контракту № 16-К-13-132 от 03 июня 2016 года на оказание услуг по разработке методики оценки региональной системы реабилитации и абилитации инвалидов, в том числе детей – инвалидов / Под ред. В. П. Шестакова. СПб.: Изд-во ФГУ "СПб НЦЭР им. Г. А. Альбрехта", 2016. 120 с.
Report on the State contract No. 16-K-13-132 dated June 03, 2016, for the provision of services for the development of a methodology for assessing the regional rehabilitation and habilitation system for the disabled, including children with disabilities / Edited by V. P. Shestakov. SPb.: FSBI SPB NCEPR NAMED after G. A. ALBRECHT Ministry of Labor of the Russian Federation, 2016. 120 p. (In Russ.).
16. Парсонс Т. Функциональная теория измерения // *Американская социологическая мысль*. М.: МУБиУ, 1996. С. 474–476.
Parsons T. Functional theory of measurement // *American sociological thought*. M.: MUBiU, 1996. P. 474–476. (In Russ.).
17. Распоряжение Правительства РФ от 18 декабря 2021 г. № 3711-р "Концепция развития в Российской Федерации системы комплексной реабилитации и абилитации инвалидов, в том числе детей-инвалидов, на период до 2025 года". URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/403212204/> (дата обращения: 30.07.2024).
Decree of the Government of the Russian Federation dated December 18, 2021, No. 3711-r "Concept of development in the Russian Federation complex systems rehabilitation and habilitation of the disabled, including children with disabilities, for the period up to 2025." URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/403212204/> (accessed 30.07.2024). (In Russ.).
18. Спенсер Г. Основные начала. СПб.: изд-во Л. Ф. Пантелеева, 2012. 476 с.
Spencer G. The basic principles. St. Petersburg: L. F. Panteleev Publishing House, 2012. 476 p. (In Russ.).
19. Старшинова А. В., Бородкина О. И., Чикова Е. В. Проблемы развития некоммерческого сектора социальных услуг детям с расстройствами аутистического спектра // *Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология*. 2022. Вып. 4. С. 631–642.
<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2022-4-631-642>
Starshinova A. V., Borodkina O. I., Chikova E. V. Problems of development of the non-profit sector of social services for children with autism spectrum disorders // *Bulletin of the Perm University. Philosophy. Psychology. Sociology*. 2022. Issue 4. P. 631–642. (In Russ.).
<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2022-4-631-642>
20. Старшинова А. В., Проценко И. А. Социальные сети как способ поддержки онкобольных: преимущества и риски // *Вестник Томского государственного университета*. 2023. № 494. С. 106–114. <https://doi.org/10.17223/15617793/494/11>
Starshinova A. V., Protsenko I. A. Social networks to support cancer patients: advantages and risks // *Bulletin of Tomsk State University*. 2023. No. 494. P. 106–114. (In Russ.).
<https://doi.org/10.17223/15617793/494/11>
21. Старшинова А. В., Чикова Е. В. Возможности НКО в помощи детям с расстройствами аутистического спектра // *Вестник Томского государственного университета*. 2022. № 484. С. 218–227. <https://doi.org/10.17223/15617793/484/24>
Starshinova A. V., Chikova E. V. The possibilities of NGOs in helping children with autism spectrum disorders // *Bulletin of Tomsk State University*. 2022. No. 484. P. 218–227. (In Russ.).
<https://doi.org/10.17223/15617793/484/24>

22. Федеральный закон "О социальной защите инвалидов в Российской Федерации" от 24.11.1995 № 181-ФЗ (ред. от 29.05.2024). URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=472775> (дата обращения: 30.07.2024).
Federal Law "On Social Protection of Persons with Disabilities in the Russian Federation" dated 11/24/1995 No. 181-FZ (as amended on 05/29/2024). URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=472775> (accessed 30.07.2024) (In Russ.).
23. Фраттура Л. Инфографическое семейство индикаторов функционирования (FAFI): как измерить результативность на практике при использовании МКФ // Инвалидность и реабилитация. Материалы научно-практической конференции с международным участием. СПб.: Перо, 2016. С. 224–235.
Frattura L. Infographic family of performance indicators (FAFI): how to measure effectiveness in practice when using ICF // Disability and rehabilitation. Materials of the scientific and practical conference with international participation. St. Petersburg: Pero, 2016. P.224–235. (In Russ.).
24. Хьюзлид М. А. Измерение результативности работы HR-департамента. Люди, стратегия и производительность / М. А. Хьюзлид, Д. Ульрих, Б. И. Беккер. М.: Вильямс, 2007. 304 с.
Huizlid M. A. Measuring the effectiveness of the HR department. People, strategy and productivity / M. A. Huizlid, D. Ulrich, B. I. Becker. M.: Williams, 2007. 304 p. (In Russ.)
25. Шипицына Л. М. Социальная интеграция детей с ограниченными возможностями здоровья // Интеграция детей с особенностями развития в образовательное пространство. Сборник статей, методических материалов, нормативно-правовых документов / Под ред. Л. М. Шипицыной. М: РИТМ, 2006. С. 26–32.
Shipitsina L. M. Social integration of children with disabilities // Integration of children with special needs into the educational space. Collection of articles, methodological materials, regulatory documents / Ed. by L. M. Shipitsyna. Moscow: RHYTHM, 2006. P. 26–32. (In Russ.)
26. Шмонин А. А., М. Н. Мальцева, Мельникова Е. В. Мультидисциплинарная технология поиска цели реабилитации на основе Международной классификации функционирования, ограничения жизнедеятельности и здоровья // Consilium Medicum. 2019. № 21 (2). С. 9–17.
Shmonin A. A., M. N. Maltseva, Melnikova E. V. Multidisciplinary technology for finding the goal of rehabilitation based on the international classification of functioning, disability and health // Consilium Medicum. 2019. No. 21 (2). P. 9–17. (In Russ.)
27. Barton R. Psychosocial rehabilitation services in community support systems: A review of outcomes and policy recommendations // Psychiatr. Services. 1999. Vol. 50. P. 525–534.
28. Bengel J., Kraft M., Mittag O. Evaluation in Rehabilitation: Outcomes, Assessments, and Measurement of Change // Psychological-Educational Studies. 2012. Vol. 4, № 4. URL: https://psyjournals.ru/journals/psyedu/archive/2012_n4/57055 (accessed 26.05.2024).
29. Collins R. Lenski's Power Theory of Economic Inequality: A Central Neglected Question in Stratification Research // Sociological Theory. 2004. Vol.22 (2). P. 219–228.
30. Dowla N, Chan L. Improving quality in stroke rehabilitation // Top Stroke Rehabilitation. 2010. V. 17(4). P. 230–238. <https://doi.org/10.1310/tsr1704-230>.
31. Drake R. E., Becker D. R., Anthony W. A. A research induction group for clients entering mental health research project // Hosp. Commun. Psychiatry. 1994. Vol. 45. P. 487–489.
32. Giddens A. Central problems in social theory: Action, structure and contradiction in social analysis. London: Macmillan press, 1979. 294 p.
33. Lockwood D. Social Integration and System Integration // Explorations in Social Change / eds. G. K. Zollschan and W. Hirsch. L.: Routledge, 1964. P. 244–257.
34. Support groups for people with psychosis to improve quality of life / Busschbach J. van, Castelein S., Bruggeman R., Gaag D. van der, Knegtering R., Wiersma D. M. // Nederlands Tijdschrift Voor Geneeskunde. 2010. V. 154(15). P. 687–693.
35. Wilson B. A. The future of neuropsychological rehabilitation // Neuropsychological Rehabilitation: Theory and Practice. Cambridge: Swets & Zeitlinger, 2003. P. 293–301.

Информация об авторах

Алевтина Викторовна Старшинова, д-р соц. наук, профессор кафедры социальной работы Уральского федерального университета, Екатеринбург, Россия; ведущий научный сотрудник факультета социологии Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия, e-mail: a.v.starshinova@urfu.ru

Татьяна Владимировна Рогачёва, д-р псих. наук, заведующая отделением Областного центра социальной реабилитации инвалидов Свердловской области, Екатеринбург, Россия, e-mail: tvrog@yandex.ru

Елена Васильевна Шестакова, директор Областного центра социальной реабилитации инвалидов Свердловской области, Екатеринбург, Россия, e-mail: shestakova.ev68@yandex.ru

Information about the authors

Alevtina V. Starshinova, Doctor of Sociology, Professor, Department of Social Work, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russia; Leading Researcher, Faculty of Sociology, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia, e-mail: a.v.starshinova@urfu.ru

Tatyana V. Rogacheva, Doctor of Psychology, Head of the Department, Regional Center for Social Rehabilitation of the Disabled of the Sverdlovsk region, Yekaterinburg, Russia, e-mail: tvrog@yandex.ru

Elena V. Shestakova, Director of the Regional Center for Social Rehabilitation of the Disabled of the Sverdlovsk region, Yekaterinburg, Russia, e-mail: shestakova.ev68@yandex.ru

Поступила в редакцию 01.09.20234

Received 01.09.2024

Одобрена после рецензирования 15.02.2025

Approved 15.02.2025

Принята к публикации 25.02.2025

Accepted 25.02.2025

Научная статья
УДК 316.334.56
<https://doi.org/10.29039/1998-6785/2025-1/105-113>

Культурное пространство города: перекрестья социального и географического воображения

Елизавета Ивановна Спешилова
Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого,
Великий Новгород, Россия, e.speshilova@yandex.ru

Аннотация: В статье рассматривается методология междисциплинарного синтеза социального и географического воображения в перспективе исследования городских пространств. На материале широкого круга классических и современных источников исследуются различные варианты определения понятия "социальное воображаемое" и некоторые способы его применения в городских исследованиях, анализируется концептуальный ресурс имажинальной географии и основные принципы конструирования образа территории. Подчёркивается, что синтез социального и географического воображения фокусирует внимание городских исследователей на феномене коллективно устанавливаемого смысла и его культурных вариациях.

Ключевые слова: городские исследования, культурное пространство города, социальное конструирование, производство пространства, социальное воображаемое, имажинальная география

Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда, проект № 24-18-00672, <https://rscf.ru/project/24-18-00672/>

Для цитирования: Спешилова Е. И. Культурное пространство города: перекрестья социального и географического воображения // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2025. Т. 19. № 1. С. 105–113.
<https://doi.org/10.29039/1998-6785/2025-1/105-113>

Original article
<https://doi.org/10.29039/1998-6785/2025-1/105-113>

Cultural Space of the City: The Intersection of Social and Geographic Imagination

Elizaveta I. Speshilova
Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, Veliky Novgorod, Russia, e.speshilova@yandex.ru

Abstract: The article discusses the methodology of interdisciplinary synthesis of social and geographical imagination in the perspective of urban space research. Based on classical and contemporary sources, the author explores variants of the definition of the 'social imaginary' and some ways of its application in urban studies, as well as analyses the conceptual resource of imaginative geography and the main principles of constructing the territory image. It is emphasized that the synthesis of social and geographical imagination focuses the attention of urban researchers on the phenomenon of collectively established meaning and its cultural variations.

Key words: urban theory, cultural space of the city, social construction, production of space, social imaginary, imaginative geography

The research was funded by the Russian Science Foundation, project No. 24-18-00672, <https://rscf.ru/project/24-18-00672/>

For citation: Speshilova E. I. Cultural Space of the City: The Intersection of Social and Geographic Imagination // Ojkumena. Regional Researches. 2025. Vol. 19. No. 1. P. 105–113.
<https://doi.org/10.29039/1998-6785/2025-1/105-113>

Введение

В современных гуманитарных науках город активно рассматривается не только как пространственная конфигурация материальных объектов, но и как ментальное поле культурных смыслов о конкретном месте, представленное в образах, рефлексивных дискурсах и символических репрезентациях [37, p. 11]. Интерес к определённым культурным значениям в их пространственной привязке, а также акцент на повседневных городских практиках, традициях и ритуалах свидетельствует о "культурном повороте" в урбанистике [15, с. 223]. При этом само понятие пространственного воплощения (спациализации) культуры [14] становится значимой для городских исследователей концептуальной основой, позволяющей анализировать процессы социального производства и конструирования городского пространства.

Вместе с тем существенную роль в процессе конструирования городского пространства, то есть в процессе сборки города [9, с. 103], играет воображение

– познавательная и творческая способность формирования ментального образа объекта [39, p. 50]. Поскольку культурное пространство города существует на пересечении социального и территориального порядков [12], в создании его образа оказывается задействовано как социальное, так и географическое воображение. В представленном исследовании мы проанализируем теоретические дискурсы, в которых осмысляются указанные понятия, и акцентируем внимание на эвристическом потенциале научного подхода к городу, основанного на синтезе социального и географического воображения.

Социальное воображаемое: от теории к анализу городских сообществ

В знаменитой работе "Social Justice and the City" Д. Харви утверждал, что единственно адекватной концептуальной рамкой исследования города является та, что основана на объединении социологического и географического воображений [32, p. 23], так как теория города должна объяснять взаимосвязь социальных процессов в городе с его пространственными формами. Социологическое воображение позволяет исследователю понять социально-историческое значение человека в контексте конкретного общества в определённый исторический момент времени, тогда как географическое воображение даёт возможность осознать роль конкретного места в биографии человека, определить значимость окружающих его пространств и выявить те смыслы, которые с этими пространствами связаны [32, p. 23–24]. Несмотря на то, что в указанной работе Д. Харви использует термин "социологическое воображение", опираясь на ставший классическим труд Ч. Миллса [35], в дальнейшем в городских исследованиях большее распространение получило понятие "социального воображения" и особенно его производное – явно концептуализированное Ч. Тейлором понятие "социальное воображаемое" [40], которое мы рассмотрим более детально.

Подробно артикулированное исследование воображаемого в контексте анализа общества в целом и отдельных социальных практик представлено, прежде всего, в трудах К. Касториадиса [27], Б. Андерсона [24] и Ч. Тейлора [40, 41]. Несмотря на то, что именно изданная в 1983 году монография "Imagined Communities" Б. Андерсона во многом определила интерес к теме воображаемого в социальных науках, нельзя согласиться с тем, что он впервые рассмотрел понятие воображаемого в социальном аспекте, как утверждает А. В. Конева в статье "Понятие и структура социального воображения", опубликованной в журнале "Вопросы философии" [10, с. 54]. Именно К. Касториадис впервые проанализировал понятие "воображаемое", первоначально теоретически осмысленное в рамках феноменологии и психоанализа, в контексте социальной теории. Используя концепт социального института в качестве опорного элемента своей общественно-исторической теории [22, с. 228], французский философ доказывает, что и общественный институт, и социальная жизнь в целом – это не просто функциональная система, направленная на удовлетворение определённых потребностей общества [8, с. 153]. С точки зрения Касториадиса, институт – это социально санкционированная символическая система, в которой в различных пропорциях сочетаются функциональная и воображаемая составляющие. В трёхчастной социальной структуре "функциональное – символическое – воображаемое" именно социальное воображаемое, существующее в конкретном обществе определённой эпохи, является источником, задающим функциональность институциональной системы и предопределяющим тот символический порядок, который будет в данном обществе установлен [8, с. 163–164]. В концепции Касториадиса "оппозиция "воображаемое – рациональное" утрачивает бинарность, приобретает значение целого и части" [6, с. 172]: и понятие рационального, и понятие функционального понимаются как производные от воображаемого [19, с. 123]. Само социальное воображаемое при этом интерпретируется как процесс недетерминированного создания значений, образов и форм *ex nihilo*, которые являются "невидимым цементом" [8, с. 232], связывающим общество и определяющим его идентичность, структуру и ценности.

Опорные значения, которые держат общество вместе и задают всю его социальную реальность, Касториадис именует воображаемыми социальными значениями. Их роль состоит в ответе на фундаментальные вопросы, которые позволяют мыслить определённое общество как именно это общество, а не ка-

кое-то другое: "кто мы есть как коллектив? чем мы являемся друг для друга? где мы, чего мы хотим, к чему стремимся и чего нам недостаёт?" [8, с. 165]. Воображаемые социальные значения устанавливают порядок общества, его нормы и цели, паттерны поведения индивидов и способы их отношения к реальности.

В монографии "Воображаемые сообщества" Б. Андерсон исследует воображаемое в контексте исследования идеи нации и национализма. В отличие от К. Касториадиса, британский исследователь рассматривает в первую очередь фактическое социальное воображаемое, но при этом показывает, что сообщества находятся в непрерывном процессе воображения себя как некой целостности, постоянно репродуцируя коллективные образы и смыслы в социальной практике. С точки зрения Андерсона, нация является воображаемым сообществом, поскольку члены данной группы никогда не будут знакомы с большинством своих "собратьев-по-нации", но при этом в сознании каждого из них будет жить "образ их общности" [1, с. 31]. В этом смысле любое крупное сообщество, не только национальное, но и, например, региональное или городское, является воображаемым, поскольку между большинством его членов нет непосредственных контактов друг с другом, но при этом у всех есть чувство сопричастности единому целому – нации, региону, городу или чему-либо иному. Кроме того, члены одного сообщества являются глубоким, горизонтальным товариществом, поскольку их объединяет "сходная траектория жизненного пути, чувство одновременности проживания одних и тех же значимых событий" [6, с. 173], а также верность одним и тем же ценностям.

Развивая конструктивистский взгляд на нацию, Б. Андерсон показывает, что национальные сообщества производятся благодаря определённым медиадискурсам, социальным практикам и властным институтам. "Печатный капитализм" [1, с. 59] – невероятный рост количества газет, романов и иных художественных произведений – оказал колоссальное влияние на формирование национальной идентичности, поскольку позволил гражданам ощутить принадлежность к сплочённому сообществу, объединённому единой историей, посредством устойчивой анонимной и в то же время одновременной деятельности [31, р. 147]. Помимо этого, на примерах переписи населения, картографирования и музейной деятельности Б. Андерсон наглядно демонстрирует процесс государственного конструирования нации и перестроения социального порядка. И если воображаемое, репрезентированное в медиадискурсах и социальных практиках, можно отнести к мягким, рассредоточенным формам власти, то в случае таких властных институций, как перепись, карта и музей, речь идёт о тотализирующей классификационной разметке [1, с. 202], которая всему – народу, человеку, территории, региону, городу – определяет своё место и значение в системе заданных координат. Благодаря всем этим инструментам воображаемое, в итоге, определяет коллективные представления о национальной идентичности, которые конструируются в переплетении и взаимном влиянии медиа, социальных практик и политики.

Фундаментальные работы К. Касториадиса и Б. Андерсона во многом определили векторы развития концепции социального воображаемого, однако впервые достаточно точно определил и популяризировал термин "social imaginary" канадский философ Ч. Тейлор, пожалуй, в самом известном тексте в данной области – "Modern Social Imaginaries" [40], который он впоследствии включил в качестве раздела в свою книгу "A Secular Age" [41]. Ч. Тейлор использует термин "социальное воображаемое" для обозначения того, как люди представляют 1) своё существование в обществе, 2) своё взаимодействие с другими членами общества, 3) свои ожидания, предшествующие такому взаимодействию, и 4) глубинные нормативные идеи и образы, которые лежат в основе этих ожиданий [41, р. 171; 19, с. 124]. Иными словами, социальное воображаемое, с его точки зрения, – это способы, с помощью которых мы можем мыслить или представлять себе общество в целом [41, р. 156]; это не теории и не идеологии, а общепринятые имплицитные предпосылки, которые делают возможными совместные практики, придающие им смысл и подтверждающие их легитимность. Такие имплицитные предпосылки являются дорефлексивными рамками повседневных действий и социальных репертуаров индивида [38, р. 6] и существенно отличаются от социальной теории, конструируемой определёнными интеллектуалами: социальная теория и социологическое во-

ображение – это достояние меньшинства, тогда как социальное воображаемое – это то, что объединяет большинство. Вместе с тем Ч. Тейлор показывает взаимное влияние социальной теории и воображаемого: с одной стороны, новые теории проникают в социальное воображаемое и перестраивают его, вовлекая людей в новые социальные практики или наполняя иным смыслом те практики, что уже сложились; с другой стороны, сама теория с течением времени может начать переосмысливаться в контексте новой практической жизни с её социокультурными реалиями.

То, что мир, в котором мы живём сегодня, характеризуется новой ролью воображения в социальной жизни, подчёркивает американский культурный антрополог А. Аппадурай [25, р. 31], чьи статьи становятся всё более доступными русскоязычному читателю благодаря появлению новых переводов [2]. С точки зрения Аппадурай, для понимания роли воображения в социальной жизни необходимо соединить старую идею образов, особенно механически созданных образов, разработанную во Франкфуртской школе, идею воображаемого сообщества, сформулированную Андерсоном, и французскую идею воображаемого как сконструированного ландшафта коллективных устремлений, который сейчас опосредован сквозь сложную призму современных медиа [25, р. 31]. А. Аппадурай понимает воображение как социальную практику и отмечает, что в современности электронные средства коммуникации и массовая миграция существенно трансформируют работу социального воображения, поскольку они предлагают более широкий репертуар социальных траекторий и "возможных жизней" [25, р. 53], которые теперь не имеют жёсткой территориальной привязки к каким-то локальным пространствам [21, с. 57].

Представленные теории показывают, что концепция социального воображаемого демонстрирует господство конструктивистской ориентации многих исследователей социальных явлений [34, р. 34], поскольку в ней подчёркивается производный, "воображаемый" характер самого общества. Члены редакции "Международного журнала социального воображаемого" ("International Journal of Social Imaginaries"), основанного в 2022 г. издательством Brill, в программной статье "Социальное воображаемое и воображение" пишут о том, что всё большее количество различных подходов и дисциплин фокусируется на социальном воображаемом как способе, с помощью которого люди коллективно и дотеоретически осмысливают своё социальное и личное существование, образуя коллективное пространство значений, или, иными словами, семантическое пространство для совместного бытия [26, р. 4]. Одним из таких полидисциплинарных направлений, которое успешно интегрировало в свой контекст понятие "социальное воображаемое", являются городские исследования. Так, например, Т. Блокланд рассматривает, "каким образом сообщества воображаются в качестве коллективных и культурных фигураций" в глобальном мире городов [3, с. 21], и предлагает анализировать сообщества как городскую практику, как набор повседневных, публичных и перформативных действий. В российских городских исследованиях можно встретить примеры, когда воображаемое сообщество рассматривается в контексте большого города в постсоветском пространстве [11] или когда анализируется то, как воображённое сообщество конструируется "в логике стихийного субурбанизма" [5, с. 46]. Социальное воображаемое городских жителей отражает общезначимые образы, смыслы и практики, которые возникают в определённом городском социокультурном пространстве и времени и объединяют причастных к этому пространству и времени людей.

Имагинальная география и конструирование образа территории

Существенный вклад в современные городские исследования, особенно связанные с концептом "городское воображаемое" [13, 18, 42], кроме того, внесла воображаемая [16, с. 70], или имагинальная / образная география, в рамках которой изучаются закономерности и нюансы формирования географических образов, их структура, особенности "моделирования, способы и типы репрезентации и интерпретации" [7, с. 27]. Основной период становления имагинальной географии, которая представляет собой часть более широкого исследовательского направления – гуманитарной географии, приходится на 1950–1980-е гг. В это время, в частности, была опубликована одна из ключевых работ, в которой впервые был использован термин "imaginative geography", –

монография "Orientalism" американского теоретика культуры палестинского происхождения Э. Саида [36], который на примере критики западных представлений о Востоке продемонстрировал, как посредством различных образов и нарративов производится определённое географическое пространство.

Ориентализм как одна из форм имажинальной географии легитимизировал "вокабуляр, универсум репрезентативного дискурса, свойственного восприятию и пониманию <...> Востока" [17, с. 112]. В таком дискурсе Восток как чужое, отдалённое, незнакомое и опасное пространство понимается в качестве "земли варваров", территории дикости и примитивной культуры, а Европа – как территория динамичной, привилегированной и утончённой цивилизации. Согласно ориенталистской оптике, "их" пространство рассматривается как обратное "нашему", как своего рода негатив в фотографии: "они" могут быть похожи на нас, но при этом лишены всех положительных качеств, которые "нас" отличают [29, р. 17]. Э. Саид в своей работе постоянно демонстрирует неприятие ориенталистского дискурса, поскольку данный дискурс создаёт такие воображаемые пространственные и культурные дистинкции, которые редуцируют гуманитарную географию к пространству неравенства и различий, а не к пространству гибридности и взаимосвязанного партнёрства [23, р. 3]. В политический, исторический, социальный и интеллектуальный процесс конструирования образа той или иной территории вовлекается множество различных акторов: от поэтов и учёных до политиков и журналистов, причём их версии описания конкретного места зачастую оказываются удивительно однотипными. Важными инструментами создания любого географического образа территории выступают письма о путешествиях, карты, фотографии, телевидение, кино, популярные журналы, реклама, а также массовый туризм [33, р. 245], то есть те же инструменты, которые используются при конструировании образа общества и при формировании образа города.

В имажинальной географии подчёркивается, что, несмотря на сконструированность образа территории, такой образ оказывает существенное влияние на вполне реальные социокультурные и административные практики [4]. Так, британский географ Д. Грегори в фундаментальной монографии "Географическое воображение" [28] и в иных своих трудах развивает идеи Э. Саида и фокусирует внимание на перформативном характере имажинальной географии, поскольку она производит те эффекты, которые называет [29, р. 18]. Категории, коды и конвенции, характерные для конкретного географического воображаемого, формируют практики тех, кто на него опирается, так как воображаемые образы определяют диспозиции поведения человека, наделяя их смыслом и легитимностью. В этом контексте пространство понимается не только как материальная область или ментальный конструкт, но как сфера действия, делания, перформанса [23, р. 12]. Д. Грегори пишет о том, что имажинальная география – это "performance of space" [29, р. 18], то есть исполнение, выступление пространства. Иными словами, это представление, перформанс, который пространство создаёт, поскольку в нём, с одной стороны, реализуются заданные сценарии, но с другой стороны, конкретный способ их исполнения может быть уникальным и обладать определённой новизной.

Д. Грегори, как и Э. Саид, не ограничивается теоретическим анализом имажинальной географии, но исследует, как с её помощью совместно производятся "Америка" и "Афганистан", "Израиль" и "Палестина", а также как она используется для легитимации военных действий [29, р. 19]. Ключевые идеи имажинальной географии остаются актуальными и в контексте современной ситуации в мире. Британский географ приводит высказывание американского политолога М. Дж. Шапиро о том, что "география неразрывно связана с архитектурой враждебности", поскольку чаще всего "Другой" в ней рассматривается как антагонист, как угроза [29, р. 20], а не как партнёр, который имеет свои интересы и ценности.

Терминологически географическое воображаемое определяется как до-рефлексивное, само собой разумеющееся пространственное упорядочивание и разграничение мира, которое предполагает иерархическое деление земного шара на континенты, государства и иные подкатегории, а также противопоставление глобального севера / юга, городского / сельского, внутреннего / внешнего и культуры / природы [30, р. 282]. При этом географическое воображаемое понимается как нечто большее, нежели ментальная репрезентация

территории, так как оно вовлечено в материальный и чувственный процесс "создания мира", который связан с эмоциями и аффектами. В этом ключе территории подразделяются на безопасные и опасные, комфортные и некомфортные, цивилизованные и дикие, притягательные и отталкивающие и т. д. Основную роль в формировании географического воображаемого большинство исследователей отводят языку и визуальности.

Важно отметить, что и Э. Саид, и Д. Грегори в своих теоретических рассуждениях о географическом воображаемом опираются на философию М. Фуко. Э. Саид прямо пишет о том, что многим обязан работам М. Фуко [17, с. 40]. Так, в частности, определяя ориентализм, Э. Саид использует понятие дискурса: он показывает, что созданные в ориенталистской оптике тексты "могут породить не только знание, но и саму описываемую ими реальность" [17, с. 147], тем самым со временем создавая традицию, то есть задавая определённый дискурс. Кроме того, в географическом воображаемом прослеживается взаимосвязь трёх компонентов – знания, власти и пространства, – о которой упоминал ещё Фуко [20].

Как и для социальной теории в отношении социального воображаемого, для имагинальной географии характерна плюрализация географического воображаемого в последние десятилетия. Постмодернизм, постструктурализм и постколониализм привели к радикальной критике универсальных, "объективных" моделей общества и пространства и показали относительность и предвзятость существующих вариантов их понимания, основанных на разного рода "центризмах" – этноцентризме, европоцентризме, англоцентризме и т. д. [30, р. 284–285], в контексте которых остальные территории рассматривались как периферия. Постмодернизм подрывает иерархичность и сам принцип оппозиции "центр – периферия", показывая возможность смещения точки взгляда и возникновения инверсии, благодаря которой центр оказывается периферией, а периферия – центром.

Заключение

Использование понятия "воображаемое" при осмыслении социального, территориального и городского порядка указывает на несколько взаимосвязанных тенденций в гуманитарных и социальных науках. Й. Арнасон с коллегами подчёркивают, что 1) понятие "воображаемое" фокусирует внимание исследователей на феномене коллективно устанавливаемого смысла и его культурных вариациях, 2) использование понятия "воображаемое" позволяет скорректировать одномерный акцент на теоретическом разуме, или рациональности, как центральном постулате классической теории познания и, наконец, 3) разработка теории "воображаемого" маркирует герменевтический поворот в гуманитарных науках [26, р. 7], согласно которому особое значение придаётся искусству истолкования и понимания смысла различных текстов – художественных, социальных, культурных и в том числе городских.

Представленная палитра теоретических подходов, характерных для социальных и географических наук, важна для городских исследований, поскольку позволяет зафиксировать, что термин "воображаемое" существенно отличается по своему содержанию от понятий мнимого, фантастического, фиктивного и тесно ассоциируется с понятиями ментального, символического, мифологического и идеологического. Воображаемое понимается как особая система культуры, которая творит и сохраняет смыслы [10, с. 52], как пространство идей, которые определяют образ познаваемого объекта, формируют его идентичность и в конечном счёте оказывают влияние на отношение субъекта к нему. В этом смысле городское воображаемое как комплекс коллективно значимых для определённого сообщества представлений о городе, возникающих в конкретном историческом времени и культурном пространстве, отражает взаимосвязь общественных практик и пространственных структур. При этом социальное и географическое воображения в применении к исследованию культурного ландшафта города – это не только две исследовательские традиции размышления о городе "самом по себе", которых придерживаются представители соответствующих направлений, но и два способа понимания того, как человек самоопределяется в городе и стремится найти своё уникальное место среди городских сообществ и пространств.

Литература / References

1. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / Пер. с англ. В. Николаева. М.: КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле, 2001. 288 с.
Anderson B. Imagined Communities. Reflections on the Origin and Spread of Nationalism / Trans. from English by V. Nikolaev. Moscow: Kanon-press-ts, Kuchkovo Pole, 2001. 288 p. (In Russ.).
2. Аппадурай А. Теория в антропологии: Центр и периферия. Комментарии, вдохновлённые статьёй Шерри Б. Ортнер // Периферия. Журнал исследования нестоличных пространств. 2024. № 3. С. 8–13. <https://doi.org/10.38161/2949-6152-2024-3-8-13>
Appadurai A. Theory in Anthropology: Center and Periphery // Periphery. Journal of the Peripheries Studies. 2024. No. 3. P. 8–13. (In Russ.). <https://doi.org/10.38161/2949-6152-2024-3-8-13>
3. Блокланд Т. Сообщество как городская практика / Пер. с англ. Н. Проценко. М.: Новое литературное обозрение, 2023. 232 с.
Blokland T. Community as Urban Practice / Trans. from English by N. Protsenko. Moscow: Novoe Literaturnoe Obozrenie Ltd., 2023. 232 p. (In Russ.).
4. Головнева Е. В. "Сборка Региона": параметры конструирования региональных общностей // Сибирский философский журнал. 2017. Т. 15. № 4. С. 114–125.
Golovneva E. V. "Assembling the Region": The Parameters of Constructing Regional Communities // Siberian Journal of Philosophy. 2017. Vol. 15. No. 4. P. 114–125. (In Russ.).
5. Григоричев К. В. Воображённое сообщество: конструирование локальности в неинституционализованном пространстве пригорода // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. 2015. № 1. С. 46–56.
Grigorichev K. V. Imagined Community: Locality Construction in a Non-Institutionalized Space of Suburb // Labyrinth. Journal of Philosophy and Social Sciences. 2015. No. 1. P. 46–56. (In Russ.).
6. Ерохина Е. А. Воображаемое и рациональное: от научных теорий к социальному порядку // Идеи и идеалы. 2021. Т. 13. № 4. Ч. 1. С. 168–179.
<https://doi.org/10.17212/2075-0862-2021-13.4.1-168-179>
Erokhina E. A. Imaginary and Rational: From Social Theory to Social Order // Ideas and Ideals. 2021. Vol. 13. No. 4. Part 1. P. 168–179. (In Russ.).
<https://doi.org/10.17212/2075-0862-2021-13.4.1-168-179>
7. Замятин Д. Н. Гуманитарная география: пространство, воображение и взаимодействие современных гуманитарных наук // Социологическое обозрение. 2010. Т. 9. № 3. С. 26–50.
Zamiatin D. N. Humanitarian Geography: Space, Imagination, and Interaction between Contemporary Human Sciences // The Russian Sociological Review. 2010. Vol. 9. No. 3. P. 26–50. (In Russ.).
8. Касториадис К. Воображаемое установление общества / Пер с фр. Г. Волковой, С. Офертаса. М.: Гнозис, Логос, 2003. 480 с.
Castoriadis C. The Imaginary Institution of Society / Trans. from French by G. Volkova, S. Ofertas. Moscow: Gnozis, Logos, 2003. 480 p. (In Russ.).
9. Колодий Н. А., Иванова В. С. Сборка города в современных дискурсивных практиках // Социологический журнал. 2024. Т. 30. № 2. С. 102–123. <https://doi.org/10.19181/socjour.2024.30.2.5>
Kolodii N. A., Ivanova, V. S. Assembling Cities in Contemporary Discursive Practices // Sotsiologicheskii Zhurnal. Vol. 30. No. 2. P. 102–123. (In Russ.).
<https://doi.org/10.19181/socjour.2024.30.2.5>
10. Конева А. В. Понятие и структура социального воображения // Вопросы философии. 2016. № 5. С. 51–59.
Koneva A. V. The Concept and the Structure of Social Imagination // Voprosy Filosofii. 2016. No. 5. P. 51–59. (In Russ.).
11. Лейбович О. Л., Кабацков А. Н., Шушкова Н. В. Большой город в постсоветском пространстве // Мир России. 2010. Т. 13. № 1. С. 91–105.
Leibovich O. L., Kabatskov A. N., Shushkova N. V. A City in Postsoviet Space // Mir Rossii. 2010. Vol. 13. No. 1. P. 91–105. (In Russ.).
12. Лефевр А. Производство пространства / Пер. с фр. И. Стаф. М.: Strelka Press, 2015. 432 с.
Lefebvre H. The Production of Space / Trans. from French by I. Staf. Moscow: Strelka Press, 2015. 432 p. (In Russ.).
13. Линднер Р. Текстура, воображаемое, габитус: ключевые понятия культурного анализа в урбанистике / Пер. с нем. К. Левинсона // Собственная логика городов: Новые подходы в урбанистике. М.: Новое литературное обозрение, 2019. С. 101–116.
Lindner R. Texture, The Imaginary, Habitus: Key Concepts of Cultural Analysis in Urban Studies / Trans. from German by K. Levinson // Own Logic of Cities. New Approaches in Urbanism. Moscow: Novoe Literaturnoe Obozrenie Ltd., 2019. P. 101–116. (In Russ.).
14. Лоу С. Пространственное воплощение культуры: этнография пространства и места / Пер. с англ. Н. Проценко. М.: Новое литературное обозрение, 2024. 400 с.
Low S. Spatializing Culture. The Ethnography of Space and Place / Trans. from English by N. Protsenko. Moscow: Novoe Literaturnoe Obozrenie Ltd., 2024. 400 p. (In Russ.).

15. Мазаник А. В. "Культурный поворот" и российская историческая урбанистика // *Прошлый век*. М.: ИНИОН РАН, 2013. С. 223–240.
Mazanik A. V. "Cultural Turn" and Russian Historical Urban Studies // *Last Century*. Moscow: INION RAN, 2013. P. 223–240. (In Russ.).
16. Митин И. На пути к воображаемой географии: два поворота, три пространства // *Топос. Литературно-философский журнал*. 2011. № 1. С. 62–73.
Mitin I. Toward an Imaginative Geography: Two Turns, Three Spaces // *Topos. Literaturno-Filosofskiy Zhurnal*. 2011. No. 1. P. 62–73. (In Russ.).
17. Саид Э. Ориентализм. Западные концепции Востока / Пер. с англ. А. В. Говорунова. СПб.: Русский мир, 2006. 636 с.
Said E. W. Orientalism / Trans. from English by A. V. Govorunov. St. Petersburg: Russkiy Mir, 2006. 636 p. (In Russ.).
18. Спешилова Е. И. Urban imaginaty в контексте исследований городской среды // ПРАЭНМА. Проблемы визуальной семиотики. 2023. Вып. 4 (38). С. 59–78.
<https://doi.org/10.23951/2312-7899-2023-4-59-78>
Speshilova E. I. The Imaginary in Urban Studies // ПРАЭНМА. Journal of Visual Semiotics. 2023. Issue 4 (38). P. 59–78. (In Russ.). <https://doi.org/10.23951/2312-7899-2023-4-59-78>
19. Фомин И. В. Категория социальной воображаемости // МЕТОД. Вып. 3: Возможное и действительное в социальной практике и научных исследованиях / Отв. ред. М. В. Ильин. М.: ИНИОН РАН, 2012. С. 115–130.
Fomin I. V. The Category of Social Imaginary // METHOD. Is. 3: Possible and Actual in Social Practice and Scientific Research / Ed. by M. V. Il'in. Moscow: INION RAN, 2012. P. 115–130. (In Russ.).
20. Фуко М. Археология знания / Пер. с фр. М. Б. Раковой, А. Ю. Серебрянниковой. СПб.: Гуманитарная Академия, Университетская книга, 2004. 416 с.
Foucault M. The Archaeology of Knowledge / Trans. from French by M. B. Rakova, A. Yu. Serebryannikova. St. Petersburg: Gumanitarnaya Akademiya, Universitetskaya kniga, 2004. 416 p. (In Russ.).
21. Фурс В. Арджун Аппадурай. "Современность" на просторе: культурные измерения глобализации // *Социологическое обозрение*. 2003. Том 3. № 4. С. 57–66.
Furs V. Appadurai, Arjun. Modernity at Large: Cultural Dimensions of Globalization // *Russian Sociological Review* 2003. Vol. 3. No. 4. P. 57–66. (In Russ.).
22. Фурс В. Динамическая концепция социального в философии К. Касториадиса // Докса. Збірник наукових праць з філософії та філології. Вип. 8. Грецька традиція в сучасній культурі. Одеса: ОНУ ім. І. І. Мечникова, 2005. С. 227–238.
Furs V. Dynamic Concept of the Social in the Philosophy of C. Castoriadis // Doxa. Collection of Scientific Works on Philosophy and Philology. Issue 8. Greek Tradition in Modern Culture. Odesa: Odesa I. I. Mechnikov National University, 2005. P. 227–238. (In Ukr.).
23. Al-Mahfedi M. H. K. Edward Said's "Imaginative Geography" and Geopolitical Mapping: Knowledge/Power Constellation and Landscaping Palestine // *The Criterion: An International Journal in English*. 2011. Vol. 2. Is. 3. P. 1–26. URL: <https://www.the-criterion.com/V2/n3/Mahfedi.pdf> (accessed 29.07.2024).
24. Anderson B. *Imagined Communities*. London, New York: Verso, 1983. 240 p.
25. Appadurai A. *Modernity at Large. Cultural Dimensions of Globalization*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1996. 248 p.
26. Arnason J. P., Smith J., Smith K. E., Krummel J., Blokker P. Social Imaginaries and the Imagination // *International Journal of Social Imaginaries*. 2022. Vol. 1. Issue 1. P. 3–16.
<https://doi.org/10.1163/27727866-01010007>
27. Castoriadis C. *L'institution imaginaire de la société*. Paris: Les Editions du Seuil, 1975. 538 p.
28. Gregory D. *Geographical Imagination*. Oxford: Blackwell Publishing, 1994. 456 p.
29. Gregory D. *The Colonial Present*. Oxford: Blackwell Publishing, 2004. 368 p.
30. Gregory D. *Geographical Imaginary*. *Geographical Imagination* // *The Dictionary of Human Geography*. 5th Edition. Oxford: Willey – Blackwell Publishing, 2009. P. 282–285.
31. Hack B. Literature Review: Social Theories of the Imagination // *Journal of the Faculty of Foreign Studies, Aichi Prefectural University: Language and Literature*. 2018. Vol. 50. P. 143–154.
32. Harvey D. *Social Justice and the City*. Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 1973. 336 p.
33. Hoelscher S. *Imaginative Geographies* // *Encyclopedia of Human Geography*. Ed. by B. Warf. Thousand Oaks, London, New Delhi: SAGE Publications, 2006. P. 244–246.
34. James P. *The Social Imaginary in Theory and Practice* // *Revisiting the Global Imaginary: Theories, Ideologies, Subjectivities*. Ed. by Chris Hudson and Erin K. Wilson. Cham: Palgrave Macmillan, 2019. P. 33–47.
35. Mills C. W. *The Sociological Imagination*. Oxford: Oxford University Press, 1959. 256 p.
36. Said E. W. *Orientalism*. London, Henley: Routledge, Kegan Paul Ltd., 1978. 370 p.
37. Soja E. *Postmetropolis. Critical Studies of Cities and Regions*. Oxford: Blackwell Publishing, 2000. 440 p.
38. Steger M. B. *The Rise of the Global Imaginary: Political Ideologies from the French Revolution to the Global War on Terror*. Oxford: Oxford University Press, 2009. 318 p.

39. Strawson P. F. *Imagination and Perception* // Strawson P. F. *Freedom and resentment, and other essays*. London, New York: Routledge, 2008. P. 50–72.
40. Taylor Ch. *Modern Social Imaginaries*. Durham: Duke University Press, 2004. 215 p.
41. Taylor Ch. *A Secular Age*. Cambridge (MA), London: The Belknap Press of Harvard University Press, 2007. 896 p.
42. *The Routledge Companion to Urban Imaginaries*. Ed. by Ch. Lindner and M. Meissner. London, New York: Routledge, 2019. 480 p.

Информация об авторе

Елизавета Ивановна Спешилова, научный сотрудник научно-образовательного центра «Гуманитарная урбанистика» Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого, Великий Новгород, Россия, e-mail: e.speshilova@yandex.ru

Information about the author

Elizaveta I. Speshilova, Researcher, Scientific and Educational Center "Humanitarian Urbanistics", Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, Veliky Novgorod, Russia, e-mail: e.speshilova@yandex.ru

Поступила в редакцию 11.08.2024

Received 11.08.2024

Одобрена после рецензирования 09.02.2025

Approved 09.02.2025

Принята к публикации 25.02.2025

Accepted 25.02.2025

Научная статья
УДК 336.43
<https://doi.org/10.29039/1998-6785/2025-1/114-124>

Участие бизнеса в сборах средств для армии: опыт специальной военной операции

Иван Дмитриевич Котляров
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
Санкт-Петербург, Россия, ivan.kotliarov@mail.ru

Аннотация. Краудфандинг в настоящее время играет важную роль в ресурсном обеспечении вооруженных сил, позволяя компенсировать недостатки существующей системы материально-технического обеспечения. При этом роль бизнеса в организации и поддержке краудфандинговых кампаний в интересах вооруженных сил пока остается недостаточно изученной, поскольку в литературе основное внимание уделяется участию общества, неправительственных организаций и государства. Цель исследования заключается в построении классификации моделей участия бизнеса в проведении краудфандинга для поддержки вооруженных сил (военного краудфандинга). В работе предложена типология моделей участия бизнеса в военном краудфандинге в зависимости от того, соответствует ли способ этого участия бизнес-модели фирмы и занимается ли она сбором средств.

Для цитирования: Котляров И. Д. Участие бизнеса в сборах средств для армии: опыт специальной военной операции // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2025. Т. 19. № 1. С. 114–124.

<https://doi.org/10.29039/1998-6785/2025-1/114-124>

Original article
<https://doi.org/10.29039/1998-6785/2025-1/114-124>

Participation of business in crowdfunding for army: the case of the special military operation

Ivan D. Kotliarov
Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, St. Petersburg, Russia, ivan.kotliarov@mail.ru

Abstract. Crowdfunding is now an important tool of resource support for armed forces as it helps to compensate inefficiencies of the official system of material supplies as it helps to alleviate inefficiencies of the official system of material supplies. However, the role of business in organization and support of crowdfunding campaigns for armed forces remains understudied. The extant literature mostly analyzes the participation of society, non-governmental organizations and the state. The goal of the research is to build up a taxonomy of models of participation of businesses in crowdfunding campaigns supporting armed forces (military crowdfunding) based on the experience of the conflict in Ukraine. The paper introduces a taxonomy of models of participation of business in military crowdfunding. Two criteria were used: correspondence between company's business model and its participation in crowdfunding and company's participation in money raising.

Key words: *crowdfunding, resource supply, support of armed forces, conflict in Ukraine*

For citation: Kotliarov I. D. Participation of business in crowdfunding for army: the case of the special military operation // Ojukumena. Regional Researches. 2025. No. 1. P. 114–124.

<https://doi.org/10.29039/1998-6785/2025-1/114-124>

Введение

Краудфандинг (под которым мы понимаем привлечение небольших по величине денежных и материальных пожертвований от широкого круга лиц, при этом взаимодействие между получателями и жертвователями происходит через цифровые площадки [31; 33]) в настоящее время является важным инструментом ресурсного обеспечения различных проектов (как коммерческих [3; 6; 11], так и некоммерческих, включая общественно значимые задачи [29, 35]), в т. ч. и в интересах военной организации государства [19; 28; 30]. Хотя сбор небольших добровольных пожертвований для ресурсной поддержки армии имеет давнюю историю [5], современные цифровые технологии значительно упростили, с одной стороны, предоставление военной организацией государства обществу информации о своих потребностях, а с другой стороны, техническую процедуру сбора пожертвований (для совершения которых достаточно сделать безналичный перевод в соответствующем приложении) [28].

В ходе конфликта на Украине (начавшегося в 2014 г.) краудфандинг использовался всеми его сторонами – Украиной [26; 30; 32], Луганской Народной Республикой, Донецкой Народной Республикой, а после начала специ-

альной военной операции (СВО) в феврале 2022 г. – и Российской Федерацией [19]. В частности, во многом именно различные формы вовлечения ресурсов общества в поддержку национальной армии (в т. ч. и краудфандинг) в 2014 г. позволили Украине сохранить боеспособность своих вооружённых сил и предоставить им необходимое финансирование, оружие и технику, организовать медицинское и продовольственное обеспечение [2; 22; 24; 30] и т. д. С большей или меньшей степенью интенсивности краудфандинговые кампании в пользу Вооружённых сил Украины (ВСУ) с 2014 г. шли на Украине постоянно [23] и особенно активизировались после начала СВО в феврале 2022 г. Это позволило Украине накопить большой опыт привлечения пожертвований, а деятельность по проведению краудфандинговых кампаний в поддержку ВСУ является исключительно масштабной [30]. Осмысление этого опыта представляет интерес с точки зрения возможности его освоения в России (поскольку краудфандинг активно используется и для поддержки Вооружённых сил Российской Федерации (ВС РФ)), а также для разработки мер противодействия украинским практикам в сфере сбора финансовых и материальных ресурсов для ВСУ в целях снижения военного потенциала Украины.

При изучении краудфандинговых кампаний в поддержку вооружённых сил (военного краудфандинга) основное внимание уделялось деятельности волонтерских структур, тогда как роль частных компаний как активных участников экосистемы военного краудфандинга в существующей литературе пока не освещалась (основное внимание уделялось деятельности волонтерских структур [19; 22; 23; 26; 30; 32]). С теоретической точки зрения отсутствие такого анализа не позволяет построить целостную картину различных моделей проведения краудфандинговых кампаний в поддержку военной организации государства, а с практической точки зрения не дает возможности в полной мере использовать потенциал частного бизнеса как актора военного краудфандинга.

В нашем исследовании будет предложена классификация моделей участия коммерческих структур в проведении краудфандинговых кампаний в интересах вооружённых сил на основе опыта специальной военной операции.

Методы и материалы

Прежде всего, укажем на отличия участия коммерческих структур в военном краудфандинге от самостоятельной финансовой поддержки этим структурами военной организации государства. При участии в военном краудфандинге бизнес содействует привлечению пожертвований от большого количества отдельных лиц, но при этом собственные средства вооружённым силам не передает. Напротив, при поддержке частным бизнесом военной организации государства коммерческие структуры выделяют финансирование или предоставляют иные ресурсы из собственных средств. В данной работе мы будем рассматривать только участие бизнеса в военном краудфандинге (т. е. поддержку им краудфандинговых кампаний в интересах военной организации государства), а не выделение коммерческими структурами собственных средств для поддержки национальных вооружённых сил.

Далее, бизнес может принимать участие в сторонних краудфандинговых кампаниях в качестве жертвователей (т. е. перечисляя деньги или предоставляя иные материальные ресурсы на какие-либо задачи в интересах вооружённых сил). Этот аспект вовлечения бизнеса в военный краудфандинг в данной работе также изучаться не будет (поскольку фактически он представляет собой частный случай выделения компаниями своих средств для армии). Мы будем анализировать способы, при помощи которых коммерческие структуры организуют краудфандинговые кампании для вооружённых сил или поддерживают их проведение.

Кроме того, бизнес-структуры могут создавать собственные фонды для финансирования армии (примером может быть созданный одним из ведущих украинских олигархов Ринатом Ахметовым фонд "Стальной фронт" [21]). Эти фонды пополняются за счёт как средств этих структур, так и привлечённых пожертвований. Эту практику мы также не относим к участию бизнеса в социальном краудфандинге, поскольку в этом случае, с одной стороны, коммерческие организации сами участвуют в финансировании проектов, а с другой стороны, деятельность по сбору и предоставлению средств для вооружённых

сил отделена от непосредственного функционирования бизнеса. Мы же будем говорить об участии самих коммерческих структур в поддержке краудфандинговых кампаний. Тем не менее, содействие бизнеса проведению краудфандинговых кампаний аффилированными с ним фондами относится к участию бизнес в военном краудфандинге (поскольку в этом случае фонд привлекает сторонние средства, а не ресурсы головной структуры, которая лишь ограничивается поддержкой этой кампании).

Наконец, очевидно, что продажа ресурсов коммерческими поставщиками в интересах вооружённых сил на средства, собранные при помощи сторонних по отношению к этим предприятиям краудфандинговых кампаний, не относится к участию данных поставщиков в военном краудфандинге. В этом случае предприятие просто выступает в качестве продавца, для которого происхождение средств, использованных внешним покупателем для оплаты его продукции, значения не имеет.

Таким образом, критериями отнесения участия бизнеса в военном краудфандинге являются:

- привлечение сторонних средств для их последующей передачи для финансирования вооружённых сил (а не внесение собственных средств предприятия);

- самостоятельное участие компании в привлечении средств;

- сбор средств на поддержку армии не является для организации профильным видом деятельности. Это позволяет нам исключить из рассмотрения различные благотворительные организации, а также те коммерческие структуры, которые занимаются сбором и распределением пожертвований в качестве основной деятельности (т. е. извлекают из неё выгоду), или для которых краудфандинг является основным инструментом монетизации. В частности, мы не будем изучать те многочисленные структуры (в большом количестве появившиеся как в России, так и на Украине), которые занимаются производством материальных ресурсов для вооружённых сил (продукты питания, маскировочные сети, беспилотные летательные аппараты и т. д.), финансируемые за счёт пожертвований. Примером такой структуры является российское предприятие, занимающееся производством дронов "Упырь" [20].

Источником пожертвований при военном краудфандинге могут быть разные группы стейкхолдеров – как внешние по отношению к компании (её клиенты и широкая публика), так и внутренние (сотрудники). В данной работе основное внимание будет уделено привлечению средств и ресурсов от внешних лиц.

В тексте статьи мы не будем различать собственно, краудфандинг (целевое привлечение средств для реализации конкретного проекта) и фандрайзинг (нецелевой сбор ресурсов для поддержания текущей деятельности организации) [11]. Оба эти инструмента будут обозначаться общим термином "краудфандинг".

При проведении исследования мы опирались на публикации, посвященные сбору средств для ВС РФ и ВСУ, размещенные в российских и зарубежных (в т. ч. украинских) средствах массовой информации и на сайтах компаний. Среди этих публикаций есть источники, по разным причинам запрещенные в Российской Федерации, а также материалы, подготовленные иноагентами. Эти источники отмечены звездочкой. Использование этих работ обусловлено необходимостью представления комплексной информации по теме исследования и не означает согласия автора с позицией, изложенной в этих публикациях, или с целями, для достижения которых они размещались. В названиях этих публикаций могут упоминаться организации, запрещенные в Российской Федерации. Они тоже отмечены звездочкой. В статье также дана информация о краудфандинговых кампаниях в пользу Вооружённых сил Украины, что было необходимо для проведения исследования и для представления его результатов. Автор не поддерживает эти кампании и не согласен с их целями, а также предупреждает читателей о том, что участие в них в России может повлечь за собой уголовную ответственность.

В работе нами использовался общенаучный метод анализа и синтеза, а также метод стратегических матриц.

Наше исследование находится в предметном поле экономической социологии, поскольку мы изучаем то, каким образом может происходить вов-

лечение бизнеса в решение общенациональных задач, т. е. на основе каких инструментов реализуется социальный аспект деятельности коммерческих предприятий в условиях военного времени. Кроме того, мы покажем, как использование фирмой формально нерыночных и некоммерческих инструментов и поддержка ею сторонних стейкхолдеров (вооруженных сил) может на практике приводить к росту её дохода.

Модели участия бизнеса в военном краудфандинге

Для классификации моделей участия бизнес-структур в военном краудфандинге мы будем использовать два критерия:

- соответствие модели участия в краудфандинге бизнес-модели коммерческой структуры (иными словами, соответствует ли участие в краудфандинговой кампании профильной деятельности данной коммерческой организации);
- участие бизнес-структуры в сборе средств (т. е. принимает ли она участие в сборе и аккумулировании частных пожертвований).

Для каждого из критериев мы установим два значения ("да" или "нет"). Это позволит нам построить стратегическую матрицу моделей участия коммерческих структур в военном краудфандинге (*табл. 1*).

Квадрант I соответствует ситуации, когда компания собирает средства в интересах вооруженных сил и при этом модель сбора этих средств соответствует ее бизнес-модели (т. е. фактически осуществляется в рамках её коммерческой деятельности). Эта стратегия может быть реализована в трёх вариантах.

Примером первого подхода является проект WargamingUnited, запущенный белорусской компанией Wargaming.net (разработчиком таких популярных игр, как World of Tanks и т. д.) в партнёрстве с украинской военно-гуманитарной краудфандинговой платформой UNITED24. В рамках этого проекта игроки могли приобрести наборы (которые в дальнейшем могут быть использованы в играх данной компании) с украинской тематикой, при этом все поступления от продажи этих наборов должны быть перечислены на платформу UNITED24 для покупки машин скорой помощи для Украины (формально данная краудфандинговая кампания не направлена на поддержку ВСУ, однако она реализуется в интересах воюющего государства, кроме того, очевидно, что данные машины могут использоваться и для перевозки раненых военнослужащих ВСУ [15]). По сообщению на официальном сайте компании Wargaming.net, в ходе этого проекта было продано 90830 наборов, совокупная плата за которые составила больше 1 млн долларов США [34].

Таким образом, Wargaming.net собрал пожертвования, торгуя собственными продуктами, что указывает на соответствие модели привлечения финансирования бизнес-модели компании. Компании не потребовалось использовать свои средства, ресурсы были предоставлены игроками (т. е. сумма финансовой поддержки была сформирована за счёт дополнительной выручки компании от торговли данными наборами).

Данная модель финансирования обладает значительными преимуществами как для самой компании, так и для её потребителей:

1) Компания может увеличить свою выручку за счёт продажи продукции. Хотя впоследствии эти денежные поступления будут переданы на поддержку воюющего государства, они всё же улучшат показатели оборота;

2) Компания может оказать существенную по величине поддержку воюющему государству (и тем самым улучшить свою репутацию в глазах мирового сообщества), понеся при этом несопоставимо меньшие затраты. Отметим, что с формальной точки зрения поддержку государству перечисляет компания, а не игроки;

3) Жертвователи в обмен на своё пожертвование получают ценный для них ресурс (в рассмотренном нами примере с Wargaming.net – игровой актив), что создаёт для них дополнительную заинтересованность в участии. Благодаря этому для них речь идёт уже не о безвозмездном пожертвовании, а о краудфандинге за вознаграждение (reward crowdfunding) [33].

К этой модели относятся все виды продаж товаров и услуг, выручку от которых компания обязуется полностью или частично перечислить на поддержку вооруженных сил (благотворительные концерты, продажи лимитированных серий товаров и т. д.). Стоимость такого товара может быть значи-

Табл. 1. Типология моделей участия бизнеса в военном краудфандинге
 Table 1. Taxonomy of models of companies' participation in military crowdfunding

Критерии классификации		Модель участия в военном краудфандинге соответствует бизнес-модели коммерческой структуры	
		Да	Нет
Коммерческая структура участвует в сборе средств	Да	Профильное участие	Непрофильное участие
	Нет	Профильная поддержка	Непрофильная поддержка

Источник: составлено автором.

Source: proposed by the author.

тельно выше его средней рыночной цены (чтобы обеспечить достаточный по величине поток пожертвований). Например, предприятие "Артемсоль" (украинский производитель каменной соли, осуществлявший её добычу в шахтах г. Соледаара до начала его освобождения российскими войсками в ходе СВО) в феврале 2023 г. выпустил на украинский рынок специальную партию соли (100 тыс. пачек) по цене 500 гривен за пачку (что намного превышает стоимость соли в розничных магазинах Украины на момент проведения кампании), из которых 465 гривен планировалось перевести на закупку беспилотников для Главного управления разведки Украины через платформу UNITED24 [7].

Отметим, что если фирма перечисляет в поддержку вооруженных сил только часть выручки от продажи своих товаров, то такая акция может быть классифицирована не только как краудфандинг, но и как мероприятие по стимулированию сбыта, когда компания, привлекая своих потребителей возможностью принять участие в поддержке армии, одновременно наращивает и свою выручку и прибыль.

Этот вариант применим в том случае, когда продукция компании представляет интерес только для массовых потребителей и не может быть использована вооруженными силами.

Второй разновидностью этой модели является приглашение потребителей к приобретению товаров данной компании с последующей передачей купленной продукции в пользу вооруженных сил (компания при этом самостоятельно организует на своих площадях точки приёма товаров) [8; 18]. В этом случае потребители не получают никакой материальной выгоды от участия в краудфандинговой кампании, тогда как фирма увеличивает объём своих продаж. По сути дела, при использовании этого варианта все расходы по поддержке вооруженных сил ложатся на жертвователей, тогда как компания получает дополнительный доход (все её издержки ограничиваются созданием точек приёма товаров, а также возможной недополученной прибылью, если она предлагает скидки на такие товары для того, чтобы побудить клиентов приобретать их). Этот вариант применяется в розничной торговле (которая продает товары, необходимые не только массовым потребителям, но и военнослужащим). Армия при использовании этой модели получает не денежные средства, а материальные ресурсы.

Наконец, третьей разновидностью этой модели (и фактически развитием предыдущей модели) является ситуация, когда компания-производитель проводит сбор средств для финансирования выпуска дополнительного количества единиц своей продукции или оказание дополнительного объёма услуг в интересах национальных вооруженных сил. Эта продукция или услуги будут предоставляться армии бесплатно. Она реализуется в том случае, если поставка этих дополнительных единиц не предусмотрена официальным заказом со стороны государства, а само предприятие не имеет возможности (или желания) в полном объёме финансировать их производство за счёт собственных средств. Отличие от предыдущей модели заключается в том, что жертвователи не приобретают уже готовую продукцию, а оплачивают её производство под потребности военной организации государства. Отметим, что эта продукция, может быть, как уже передана армии (и в этом случае жертвователи финансируют расходы компании на прошлые поставки), так и толь-

ко планироваться к производству (в этой ситуации жертвователи авансируют компанию; определённым аналогом из гражданской практики является покупка "подвешенного кофе").

Этот вариант соответствует ситуации, при которой производитель имеет коммерческие заказы на свою продукцию (заказчиками могут выступать как гражданские предприятия, так и армия), и использует краудфандинг только для выпуска её дополнительных единиц в интересах вооруженных сил. Эта модель реализована на Украине "Новой почтой", которая взяла на себя обязательство бесплатно доставлять собранные волонтерами и жертвователями грузы для территориальной обороны, но при этом приглашает совершать пожертвования для финансирования своих расходов на эту бесплатную доставку [10].

Её достоинствами для компании является возможность увеличить выручку и загрузку своих производственных мощностей.

При непрофильном участии (квадрант II) компания собирает пожертвования, однако этот сбор осуществляется не в рамках её бизнес-модели. Примером могут быть ящики в магазинах, где желающие могут оставить какие-либо товары для вооруженных сил [16], которые компания потом самостоятельно передает получателям. В отличие от клиентской модели профильного участия (описанной выше), жертвователи могут оставить в этих точках любые товары (не обязательно купленные в данном магазине).

Прямой выгоды от непрофильного участия фирма не получает, оно носит в первую очередь социальный характер. Тем не менее, оно способствует повышению репутации компании и может вести к некоторому росту продаж (если жертвователи, приносящие помощь, при посещении магазина не ограничатся её сдачей, а пожелают совершить покупки, а также если они будут приобретать жертвуемые товары в магазине, а не приносить их с собой).

В общем случае эта модель заключается в сборе пожертвований без продажи жертвователям товаров или услуг компании (хотя жертвователи и могут приобрести товары для сдачи в магазине, такая покупка обязательной не является).

Профильная поддержка (квадрант III) означает, что фирма не участвует в сборе средств в интересах вооруженных сил, однако оказывает содействие этому сбору в рамках своей профильной деятельности. Примеры такого участия:

- платёжная система размещает информацию о сборе пожертвований и предлагает воспользоваться своими услугами для совершения перевода [9]. Важно отметить, что платёжная система, хотя и переводит деньги, однако не участвует в их сборе – она лишь обеспечивает прохождение платежа между жертвователем и получателем. Благодаря такой поддержке военного краудфандинга платёжная система может увеличить свои обороты, т. е. улучшить показатели своей деятельности (и прибыль – если за переводы взимается комиссия);

- цифровая компания создает специализированную платформу, на которой желающие могут организовывать краудфандинговые проекты [4]. Выгода для компании заключается в том, что она предоставляет своим пользователям дополнительные сервисы и тем самым удерживает их (и может привлечь новых пользователей). По сути дела, создание таких сервисов представляет собой движение в сторону формирования цифровой экосистемы, одним из элементов которой становится ресурс для организации сборов;

- средство массовой информации публикует объявление о краудфандинговой кампании для её продвижения среди своей читательской аудитории (в формате рекламной или новостной информации) [1]. В этом случае средство массовой информации не получает никакой выгоды (как правило, такие объявления размещаются бесплатно).

Модель профильной поддержки означает, что фирма помогает выстроить взаимодействие между жертвователями и вооруженными силами в соответствии со своей профильной деятельностью, однако непосредственно сбором средств не занимается.

Квадрант IV (непрофильная поддержка) представляет собой ситуацию, при которой фирма оказывает содействие в привлечении пожертвований, однако такая деятельность не соответствует её бизнес-модели. Такая модель

реализуется при размещении в магазинах точек сбора пожертвований, организованных сторонними благотворительными фондами и волонтерскими организациями [14; 17]. Собираться могут как денежные средства [13; 25], так и материальные ресурсы [14]. При сдаче материальных ресурсов жертвователи могут приносить их с собой, а не приобретать в магазине. Очевидно, что предоставление площадей под такую точку является для розничных сетей непрофильным видом деятельности. Розничные сети при этом не занимаются сбором пожертвований (эту функцию выполняют благотворительные организации, создавшие такую точку по согласованию с магазином). Прямой выгоды от участия в таких акциях они тоже не получают (хотя у них может возникать экономический эффект благодаря дополнительной выручке от тех жертвователей, которые при посещении магазина не ограничатся сдачей принесенных с собой ресурсов, а решат совершить в нём покупку для себя, или же если покупатели, увидев точки приёма пожертвований, примут спонтанное решение принять участие в сборе и приобретут для этой цели товары в магазине помимо запланированного ими перечня покупок).

Интересно отметить, что в рамках этой модели организация, проводящая сбор средств, может настаивать на том, чтобы жертвователи приобретали материальные ресурсы в том магазине, где установлена точка для сбора пожертвований. Очевидно, что для магазина такой подход позволяет получить дополнительную выручку (что служит для него дополнительным фактором заинтересованности в участии в сборе пожертвований). Для организации, проводящей сбор, такой подход (который может быть описан как непрофильная поддержка с ограничениями; он тесно примыкает к клиентской модели профильного участия, описанной выше) позволяет гарантировать, что на пожертвования будут направляться только новые товары требуемого качества.

Компания может также участвовать в продвижении сторонних краудфандинговых кампаний, размещая о них информацию на своём корпоративном сайте (очевидно, что публикация таких объявлений для организаций, не относящихся к средствам массовой информации, является непрофильным видом деятельности). Благодаря этому организаторы краудфандинговых кампаний получают информационную поддержку и могут привлечь к участию в сборе средств аудитории фирмы, разместившей данное объявление. Для потенциальных жертвователей это информационное содействие со стороны фирмы важно тем, что она выступает в качестве своеобразного гаранта добросовестности организаторов сбора, что повышает доверие жертвователей (благодаря снижению рисков мошенничества, вероятность которого при военном краудфандинге зачастую достаточно велика [12]) и увеличивает их заинтересованность в предоставлении средств. Таким образом, организация, размещающая информацию о краудфандинговой кампании, оказывает ей не только информационную, но и репутационную поддержку.

Обсуждение

Описанные выше модели участия бизнеса в военном краудфандинге показывают, что коммерческие предприятия могут при организации и поддержке сбора средств в интересах вооруженных сил играть следующие роли:

- 1) Сбор пожертвований;
- 2) Предоставление собственной инфраструктуры для организации сбора пожертвований сторонними организациями. Эта инфраструктура может быть как профильная (например, платёжная система для перевода средств), так и непрофильная (площади, на которых могут быть размещены точки сбора пожертвований стороннего благотворительного фонда; в магазинах, например, такие точки обычно организуются не на собственном торговых площадях, а за их пределами, хотя и в здании магазина);
- 3) Информационная и репутационная поддержка сбора средств, проводимого сторонними организациями.

Участие бизнеса в проведении краудфандинговых кампаний играет важную роль в повышении их эффективности:

- предоставляя свою инфраструктуру для сбора средств, бизнес делает предоставление ресурсов более комфортным для потенциальных жертвователей. Например, при сборе материальных ресурсов жертвователю нет необходимости ехать в волонтерский центр, который может быть расположен далеко

Табл. 2. Отличия участия бизнеса в военном краудфандинге от корпоративной ресурсной поддержки военной организации
Table 2. Differences between company's participation in military crowdfunding and corporate resource support for the military organization

Критерии сравнения	Военный краудфандинг	Корпоративная ресурсная поддержка военной организации
Источник ресурсов, передаваемых военной организации	Средства жертвователей	Собственные средства бизнес-структуры
Деятельность бизнес-структуры по ресурсной поддержке военной организации	Привлечение и аккумуляция средств жертвователей с их последующей передачей военной организации	Выделение и передача собственных ресурсов военной организации; Закупка материальных ресурсов с их последующей передачей военной организации
Наличие экономических выгод для бизнес-структуры	Могут присутствовать	Прямые явные выгоды отсутствуют (может увеличиваться интеллектуальный капитал бизнес-структуры)

Источник: составлено автором.

Source: compiled by the author.

от него. Он может просто передать эти средства при обычном посещении магазина. Более того, ему даже нет необходимости заранее их приобретать – он может их купить непосредственно в торговой точке;

- оказывая содействие проведению краудфандинговых кампаний, бизнес осуществляет их репутационную поддержку, что снижает риски мошенничества и повышает доверие потенциальных жертвователей.

В зависимости от профиля своей деятельности и своих стратегических целей фирма может выбрать для себя оптимальную модель участия в военном краудфандинге и наиболее удобную роль.

Выполненный нами обзор позволяет дополнительно уточнить отличия участия бизнеса в военном краудфандинге от поддержки коммерческими предприятиями вооруженных сил за счёт собственных средств. Важным отличительным признаком является возможность для бизнеса получения коммерческой выгоды при некоторых вариантах военного краудфандинга (см. *табл. 2*).

Заключение

Построенная нами классификация (*табл. 1*) носит общий характер, т. е. она охватывает применение краудфандинга корпоративными структурами в военных конфликтах в целом, а не только практики военного краудфандинга, реализуемые в ходе боевых действий на Украине. Более того, она применима и для других форм краудфандинга, предназначенных для решения бизнесом социальных и общественно значимых задач (например, организация питания для социально незащищенных групп населения: соответствующие краудфандинговые кампании организуются по моделям, представленным в *таблице 1*, хотя набор вариантов реализации этих компаний существенно шире, чем в случае военного краудфандинга). Благодаря этому она может быть использована для разработки стратегий корпоративной социальной ответственности, а также для выстраивания сотрудничества между бизнесом, обществом и государством [27]. Это может создать условия для более эффективного использования потенциала бизнеса по мобилизации ресурсов общества для решения значимых задач в сфере национальной безопасности, социальной ответственности, защиты окружающей среды и т. д.

Литература / References

1. Верченко К. Жители Лобни могут помочь собрать необходимые вещи для бойцов СВО // Regions.ru. URL: <https://regions.ru/lobnya/novosti/zhiteli-lobni-mogut-pomoch-sobrat-neobhodimye-veschi-dlya-boytsov-svo> (дата обращения: 26.08.2024).
Verchenko K. Lobnya inhabitants can help to collect necessary items for Special Military Operation fighters // Regions.ru. URL: <https://regions.ru/lobnya/novosti/zhiteli-lobni-mogut-pomoch-sobrat-neobhodimye-veschi-dlya-boytsov-svo> (accessed 26.08.2024).
2. Веденеев Д. В., Турчак О. В. Волонтерский рух в Україні в ході російсько-української війни: ризики праці та форми державного і громадського визнання // Військово-науковий вісник. 2018. № 30. С. 206–216. <https://doi.org/10.33577/2313-5603.30.2018.206-216>
Vedeneev D. V., Turchak O. V. Volunteer movement in Ukraine in the latest Russian-Ukrainian war: risks of works and forms of state and public recognition // Viyskovo-naukovy visnyk. 2018. No. 30. P. 206–216. (In Ukr.). <https://doi.org/10.33577/2313-5603.30.2018.206-216>
3. Гордеев М. Н. Неявные механизмы функционирования краудфандинга в России и за рубежом // ЭКО. 2022. № 1 (571). С. 77–95.
Vedeneev D. V., Turchak O. V. Volunteer movement in Ukraine in the latest Russian-Ukrainian war: risks of works and forms of state and public recognition // Viyskovo-naukovy visnyk. 2018. No. 30. P. 206–216. (In Ukr.). <https://doi.org/10.33577/2313-5603.30.2018.206-216>
4. Грицик Т. Создать сбор средств на нужды во время войны: EVO запустила платформу Help volunteer // AIN.ua. URL: <https://ain.ua/ru/2022/04/26/stvoryty-zbir-koshtiv-na-potrebi-pid-chas-vejny-evo-zarupustyla-platfornau-pomoshh-volonter/> (дата обращения: 02.01.2024).
Gritsik T. Starting a donation campaign during the war: EVO has launched the platform Help Volunteer // AIN.ua*. URL: <https://ain.ua/ru/2022/04/26/stvoryty-zbir-koshtiv-na-potrebi-pid-chas-vejny-evo-zarupustyla-platfornau-pomoshh-volonter/> (accessed 02.01.2024). (In Russ.).
5. Данилов В. Н. Мобилизация денежных средств населения в годы Великой Отечественной войны: практика Саратовской области // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2019. Т. 19. № 3. С. 387–395.
Danilov V. N. Mobilization of the public financial resources during the Great Patriotic War: the practice of the Saratov Region. Izvestiya Saratovskogo Universiteta. New Series. Series: History. International Relations. 2019. Vol. 19. No. 3. P. 387–395. (In Russ.).
6. Долженко Р. А. Некоторые вопросы оценки эффективности краудфандинга на отечественной краудфандинговой платформе "Планета" // Вестник Омского университета. Серия: Экономика. 2016. № 4. С. 75–84.
Dolzhenko R. A. Some issues of assessing the effectiveness of crowdfunding in the domestic crowdfunding platform "Planeta" // Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Ekonomika. 2016. No. 4. P. 75–84. (In Russ.).
7. Долотова Д. Возвращение легенды: в магазинах появилась специальная благотворительная партия соли Миць.Українська кам'яна от Артемсоль // Вікна*. URL: <https://vikna.tv/ru/dlia-tebe/povnyu-ukrayiny/artemsol-i-united24-vypustili-speczpartiyu-soli-moshh-dlya-pomoshhi-gur-gde-kupit/> (дата обращения: 02.01.2024).
Dolotova D. The legend is back: the special charity salt Mits Ukrainka Kamyana from Artemsol has appeared in stores // Vikna. URL: <https://vikna.tv/ru/dlia-tebe/povnyu-ukrayiny/artemsol-i-united24-vypustili-speczpartiyu-soli-moshh-dlya-pomoshhi-gur-gde-kupit/> (accessed 02.01.2024). (In Russ.).
8. Иванова А. В волгоградских магазинах появились корзины, куда собирают помощь военнослужащим // Городские вести. URL: <https://gorvesti.ru/society/v-volgogradskikh-magazinakh-poyavilis-korziny-kuda-sobirayus-pomosch-voennosluzhaschim-128076.html> (дата обращения: 26.08.2024).
Ivanova A. Volgograd stores now have baskets for donations for military personnel // Gorodskie vesti. URL: <https://gorvesti.ru/society/v-volgogradskikh-magazinakh-poyavilis-korziny-kuda-sobirayus-pomosch-voennosluzhaschim-128076.html> (accessed 26.08.2024).
9. Карманская Ю. Помочь украинской армии. Счета, на которые можно отправить взносы с территории Украины и из-за рубежа // Forbes Ukraine*. URL: <https://forbes.ua/ru/inside/pomoch-ukrainskoy-armii-scheta-na-kotorye-mozhno-otpravit-vznosy-s-territorii-ukrainy-i-iz-za-rubezha-27022022-3970> (дата обращения: 03.02.2024).
Karmanskaya Yu. Help for the Ukrainian army. Accounts for donations from Russia and from abroad // Forbes Ukraine. URL: <https://forbes.ua/ru/inside/pomoch-ukrainskoy-armii-scheta-na-kotorye-mozhno-otpravit-vznosy-s-territorii-ukrainy-i-iz-za-rubezha-27022022-3970>. (accessed 03.02.2024). (In Russ.).
10. Карманская Ю. Поддержка армии и терробороны. "Новая почта" увеличила количество услуг, связанных с гуманитарной помощью. Вот как можно приобщиться // Forbes Ukraine*. URL: <https://forbes.ua/ru/news/pidtrimka-armii-ta-teroboroni-nova-poshta-zbilshila-kilkist-poslug-povyazaniikh-iz-gumanitarnoyu-dopomogoyu-os-yak-mozhna-doluchitsiya-03032022-4085> (дата обращения: 16.09.2024).
Karmanskaya Y. Support for army and territorial defense. "New Post" increased the number of services related to humanitarian aid. How you can participate // Forbes Ukraine*. URL: <https://forbes.ua/ru/news/pidtrimka-armii-ta-teroboroni-nova-poshta-zbilshila-kilkist-poslug-povyazaniikh-iz-gumanitarnoyu-dopomogoyu-os-yak-mozhna-doluchitsiya-03032022-4085>

- forbes.ua/ru/news/pidtrimka-armii-ta-teroboroni-nova-poshta-zbilshila-kilkist-poslug-povyazanikh-iz-gumanitarnou-dopomogou-os-yak-mozhna-doluchitisya-03032022-4085 (accessed 16.09.2024).
11. Котляров И. Краудфандинг как инструмент финансирования: концептуальный анализ // *Мировая экономика и международные отношения*. 2024. Т. 68. № 8. С. 28–36. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2024-68-8-28-36>
Kotliarov I. D. Crowdfunding as a tool of financing: a conceptual analysis // *World economy and international relations*. 2024. Vol. 68. No. 8. P. 28–36. (In Russ.). <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2024-68-8-28-36>
 12. Кошечкина В. На Украине псевдovolонтеры потратили пожертвования для ВСУ на смартфоны // *Lenta.ru*. URL: <https://lenta.ru/news/2022/07/27/psevdo/>. (дата обращения: 03.11.2023).
Koshechkina V. Pseudo-volunteers in Ukraine spent donations for the Armed Forces of Ukraine to buy smartphones // *Lenta.ru*. URL: <https://lenta.ru/news/2022/07/27/psevdo/> (accessed 03.11.2023). (In Russ.).
 13. Кудинова О. Бондарцы могут пожертвовать любую сумму на поддержку солдат-участников СВО // *Народная трибуна*. URL: <https://gazetabondari.ru/news/society/2023-04-19/bondartsy-mogut-pozhertvovat-lyubuyu-summu-na-podderzhku-soldat-uchastnikov-svo-156715> (дата обращения: 26.08.2024).
Kurguzova D. You can help the army when you come to the store: a fundraising point for the Special Military Operation participants is organized in supermarket // *Regions.ru*. URL: <https://regions.ru/serprudy/novosti/prishel-v-magazin-pomog-armii-punkt-sbora-pomoschi-uchastnikam-svo-organizovali-v-supermarkete> (accessed 26.08.2024). (In Russ.).
 14. Кургузова Д. Пришёл в магазин – помог армии: пункт сбора помощи участникам СВО организовали в супермаркете // *Regions.ru*. URL: <https://regions.ru/serprudy/novosti/prishel-v-magazin-pomog-armii-punkt-sbora-pomoschi-uchastnikam-svo-organizovali-v-supermarkete> (дата обращения: 26.08.2024).
Kurguzova D. You can help the army when you come to the store: a fundraising point for the Special Military Operation participants is organized in supermarket // *Regions.ru*. URL: <https://regions.ru/serprudy/novosti/prishel-v-magazin-pomog-armii-punkt-sbora-pomoschi-uchastnikam-svo-organizovali-v-supermarkete> (accessed 26.08.2024). (In Russ.).
 15. Лёва* из "Би-2" признался, что помогает ВСУ // *Регнум*. URL: <https://regnum.ru/news/3879554>. (дата обращения: 01.05.2024).
Lyova from Bi-2 admitted that he is helping the Armed Forces of Ukraine // *Regnum*. URL: <https://regnum.ru/news/3879554> (accessed 01.05.2024). (In Russ.).
 16. Рудич А. В Днепре в магазинах АТБ собирают помощь для теробороны: что нужно // *Gorod.dp.ua*. URL: <https://www.gorod.dp.ua/news/201166> (дата обращения: 02.01.2024).
Rudich A. ATB stores in Dnepr participate in collection of support for territorial defense: what they need // *Gorod.dp.ua*. URL: <https://www.gorod.dp.ua/news/201166> (accessed 02.01.2024). (In Russ.).
 17. Сеть магазинов "Салют" поддерживает фонд "Загін небайдужних" // Сайт фонда "Загін небайдужних". URL: <https://zagin-nebayduzhykh.org/our-blog/> (дата обращения: 02.01.2024).
The "Saljut" store chain supports the "Zagin nebayduzhykh" foundation // Web site of the "Zagin nebayduzhykh" foundation. URL: <https://zagin-nebayduzhykh.org/our-blog/> (accessed 02.01.2024). (In Russ.).
 18. Сидоренко Л. В супермаркетах Киева собирают продукты для бойцов АТО // *Комсомольская правда в Украине*. URL: <https://kp.ua/kyev/461581-v-supermarketakh-kyeva-sobyrauit-produkty-dlia-boitsov-ato> (дата обращения: 26.08.2024).
Sidorenko L. Food for Anti-terrorist operation fighters is being collected in Kiev supermakets // *Komsomolskaya Pravda v Ukraine*. URL: <https://kp.ua/kyev/461581-v-supermarketakh-kyeva-sobyrauit-produkty-dlia-boitsov-ato> (accessed 26.08.2024).
 19. Скоробогатый П. Два миллиарда рублей на помощь фронту // *Эксперт*. 2022. № 41. С. 48–50.
Skorobogatyy P. Two billion rubles to help the front // *Ekspert*. 2022. No. 41. P. 48–50. (In Russ.).
 20. Сорокин Д. Производитель сообщил о применении FPV-дрона "Упырь" на всех направлениях спецоперации // *TACC*. URL: <https://tass.ru/armiya-i-opk/19346507>. (дата обращения: 03.02.2024).
Sorokin D. The producer informed about the use of the "Upyr" FPV drone in all directions of the special operation // *TASS*, 22.11.2023. URL: <https://tass.ru/armiya-i-opk/19346507> (accessed 03.02.2024). (In Russ.).
 21. Стальной фронт. Как Ринат Ахметов поставил бизнес на военные рельсы // *РБК-Україна*. URL: <https://daily.rbc.ua/ukr/show/staleviy-front-k-rinat-ahmetov-postaviv-biznes-1663932698.html> (дата обращения: 01.01.2024).
Steel front. How Rinat Akhmetov places his business on war footing Как // *RBK-Ukraine**. URL: <https://daily.rbc.ua/ukr/show/staleviy-front-k-rinat-ahmetov-postaviv-biznes-1663932698.html> (accessed 01.01.2024).
 22. Томчук О. А. Історичні аспекти виникнення волонтерського руху на допомогу Збройним Силам України у 2014 р. // *Військово-науковий вісник*. 2017. № 28. С. 207–215. <https://doi.org/10.33577/2313-5603.28.2017.207-215>
Tomchuk O. A. Historical aspects of the emergence of the volunteer movement for the support of the Armed Forces of Ukraine in 2014. *Viyskovo-naukovyy visnyk*. 2017. No. 28. P. 207–215. (In Ukr.).

- <https://doi.org/10.33577/2313-5603.28.2017.207-215>
23. Томчук О. А. Напрями і форми волонтерського руху в допомогу Збройним Силам України у 2014–2018 рр. // Військово-науковий вісник. 2018. № 29. С. 230–238. <https://doi.org/10.33577/2313-5603.29.2018.230-238>
Tomchuk O. A. Directions and forms of volunteer movement to assist the Armed Forces of Ukraine in 2014–2018 // *Viyskovo-naukovyy visnyk*. 2018. No. 29. P. 230–238. (In Ukr.). <https://doi.org/10.33577/2313-5603.29.2018.230-238>
 24. Юрова Т. М. Волонтерська допомога в обмундируванні бійців ЗС України та удосконалення польового однострою і екіпування в ході АТО // Військово-науковий вісник. 2017. № 28. С. 228–239. <https://doi.org/10.33577/2313-5603.28.2017.228-239>
Yurova T. M. Volunteer assistance in providing soldiers of the Armed Forces of Ukraine with uniforms and improving field uniform during the Anti-Terrorist Operation. *Viyskovo-naukovyy visnyk*. 2017. No. 28. P. 228–239. (In Ukr.). <https://doi.org/10.33577/2313-5603.28.2017.228-239>
 25. Ящики для сбора средств в помощь СВО устанавливаются в магазинах компании "Визит-М" // Телерадиокомпания Зеленогорск. URL: <http://trkzelenogorsk.ru/news/item/20377-yashchiki-dlya-sbora-sredstv-v-pomoshch-svo-ustanavlivayut-v-magazinakh-kompanii-vizit-m> (дата обращения: 26.08.2024).
Donation boxes to support the Special Military Operation are being installed in the stores of the "Vizit-M" company // *Zelenogorsk Television and Radio Company*. URL: <http://trkzelenogorsk.ru/news/item/20377-yashchiki-dlya-sbora-sredstv-v-pomoshch-svo-ustanavlivayut-v-magazinakh-kompanii-vizit-m> (accessed 26.08.2024).
 26. Asmolov G. The transformation of participatory warfare: The role of narratives in connective mobilization in the Russia–Ukraine war // *Digital War*. 2022. Vol. 3. P. 25–37. <https://doi.org/10.1057/s42984-022-00054-5>
 27. Bakharev V. V., Mityashin G. Yu., Stepanova T. V. Food security, food waste and food sharing: The conceptual analysis // *Food Systems*. 2023. Vol. 6. No. 3. P. 390–396. <https://doi.org/10.21323/2618-9771-2023-6-3-390-396>
 28. Boichak O., Asmolov G. Crowdfunding in remote conflicts: bounding the hyperconnected battlefields // *AoIR Selected Papers of Internet Research*. 2021. <https://doi.org/10.5210/spir.v2021i0.12147>
 29. De Crescenzo V., Botella-Carrubi D., Rodríguez García M. Civic crowdfunding: A new opportunity for local governments // *Journal of Business Research*. 2021. Vol. 123. P. 580–587. <https://doi.org/10.1016/j.jbusres.2020.10.021>
 30. Khoma N. Crowdfunding and Fundraising in the Peacebuilding System: Ukraine's Case // *Lithuanian Annual Strategic Review*. 2023. Vol. 20. No. 1. P. 53–75. <https://doi.org/10.47459/lasr.2023.20.3>
 31. Langley P. Crowdfunding in the United Kingdom: A Cultural Economy // *Economic Geography*. 2016. Vol. 92. No. 3. P. 301–321. <https://doi.org/10.1080/00130095.2015.1133233>
 32. Redko O., Moskalenko O., Vdodovych Y. The role of crowdfunding systems during crises and military actions // *Baltic Journal of Economic Studies*. 2022. Vol. 8. No. 4. P. 117–121. <https://doi.org/10.30525/2256-0742/2022-8-4-117-121>
 33. Schneor R. Crowdfunding Models, Strategies, and Choices Between Them // *Advances in Crowdfunding. Research and Practice*. Ed. by Shneor R., Zhao L., Flåten B.-T. Springer Books, Palgrave Macmillan, 2020. P. 21–42. https://doi.org/10.1007/978-3-030-46309-0_2
 34. Unite to Support Ukraine. URL: <https://united.wargaming.net/> (accessed 03.01.2024).
 35. Wenzlaff K. Civic Crowdfunding: Four Perspectives on the Definition of Civic Crowdfunding // *Advances in Crowdfunding. Research and Practice*. Ed. by Shneor R., Zhao L., Flåten B.-T. Springer Books, Palgrave Macmillan, 2020. P. 441–472. https://doi.org/10.1007/978-3-030-46309-0_19.

Информация об авторе

Иван Дмитриевич Котляров, канд. экон. наук, доцент Высшей школы сервиса и торговли Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого, Санкт-Петербург, Россия, e-mail: ivan.kotliarov@mail.ru

Information about the author

Ivan D. Kotliarov, Candidate of Economics, Associate Professor, Higher School of Service and Trade, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, St. Petersburg, Russia, e-mail: ivan.kotliarov@mail.ru

Поступила в редакцию 17.09.2024

Одобрена после рецензирования 12.02.2025

Принята к публикации 25.02.2025

Received 17.09.2024

Approved 12.02.2025

Accepted 25.02.2025

Технология ДЭГ в региональном политическом процессе: цифровая трансформация избирательного процесса и механизмы противодействия негативным трендам

Алексей Юрьевич Мамычев
Владивостокский государственный университет, Владивосток, Россия
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова Москва, Россия, mamychev@yandex.ru
Антон Георгиевич Арутюнов
Владивостокский государственный университет, Владивосток, Россия
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова,
Москва, Россия, anton.arutyunov.98@mail.ru

Аннотация. В статье анализируется процесс внедрения цифровых технологий в региональный политический процесс, обсуждаются негативные и положительные тенденции в цифровой трансформации регионального избирательного процесса. Исследование опирается на эмпирические исследования, проведенные в Центральном, Северо-Западном и Приволжском федеральных округах Российской Федерации. Дистанционное электронное голосование (ДЭГ) рассматривается в качестве технологического ответа на запрос населения по "цифровому упрощению" оказания государственных услуг и развитию интерактивных форм политического участия. В содержание работы прослеживается влияние ДЭГ на трансформацию избирательного процесса и избирательных кампаний региональных политических акторов. Выделяются три типичные стратегии, реализуемые в рамках избирательных кампаний с использованием технологии ДЭГ, а также обсуждаются часто реализуемые манипуляции вокруг ДЭГ и механизмы противодействия последним.

Ключевые слова: дистанционное электронное голосование (ДЭГ), избирательная кампания, региональная политика, политический процесс, цифровая трансформация

Исследование выполнено в лаборатории политико-правовых и социально экономических исследований Владивостокского государственного университета в рамках проекта № FZUG-2024–0006 "Прошлое, настоящее и будущее России в цифровую эпоху: формы и механизмы противодействия негативным контентом и фальсификациям" при поддержке Министерства науки и высшего образования РФ и Экспертного института социальных исследований.

Для цитирования: Мамычев А. Ю., Арутюнов А. Г. Технология ДЭГ в региональном политическом процессе: цифровая трансформация избирательного процесса и механизмы противодействия негативным трендам // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2025. Т. 19. № 1. С. 125–135.
<https://doi.org/10.29039/1998-6785/2025-1/125-135>

Original article
<https://doi.org/10.29039/1998-6785/2025-1/125-135>

Remote electronic voting technology in the regional political process: digital transformation of the electoral process and mechanisms for countering negative trends

Alexey Yu. Mamychev
Vladivostok State University, Vladivostok, Russia,
Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, mamychev@yandex.ru
Anton G. Arutyunov
Vladivostok State University, Vladivostok, Russia,
Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, anton.arutyunov.98@mail.ru

Abstract. The article analyzes the process of introducing digital technologies into the regional political process, discusses negative and positive trends in the digital transformation of the regional electoral process. The study is based on empirical studies conducted in the Central, Northwestern and Volga Federal Districts of the Russian Federation. Remote electronic voting is considered as a technological response to the demand of the population for the "digital simplification" of public services and the development of interactive forms of political participation. The content of the work traces the influence of REV on the transformation of the electoral process and election campaigns of regional political actors. Three typical strategies implemented within the framework of election campaigns using REV technology are highlighted, and often implemented manipulations around REV and mechanisms to counteract the latter are discussed.

Key words: remote electronic voting, election campaign, regional policy, political process, digital transformation

The research was carried out in the Laboratory of Political, Legal and Socio-economic Research of Vladivostok State University within the framework of the project No. FZUG-2024-0006 "The past, present and future of Russia in the digital age: forms and mechanisms of countering negative content and falsifications" with the support of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation and the Expert Institute for Social Research

For citation: Mamychev A. Yu., Arutyunov A. G. Remote electronic voting technology in the regional political process: digital transformation of the electoral process and mechanisms for countering negative trends // Ojkumena. Regional Researches. 2025. Vol. 19. No. 1. P. 125–135. <https://doi.org/10.29039/1998-6785/2025-1/125-135>

Введение

Современная общественно-политическая организация стремительно технологизируется. Цифровизация является лишь первым этапом масштабных трансформаций в социально-экономической и политико-правовой жизни общества [7; 18]. Уже сегодня мы являемся свидетелями кардинальных изменений в традиционных формах и технологиях публично-властной коммуникации в системе личность – общество – государство [21]. При этом внедрение цифровых технологических решений в политический процесс трансформирует как ценностно-смысловые и социально-нормативные основания функционирования традиционных политических институтов, так и различные политические практики, свойственные отдельным гражданам [6].

Более того, интенсивное развитие и внедрение в общественно-политическую практику цифровых технологий и разнообразных алгоритмических решений [2] обуславливает и объективную тенденцию в моделировании как национального образа цифрового будущего общества, так и его отдельных подсистем [1, 14]. Можно прогнозировать, что образы национального и регионального цифрового будущего, специфика и цифровые траектории развития федерального и местного политического процесса в контексте цифровой трансформации традиционных форм, способов и практик публично-властной коммуникации, будут ключевыми в политологической рефлексии и экспертном политическом анализе [10].

Действительно, в период кардинальных изменений в политике и при смене технологического уклада, всегда в общественно-политической истории, повышается значимость проектирования образа будущего. Здесь формы, стратегии и практики "предвосхищения будущего оказывают *большое влияние на природу любого общества*, особенно в вопросах структуры и течение властных отношений" [16, с. 32], поскольку ключевой ресурс власти, особенно в современную эпоху, это "способность определять, как именно будет выглядеть будущее, выбирая из множества возможных вариантов" [16, с. 33]. При этом образ будущего будет выступать в качестве стратегического ориентира общественно-политического развития, основой для формирования федеральных и региональных стратегий, долгосрочных программ трансформации общества и местных сообществ.

Неудивительно, что в современной политике уже наметилось постепенное "переустройство" публичного дискурса, особенно в смысловых и лингвистических формах легитимации тех или иных властно-управленческих решений в сфере внедрения и эксплуатации цифровых технологий [11]. Сегодня в публичной риторике последние обосновываются всё чаще через социотехнический словарь (удобство пользователя, интерактивность, продвинутость и т. п.), нежели посредством апелляции к ценностно-смысловым основам общественно-политической организации. Например, в рамках даже официального публичного дискурса обосновывается, что "электронное голосование – это удобный и адекватный времени цифровой сервис" или "электронное голосование на выборах – такая же удобная модель коммуникации современного человека, как и использование других дистанционных услуг и сервисов" [19].

Отметим, что общим тенденциям технологизации общественных систем и цифровым траекториям трансформации политического процесса в настоящее время посвящён достаточно большой массив публикаций и экспертных отчётов [15]. В то же время региональным аспектам цифровой трансформации общественно-политических отношений уделяется меньше внимания. Поэтому в рамках настоящей статьи предлагается рассмотреть один из значимых векторов цифровизации регионального политического процесса, а именно процесс внедрения и реализации технологии дистанционного электронного голосования (ДЭГ) в Центральном, Северо-Западном и Приволжском федеральных округах Российской Федерации.

Действительно, начиная с середины 10-х годов XXI в., в рамках регионального политического процесса на региональном уровне наблюдается устойчивый тренд на цифровую трансформацию политических технологий. Последнее преимущественно выражалось в следующем:

– *во-первых*, в переходе значительной доли политической агитации, политической рекламы в цифровое пространство, а также представление политически значимой информации о выборах, ходе избирательной кампании в

сети интернет, главным образом, в социальных сетях, интерактивных цифровых площадках и каналах, мессенджерах и т. д.;

– во-вторых, организационно-техническая сторона избирательных кампаний – регистрации кандидатов, работа избирательного штаба, интерактивное взаимодействие с избирателями и пр. также стремительно цифровизировалось. Например, онлайн-банкинг становится обязательным элементом практически любой региональной избирательной кампании;

– в-третьих, внедрение дистанционного электронного голосования (ДЭГ) в рамках региональных избирательных кампаний и выборов депутатов ГД ФС РФ по одномандатным округам в границах региона и, дополнительно, на выборах муниципального представительного органа административного центра субъекта Российской Федерации.

ДЭГ существенно изменяет картину региональных электоральных практик, заставляя всю систему перестраиваться и адаптироваться к новым условиям голосования в регионе.

Теоретико-методологическая и эмпирическая основа исследования

Исследованиям ДЭГ посвящены работы таких авторов, как Виноградова И. М. [5, с. 51], Фёдоров В. И. [17, с. 71], Серeda М. А. [22, с. 42] и других. Объективно можно выделить политико-правовое направление изучения ДЭГ, одним из главных исследователей в рамках этого направления можно назвать Набатникову Е. А. [12, с. 26], а также таких, как Новикова К. Ю. [13], Игнатов А. В. [8, с. 10] и других. Отметим, что в зарубежных научных источниках часто можно встретить критику отдельных методов и технологий реализации ДЭГ на практике [20], что скорее всего связано с отсутствием широкой практики внедрения ДЭГ в большинстве западных стран, хотя исследователи и эксперты отмечают положительные аспекты реализации и внедрения ДЭГ в европейских странах, на пример, в Эстонии [4, с. 14].

Методологическая основа исследования имеет преимущественно междисциплинарный характер, поскольку при рассмотрении цифровизации регионального политического процесса за основу берётся проблемное поле, а не дисциплинарные требования, положения и принципы познания конкретной дисциплины, что не ограничивает ракурс рассмотрения заявленной проблематики. Последнее позволяет рассмотреть сложный и неоднозначный социотехнический процесс трансформации регионального избирательного процесса.

В исследовании также использовался дискурс-анализ аналитических и экспертных материалов, научных исследований, посвященных как общим вопросам цифровой трансформации публичной политики, так и отдельным проблемам цифровизации региональных общественно-политических практик. Кроме того, исследование опирается на глубинное экспертное интервью, которое было реализовано в 15 субъектах Российской Федерации. Экспертами выступили практикующие политики, специалисты в сфере общественно-политического взаимодействия, а также академические исследователи и политические аналитики, непосредственно изучающие процессы цифровизации выборов в регионах и, в частности, проблемы внедрения и использования ДЭГ. Эксперты кроме компетенционного критерия, набирались методом "снежного кома", т. е. по рекомендациям других экспертов, исследователей, аналитиков, ранее привлекаемых к исследованию в другом или в том же регионе.

Исследование выполнено в трёх федеральных округах Российской Федерации, а именно в Центральном, Северо-Западном и Приволжском. В ЦФО РФ исследование реализовано в городе федерального значения Москве, Московской, Тверской, Орловской, Липецкой, Владимирской и Ярославской областях. В ПФО РФ исследование было осуществлено в Республиках Татарстан и Башкортостан, Ульяновской и Саратовской областях. В Северо-Западном федеральном округе в городе федерального значения Санкт-Петербург, Ленинградской, Псковской и Новгородской областях. Если в регионе не было ранее внедрено дистанционное электронное голосование, то вопросы экспертам задавались, во-первых, о практиках в соседних регионах и регионах интереса экспертов-исследователей; во-вторых, задавались вопросы о близких к ДЭГ практикам (к примеру электоральных экспериментах ЦИК РФ, праймериз ВПП "Единая Россия" и т. д.) Основываясь на этих подходах, к исследова-

нию было привлечено 40 экспертов. Они были отобраны по компетенционному и профессиональному принципу, а именно ими выступили политологи, специализирующиеся на проблематике ДЭГ, практикующие политтехнологи и политконсультанты, члены региональных избирательных комиссий, члены ТИК ДЭГ при ЦИК РФ, представители политических партий. Выбор регионов для проведения исследования обусловлен тем, что суммарно них проживает большая часть населения Российской Федерации; учтена широта географического разброса, а также то, что это регионы с высоким уровнем проникновения сети Интернет и развитыми традициями цифрового участия в политической культуре населения этих регионов. Исследование главным образом касается повестки региональных избирательных кампаний с использованием ДЭГ.

ДЭГ как фактор влияния на региональный политический процесс

В политическом процессе современной России ДЭГ реализуется на федеральной платформе во всех регионах, где оно практикуется, за одним существенным исключением. Этим исключением является город федерального значения Москва, который обладает не только уникальной региональной онлайн-платформой, но и внедрил её ранее федеральной, став первым случаем использования ДЭГ в процедуре голосования.

Ранее же применялись лишь варианты использования различных электронных систем подсчёта голосов, уже после формальной процедуры стандартного аналогового голосования. Эксперты на данном этапе отмечают, что создание региональных платформ для реализации ДЭГ не является актуальной частью общественно-политической повестки, хотя несёт некоторые "процедурные бонусы", не превышающие затраты на техническое внедрение подобного рода систем.

Стоит отметить, что техническая сторона вопроса сопряжена с использованием одного и того же набора технологий цифрового и электронного спектра. При этом разница в подходах по созданию собственной онлайн-платформы рассматривается исключительно в плоскости политических и отчасти бюджетно-экономических решений, а не в сфере технологического оснащения.

Ключевым аспектом выступает именно вопрос политического влияния ДЭГ на региональный избирательный процесс. Сам факт его внедрения ещё не оказывает существенного влияния на баланс политических сил в регионе. Видимые политические изменения от внедрения ДЭГ главным образом связаны с информационной кампанией вокруг ДЭГ, а также с последующей корректировкой в структуре избирательных кампаний партий и отдельных кандидатов.

На предварительном подготовительном этапе во время обсуждения внедрения ДЭГ в регионе, а именно во время процессов рассмотрения возможностей региона по вопросам эксплуатации системы ДЭГ в этом субъекте РФ, отмечаются определённые разногласия в экспертном сообществе (о сроках, масштабности и технической готовности региона к внедрению ДЭГ, а также о вопросе политического влияния ДЭГ на региональный политический процесс).

В обоих случаях, т. е. процедуре экспертных консультаций и электоральных экспериментов ЦИК РФ, эти события, по мнению большинства интервьюируемых экспертов, существенного влияния на протекание электоральных кампаний не оказывают, а лишь помогают техническому тестированию систем. Существует и отклоняющаяся от этого тенденция. Она выражается в том, что праймериз ВПП "Единая Россия", проводимый онлайн, в том числе с привлечением портала государственных услуг Российской Федерации, становится существенным политическим событием для региона.

С институционально-нормативных позиций достаточно тяжело назвать последнее непосредственно подготовительным этапом к реализации ДЭГ. Однако в вопросах процедурного и политического характера, это безусловно можно считать подготовкой избирателя к использованию сервисов ДЭГ. Существенным фактором влияния здесь будет выступать повышение конкурентной борьбы до этапа официальной политической избирательной кампании, фактически до этапа выдвижения кандидатов и списков кандидатов политической партией. Другие политические партии также периодически через сво-

их лидеров и представителей заявляют о возможности внедрения механизма праймериз в том числе через электронные системы для голосования.

Тем не менее, на практике пока ни одна партия кроме ВПП "Единая Россия" не смогла реализовать этот механизм в полном объеме. Эксперты отмечают существенную политическую конкуренцию на праймериз даже на уровне крупных муниципалитетов. Влияние может быть как положительным в виде мобилизации электората задолго до начала избирательной кампании, так и отрицательным в виде психологической нагрузки для избирателя, который кроме дня голосования должен ещё раз предварительно осуществить "репетицию" этого процесса и, соответственно, психологическая мотивация приходит (пусть даже и электронно) на участок, неуклонно падает.

В то же время, если рассматривать это в контексте политической стратегии партии, здесь предусмотрен компенсационный механизм в виде повышения узнаваемости кандидатов и их списков. Для самих же кандидатов выигрыш будет заключаться в выдвижении от партии, что выступит как существенный маркер их высокого политического положения, так и в вопросах подготовки, в том числе электронных ресурсов в социальных сетях и платформах для будущей уже основной кампании. Ключевым здесь будет цифровой компонент, поскольку программы кандидатов, их биографии и другая необходимая информация размещается на ресурсах партии (специализированных сайтах), а также дублируется и обсуждается в социальных сетях, онлайн-каналах, мессенджерах.

Другим существенным фактором влияния ДЭГ на активность электоральных кампаний в регионах является создание пиар-кампаний во время первичного внедрения ДЭГ. Протестные и оппозиционные силы и партии чаще всего стремятся создать отдельные пиар-кампании, где пытаются выступить против внедрения цифровых и электронных новшеств. Чаще всего подобные онлайн-кампании выстраиваются вокруг аргументов нелегитимности результатов ДЭГ, необоснованных обвинений в мошенничестве при подсчёте ("электронное подкручивание") голосов, в непрозрачности работы механизмов ДЭГ, а также в невозможности верификации результатов ДЭГ. Отметим, что подобного рода позиции чаще всего сами являются манипуляциями и не могут быть рассмотрены как конструктивная критика. Заметим здесь, что не все оппозиционные партии одинаково выстраивают пиар-кампании и пиар-акции относительно инфоповода введения ДЭГ.

Так, к примеру, ЛДПР часто поддерживает введение ДЭГ и протестные информационные кампании со стороны представителей этой партии являются скорее выбивающимися из тренда. В то же время КПРФ в подавляющем большинстве случаев пытается выстраивать механизмы информационной политики в рамках "борьбы" с введением ДЭГ. Хотя существуют и представители данной партии в регионах, которые могут поддерживать ДЭГ, однако это скорее отклоняющаяся от распространённой практики позиция. Позиция ВПП "Новые люди" часто бывает ситуативной и колеблется от каждого конкретного случая в регионе. Остальные парламентские оппозиционные партии также прибегают к критике ДЭГ в целях пиара (кроме присутствующей в ГД ФС РФ ВПП "Родина"). Со стороны некоторых кандидатов фактор ДЭГ используется как информационная манипуляция, своего рода уловка, которая направлена на создание искусственного пункта для критического обсуждения в повестке кампаний, взамен реальных проблем избирательного округа.

Обратное явление можно наблюдать со стороны региональных избирательных комиссий, которые реализуют меры по политике информирования о возможностях использования ДЭГ. Цели последнего будут заключаться не только в простом донесении информации до избирателей, но и в необходимости создания положительного образа и доверия к данной цифровой технологии. В то же время в особых случаях избирательные комиссии прибегают к дополнительным информационным технологиям, в частности, к привлечению лидеров общественного мнения, государственных структур, а также активизации различного рода актуальных для региона каналов распространения информации (СМИ, блоги, группы в социальных сетях и каналы в мессенджерах), которые обычно не сопряжены с тематикой ДЭГ или голосования вообще.

Последнее можно отнести и к политическим экспертам регионов, особенно это проявляется в рамках рассматриваемых нами трёх федеральных округов (ЦФО, ПФО и СЗФО РФ). Это может быть расценено как некоторая информационная избыточность, приводящая к перекосу в информационной повестке, а также к превышению хорошо усваиваемых избирателями объёмов информации, отведённых для информирования о выборах для региональных избирательных комиссий. К примеру, нередко в региональном политическом процессе происходит вытеснение / замещение актуальной и важной информации о выборах (информирование о значимости региональных выборов, о ходе избирательной кампании, представление сведений о том, какие именно органы власти государства или муниципальных органов будут избраны и т.п.) – специфической информацией об электронных формах голосования (массовое информирование об особенностях ДЭГ, которое является лишь одним из вариантов голосования). При этом соотношение необходимой и значимой информации по отношению к специфической достигает порядка 50%–80% (в зависимости от региона), с явным преобладанием последней.

Другой пример: информирование о ДЭГ реализуется в достаточно большом количестве и повсеместно (используется неоправданно большое количество билбордов или рекламных мест на остановках в городе), что приводит к "информационной перегрузке" и психологической усталости избирателя от постоянного акцентирования внимания жителя данной территории на одном лишь аспекте избирательной кампании.

Информационные кампании региональных избирательных комиссий, избирательных кампаний кандидатов и политических партий являются лишь краткосрочными периодами в области влияния технологий ДЭГ, ограниченными по времени своего воздействия на политическую систему региона. В то же время такая политическая технология как использование онлайн-голосования в рамках праймериз является более протяжённой во времени и оказывает в целом заметное воздействие на региональный политический процесс.

Отметим также, что в редких случаях вопрос работы онлайн-голосования на праймериз может быть не связан напрямую с ДЭГ, а лишь способствовать легитимации цифровой технологии и выработке поведенческой привычки к использованию дистанционных сервисов при процедуре голосования.

Основное и наиболее действенное политическое влияние от внедрения ДЭГ на региональном уровне выражено в изменении целеполагания кандидатов и партий в вопросах как мобилизации электората, так и в более простых вопросах, к примеру, в привлечении лояльного электората к "виртуальному" участку для голосования.

В целом можно определить фундаментальные изменения в стратегиях избирательных штабов, которые главным образом будут выражены в политтехнологических решениях и необходимости изменения тактик электорального поведения. Наибольшую трансформацию можно видеть в городе федерального значения Москве, а также в Ярославской области (регионе, где изначально на федеральной платформе проводился ДЭГ) и Нижегородской области (часто используемый для реализации ДЭГ регион). Отметим, что это высоко урбанизированные регионы, с высоким покрытием сети Интернет, в частности в широком доступе в городах находится интернет на скорости передачи данных не ниже 4 G.

Наиболее сильно результат политического влияния технологий ДЭГ заметен как раз в крупных городах. Так, эксперт из города Покров Петушинского городского округа Владимирской области отмечает незначительное влияние ДЭГ как на явку избирателей и "избирательную стратегию" кандидатов, так и в целом на результаты избирательной кампании. В то же время в Москве, наоборот, отмечается существенное влияние по всем трём направлениям (избиратель, кандидат, результат).

Партия "парламентского большинства" наиболее эффективно построила свою работу с учётом внедрения технологии ДЭГ, сделав последнюю частью партийного имиджа и систематически подчеркивая своё положительное отношение к данной технологии, а также её активное использование сторонниками партии. При этом социально-политические методы мобилизации электората для голосования с помощью ДЭГ могут расцениваться как административные, цифровые, а также пиар-методы. Эта позиция поддерживает

ся в основном политическими технологами и консультантами из Москвы и не озвучивалась другими категориями экспертов.

В целом, практику использования ДЭГ можно охарактеризовать как положительную. Во-первых, следует констатировать отсутствие большого количества жалоб в правоохранительные органы и соответствующих правоприменительных актов, а также судебных процессов (за рядом исключений). Во-вторых, на региональном уровне не было зафиксировано существенных сбоев в работе портала "Госуслуг", а также сбоев собственно технологии ДЭГ.

Конечно, были зафиксированы лишь несколько несущественных сбоев, но их существо и характер не позволили на региональном уровне выстроить пиар-кампанию на основе данных сбоев. Можно привести в качестве примера подобного сбоя ситуацию, произошедшую в Ненецком автономном округе, которая, к слову, была оперативно решена специалистами из ЦИК РФ и ТИК ДЭГ. Так, в рамках избирательной кампании по выборам депутатов Архангельского областного собрания депутатов в 2023 г. система посчитала жителей Ненецкого автономного округа как жителей другого региона и ограничила им доступ к голосованию. Тем не менее, в первые утренние часы при открытии доступа к электронному голосованию, когда проблема была обнаружена, она была оперативно ликвидирована.

Политтехнологические компоненты влияния ДЭГ на избирательные кампании

Сегодня сформировались три основные, типичные стратегии использования ДЭГ как элемента избирательной региональной кампании.

Первая стратегия – максимальное привлечение лояльного электората к применению технологии ДЭГ. Причём, увеличение доли лояльного электората – это лишь первичная и предшествующая или параллельная задача, а уже после вхождения избирателя в группу лояльного электората, наступает реализация задачи стимулирования использования онлайн-голосования. Обычно такую стратегию могут реализовать лишь крупные политические партии, обладающие эффективно действующими региональными отделениями или отдельные кандидаты, имеющие региональный авторитет и политическое влияние.

Вторая стратегия главным образом ориентирована на формирование лояльного электората, а какую уже форму волеизъявления выберет избиратель (онлайн или офлайн голосование) является вторичным. Чаще всего такой стратегии придерживаются партии или кандидаты, у которых ограничены ресурсы для мониторинга голосования лояльного электората. Данная стратегия характерна для маленьких региональных отделений политических партий, которые все ресурсы вкладывают в увеличение уровня узнаваемости партии и её представителей в регионе, а также в преодоление формальных барьеров при выдвижении кандидатов. Здесь позиция, избирательная стратегия и политтехнологические приёмы, связанные с ДЭГ, являются не сформированными или чётко не выражаемыми.

Эта стратегия успешна в руральных (сельских и деревенских) условиях, где существует особый тип политической культуры [2, с. 738]. В целом, лояльность к ДЭГ в сельской местности является высокой, однако весьма редко используемой технологией. Чем выше и лучше покрытие сетью Интернет и чем крупнее поселение (вплоть до посёлка городского типа), тем больше используется ДЭГ. Однако, прямо противоположной к этой тенденции выглядит пропорция уровня доверия и необходимости дополнительной легитимации ДЭГ, по мнению большинства проинтервьюированных экспертов, из регионов, где в руральных зонах реализовывался ДЭГ.

Третья стратегия имеет преимущественно негативную позицию к ДЭГ, она связана с активным агитированием своих сторонников и лояльного электората не использовать данную технологию. Здесь реализуются пиар-кампании, ориентированные на дискредитацию технологий ДЭГ, результатов её функционирования, публикации критических материалов, негативных экспертных оценок на страницах социальных сетей кандидата или регионального отделения партии.

Отметим, что такая стратегия и тактика действий может быть эффективна только в рамках первой крупной избирательной кампании в регионе с

применением ДЭГ. В последующем данная стратегия, как показывает практика, становится неэффективной, поскольку реальное функционирование технологий ДЭГ развенчивает многие общественно-политические мифы, созданные в рамках первой избирательной кампании.

Как правило, это "политическое мифотворчество" конструирует образ неудобной, проблемной и очень сложной системы, которая специально создана для усложнения процедуры голосования, "затуманиванию" самого процесса выбора и подсчёта голосов. Однако, реальный избирательный опыт граждан как обычно показывает удобство, простоту и комфорт в использовании государственных сервисов. Более того, прозрачность и эффективность дистанционных процедур голосования подтверждается и наблюдателями (это, как правило, авторитетные и известные представители местного сообщества), присутствующими на едином участке контроля за реализацией ДЭГ. Развенчивание данного "политического мифотворчества" также происходит и через отсутствие реальных обращений граждан, представителей оппозиции в судебные инстанции, а также серьёзных административных и иных правонарушений, фиксируемых правоохранительными органами. Всё это в конечном итоге выбивает реальную основу для манипулятивных технологий и делегитимационных практик. Именно поэтому на практике многие оппозиционные партии или кандидаты в последующем смягчают свою региональную риторику.

Существенное влияние технологий ДЭГ на региональный политический процесс связано с формированием поведенческих паттернов у избирателя. Так, у социально-активного избирателя данные технологии формируют положительное отношение к ДЭГ, которое используется в качестве удобного сервиса, позволяющего наиболее мобильно реализовать свое конституционное право и гражданский долг. У другой части населения, находящейся на стадии выбора и принятия решения о форме реализации своих избирательных прав (в традиционном или онлайн формате), положительные поведенческие установки формируются различными механизмами, как правило, регионального стимулирования. В своём большинстве, как отмечают эксперты, использование технологий ДЭГ выражается в трансформации восприятия данной процедуры, воплощающейся в качестве утилитарного поведения по принципу выбора онлайн-покупки или вызова курьера. В регионах, где ДЭГ проходит уже как минимум три раза, у избирателя в принципе уже сформирована в своём большинстве положительная поведенческая привычка. Технология ДЭГ здесь стала частью привычной общественно-политической реальностью.

Следует обозначить и ряд рисков, выделяемых экспертами в ходе цифровизации избирательного процесса. Так, использование цифровых технологий как в рамках избирательной кампании, так и в целом в региональном политическом процессе, ведёт к формированию негативных "психологических эффектов" и "когнитивным искажениям", связанным со снижением важности и значимости общественно-политических решений, посредством цифровых технологий [9, с. 135].

В условиях дискурса дальнейшей цифровизации регионального политического процесса возникают опасения не только кибербезопасности как самих цифровых избирательных технологий, так и самой возможности моделирования и прогнозирования политических отношений в регионе. Более того, многие эксперты в качестве одной из будущих угроз выделяют алгоритмизацию гражданской активности и существенные риски цифрового манипулирования.

Ряд экспертов утверждали, что многие избиратели своё цифровое участие в политически значимых событиях воспринимают в качестве "виртуальной игры" или "игровой имитации". Тем не менее, последнее не следует трактовать как фактор однозначного снижения значимости избирательного процесса, поскольку многие респонденты, как правило, молодые избиратели, не подтверждали, что электронные формы голосования и вообще цифровой формат политического участия, имитирует политику и виртуализирует общественно-политическую активность.

Напротив, данные респонденты отмечали значимость своего дистанционно-электронного голосования, важность своего цифрового политического участия. Заметим, что цифровая трансформация политики рассматривает

проблему геймификации и игрового характера общественно-политического участия как важного элемента нового формата гражданского активизма, специфическую форму, характерную для новой цифровой культуры, "присутствия" в политической жизни общества и реализации своих гражданских обязанностей [23].

Заключение

Дистанционное электронное голосование в рассматриваемом макрорегионе трёх федеральных округов (ЦФО, ПФО, СЗФО РФ) можно характеризовать как технологический ответ на запрос населения по "интерактивному упрощению", удобству и мобильному политическому участию граждан. В то же время технология ДЭГ, как отмечалось выше, существенно трансформировало избирательную кампанию. В региональном политическом процессе данная технология становится важным фактором избирательных стратегий и важнейшим элементом пиар-кампаний.

В ходе исследования были выделены три типичные стратегии, реализуемые в рамках избирательных кампаний с использованием технологии ДЭГ. Первый тип – призывающие активно использовать ДЭГ и голосовать своих сторонников посредством данной технологии. Второй – нейтральное отношение, характеризующееся либо сдержанной критикой ДЭГ, либо умеренной поддержкой данной технологии и не придания большого значения ДЭГ в их политической повестке и избирательной практике. Третий тип – критика технологии ДЭГ и активный призыв своих сторонников к бойкоту последней. В то же время, как было установлено, если ДЭГ реализуется в регионе многократно, третья стратегия оказывается невыигрышной и происходит дрейф в сторону второй стратегии. Манипуляции, проводимые вокруг ДЭГ, сосредоточены главным образом в информационном-медиа поле, что обусловлено использованием фактора ДЭГ как потенциального инфоповода, чтобы создать информационную предпосылку для протестной активности или вызывания скепсиса по отношению к самому формату ДЭГ или избираемым с его использованием представителей власти.

В качестве рекомендаций по легитимации ДЭГ в регионах России следует выделить активизацию практик информирования, просвещения, мониторинга функционирования технологии ДЭГ, а также развития институтов гражданского контроля и объективного наблюдения за функционированием ДЭГ.

Литература / References

1. Аكوпова Т. С. Институты мышления – новый интеллектуальный проект // Социальные и гуманитарные знания. 2020. Т. 6, № 3(23). С. 210–217. <https://doi.org/10.18255/2412-6519-2020-3-210-217>
Akopova T. S. Institutes of thought – a new intellectual project // Social and humanitarian knowledge. 2020. Vol. 6, N. 3(23). P. 210-217. (In Russ.). <https://doi.org/10.18255/2412-6519-2020-3-210-217>
2. Арутюнов А. Г. Реализация и легитимация результатов дистанционного электронного голосования в регионах России: особенности городских и сельских практик // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2023. Т. 25. № 3. С. 738–751. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2023-25-3-738-751>
Arutyunov A. G. Implementation and legitimation of the results of remote electronic voting in the regions of Russia: features of urban and rural practices // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Political Science. 2023. Vol. 25, N. 3. P. 738-751. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2023-25-3-738-751>
3. Баулина А. А. Свидетельство о государственной регистрации программы для ЭВМ № 2023662955 Российская Федерация. "Мониторинг ДЭГ" № 2023662051: заявл. 06.06.2023; опублик. 16.06.2023.
Baulina A. A. Certificate of state registration of a computer program No. 2023662955 Russian Federation. DEG Monitoring No. 2023662051: application 06.06.2023; published 16.06.2023. (In Russ.).
4. Борисов И. Б., Игнатов А. В. Электронное голосование в Эстонии бьет рекорды. Общее и особенное в международном развитии ДЭГ // Избирательное законодательство и практика. 2023. № 1. С. 14–20. <https://doi.org/10.18572/2500-0306-2023-1-14-20>

- Borisov I. B., Ignatov A. V. Electronic voting in Estonia is breaking records. General and special in the international development of DEG // Electoral legislation and practice. 2023. N. 1. P. 14–20. (In Russ.). <https://doi.org/10.18572/2500-0306-2023-1-14-20>
5. Виноградова И. М. Технология дистанционного электронного голосования в России: опыт реализации и дальнейшие перспективы // PolitBook. 2024. № 2. С. 51–76. <https://doi.org/10.24412/2227-1538-2024-2-51-76>
 - Vinogradova I. M. Public administration policy in Russia: the republic's experience and long-term prospects // Politbook. 2024. N. 2. P. 51–76. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2227-1538-2024-2-51-76>
 6. Володенков С. В., Федорченко С. Н., Печенкин Н. М. Особенности формирования мировоззрения в условиях современной цифровой среды: анализ академических дискурсов // Дискурс-Пи. 2023. Т. 20. № 1. С. 8–26. Volodenkov S. V., Fedorchenko S. N., Pechenkin N. M. Features of the formation of a worldview in the modern digital environment: an analysis of academic discourses // Discourse-Pi. 2023. Vol. 20, N. 1. P. 8–26. (In Russ.).
 7. Зубофф Ш. Эпоха надзорного капитализма. Битва за человеческое будущее на новых рубежах власти. М.: Издательство Института Гайдара, 2022. 784 с. Zuboff S. The era of supervisory capitalism. The battle for the human future at the new frontiers of power. Moscow: Gaidar Institute Publishing House, 2022. 784 p. (In Russ.).
 8. Игнатов А. В. Правовые аспекты дистанционного электронного голосования // Избирательное законодательство и практика. 2021. № 1. С. 10–15. <https://doi.org/10.18572/2500-0306-2021-1-10-15> Ignatov A. V. The main experiments of electronic government // Public administration and practice. 2021. N. 1. P. 10–15. (In Russ.). <https://doi.org/10.18572/2500-0306-2021-1-10-15>
 9. Кочетков А. П., Мамычев А. Ю. Цифровая элита: тенденции формирования и развития // Политические исследования. 2024. № 4. С. 13–145. <https://doi.org/10.17976/jpps/2024.04.10> Kochetkov A. P., Mamychyev A. Yu. The digital elite: formation and development trends // Polis. Political research. 2024. N. 4. P. 13–145. (In Russ.). <https://doi.org/10.17976/jpps/2024.04.10>
 10. Кочетков А. П., Мамычев А. Ю., Мордовцев А. Ю. "Цифровой транзит" публично-властных отношений: общие и элитарные характеристики // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2022. Т. 24. № 1. С. 109–134. Kochetkov A. P., Mamychyev A. Yu., Mordovtsev A. Yu. "Digital transit" of public-power relations: general and elite characteristics // Asia-Pacific region: economics, politics, law. 2022. Vol. 24, N. 1. P. 109–134. (In Russ.).
 11. Лонбин Ц. Образ мышления в науке о данных: Наступающая научно-техническая и экономическая революция. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2022. 552 с. Longbin Ts. The way of thinking in data science: The Coming scientific, technical and economic revolution. St. Petersburg: Publishing House of the European University in St. Petersburg, 2022. 552 p. (In Russ.).
 12. Набатникова Е. А. ДЭГ (дистанционное электронное голосование) в Российской Федерации // Умная цифровая экономика. 2022. Т. 2. № 1. С. 26–30. Nabatnikova E. A. DEG (remote electronic voting) in the Russian Federation // Smart digital economy. 2022. Vol. 2, N. 1. P. 26–30. (In Russ.).
 13. Новикова К. Ю. Международное законодательство в области "дистанционного электронного голосования" // Политконсультант. 2023. Т. 3. № 3. С. 1–7. URL: <https://politicjournal.ru/07pk323.html> (дата обращения: 05.05.2024). Novikova K. Y. International legislation in the field of "remote electronic voting" // Political Consultant. 2023. Vol. 3, N. 3. P. 1–7. URL: <https://politicjournal.ru/07pk323.html> (accessed 05.05.2024).
 14. Образ цифрового будущего России: формирование и репрезентации / Под общ. ред. В. В. Зотова, Г. Р. Консона, С. В. Володенкова. М.: МФТИ, 2024. 150 с. The image of Russia's digital Future: formation and representations / Under the general editorship of V. V. Zotov, G. R. Conson, S. V. Volodenkov. Moscow: MIPT, 2024. 150 p. (In Russ.).
 15. Сморгунув Л. В. Политическая онтология цифровизации и государственная управляемость / Ред. Л. В. Сморгунув. М.: Издательство "Аспект Пресс", 2022. 351 с. Smorgunov L. V. Political ontology of digitalization and state governance / Ed. by L. V. Smorgunov, Moscow: Aspect Press Publishing House, 2022. 351 p. (In Russ.).
 16. Урри Дж. Как выглядит будущее. М.: Издательский дом "Дело" РАНХиГС, 2018. 315 с. Urri J. What the future looks like. Moscow: Publishing house "Delo" RANHiGS, 2018. 315 p.
 17. Фёдоров В. И. Возвращение электронного голосования на парламентских выборах в Швейцарии в 2023 году // PolitBook. 2024. № 2. С. 77–92. <https://doi.org/10.24412/2227-1538-2024-2-77-92> Fedorov V. I. The return of electronic voting in the parliamentary elections in Switzerland in 2023 // A. Metamorphoses. 2024. N. 2. P. 77–92. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2227-1538-2024-2-77-92>
 18. Ценность права в условиях цифровой реальности: монография / Общ. ред. Рыбакова О. Ю. М.: Проспект, 2024. 312 с.

- The value of law in the context of digital reality: a monograph / General ed. Rybakova O. Y. M.: Prospekt, 2024. 312 p. (In Russ.).
19. Эра электронной демократии: как устроено онлайн-голосование. URL: <https://www.ridus.ru/news/336071> (дата обращения: 05.05.2024).
The Era of electronic Democracy: how online voting works. URL: <https://www.ridus.ru/news/336071> (accessed 05.05.2024). (In Russ.).
 20. Finogina T., Herranz Ja. On remote electronic voting with both coercion resistance and cast-as-intended verifiability // *Journal of Information Security and Applications*. 2023. Vol. 76. P. 103554. <https://doi.org/10.1016/j.jisa.2023.103554>
 21. O'Neil K. *Weapons of math destruction: How big data increases inequality and threatens democracy*. New York: Crown Publishing Group, 2016. 259 p.
 22. Sereda M. A., Yasyrkina V. A., Malinenko E. V. Remote electronic voting // *Научный Альманах ассоциации France – Kazakhstan*. 2023. N. 6. P. 42–49.
 23. Wulf L. The gamification of political participation // *Moral Philosophy and Politics*. 2019. № 6. P. 261–280.

Информация об авторах

Алексей Юрьевич Мамычев, д-р полит. наук, канд. юрид. наук, заведующий лабораторией политико-правовых и социально-экономических исследований Владивостокского государственного университета, Владивосток, Россия; профессор кафедры российской политики Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия, e-mail: mamychev@yandex.ru

Антон Георгиевич Арутюнов, младший научный сотрудник Владивостокского государственного университета, Владивосток, Россия; аспирант Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия, e-mail: anton.arutyunov.98@mail.ru

Information about the authors

Alexey Yu. Mamychev, Doctor of Political Sciences, Candidate of Law, Head of the Laboratory of Political, Legal and Socio-Economic Research, Vladivostok State University, Vladivostok, Russia; Professor of the Department of Russian Politics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, e-mail: mamychev@yandex.ru

Anton G. Arutyunov, Junior Researcher, Vladivostok State University, Vladivostok, Russia; Postgraduate Student, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, e-mail: anton.arutyunov.98@mail.ru

Поступила в редакцию 23.10.2024

Received 23.10.2024

Одобрена после рецензирования 11.02.2025

Approved 11.02.2025

Принята к публикации 25.02.2025

Accepted 25.02.2025

Научная статья
УДК 327
<https://doi.org/10.29039/1998-6785/2025-1/136-151>

Государства и негосударственные акторы в структуре социально-экономических отношений России и Северной Кореи

Антон Александрович Киреев
Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, antalkir@yandex.ru

Аннотация. В статье дан сравнительный анализ моделей государственного управления социально-экономическими отношениями России и Северной Кореи в их развитии с начала 1990-х по начало 2020-х гг. Прослеживаются различия в воздействии пограничных политик государств на крупные компании, сосредоточенные на официальном уровне трансграничных отношений, и малых акторов, сконцентрированных на их неформальном уровне. Сделан вывод о большей эффективности северокорейской модели управления трансграничными отношениями двух стран, основанной на тесной кооперации государства, госкомпаний и теневого бизнеса.

Ключевые слова: *Россия, КНДР, пограничная политика, трансграничные отношения, санкции, контрсанкционная политика*

Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда № 24-28-00605, <https://rscf.ru/project/24-28-00605/>

Для цитирования: Киреев А. А. Государства и негосударственные акторы в структуре социально-экономических отношений России и Северной Кореи // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2025. Т. 19. № 1. С. 136–151. <https://doi.org/10.29039/1998-6785/2025-1/136-151>

Original article
<https://doi.org/10.29039/1998-6785/2025-1/136-151>

States and non-state actors in the structure of socio-economic relations between Russia and North Korea

Anton A. Kireev
Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, antalkir@yandex.ru

Abstract. The article provides a comparative analysis of the models of public administration of socio-economic relations between Russia and North Korea in their development from the early 1990s to the early 2020s. The article traces the differences in the impact of state border policies on large companies operating at the official level of transborder relations and small actors concentrated at their informal level. It concludes that the North Korean model of managing transborder relations between the two countries, based on close cooperation between the state, state-owned companies and shadow businesses, is more effective.

Key words: *Russia, DPRK, border policy, transborder relations, sanctions, counter-sanctions policy*

The research is accomplished under the Russian Science Foundation, grant No. 24-28-00605, <https://rscf.ru/project/24-28-00605/>

For citation: Kireev A. A. States and non-state actors in the structure of socio-economic relations between Russia and North Korea // Ojkumena. Regional Researches. 2025. Vol. 19. No. 1. P. 136–151. <https://doi.org/10.29039/1998-6785/2025-1/136-151>

Границу с КНДР по праву относят к наиболее необычным участкам пограничного периметра России. При этом до сих пор очень часто своеобразие этого участка границы ассоциируется прежде всего с исключительно высокой степенью его закрытости и жесткостью государственного контроля над пересекающими этот рубеж отношениями. Такое стереотипное представление, тесно связанное с устоявшимся образом застывшего в своем развитии тоталитарного режима КНДР, довольно близко отражает реалии тридцатилетней давности, но едва ли помогает понять современное функционирование границы двух стран. Граница РФ и КНДР и сегодня не утратила глубокой специфики. Однако это вовсе не специфика реликтового явления, пережившего свое время. Она заключена в соседстве двух существенно расходящихся по устройству и величине общественного потенциала систем, которые используют разные модели пограничной открытости, т.е. разные способы государственного управления трансграничной активностью негосударственных акторов.

Целью этого исследования будет выявление особенностей управления активностью негосударственных участников социально-экономических отношений России и КНДР со стороны государственных органов двух стран и применение выявленных особенностей для объяснения тенденций динамики

этих отношений. Рассматриваемые особенности формировались путем длительной, отчасти стихийной, эволюции на основе двух гораздо более сходных моделей пограничной политики, сложившихся в период, когда оба сопредельных государства являлись членами одного (хотя и тогда далеко не однородного) "соцлагеря". Поэтому хронологические рамки исследования охватят три десятилетия истории российско-северокорейских отношений – с момента дипломатического кризиса между СССР и КНДР в 1990 г. до преддверия кардинального поворота во взаимодействии РФ и КНДР, произошедшего в 2024 г. Кросс-национальное сопоставление пограничных политик России и КНДР будет дополняться и уточняться историческим сравнением различных этапов в их развитии.

Статья состоит из двух основных частей и заключения. В первой части статьи будет описана сравнительная эволюция пограничных политик¹ России и КНДР с начала 1990-х по начало 2020-х гг., выделены наиболее значимые изменения в их объектах, целях и методах. Вторая часть будет посвящена характеристике эффектов российской и северокорейской пограничных политик, их воздействия на активность негосударственных участников двусторонних отношений. В заключении автор представит обобщающую оценку роли государственных органов РФ и КНДР в долгосрочной динамике социально-экономических отношений двух обществ.

Козволюция пограничных политик РФ и КНДР

Основные вехи международных отношений РФ и КНДР за последние три десятилетия определялись общей геополитической ситуацией в мире и США и изменениями в трактовке сторонами интересов своей национальной безопасности. Роль России, как геополитически более мощной стороны, в отношениях двух государств, как правило, являлась ведущей. Вместе с тем, и КНДР, опираясь прежде всего на свою ракетно-ядерную программу, время от времени удавалось оказывать на динамику межгосударственного взаимодействия значимое влияние.

Первый крупный период в развитии российско-северокорейских отношений начался еще до распада СССР, когда в 1990 г. советское руководство в целях "разрядки" и преодоления "блоковой конфронтации" пошло на признании РК. Последовавшее за этим аннулирование Москвой союзнических, военно-политических обязательств перед КНДР, привело к резкому охлаждению в межгосударственных отношениях. Северокорейское правительство стало воспринимать Россию как часть враждебного ей империалистического окружения. В свою очередь, российские власти игнорировали КНДР как обреченный на скорое исчезновение пережиток тоталитарного прошлого.

В конце 1995 г. межгосударственные отношения РФ и КНДР вступили в следующий, второй период своей истории. Он характеризовался попытками российской стороны возобновить фактически прерванные контакты с правительством КНДР. Предпосылками к этому были разочарование руководства России в перспективах равноправного участия в клубе "цивилизованных" держав и смена его западочентричного курса на многовекторный. Однако политическая нормализация между РФ и КНДР в 1995–1999 гг. происходила крайне медленно. С российской стороны это было связано с общей недооценкой важности интересов национальной безопасности и представлением о периферийности КНДР в контексте этих интересов. Со стороны же Северной Кореи, этот процесс тормозился сохраняющимся недоверием к постсоветской правящей элите России, сомнениями в ее способности последовательно проводить самостоятельную внешнюю политику.

Переход к третьему периоду в истории межгосударственных отношений двух стран, произошедший в 2000 г., после подписания ими Договора о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве и визита в Пхеньян В. В. Путина, вновь стал результатом изменений прежде всего в политике Москвы. Централизация полномочий, консолидация и расширение ресурсной базы российского правительства способствовали росту его внешнеполитической активности. При этом место первоочередного предмета российской внешней политики за-

¹ Под пограничной политикой в статье понимается деятельность по управлению трансграничными отношениями в территориальных пределах суверенитета данного государства.

няли проблемы национальной безопасности, остроту которых к началу 2000-х гг. не замечать было уже невозможно. В то же время, значение КНДР в ракурсе этих проблем объективно возросло: все более вероятный военный, а тем более ядерный, конфликт на Корейском полуострове и возможное поглощение Северной Кореи союзным США южнокорейским государством представляли серьезную угрозу для восточных регионов России. Осознание этого подталкивало российское руководство к созданию нового, прагматичного механизма взаимодействия с северокорейским режимом, который мог бы обеспечить его политическую и экономическую поддержку.

Межгосударственные отношения РФ и КНДР в 2000–2024 гг.² не отличались стабильностью. Они имели волнообразный характер: спады в них были связаны в основном с принятием Советом Безопасности (СБ) ООН в ответ на развитие ракетно-ядерной программы КНДР очередного пакета санкций³. Участие России в принятии этих санкций (что стало очевидным к концу данного периода) диктовалось не столько ее собственными интересами, сколько неготовностью вступать в прямое противостояние с коллективным Западом и контролируемым им международным сообществом. Тем не менее, общий курс на политическую поддержку КНДР, как необходимого для России компонента в глобальном балансе сил, в этот период не прерывался [2, с. 373–375].

Межгосударственные отношения РФ и КНДР, взаимные внешние политики их правительств являлись каркасом для всех остальных форм взаимодействия сторон. Жесткая внешнеполитическая рамка задавала определенный коридор возможностей для пограничных политик двух стран и, в конечном счете, для регулируемых ими трансграничных, межобщественных отношений. Вместе с тем, пограничные политики РФ и КНДР испытывали воздействие внутренних ситуаций в обеих странах, внутренних политик государств и интраграницных общественных отношений, формировавшихся в борьбе различных трактовок интересов национального развития. В силу такой двойной обусловленности пограничные политики сторон имели собственную, относительно автономную, динамику и периодизацию.

Российская пограничная политика традиционно более тесно связана с внешней политикой и интересами национальной безопасности и мало чувствительна к интересам развития. Эта ее особенность проявляла себя в постсоветский период и на границе с КНДР. В первые годы после распада СССР пограничная политика РФ на этом участке сохраняла, по сути, "реликтовый" характер. Несмотря на резкое сокращение военного присутствия на границе и ее декларируемое "открытие" для международного сотрудничества, главной целью этой политики по-прежнему оставалось обеспечение пограничной охраны и контроля. При этом, эффективность последних существенно снизилась. Начавшаяся стихийная трансформация экономических связей с КНДР российскими властями, как на центральном, так и во многом региональном уровне, в эти годы (1990–1996 гг.) в целом игнорировалась.

Лишь спустя некоторое время после возобновления межправительственных контактов с Пхеньяном, российское правительство приступило, наконец, к реорганизации социально-экономических отношений с соседом. В конце 1996–1997 гг. Россия подписала с КНДР ряд соглашений, касавшихся различных сфер сотрудничества – от инвестиций до культуры. Их стимулирующее воздействие на трансграничные отношения сторон в общем оказалось несущественным. Наибольшее практическое значение среди подписанных документов имело Соглашение о взаимных поездках граждан (январь 1997 г.). Оно впервые переводило въезд и пребывание трудовых мигрантов из КНДР в России на визовую основу. Тем самым российские власти пытались ограничить незаконную деятельность северокорейских граждан на территории страны. Аналогичную задачу решало и заключенное в декабре 1999 г. Соглашение о сотрудничестве в области лесного комплекса. Соглашение возлагало на КНДР обязательства по обеспечению соблюдения гражданами и организациями этой страны российского законодательства, административно-трудового и хозяйственного управления корейской рабочей силой и своевременного вы-

² Летом 2024 г. эти отношения вступили, судя по всему, в качественно новую фазу.

³ Такие пакеты принимались в 2006, 2009, 2013, 2016 и 2017 гг. [23, с. 8–9].

езда ее из РФ [19]. В эти же годы силовые органы занялись выявлением правонарушений со стороны северокорейцев, находившихся в южных регионах РДВ, результатом чего стали выдворения мигрантов и закрытие некоторых представительств КНДР [9, с. 66, 71; 24, с. 85]. Таким образом, реальным, а не декларативным содержанием российской политики в отношении трансграничных связей с КНДР в 1997–2000 гг. было не их развитие, а решение вопросов общественной безопасности, "наведение порядка"⁴.

Договор 2000 г. создал предпосылки для интенсификации социально-экономического сотрудничества сторон. Однако только в 2001 г. было подписано первое соглашение (о сотрудничестве железнодорожных ведомств двух стран [19]), ознаменовавшее переход российской пограничной политики на границе с КНДР от "наведения порядка" к некому новому курсу. Этот курс, проводившийся в 2001–2013 гг., можно назвать политикой "корпоративного сотрудничества". Ее суть состояла в продвижении Россией масштабных проектов по созданию трансграничной инфраструктуры с участием крупного бизнеса. Предполагалось, что их реализация будет происходить на трехсторонней основе (РФ, КНДР, РК) и поспособствует не только решению социально-экономических задач, но и поддержанию мира и безопасности на Корейском полуострове. К числу важнейших инициатив подобного типа можно отнести проекты транскорейских железной дороги, газопровода и энергомострали [3].

Значительно меньше внимания российские власти в этот период уделяли развитию двусторонних связей на уровне малого и среднего бизнеса и населения. Наиболее примечательным шагом в данной сфере стало подписание в августе 2007 г. Соглашения о временной трудовой деятельности граждан одного государства на территории другого государства. Это Соглашение расширило возможности трудоустройства граждан КНДР в России, разрешив наем северокорейских рабочих не только российским юридическим, но и физическим лицам [19; 24, с. 86]. Этим документом, российской сторона, по существу, легализовала практику, которая к тому времени (с одобрения властей КНДР) была уже достаточно широко распространена.

Политика "корпоративного сотрудничества" 2001–2013 гг. в целом не оправдала связывавшихся с нею ожиданий. Ограниченность экономических возможностей КНДР и застарелая позиция, занятая РК, не позволили реализовать ни одного из продвигавшихся Россией инфраструктурных проектов. Единственным осязаемым их результатом стало строительство в 2008–2013 гг. участка железной дороги от Хасана до Раджина и реконструкция к 2014 г. угольного терминала в порту последнего. Определенным успехом России явилось также утвержденное в 2014 г. после длительных переговоров соглашение об урегулировании задолженности КНДР по кредитам [1, с. 592–593; 26, с. 284–288]. Решение проблемы долга создавало условия для предоставления Пхеньяну новых кредитов и оживления торгово-инвестиционного сотрудничества. Однако очередное изменение международно-политической ситуации на Корейском полуострове помешало дальнейшему расширению трансграничных связей сторон.

После наложения СБ ООН, сначала в 2013, а затем в 2016 и 2017 гг., широких запретов на международные расчеты, экспорт и импорт товаров и вывоз рабочей силы КНДР [23, с. 8–9], взаимодействие российских компаний с этой страной было практически парализовано. Социально-экономические отношения между двумя странами во многом вернулись к тем формам и объемам, которые были характерны для них в 1990-е гг. В условиях ухода трансграничных потоков "в тень" на первое место в российской пограничной политике вновь вышли правоохранительные задачи, приоритет "наведения порядка". При этом, в отличие от периода 1997–2000 гг., когда подобный курс обосновывался интересами собственной безопасности России, в 2014–2017 гг. он мотивировался в неменьшей степени взятыми ею на себя международными обязательствами. Хотя в этот период сторонам удалось подписать ряд новых правовых документов (в т.ч. в сфере транспортного и энергетического сотрудничества), их реализация (за исключением договоров, посвященных борьбе с трансграничной преступностью) была заморожена [17; 19].

⁴ Об алармистских настроениях в отношении мигрантов из КНДР на РДВ см. [27].

Переломным в политике России на границе с КНДР стал 2018 г. Показательно, что осенью этого года российские представители впервые поставили перед СБ ООН вопрос о смягчении санкционного режима в отношении Северной Кореи [1, с. 594; 26, р. 286]. К этому моменту Россия сама оказалась в плотном кольце разнообразных ограничений, вызванных событиями на Украине. При этом, как показало принятие в США в октябре 2017 г. закона СААТSA⁵, режим антироссийских санкций получил долгосрочный и экстерриториальный статус. Нарастающее давление со стороны Запада подталкивало российское руководство к переоценке своего участия в санкциях против КНДР.

Под влиянием этих факторов в 2018–2024 гг. складывается новая модель регулирования трансграничных отношений с КНДР – политика "параллельного сотрудничества". Она состояла в поощрении (постепенной дебарьеризации) наряду с официальными, формальными отношениями между крупными компаниями, менее формализованных двусторонних связей с участием малого и среднего бизнеса. Масштаб таких участников трансграничных отношений, их непубличность, "невидимость" в международном информационном поле, позволяли им выстраивать различные схемы обхода торговых, инвестиционных и миграционных барьеров, непреодолимых на официальном уровне. Для российского правительства, которое, с одной стороны, не могло добиться снятия санкций с КНДР, а с другой, пока не было готово на их открытое нарушение, подобная двухуровневая пограничная политика была способом сохранения сотрудничества с важным во многих аспектах, но "неудобным" соседом [17; 20, с. 117].

По существу, политику "параллельного сотрудничества" можно рассматривать как специфическую форму контрсанкционной политики. Она стала апробацией ряда мер по смягчению негативного эффекта санкций еще до того, как эти меры получили законодательное оформление и нашли применение на других участках российского пограничного периметра.

В эволюции пограничной политики КНДР есть немало сходного с эволюцией российской пограничной политики. Это не удивительно, учитывая их "родственное" историческое происхождение, наличие общего международно-политического контекста и взаимную сопряженность их объектов – трансграничных отношений. И тем не менее, черты сходства не могут сгладить значительного своеобразия пограничной политики КНДР, обусловленного спецификой самого северокорейского общества.

В истории пограничной политики КНДР также присутствовал свой "реликтовый" период. В 1990–1994 гг. курс северокорейской пограничной политики оставался в высокой степени консервативным: довольно узкие по своей географической и отраслевой структуре внешнеэкономические связи находились в ведении ряда крупных государственных организаций, которые управляли ими административными методами под жестким контролем правительства. Консерватизм, впрочем, не означал отсутствия всякого развития. Напротив, нараставшие проблемы в экономике толкали руководство страны к различным новациям в пограничной политике с 1970-х гг. [16, с. 9–10]. Того же требовали и рыночные преобразования, развернувшиеся сначала в соседнем Китае, а затем в СССР/РФ. Однако до 1994 г. предпринимавшиеся Пхеньяном реформы были скорее точечными, чем системными.

Для того, чтобы в управлении трансграничными связями КНДР произошли действительно крупные изменения, понадобился мощный шок. Таким шоком для уже давно деградировавшей северокорейской экономики стали стихийные бедствия 1994–1996 гг. Дезорганизовав систему государственного распределения продовольствия и вызвав массовый голод, они вынудили власти пойти на чрезвычайные меры, фактически открывшие дорогу формированию теневого рынка. Частью этих мер явилось открытие для негосударственных акторов и сферы внешнеэкономической деятельности [11, с. 95; 16, с. 4–7].

Новый курс в управлении внешними связями, к которому пришлось перейти КНДР, по аналогии с рассмотренным выше периодом в истории российской пограничной политики, можно назвать "параллельным сотрудниче-

⁵ Адресатами закона были Россия, Иран и КНДР.

ством". Он также предполагал двухуровневую организацию отношений, на "верхнем", официальном этапе которых были сосредоточены крупные акторы, работавшие в основном в институционализированном, юридически регламентированном поле, а на "нижнем", неформальном этапе – акторы меньшего масштаба, действовавшие преимущественно в сетях из вне- или нелегальных договоренностей. Вместе с тем, политика "параллельного сотрудничества" по-северокорейски имела (и имеет) важные особенности. Во-первых, в системе социалистического типа официальными участниками трансграничного сотрудничества могли быть лишь организации государственной формы собственности. (В России акторами этого уровня выступали компании частного типа или с государственным участием). Во-вторых, в КНДР акторы, действующие на неформальном уровне, были лишены какого-либо правового статуса, т.е. являлись в полной мере "теневыми". (В российском случае неформальные трансграничные практики вполне могли сочетаться с наличием у их участников регистрации и определенной правовой формы). В-третьих, неформальные трансграничные акторы в КНДР обычно плотно встроены в структуру государственных организаций и в высокой степени контролируются органами власти. (В России связи между акторами разного уровня, как правило, слабы, а реальный контроль государства над участниками неформальной экономической деятельности незначителен).

Хронологические рамки северокорейской политики "параллельного сотрудничества" условно очерчиваются периодом с 1995 по 2024 гг. Судя по всему, этот период не был совершенно однородным, но недостаток информации не позволяет провести его четкую внутреннюю дифференциацию. Так или иначе, резких изменений в пограничной политике КНДР в этом временном интервале не наблюдалось. Скорее можно говорить о медленной и не вполне последовательной эволюции этой политики в направлении расширения возможностей негосударственных акторов трансграничных отношений.

Первоначально, в наиболее тяжелые годы экономического кризиса в КНДР, политика "параллельного сотрудничества" имела в основном "попустительский" характер. Органы власти по сути "закрывали глаза" на неформальную трансграничную деятельность, предоставляя гражданам самим находить способы выживания в сложившихся условиях [16, с. 11]. Такого рода попустительство было возможным в том числе ввиду мелкого масштаба и малой прибыльности подобной деятельности.

По мере восстановления северокорейской экономики к концу 1990-х – началу 2000-х гг. плотность государственного контроля над неформальным уровнем трансграничных отношений и степень его упорядоченности постепенно повышались. Вместе с тем, государство открывало перед негосударственными акторами новые экономические возможности. В результате реформ 2002–2003 гг. в КНДР была фактически разрешена частная торговля, повышена самостоятельность госпредприятий и расширена сфера приложения иностранных инвестиций [2, с. 231, 242; 11, с. 95]. Поскольку продукция госпредприятий на внешнем рынке, как правило, оказывалась неконкурентоспособной, а интерес иностранных, в т.ч. российских, инвесторов к Северной Корее был недостаточно высок [21, с. 427–430], главной движущей силой внешнеэкономических связей КНДР продолжали оставаться их неформальные участники, мелкие частные предприниматели. На российском направлении их активность сосредотачивалась, прежде всего, в области трудовой миграции и челночной торговли.

Осуществлять контроль над неформальными акторами и в определенной мере управление ими властям КНДР позволяет сложившаяся уже в 2000-е гг. своеобразная система кооперации между официальными участниками трансграничных отношений и разного рода "частниками". В ее рамках государственные предприятия и организации, обладающие лицензиями на внешнеэкономическую деятельность, создают на территории другой страны необходимую правовую, институциональную и финансовую инфраструктуру, заключая соглашения и контракты, учреждая представительства, дочерние компании, совместные предприятия и т.д. На базе этой инфраструктуры свою неформальную рыночную активность в принимающей стране разворачивают "частники", действующие индивидуально, в формате рабочих бригад или даже зарегистрированных фирм. Формально входя в состав государственных

организаций, фактически такие акторы могут действовать весьма самостоятельно и инициативно⁶. При этом за предоставленные возможности, защиту и покровительство они несут перед государством фискальную ответственность, передавая большую часть выручки курирующей организации [2, с. 240–241; 16, с. 9–10; 28, р. 164–170].

Осознавая трудности реализации крупных проектов, требующих больших вложений и сопряженных с возможными международными осложнениями, основную ставку руководство КНДР делает на налаживание отношений с субнациональными контрагентами. Еще во второй половине 1990-х гг. оно приступило к подписанию соглашений о сотрудничестве с властями регионов и городов РДВ. Кроме того, правительство КНДР поощряет установление взаимных горизонтальных (в т.ч. побратимских) связей регионов, муниципалитетов, предприятий и организаций двух стран [20, с. 106–107]. Эта парадипломатия также формирует благоприятную политико-правовую среду для развития средних, малых и индивидуальных форм трансграничного бизнеса.

В 2012–2015 гг., в ходе очередного раунда экономических реформ в КНДР, число госпредприятий, допущенных к участию во внешнеэкономической деятельности, значительно увеличилось, а их права в этой сфере были расширены. При этом государство не пошло на легализацию фактически существующего в стране частного бизнеса [2, с. 231–237]. Таким образом, частное предпринимательство в КНДР по-прежнему могло развиваться только в рамках теневого, неформального сектора, функционирующего в тесной кооперации с официальной экономикой. В управлении трансграничными отношениями это означало продолжение политики "параллельного сотрудничества". Судя по всему, ключевыми факторами сохранения этого курса были не спадающая международная напряженность вокруг КНДР и ужесточение санкционного режима.

Негосударственные участники российско-северокорейских отношений

Параллельная, двухуровневая организация трансграничных отношений между Россией и КНДР проявляла себя не только в различной степени их нормативно-правовой формализации на каждом из уровней. Акторы, действовавшие на официальном (прежде всего, крупные компании) и неформальном (в первую очередь, средний, малый бизнес и население) уровнях, играли различную роль в общей динамике этих отношений и по-разному реагировали на политику государств. Кроме того, помимо уровневых различий, в поведении и взаимодействии участников трансграничных отношений присутствовали и национальные особенности, обусловленные не только спецификой политик двух стран, но и социокультурными факторами.

В правительственной риторике РФ и КНДР именно крупным компаниям обычно отводится роль лидеров, локомотивов двустороннего сотрудничества. Впрочем, с российской стороны вовлечение в это сотрудничество крупного бизнеса началось в основном лишь в 2000-е гг., под прямым влиянием изменений в межправительственных отношениях. В это время объективная и имиджевая привлекательность КНДР для российских компаний была крайне низкой. Дефицит рыночной мотивации в таких условиях мог быть восполнен только специальными стимулами, создаваемыми государством. Поэтому активизация крупного бизнеса на северокорейском направлении шла рука об руку с укреплением его связей с государственными структурами, с появлением у последних эффективных административных и налоговых рычагов воздействия на первый. Результатом работы этих рычагов было то, что компании, сотрудничавшие с КНДР, как правило, одновременно выступали в двух ипостасях – рыночных игроков и агентов государственной власти.

В 2001–2013 гг. развитие торговых и инвестиционных связей с КНДР планировали десятки российских корпораций. Однако реализация этих планов натолкнулась на целый ряд препятствий, включая низкое качество товаров из КНДР, неплатежеспособность северокорейских партнеров и частое невыполнение ими своих обязательств. Кроме того, властям двух стран долгое время не удавалось решить проблему кредитной поддержки сотрудничества и предоставления банковских гарантий [21, с. 427–432]. Сильный удар по

⁶ В пределах политически установленных приоритетов и запретов.

активности корпоративного сектора был нанесен введением с 2013 г. серии дополнительных, финансовых и торговых, международных санкций.

В итоге постепенного сужения круга крупных компаний, сотрудничающих с Северной Кореей, к концу 2010-х гг. единственным российским корпоративным инвестором в эту страну осталось ОАО "РЖД". Устойчивость связей РЖД с КНДР с очевидностью обусловлена высокой степенью государственного участия в управлении этой компанией и явным преобладанием в нем стратегического целеполагания над рыночными интересами. Если судить по динамике экспорта России (рис. 1), рост активности крупного российского бизнеса на северо-корейском направлении прекратился еще во второй половине 2000-х гг. Впрочем, следует учитывать, что официальная статистика двусторонней торговли существенно неполна и не включает в себя экспорт России, идущий в КНДР через третьи страны [29, р. 4].

С формальной точки зрения, крупные северо-корейские компании, участвующие в отношениях с Россией, не могут считаться негосударственными акторами. Однако, принимая во внимание сложность их структуры и интересов, оперативную самостоятельность и самокупаемость, их можно рассматривать в качестве "псевдогосударственных" или государственно-частных субъектов [16, с. 7–12], во многом сопоставимых в этом плане с российскими корпорациями с государственным участием.

В 1990-е гг. государственная промышленность КНДР попала в крайне тяжелое положение. Накопленная технико-технологическая отсталость, дефицит финансовых ресурсов, сокращение поставок сырья и не уменьшавшееся бремя оборонного строительства угрожали ей полным коллапсом. В этой ситуации способом адаптации для многих госпредприятий (с молчаливого одобрения властей) стал поиск внешних, трансграничных источников выживания. Поскольку развитию товарной торговли препятствовала низкая конкурентоспособность северо-корейской продукции, а привлечение иностранных инвесторов сдерживалось высокими издержками и рисками, доминирующее место во внешнеэкономической деятельности предприятий со второй половины 1990-х гг. занял вывоз рабочей силы.

Северо-корейские компании, добившиеся успеха в экспорте рабочей силы в Россию, в 2000-е гг. эволюционировали в сложноорганизованные зонтичные структуры, замыкающие на себя работу большого числа связанных с ними бизнесов. На территории КНДР подобные компании осуществляли набор и подготовку работников определенной специальности. Крупными партиями по контрактам (через представительства или напрямую) эти работники направлялись в Россию, в дочерние компании, на совместные или российские предприятия. При этом зачастую прямые получатели рабочей силы в России были лишь промежуточным звеном, посредниками в этой экономической цепочке. Официально трудоустроенные на них рабочие из КНДР более мелкими партиями или по одиночке могли переходить к другим работодателям, уже без соблюдения каких-либо формальностей, нередко на основе устных договоренностей. Компании-отправители трудовых мигрантов и, в конечном счете, власти КНДР были заинтересованы в существовании такой многоступенчатой, разветвленной и полуполюгальной сети трудовых отношений, т.к. она обеспечивала более интенсивное использование рабочей силы и больший объем поступлений от него в государственный бюджет. По оценкам экспертов, фиксированные выплаты трудовых мигрантов, работавших в России, в пользу государства могли достигать в 2005–2015 гг. 200 млн. долл. в год, что значительно превышало стоимость северо-корейского экспорта товаров в Россию [1, с. 239; 15, с. 209–221; 28, р. 168]. Следует отметить, что данная система экспорта рабочей силы могла функционировать лишь при содействии представителей миграционных и правоохранительных органов и местных администраций принимающей страны, для которых она стала постоянным источником незаконной ренты [22, с. 83–89]⁷.

По мнению многих исследователей, доходы от трудовой миграции направляются северо-корейским режимом на покрытие дефицита внешней тор-

⁷ С административным взяточничеством организация трудовой миграции связана и на территории КНДР, однако с этой стороны границы ее основным бенефициаром выступает государственная казна.

говли и военных расходов. Однако, по-видимому, уже в 2000-е гг. некоторую часть от этих доходов правительство КНДР оставляло в распоряжении компаний, организующих миграцию, в целях инвестирования в России. Именно такого рода инвестициями может быть обусловлено быстрое увеличение числа предприятий с северокорейским капиталом в России с середины 2000-х гг. [10, с. 115; 14, с. 64]. Судя по всему, отдача от реинвестирования доходов от экспорта рабочей силы в новые бизнесы в России оправдывала такие изменения в деятельности северокорейских компаний.

Здесь следует упомянуть о характерной для КНДР в последние годы тенденции формирования т.н. "протоцеболей" – крупных централизованных многоотраслевых компаний, претендующих на роль флагманов экономики страны. Успешные экспортеры рабочей силы имеют все шансы для развития по этому пути. Тесно связанные с внешним рынком, консолидирующие значительные человеческие и финансовые ресурсы, соединяющие в своей структуре принципы иерархической и сетевой организации, они в обозримом будущем (при благоприятных условиях) могут стать основой для создания северокорейских ТНК⁸. По-видимому, такой сценарий вполне соответствует планам правительства КНДР.

Поведение российских и северокорейских участников трансграничных отношений на неформальном уровне было во многом сходно с особенностями их активности на уровне официальном. Как и крупные компании, российский малый и средний бизнес не смог обеспечить себе сколько-нибудь заметного присутствия в экономике КНДР. Хотя для предприятий РДВ, в особенности Приморского края, рынок КНДР, безусловно, представлял большой интерес, отсутствие государственной поддержки и содействия со стороны крупного бизнеса не позволили им до конца 2010-х гг. закрепиться на этом рынке. Во взаимодействии с северными корейцами, происходившем в основном на территории России, небольшие российские предприятия (не говоря уже о населении) выступали более пассивной, ведомой стороной. Пространственная асимметрия трансграничных отношений на неформальном уровне была выражена еще сильнее, чем на официальном⁹, что неизбежно должно было привести и к большему неравенству в распределении выгод от сотрудничества.

Участие российского малого и среднего бизнеса, а также населения (в особенности регионов РДВ) в социально-экономических отношениях с КНДР сводилось к найму иностранных работников (*рис. 2*), организацию труда которых они контролировали, как правило, в минимальной степени. Их роль в качестве поставщиков товаров и услуг и источника инвестиций в двусторонних связях была в целом незначительной. Некоторый рост торговой активности дальневосточного, прежде всего, приморского, бизнеса на северокорейском направлении наметился лишь в 2010-е гг. (*рис. 1*). Такое инертное поведение российских контрагентов вполне устраивало северокорейскую сторону, заинтересованную в возможно более непосредственном доступе к необходимым ей ресурсам. Распространенным способом избавления от ненужных посредников в этих условиях стало создание фирм, зарегистрированных на граждан РФ, но фактически управляемых выходцами из соседней страны.

Низкая активность российских акторов неформального уровня во многом объяснялась позицией, занятой государством. На протяжении большей части постсоветского периода региональный малый бизнес, в особенности (в силу приграничного положения) имевший внешнеэкономические интересы, являлся объектом систематического административного и фискального прессинга. На РДВ эта политика, проводившаяся в целях "декриминализации" и "борьбы с коррупцией", была сфокусирована, прежде всего, на трансграничной "серой" и челночной торговле [6, с. 336–346]. Ее реализация привела к концу 2000-х гг. не столько к "обелению", легализации неформальных трансграничных операций, сколько к падению их объемов. Отход российского правительства от стратегии подавления неформальной экономики наметил-

⁸ Одним из наиболее вероятных кандидатов в "цеболы" является компания "Рыннадо", специализировавшаяся ранее в сфере трудовой миграции [1, с. 235–237].

⁹ Число трудовых мигрантов из России в КНДР (по-видимому, технических специалистов) не превышало нескольких сотен человек в год.

ся лишь в конце 2010-х гг. под влиянием усиления антироссийских санкций, главной жертвой которых стали крупные публичные компании.

Правительство КНДР, как уже отмечалось, отказалось от репрессивной политики в отношении неформальных участников трансграничных отношений еще в середине 1990-х гг. Выстроенная им система кооперационных отношений между государством, госпредприятиями и теневым малым бизнесом базировалась на представлении, что последний является не угрозой, но важным фактором развития экономики страны.

В обмен на регулярные фиксированные выплаты и сохранение лояльности режиму правительство и представляющие его интересы госпредприятия де-факто предоставили гражданам КНДР широкую свободу трансграничной экономической деятельности. Первоначально эта свобода распространялась на трудоустройство за рубежом и выражалась в возможности самостоятельного поиска работодателя и определении, по соглашению с ним, условий, организации и оплаты труда. Решение этих вопросов вскоре сосредоточилось в руках формально занятых на госпредприятиях (в их представительствах, филиалах), но фактически в той или иной мере независимых предпринимателей ("бригадиров", "капитанов"), выполнявших функции менеджеров в отношении северокорейских рабочих и брокеров-посредников во взаимодействии с российскими работодателями и административными структурами. Кроме того, государство дало возможность трудовым мигрантам ввозить в страну заработанную наличную валюту и приобретенные на нее товары. Ввезенная валюта и средства от продажи на внутреннем рынке российских товаров позволяли части мигрантов создавать в КНДР свои малые предприятия [15, с. 214–215; 22, с. 83–87].

В начале 2000-х гг. расширение свободы трансграничного предпринимательства охватило и производственную деятельность. Для прослойки неформальных предпринимателей, накопивших капитал и связи в сфере экспорта рабочей силы, стала доступна регистрация своих фирм на территории России. В результате число северокорейских предприятий начало быстро расти. Если еще в первой половине 2000-х гг. даже в приграничных регионах РДВ они были единичны [9, с. 68], то к 2018 г. в России их насчитывалось до 300¹⁰. При этом лишь 15% от зарегистрированных в России к 2018 г. северокорейских компаний (в основном средних и малых) были учреждены предприятиями из КНДР, тогда как остальные принадлежали частным лицам. Подавляющая часть из 300 компаний были основаны на северокорейском капитале, и только около 10% имели форму совместных предприятий [18].

За 2000-е – 2010-е гг. северокорейский бизнес в России достиг значительной отраслевой и географической диверсификации. Времена, когда граждане КНДР были заняты преимущественно в лесной отрасли, остались в прошлом. К концу 2010-х гг. ведущей сферой их деятельности в России стало строительство. Кроме того, северокорейские предприятия присутствуют в таких отраслях как торговля, общественное питание, легкая и обрабатывающая промышленность, сельское хозяйство и медицина. Хотя юг РДВ по-прежнему имеет для предпринимателей из КНДР важное значение (только в Приморском крае зарегистрировано 70 из 300 северокорейских компаний), их фирмы размещены во многих регионах Сибири и европейской части России, а лидером по их количеству выступают Москва и Московская область [18].

Безусловно, степень контроля властей КНДР над активностью северокорейского малого и среднего бизнеса в России не следует преувеличивать. С управленческой точки зрения сеть этого бизнеса высоко децентрализована, а финансовая поддержка ее со стороны правительства (в виде разрешений на реинвестирование части прибыли), судя по всему, невелика. Более того, часть неформальной северокорейской экономики в России является для властей КНДР ненаблюдаемой или прямо криминальной, и в своем развитии от их действий практически не зависит. Тем не менее, без учета пограничной политики Пхеньяна объяснить широкую экспансию северокорейского бизнеса на российскую территорию было бы трудно. Выраженная асимметрия трансграничных отношений двух стран на неформальном уровне свидетельствует

¹⁰ В 2019–2022 гг. миграционные санкции и пандемийная самоизоляция КНДР уменьшили количество этих предприятий.

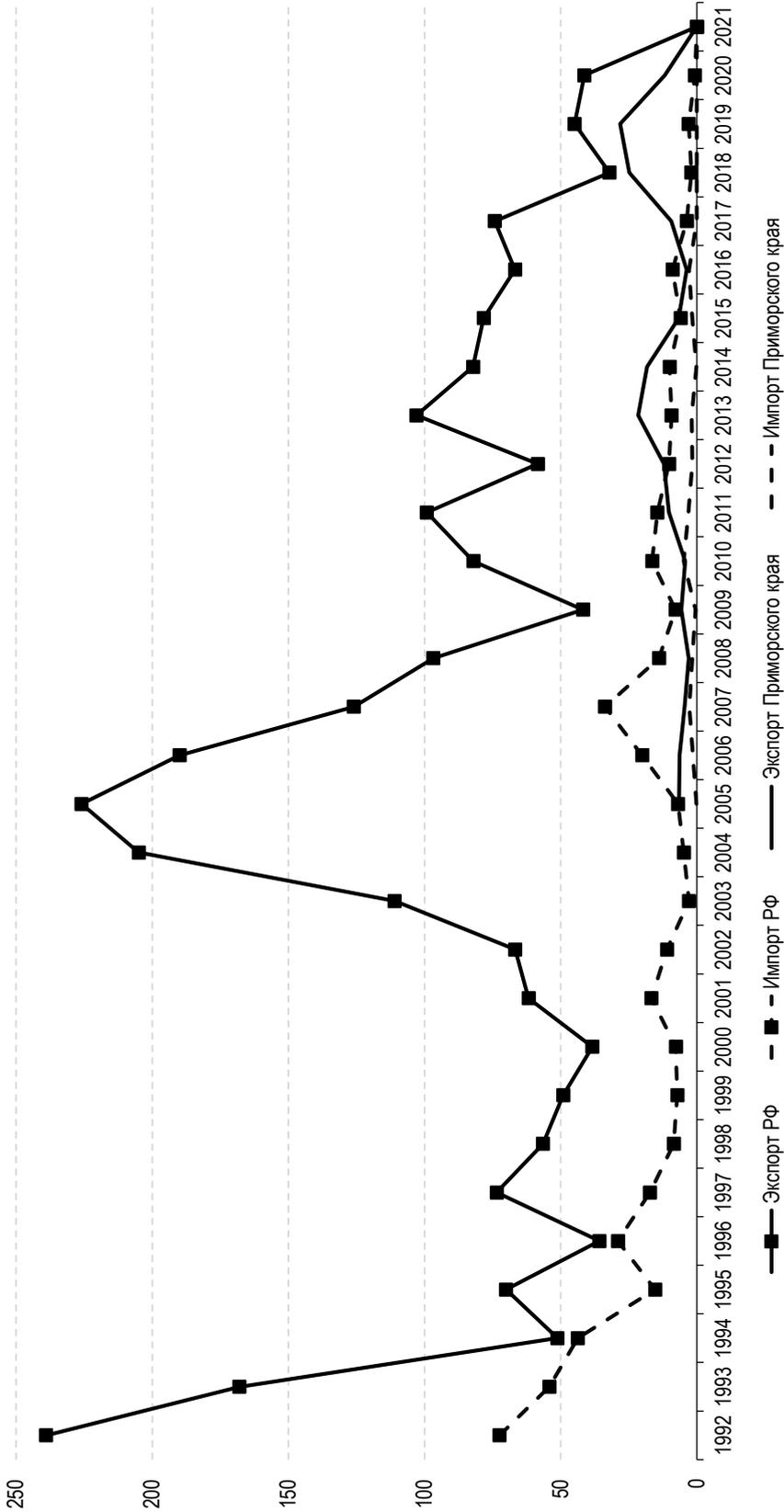

Рис. 1. Динамика торговли России и Приморского края с КНДР (1992–2021 гг.), в млн долл.

Fig. 1. Dynamics of Russia and Primorsky Territory trade with the DPRK (1992–2021), in million dollars.

Источник: [5; 25].

Source: [5; 25].

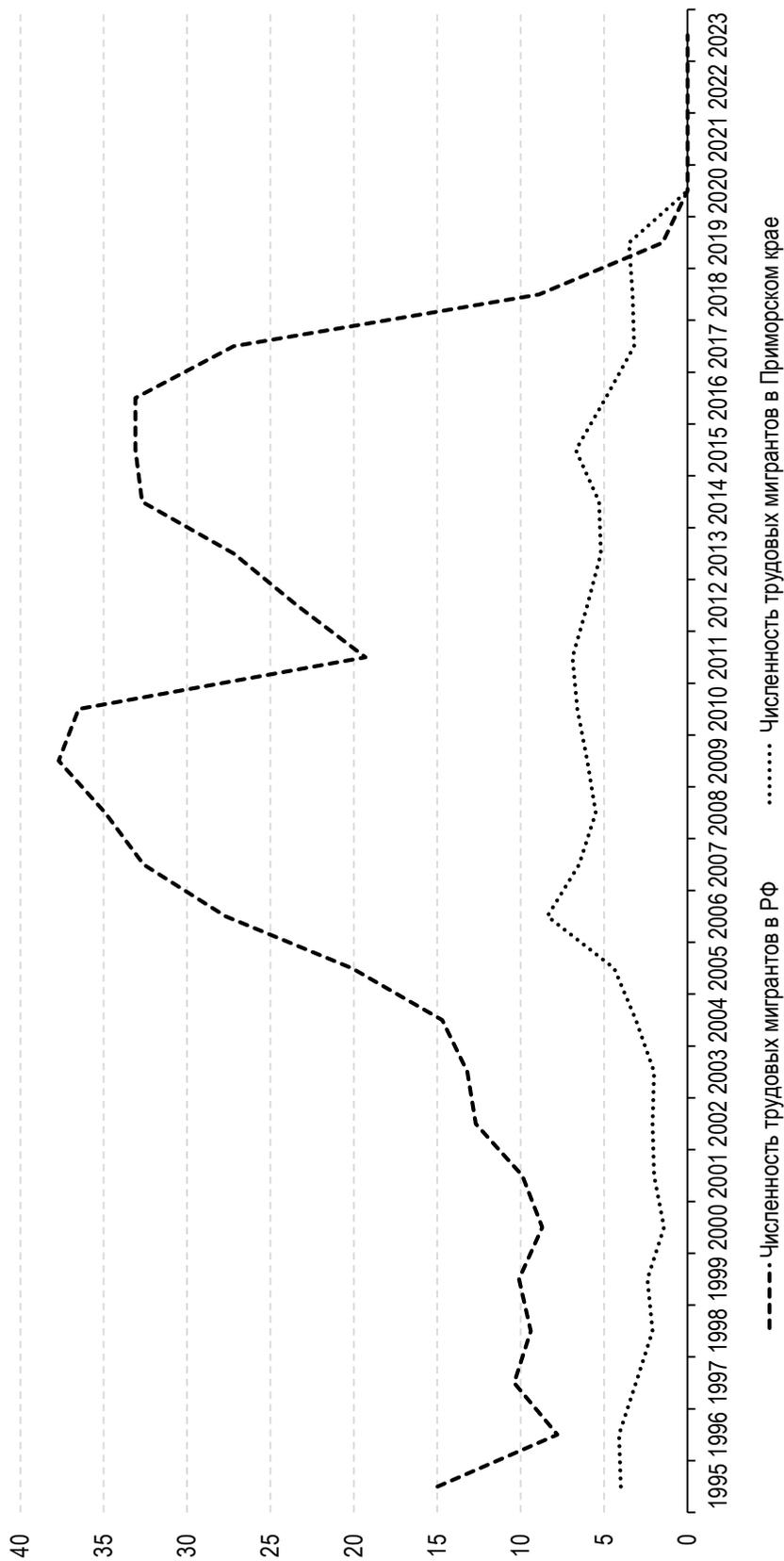

Рис. 2. Динамика трудовой миграции из КНДР в Россию и Приморский край (1995–2023 гг.), в тыс. чел. (данные УМВД по Приморскому краю).
 Источник: [4, с. 219; 7; 8; 12, с. 38; 13, с. 214; 25]. Примечание: численность мигрантов с разрешениями на работу в течение года (за 2011–2013 и 2019 гг. в РФ – на конец года).
 Fig. 2. Dynamics of labor migration from the DPRK to Russia and Primorsky Territory (1995–2023), in thousands of people.
 (data from Department of the Ministry of Internal Affairs for Primorsky Territory).
 Source: [4, p. 219; 7; 8; 12, p. 38; 13, p. 214; 25]

о том, что модель взаимодействия между государством и негосударственными акторами этого уровня, реализованная со стороны КНДР, оказалась существенно более эффективной.

Заключение

Результаты анализа особенностей взаимодействия государств и негосударственных акторов в структуре отношений России и КНДР изучаемого периода можно свести к нескольким обобщающим тезисам:

1) После реанимации межгосударственных контактов с Пхеньяном в середине 1990-х гг. пограничная политика России характеризовалась чередованием попыток стимулирования сотрудничества с соседом на корпоративном уровне и всплесков озабоченности по поводу исходящих с его стороны угроз международной и внутренней безопасности. Лишь с конца 2010-х гг. антироссийские санкции и внешнеэкономический разворот на Восток стали побуждать Москву к выстраиванию более комплексной, многоуровневой структуры отношений с КНДР;

2) Критическое состояние экономики КНДР вынудило ее руководство принять меры к дебарьеризации и интенсификации своих социально-экономических отношений с внешним окружением (прежде всего, Китаем и Россией) значительно раньше – уже во второй половине 1990-х гг. В результате в 2000-е гг. сформировалась гибкая система разноуровневых акторов этих отношений – от крупных "псевдогосударственных" компаний до индивидуальных "частников", – связанных вертикальной и горизонтальной кооперацией, функционирующая под общим контролем и стратегическим управлением государства;

3) Эффект от привлечения правительством РФ (с начала 2000-х гг.) к сотрудничеству с КНДР корпоративного бизнеса оказался в целом незначительным. Высокие экономические, политические, а затем и международно-политические (санкционные) издержки и риски стали непреодолимым барьером для большинства крупных публичных компаний, планировавших торговую и инвестиционную деятельность на этом направлении;

4) Внешнеэкономические возможности крупных северокорейских предприятий были жестко лимитированы их технико-технологической отсталостью, недостатком валютных средств и санкционными ограничениями. Обойти эти препятствия госкомпаниям КНДР позволили специализация на экспорте рабочей силы и налаживание связей с появившимися в сфере трансграничных отношений со второй половины 1990-х гг. частными предпринимателями;

5) В структуре трансграничных отношений с КНДР средний и малый бизнес и население приграничных регионов России играют малоактивную и в целом несущественную роль. Ключевым фактором этого является длительная история административного и фискального подавления трансграничной деятельности, которая рассматривалась государством прежде всего в ракурсе правопорядка и национальной безопасности;

6) С северокорейской стороны неформальные участники трансграничных отношений стали их главной движущей силой. Возникнув в среде мигрантов, занятых на лесозаготовительных предприятиях юга РДВ, северокорейское трансграничное предпринимательство в России эволюционировало в обширную сеть частично легализованных бизнесов с разветвленной географической и отраслевой структурой. Его быстрое развитие было во многом обусловлено покровительством и поддержкой властей КНДР, видевших в неформальной экономике важный источник пополнения бюджета и инструмент преодоления международных санкций.

Более высокая эффективность пограничной политики КНДР в продвижении своих интересов в отношениях с Россией сама по себе, конечно, не делает ее образцом для подражания. Северокорейская модель развития трансграничных отношений глубоко специфична. Она возникла в условиях вождистского авторитарного режима и бедного, в значительной мере ещё аграрного, общества с сильными коллективистскими традициями. Сложившаяся в КНДР смешанная, "квазикапиталистическая" экономика соединяет в себе интенсивную эксплуатацию наемных работников с изъятием львиной доли произведенного продукта в пользу государства. Тем не менее, КНДР удалось создать высоко интегрированную экономическую систему, которая

благодаря тесным связям между государственными и частными, официальными и неформальными акторами разного типа, максимально полно использует свой объективно ограниченный потенциал. В исключительно неблагоприятной международной обстановке эта система даёт стране возможность не только выживать, но и активно развиваться, осваивая внешние рынки. С этой точки зрения, для российских властей, делающих первые осторожные шаги в направлении превращения неформальных трансграничных практик малого и среднего бизнеса в инструмент контрсанкционной политики, опыт Северной Кореи в данной сфере представляет несомненный интерес.

Литература / References

1. Асмолов К. В., Захарова Л. В. Отношения России с КНДР в XXI веке: итоги двадцатилетия // Вестник РУДН. Международные отношения. 2020. № 3. С. 585–604.
Asmolv K. V., Zakharova L. V. Russia's Relations with the DPRK in the 21st Century: Results of Twenty Years // Bulletin of RUDN. International Relations. 2020. No. 3. P. 585–604. (In Russ.).
2. Асмолов К. В., Захарова Л. В. Современная Северная Корея: первое десятилетие эпохи Ким Чен Ына (2012–2021): монография. М.: ИККА РАН, 2022. 440 с.
Asmolv K. V., Zakharova L. V. Modern North Korea: The First Decade of the Kim Jong-un Era (2012–2021): Monograph. Moscow: ICMA RAS, 2022. 440 p. (In Russ.).
3. Бардаль А. Б., Демьяненко А. Н., Дёмина О. В., Дёмина Я. В., Ломакина Н. В., Минакир П. А. К вопросу о трёхстороннем экономическом сотрудничестве Республики Корея, КНДР и России // Регионалистика. 2018. Т. 5. № 6. С. 18–36.
Bardal A. B., Demyanenko A. N., Demina O. V., Demina Ya. V., Lomakina N. V., Minakir P. A. On the Issue of Trilateral Economic Cooperation between the Republic of Korea, the DPRK, and Russia // Regionalistics. 2018. Vol. 5. No. 6. P. 18–36. (In Russ.).
4. Ващук А. С. Трудовые мигранты из КНДР на Дальнем Востоке России в 2007–2017 гг. // Миграционные процессы и их влияние на демографическое и социально-экономическое развитие Дальнего Востока: Сб. трудов конф. 4–5 июня 2018 г. Владивосток: ДВФУ, 2018. С. 216–221.
Vashchuk A. S. Labor migrants from the DPRK in the Russian Far East in 2007–2017 // Migration processes and their impact on the demographic and socio-economic development of the Far East: Coll. of conf. June 4–5, 2018. Vladivostok: FEPU, 2018. P. 216–221. (In Russ.).
5. Внешняя торговля субъектов РФ ДФО // Дальневосточное таможенное управление ФТС. URL: <https://dvtu.customs.gov.ru/statistic> (дата обращения: 15.09.2024).
Foreign trade of the constituent entities of the Russian Federation Far Eastern Federal District // Far Eastern Customs Administration of the FCS. URL: <https://dvtu.customs.gov.ru/statistic> (accessed 15.09.2024). (In Russ.).
6. Геополитический потенциал трансграничного сотрудничества стран Азиатско-Тихоокеанского региона. Владивосток: Дальнаука; Изд-во ВГУЭС, 2010. 626 с.
Geopolitical potential of cross-border cooperation of the countries of the Asia-Pacific region. Vladivostok: Dalnauka; VSUES, 2010. 626 p.
7. ЕМИСС. URL: <https://www.fedstat.ru/> (дата обращения: 12.09.2024).
Unified interdepartmental information and statistical system. URL: <https://www.fedstat.ru/> (accessed 12.09.2024) (In Russ.).
8. Забровская Л. В. КНДР – Россия – РК: обмен трудовыми ресурсами // Демоскоп Weekly. 2008. № 333–334. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2008/0333/analit04.php> (дата обращения: 11.09.2023).
Zabrovskaya L. V. DPRK – Russia – RK: labor resource exchange // Demoscope Weekly. 2008. No. 333–334. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2008/0333/analit04.php> (accessed 11.09.2023). (In Russ.).
9. Забровская Л. В. Трудовая миграция из КНДР в Россию (середина 1940-х – 2003 гг.) // Проблемы Дальнего Востока. 2005. № 5. С. 62–72.
Zabrovskaya L. V. Labor migration from the DPRK to Russia (mid-1940s – 2003) // Problemy Dalnego Vostoka. 2005. No. 5. P. 62–72. (In Russ.).
10. Забровская Л. В. Экономические связи российского Дальнего Востока с корейскими государствами // Мировая экономика и международные отношения. 2019. Т. 63. № 11. С. 114–116.
Zabrovskaya L. V. Economic ties of the Russian Far East with the Korean states // World Economy and International Relations. 2019. Vol. 63. No. 11. P. 114–116. (In Russ.).
11. Захарова Л. В. Современная экономика КНДР и перспективы ее трансформации // Проблемы Дальнего Востока. 2019. № 2. С. 91–103.
Zakharova L. V. The modern economy of the DPRK and the prospects for its transformation // Problemy Dalnego Vostoka. 2019. No. 2. P. 91–103. (In Russ.).
12. Ивашина Н. В. Анализ трудовой миграции в Приморском крае // Финансовая аналитика: проблемы и решения. 2016. № 7 (289). С. 32–41.

- Ivashina N. V. Analysis of labor migration in Primorsky Krai // *Financial analytics: problems and solutions*. 2016. No. 7 (289). P. 32–41. (In Russ.).
13. Исторические проблемы социально-политической безопасности российского Дальнего Востока (вторая половина XX – начало XXI в.). Кн. 2 / А. С. Ващук, А. В. Друзяка, Е. Н. Чернолуцкая [и др.]. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2014. 224 с.
Historical problems of socio-political security of the Russian Far East (second half of the 20th – early 21st century). Book 2 / A. S. Vashchuk, A. V. Druzyaka, E. N. Chernolutskaya [et al.]. Vladivostok: IHE FEB RAS, 2014. 224 p. (In Russ.).
 14. Кукла М. П. Реалии и перспективы экономического сотрудничества России и КНДР // *Ойкумена. Регионоведческие исследования*. 2017. № 2. С. 61–71.
Kukla M. P. Realities and Prospects of Economic Cooperation between Russia and the DPRK // *Ojkumena. Regional Researches*. 2017. No. 2. P. 61–71. (In Russ.).
 15. Ланьков А. Н. Северокорейские рабочие в России: критерии отбора и мотивация работников // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения*. 2020. Т. 13. Вып. 2. С. 206–224.
Lankov A. N. North Korean Workers in Russia: Selection Criteria and Employee Motivation // *Bulletin of St. Petersburg University. International Relations*. 2020. Vol. 13. Issue 2. P. 206–224. (In Russ.).
 16. Ланьков А. Возрождение рыночной экономики в Северной Корее. М.: Московский Центр Карнеги, 2015. 17 с.
Lankov A. Revival of the Market Economy in North Korea. Moscow: Carnegie Moscow Center, 2015. 17 p. (In Russ.).
 17. Лешаков П. С., Соловьёв А. В. Сердечно, но мучительно // *Россия в глобальной политике*. 2023. Т. 21. № 2. С. 184–196.
Leshakov P. S., Solovuyov A. V. Warmly, but Painfully // *Russia in Global Politics*. 2023. Vol. 21. No. 2. P. 184–196. (In Russ.).
 18. Напалкова А. "Работа мечты": чем занимаются рабочие из КНДР в России. 12.02.2018 // *BBC News. Русская служба*. URL: <https://www.bbc.com/russian/features-42989901> (дата обращения: 11.09.2024).
Napalkova A. "Dream Job": What Do DPRK Workers Do in Russia? 12.02.2018 // *BBC News. Russian Service*. URL: <https://www.bbc.com/russian/features-42989901> (accessed 11.09.2024) (In Russ.).
 19. Нормативно-правовая база // Посольство РФ в КНДР. URL: https://dprk.mid.ru/ru/countries/normativno_pravovaya_baza/ (дата обращения: 18.09.2024).
Regulatory Framework // Embassy of the Russian Federation in the DPRK. URL: https://dprk.mid.ru/ru/countries/normativno_pravovaya_baza/ (accessed 18.09.2024). (In Russ.).
 20. Приграничное сотрудничество вдоль государственной границы России. Часть 1 / под ред. А. П. Клемешева, Я. А. Ворожеиной, И. С. Гуменюка, Г. М. Федорова. Калининград: Издательство БФУ им. И. Канта, 2021. 213 с.
Cross-Border Cooperation along the State Border of Russia. Part 1 / ed. A. P. Klemeshev, Ya. A. Vorozheina, I. S. Gumenyuk, G. M. Fedorov. Kaliningrad: I. Kant Baltic Federal University, 2021. 213 p. (In Russ.).
 21. Россия в Азиатско-Тихоокеанском регионе: перспективы интеграции. В 2 кн. Кн. 2 / под ред. И. И. Меламеда. Владивосток: ДВФУ, 2011. 740 с.
Russia in the Asia-Pacific Region: Integration Prospects. In 2 books. Book 2 / ed. by I. I. Melamed. Vladivostok: FEFU, 2011. 740 p. (In Russ.).
 22. Тимошкин Д. О., Волошин А. А. Как неформальные посредники в строительной индустрии влияют на включение трансграничных мигрантов в теневой рынок труда // *Экономическая социология*. 2023. № 4. С. 74–97.
Timoshkin D. O., Voloshin A. A. How Informal Intermediaries in the Construction Industry Affect the Inclusion of Cross-Border Migrants in the Shadow Labor Market // *Economic Sociology*. 2023. No. 4. P. 74–97. (In Russ.).
 23. Толорая Г. Д., Коргун И. А., Горбачева В. О. Санкции в отношении КНДР: анализ последствий и уроки. Научный доклад. М.: Институт экономики РАН, 2020. 46 с.
Toloraya G. D., Korgun I. A., Gorbacheva V. O. Sanctions against the DPRK: Analysis of Consequences and Lessons. Research report. Moscow: IE RAS, 2020. 46 p. (In Russ.).
 24. Троякова Т. Г. Рабочая сила из КНДР на российском Дальнем Востоке: история и современное состояние // *Ойкумена. Регионоведческие исследования*. 2017. № 2. С. 84–85.
Troiyakova T. G. Labor force from the DPRK in the Russian Far East: history and current state // *Ojkumena. Regional Researches*. 2017. No. 2. P. 84–85. (In Russ.).
 25. Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 20.09.2024).
Federal State Statistics Service. URL: <https://rosstat.gov.ru/> (accessed 20.09.2024). (In Russ.).
 26. Burghart S., Park D. & Zakharova L. The DPRK's economic exchanges with Russia and the EU since 2000: an analysis of institutional effects and the case of the Russian Far East // *Asia Europe Journal*. 2020. Vol. 18(3). P. 281–303.
 27. Golunov S. The Russian – North Korean Borderland: A Narrow Border of Boundless Ambition // *Border Briefings*. 2016. No. 1. 23 p.

28. Lankov A. N. North Korean Labor Export to the USSR/Russia // *Russia in Global Affairs*. 2020. № 3. P. 152–176.
29. Lukin A., Zakharova L. Russia – North Korea Economic Ties: Is There More Than Meets the Eye? // *Orbis*. 2018. Vol. 62. Issue 2. P. 244–261.

Информация об авторе

Антон Александрович Киреев, канд. полит. наук, доцент кафедры политологии Дальневосточного федерального университета, Владивосток, Россия, e-mail: antalkir@yandex.ru

Information about the author

Anton A. Kireev, Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Department of Political Science, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: antalkir@yandex.ru

Поступила в редакцию 20.10.2024

Received 20.10.2024

Одобрена после рецензирования 07.02.2025

Approved 07.02.2025

Принята к публикации 25.02.2025

Accepted 25.02.2025

Экономика КНДР в современных условиях

Яна Валерьевна Дёмина
Институт экономических исследований ДВО РАН, Хабаровск, Россия, yandemi@yandex.com
Марина Гамиловна Мазитова
Институт экономических исследований ДВО РАН, Хабаровск, Россия, mazitova@ecrin.ru

Аннотация. В исследовании выделяются особенности и тенденции развития экономики КНДР с момента основания страны. Авторами обозначены факторы, определяющие развитие внешнеэкономических взаимодействий государства. Показано, что экзогенные шоки на современном этапе (международные санкции, пандемия COVID-19) оказали на экономику КНДР негативное влияние, сопоставимое с кризисом 1990-х гг. Для восстановления и роста экономики страны необходимы значительные ресурсы (инвестиционные, трудовые, материальные), которыми КНДР в настоящее время не обладает.

Ключевые слова: КНДР, санкции, экспорт, импорт, внешняя торговля, ПИИ, международное сотрудничество в СВА

Для цитирования: Дёмина Я. В., Мазитова М. Г. Экономика КНДР в современных условиях // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2025. Т. 19. № 1. С. 152–162.

<https://doi.org/10.29039/1998-6785/2025-1/152-162>

Original article
<https://doi.org/10.29039/1998-6785/2025-1/152-162>

The DPRK's economy under modern conditions

Yana V. Dyomina
Economic Research Institute of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences,
Khabarovsk, Russia, e-mail: yandemi@yandex.com.
Marina G. Mazitova
Economic Research Institute of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences,
Khabarovsk, Russia, e-mail: mazitova@ecrin.ru

Abstract. The study highlights features and trends in the economic development of the DPRK since its founding. The authors identify factors determining the development of foreign economic relations of the state. The analysis shows that exogenous shocks (international sanctions, the COVID-19 pandemic) have had a negative impact on the DPRK economy comparable to the crisis of the 1990s. To restore and grow the economy the DPRK needs significant resources (investment, labor, material) which the country does not possess.

Key words: DPRK, sanctions, export, import, foreign trade, FDI, international cooperation in NEA

For citation: Dyomina Ya. V., Mazitova M. G. The DPRK's economy under modern conditions // Ojkumena. Regional Researches. 2025. Vol. 19. No. 1. P. 152–162. <https://doi.org/10.29039/1998-6785/2025-1/152-162>

Введение

После Второй мировой войны Корейский полуостров был разделён на два государства, избравших разные пути развития экономики. Корейская Народно-Демократическая Республика (КНДР) была провозглашена 9 сентября 1948 г. и стала участницей советского блока. СССР являлся основным партнёром КНДР в экономической, политической и военной сферах. Соглашение об экономическом и культурном сотрудничестве с СССР было заключено 17 марта 1949 г., Договор о торговле и мореплавании, установивший режим наибольшего благоприятствования, – 19 ноября 1960 г. С 1980-х гг. Советский Союз стал постепенно утрачивать лидирующую роль в отношениях с КНДР, уступив её КНР [2].

В настоящее время КНДР продолжает привлекать внимание мирового сообщества, так как претендует на роль ядерной державы [10] и является примером страны, экономика которой функционирует в условиях почти полной финансовой и торговой блокады.

В данной работе авторами решаются следующие задачи: анализ экономического развития КНДР на разных этапах и оценка влияния экзогенных шоков (санкций, пандемии COVID-19) на экономику страны.

Экономика КНДР до 2016 г.

С момента образования КНДР власти страны решили перенять "сталинскую" экономическую модель СССР 1930-х гг., так как по мнению Ким Ир Сена именно она позволила Советскому Союзу одержать победу во Второй мировой войне и создать сильное государство. Классическими элементами

Табл. 1. Структура ВВП КНДР, среднее за период, %
Table 1. The DPRK's GDP structure, period average, %

Сектор	1970–1979	1980–1989	1990–1999	2000–2009	2010–2019	2020–2022
Сельское и лесное хозяйство, охота, рыболовство	28,3	28,3	28,8	25,7	22,2	22,4
Промышленность	48,5	48,5	43,0	41,8	46,5	45,1
Услуги	23,2	23,2	28,2	32,5	31,3	32,5

Примечание: КНДР не публикует официальные данные с 1960-х гг., поэтому вся статистическая информация представляет собой оценки различных международных организаций и ведомств, которые могут сильно различаться между собой.

Источник: рассчитано авторами на основе: [35].

Source: calculated by the authors based on: [35].

указанной модели являются централизованное планирование; национализация средств производства; форсированная индустриализация с акцентом на тяжёлую промышленность; коллективизация сельского хозяйства; общая автаркия экономики [1; 30].

Стоит отметить, что концепция "чучхе", получившая в литературе устоявшееся значение опоры на собственные силы, заменила в КНДР марксизм-ленинизм, а её главный принцип "человек – хозяин всего сущего" далёк от советской идеологии [31]. Кроме того, наследственный принцип передачи власти в КНДР, хоть и не закреплённый законодательно, близок к монархическим государствам, а не к СССР [8].

В период 1949–1993 гг. было принято семь экономических планов, отличавшихся разными сроками выполнения. Первый план после образования КНДР был двухлетним (1949–1950 гг.), во время Корейской войны (1950–1953 гг.) планы не принимались, далее последовали трёхлетний план (1954–1956 гг.), пятилетний план (1957–1961 гг.), семилетний план (1961–1967 гг., был продлён до 1970 г.), шестилетний (1971–1976 гг.), второй семилетний план (1978–1984 гг.) и третий семилетний план (1987–1993 гг.) [25; 27; 33].

Все планы подразумевали преимущественное развитие тяжёлой промышленности как показатель успеха социалистического пути. Кроме того, исторически на севере Корейского полуострова были сконцентрированы промышленные производства, на юге – сельскохозяйственные угодья. Так, после окончания Второй мировой войны в КНДР было национализировано 1034 промышленных предприятия, среди которых часть объектов была построена японскими колониальными властями [32].

"Перекося" в сторону тяжёлой промышленности и оборонного комплекса (в 1962 г. была принята стратегия параллельного развития экономики и национальной обороны) ввиду ограниченности ресурсов сделал невозможным эффективное развитие лёгкой промышленности и сельского хозяйства, что, в итоге, сдерживало экономическое развитие в целом [33].

Сложившаяся под влиянием директивного планирования структура северокорейской экономики характеризовалась преобладанием вторичного сектора (промышленности) и слабо изменилась за последние полвека: произошло небольшое перераспределение в пользу третичного сектора (сферы услуг) (табл. 1).

В первые десятилетия существования КНДР ускоренная индустриализация с акцентом на тяжёлую, химическую и оборонную промышленность давала положительный результат в виде высоких темпов роста ВВП и ВВП на душу населения, позволяя опережать по этим показателям Республику Корея (до конца 1960-х гг.) [11]. Однако экстенсивный путь развития в условиях ограниченности ресурсов неизбежно привёл к замедлению темпов экономического роста, которое наблюдалось уже во второй половине 1970-х гг. Данный процесс продолжился в 1980-е гг., а 1990-е гг. стали для КНДР "потерянным десятилетием" (табл. 2).

Табл. 2. Темпы прироста ВВП КНДР, среднее за период, %
 Table 2. The DPRK's GDP growth rates, period average, %

Показатель	1971–1979	1980–1989	1990–1999	2000–2009	2010–2019	2020–2023
ВВП	7,60	2,68	- 3,01	1,40	- 0,04	- 0,65
ВВП на душу населения	5,61	4,01	0,22	1,24	2,82	- 1,51

Источник: рассчитано авторами на основе: [35].

Source: calculated by the authors based on: [35].

Несмотря на то, что западные эксперты называют КНДР государством-отшельником или изгоем и установку властей на самодостаточность страны, республика всегда зависела от внешнеэкономических связей. Так, в богатой минеральными ресурсами стране (было обнаружено около 300 видов) отсутствуют нефть, газ и коксуемый уголь, что сделало неизбежным их импорт [5; 17; 19].

Основным внешним рынком для КНДР практически до начала 1990-х гг. являлся СССР (в 1960–1980 гг. его доля во внешней торговле составляла от 25 до 50% [14]). Специфической формой торговли между странами являлись операции по товарообмену, которые осуществлялись в довольно крупных размерах и являлись выгодными для обеих сторон.

В 1970-е гг. были предприняты шаги по получению технологий, капитала и оборудования от западных государств. Однако из-за последствий нефтяного шока 1973 г. (рост цен на импортируемое сырьё, машины и оборудование, падение цен на цветные металлы, такие как цинк и свинец, которые были основными экспортными товарами) КНДР оказалась не в состоянии своевременно погашать иностранные займы и кредиты на импорт. Так, в 1975 г. общий внешний долг КНДР составлял около 1,7 млрд долл.: 700 млн долл. – странам социалистического блока, около 1 млрд долл. – капиталистическим странам (по состоянию на конец 1981 г. из-за возросших процентов внешний долг КНДР достиг 3 млрд долл.: 700 млн долл. – СССР, 330 млн долл. – КНР, 630 млн долл. – западноевропейским банковским кредиторами, 340 млн долл. – Японии, 1 млрд долл. – всем странам Западной Европы) [39].

С 1980 г. экономическая политика КНДР явно предусматривала расширение внешней торговли, которое достигалось за счёт неуклонно возрастающей зависимости от СССР. С 1984 г. экономические отношения КНДР и СССР осуществлялись на существенно льготной основе в виде финансирования СССР дефицита КНДР в торговом балансе, а также советских соглашений о ценообразовании с КНДР (экспорт угля и нефти из СССР осуществлялся по ценам, существенно ниже мировых рыночных цен в течение большей части 1980-х гг.) [20].

В конце 1980-х гг. объём бартерной торговли между КНДР и СССР постепенно уменьшался, а переход в начале 1991 г. к расчётам в долларах по ценам мирового рынка на основе заключения разовых контрактов положил конец субсидируемой торговле. Резкое сокращение торгового оборота с Россией и республиками бывшего СССР привело в 1992 г. к падению объёма внешнеторгового оборота страны (рис. 1).

Стоит отметить, что, несмотря на масштабную поддержку со стороны СССР и стран Варшавского договора, КНДР постоянно испытывала дефицит инвестиционных ресурсов, необходимых для модернизации старых и создания новых крупных промышленных объектов. Поэтому в 1980–1985 гг. КНДР под влиянием реформ КНР на экспериментальной основе ввела политику открытых дверей. В 1984 г. были приняты "Политика расширения и развития внешнеэкономического бизнеса и торговли" и Закон о совместных предприятиях, положивший начало развитию законодательной базы КНДР в области внешнеторгового и валютного регулирования [39]. Однако из-за неудовлетворительной деловой среды КНДР не удалось привлечь большой объём ПИИ от широкой группы иностранных инвесторов. К началу 1990-х гг. предпола-

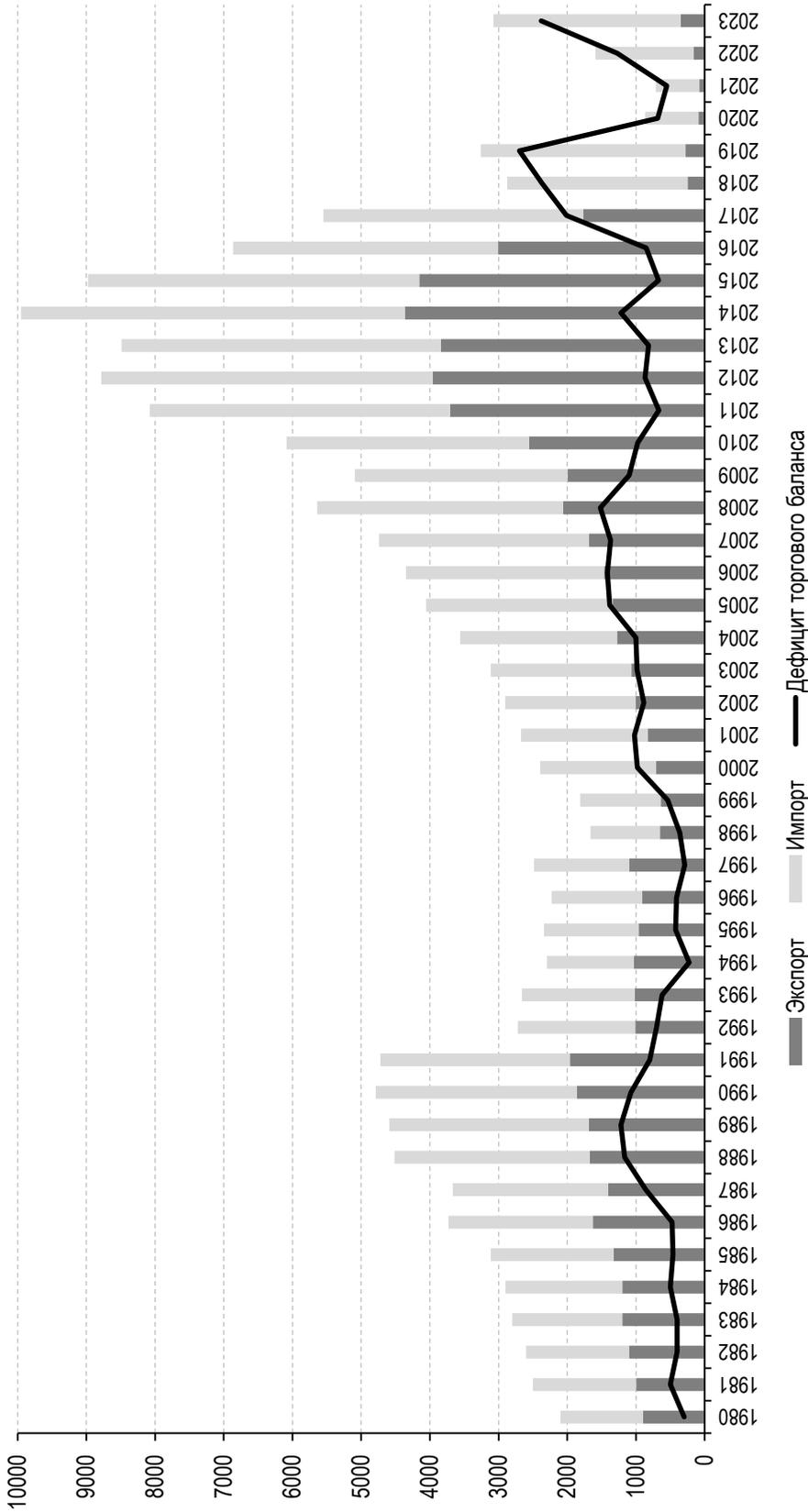

Рис. 1. Внешняя торговля КНДР, млн долл.

Fig. 1. Foreign Trade of the DPRK, million USD.

Источник: рассчитано авторами на основе: [35].

Source: calculated by the authors based on: [35].

гаемая общая капитализация совместных предприятий составила всего около 150 млн долл. [29].

В 1986–1991 гг. в связи с отказом от политики открытости Закон о совместных предприятиях функционировал как правовой механизм, но в основном для поощрения инвестиций в КНДР из Японии со стороны Чонгрён¹, а не экономического сотрудничества с капиталистическими странами. В этот период было зафиксировано в общей сложности 32 случая инвестиций со стороны связанных с Чонгрён компаний на сумму 31,3 млн долл. (большая часть инвестиций осуществлялась в 1988–1989 гг., наибольшая доля приходилась на текстильный сектор) [39].

С 1991 г. КНДР, экономика которой оказалась в глубоком кризисе в результате резкого сокращения поступления в страну энергетических товаров, технологий и капитала после распада СССР, снова начала развивать экономическое сотрудничество с капиталистическими странами. В декабре 1991 г. началось осуществление проекта создания Свободной экономической и торговой зоны Раджин-Сонбон ("Расон"), что явилось началом политики открытия рынка в 1990-х гг., включавшей возможность учреждения совместных предприятий с участием иностранного капитала на всей территории КНДР (в зоне "Расон" – со 100% иностранным капиталом), снижение налога на прибыль, а также возможность использования земли иностранными фирмами в течение 50 лет. Однако до конца 1990-х гг. поступления ПИИ в зону "Расон", в частности, в производственный сектор, были незначительными (объём накопленных ПИИ в 1999 г. составлял 750 млн долл.) [29].

Стоит отметить, что после распада социалистического блока экономика КНДР стала включать в себя не только такие рыночные элементы, как создание специальных экономических зон, но и "маркетизацию снизу" (формирование стихийных потребительских рынков по всей стране) [22; 23], а экономические планы не принимались более 30 лет.

В то же время внешняя торговля КНДР за период 1995–2006 гг. характеризовалась в целом положительным трендом. В географической структуре экспорта лидерство принадлежало Японии, Мексике и КНР, в импорте – КНР, России и Германии [3].

Отношение к иностранным инвестициям сменилось на негативное: Закон об иностранных инвестициях был пересмотрен в феврале 1999 г., в основном ограничив их зоной "Расон". С другой стороны, в этот же период налаживаются связи с Югом, чему способствовала политика "солнечного тепла", проводившаяся правительством Республики Корея. В конце 1990-х – начале 2000-х гг. резко увеличились инвестиции в КНДР со стороны компаний Республики Корея. Было достигнуто соглашение по Кымгансанскому туристическому проекту, началась реализация проекта Кэсонского промышленного комплекса.

В 2006 г. КНДР провела первое успешное испытание ядерного оружия, вследствие чего оказалась под международными санкциями. Сначала был запрещён экспорт в страну ряд наименований военной техники, а также предметов роскоши. В дальнейшем, в 2009 и 2013 гг., СБ ООН расширил санкции, введя, в частности, финансовые рестрикции [38]. Наиболее жёсткие ограничения были введены в 2016–2017 гг.

До 2014 г. введение международных санкций и обострение отношений между Севером и Югом в целом не повлияло на объёмы внешней торговли КНДР – сохранялся положительный тренд. Однако, ужесточение санкций и нивелирование торговли с Югом привели к резкому уменьшению экспорта и импорта страны (см. рис. 1). КНР стала практически монопольным торговым партнёром КНДР [3].

С приходом нового лидера в конце 2011 г. в КНДР было провозглашено начало экономических реформ. В 2013 г. был принят Закон о зонах экономического развития (ЗЭР), было объявлено о выделении 13 территорий в 8 провинциях для ускоренного развития с участием иностранных инвесторов. Однако создание новых зон совпало с периодом расширения и ужесточения международных санкций в отношении КНДР, в условиях которых невозможно обеспечить их финансирование, так как все проекты были ориентированы

¹ Генеральная ассоциация корейских граждан в Японии.

в основном на иностранных инвесторов и требовали значительных вложений [4].

Реформы коснулись и других сфер: сельского хозяйства (введение бригадного подряда), деятельности предприятий (руководители некоторых предприятий получили право самостоятельно организовывать работу), научно-технической сферы (повышенное внимание не только к технологиям, которые необходимы для решения наиболее острых вопросов (продовольствие, энергетика), но и к "зелёным" технологиям) [23].

Проведённые реформы способствовали незначительному экономическому росту – прирост ВВП составил 1,1%² в среднем за 2012–2014 гг. однако их положительное влияние оказалось недолгим – уже в 2015 г. снова наблюдалось снижение ВВП (на 1,1%) [35].

Таким образом, за время существования КНДР экономическая модель страны трансформировалась. В итоге сформировалась смешанная система, где административно-командная экономика сочетается с рыночными элементами. Кроме того, роль основного партнёра во всех сферах внешнего взаимодействия перешла от СССР к КНР.

Экономика КНДР на современном этапе

На современном этапе экономика страны подверглась влиянию серьёзных экзогенных шоков в виде ужесточения санкций в 2016–2017 гг. и пандемии COVID-19.

В мае 2016 г. на VII Съезде Трудовой партии Кореи (ТПК) был одобрен первый пятилетний план современной эпохи (2016–2020 гг.), в котором делалась ставка на повышение уровня жизни населения и в то же время дальнейшее развитие ядерной программы. Предполагалось, что к моменту выполнения плана КНДР должна стать "научно-технической, экономической и высокоцивилизованной державой" [21]. Однако внешние шоки не позволили осуществить задуманное.

Так, в соответствии с резолюциями СБ ООН 2270, 2321, 2371, 2375, 2397 были введены широкомасштабные секторальные запреты (ограничения коснулись 96% экспорта КНДР по товарной номенклатуре 2016 г.), запрещено создание совместных предприятий, экспорт северокорейской рабочей силы, передача финансовых активов, проведение операций с международной финансовой системой, осуществление морских перевозок, поставка в страну энергоресурсов (кроме исключений в небольших объёмах), всех видов промышленного оборудования, стали и др. [12; 13; 28].

До введения санкций за рубежом трудилось, по разным оценкам, от 50 до 150 тыс. граждан КНДР. Основной сферой их деятельности было строительство, основными направлениями миграции – КНР и Россия. География трудовой миграции была весьма обширна, включая около 40 государств (КНР, Россия, Польша, Катар, Кувейт, ОАЭ, Нигерия, Малайзия и др.). Ежегодные доходы КНДР от экспорта рабочей силы, по разным оценкам, составляли от 130 до 500 млн долл. [26].

Вследствие введенных санкций произошло "сжатие" экономики: в 2017 г. реальный ВВП страны сократился на 3,5%, в 2018 г. – на 4,2%. В 2019 г. был отмечен слабый прирост в размере 0,4% [35].

Хотя международные оценки демонстрируют сокращение ВВП КНДР, данные Добровольного национального обзора КНДР по реализации Повестки 2030 (целей устойчивого развития ООН) содержат информацию о приросте ВВП страны в 2015–2019 гг. в среднем на 5,1% [18]. К этим данным следует относиться скептически, т. к. внутренние ресурсы для устойчивого развития страны невелики, а внешняя торговля в условиях санкций весьма ограничена.

Вследствие санкционных ограничений, которые коснулись в большей степени экспорта, к 2018 г. дефицит торгового баланса увеличился до более чем 2 млрд долл., что вдвое превышало среднегодовые показатели 2004–2015 гг. Однако в торговой статистике не учитываются комиссии, выплачиваемые экспортерам из КНДР их клиентами за рубежом, а также контрабандная торговля, которая широко распространена в значительной степени с участием

² Рассчитано авторами на основе: [35]. По данным [7] – 4–5%.

государственных торговых компаний КНДР, работающих в КНР [26]. Так, по данным ООН, в 2017 г. из КНДР были экспортированы в нарушение санкций уголь и другие товары примерно на 200 млн долл. [37].

Пандемия COVID-19 усугубила сложившуюся в экономике ситуацию: в 2020 г. реальный ВВП государства снизился на 4,5% (худший показатель с 1999 г.) [35]. Что касается конкретных отраслей, то наибольшее падение темпов прироста наблюдалось в горнодобывающей промышленности – на 9,6%. В то же время секторы электро-, газо- и водоснабжения и строительства продемонстрировали рост – на 1,6% и 1,3% соответственно [16].

Влияние на внешнюю торговлю КНДР ограничительных мер во время пандемии, в отличие от санкций, выразилось в критическом падении импорта (не только в официальном, но и в контрабандном) [36]. В 2020 г. внешняя торговля КНДР уменьшилась на 78,2%, при этом импорт уменьшился на 81% [28]. Вследствие эпидемиологических ограничений полностью прекратился приток туристов (преимущественно граждан КНР), которые, по оценкам, принесли ежегодный доход в размере 44 млн долл. [37].

Следующий пятилетний план (2021–2025 гг.) был принят на VIII Съезде ТПК в январе 2021 г. [28]. По итогам данного Съезда был обозначен курс на свёртывание реформ, а главными целями нового плана стали "продолжительный экономический рост и значительное улучшение жизни народа" [6].

Устойчивого экономического роста добиться пока не удалось: в 2021 г. реальный ВВП КНДР снизился на 0,1%, в 2022 г. – на 0,2%, в 2023 г. наблюдался прирост в размере 2,1% [35].

На заседании Центрального комитета ТПК в декабре 2023 г. был отмечен прогресс во всех областях, включая военную, экономическую, научную и здравоохранительную. Значительно возросли урожаи в сельском хозяйстве, был отмечен прогресс в строительстве жилья в Пхеньяне и в сельской местности, рост производства в приоритетных секторах (металлургической и химической промышленности) и внедрение улучшений в управлении экономикой, которые были сосредоточены на усилиях по мобилизации под руководством партии. Также была одобрена амбициозная стратегия регионального развития промышленности в 20 округах на 10 лет, которая получила название "политика регионального развития 20×10". Предполагается, что она будет осуществляться параллельно с текущей программой строительства жилья в сельской местности. Войска Корейской народной армии получили разрешение на мобилизацию для поддержки строительных работ. Возвращение к массовой мобилизации и опоре на науку и технику для повышения производительности в экономике стало шагом назад к прежней классической социалистической модели развития [15].

В 2022–2023 гг. власти КНДР, наконец, отменили ограничения, введённые из-за пандемии COVID-19. Со второй половины 2022 г. после возобновления движения грузовых поездов наблюдалась положительная динамика торговли между КНДР и КНР. В 2022 г. экспорт увеличился в 2,2 раза по сравнению с 2021 г., импорт – в 2,4 раза. В 2023 г. объём торговли увеличился в 2,4 раза по сравнению с 2022 г., но не достиг уровня 2019 г. [24].

Для увеличения валютных доходов власти КНДР ведут поиск "новых" экспортных товаров, не попадающих под санкционные ограничения. Так, парики, краска для волос и т. д. (2023 г. – 57,1% от экспорта) стали заменой запрещённых к экспорту текстилю и одежде. В последние годы увеличивался также экспорт "альтернативных" полезных ископаемых, таких как вольфрамовые и молибденовые руды (доля в экспорте в 2022 г. – 23,1% и 10,2% соответственно). Кроме того, всё ещё экспортируются, несмотря на санкции, такие продукты как ферросплавы и шёлк-сырец. Так, в 2023 г. ферросплавы занимали вторую позицию в экспорте (11%) КНДР, поскольку КНР интерпретирует ферросилиций, составляющий большую часть экспортируемой продукции в данной категории, как несанкционный товар, утверждая, что это кремний, а не железо. Также в 2020 г. наблюдалось увеличение экспорта электроэнергии, несмотря на нехватку данного ресурса в стране [24].

Основу импорта КНДР в 2023 г. составляли товары, используемые в качестве промежуточных в промышленном производстве, такие как пластмассы, материалы для париков, текстиль, химические удобрения и резиновые шины, а также потребительские товары: рис, соевое масло, средства личной гигие-

ны, сигареты и медицинские товары. Увеличение импорта промежуточных товаров свидетельствует о восстановлении производственной деятельности в стране [24].

По итогам 2023 г. в экономике КНДР началось восстановление после периода спада, которое, возможно, продолжится в 2024 г. В частности, по данным официальной печати КНДР (газеты "Нодон Синмун") месячные экономические планы за август 2024 г. были выполнены не только в приоритетных отраслях промышленности (химической и металлургической), но и производстве электроэнергии, угля, промышленного оборудования, строительном секторе, рыболовстве и др. [34].

Однако, для выполнения годового плана и пятилетнего плана (2021–2025 гг.) в целом, стране необходимы значительные финансовые, трудовые и материальные ресурсы. По мнению западных экспертов [15], собственных ресурсов в КНДР недостаточно, а сотрудничество с КНР и РФ, хоть и приносит политические выгоды, но не даёт необходимых экономических ресурсов, т. к. сотрудничество на льготной и безвозмездной основе осталось в прошлом.

Таким образом, санкционные ограничения и шок от пандемии оказали на экономику КНДР негативное влияние, сравнимое по масштабам с кризисом 1990-х гг. Восстановление экономики, согласно планам властей, предполагается за счёт активного строительства промышленных и жилых объектов в разных частях страны и нивелирования регионального неравенства, а также за счёт наращивания объёмов торговли.

Заключение

Несмотря на то, что в основе экономической модели развития КНДР лежал опыт СССР 1930-х гг. (централизованное планирование; национализация средств производства; форсированная индустриализация с акцентом на тяжёлую промышленность; коллективизация сельского хозяйства; общая автаркия экономики), кризис 1990-х гг., вызванный распадом советского блока, повлиял на формирование особого механизма функционирования экономики страны. Так, экономическая модель трансформировалась в гибридную: плановая экономика начала включать в себя элементы рыночной системы (свободные экономические зоны, потребительские рынки и не признаваемая официально, но учитываемая в ВВП частная собственность).

В современных условиях после ужесточения санкций в 2016–2017 гг., которые полностью заблокировали инвестиционное сотрудничество и жёстко ограничили экспортно-импортные операции, а также после длительной изоляции страны вследствие пандемии наблюдалось сильнейшее с 1999 г. падение ВВП КНДР.

После снятия ограничительных эпидемиологических мер в 2022–2023 гг. в экономике страны отмечалось постепенное восстановление. Объёмы торговли с основным партнёром – КНР – пока не достигли уровня 2019 г., но демонстрируют положительную динамику. Также для увеличения валютных поступлений за счёт внешней торговли руководство страны расширяет номенклатуру экспорта "альтернативными" товарами, которые не попадают под действие санкций (электроэнергия, "новые" руды и др.), а также развивают давальческую торговлю по новым направлениям.

Получение валютных доходов от экспорта рабочей силы невозможно вследствие санкций. В то же время пока не произошло восстановление въездного туризма до уровня 2019 г. Так, в 2024 г. единственными туристами, посетившими КНДР, были граждане РФ в составе небольших групп.

Для дальнейшего восстановления и роста экономики страны необходимы значительные ресурсы (инвестиционные, трудовые, материальные).

В июне 2024 г. между Россией и КНДР были подписаны договор о всеобъемлющем стратегическом партнёрстве, межправительственное соглашение о сотрудничестве в сфере здравоохранения, медицинского образования и науки, а также соглашение о строительстве пограничного автомобильного моста через р. Туманная. Указанные документы предполагают развитие сотрудничества в сфере освоения космоса, мирной атомной энергии, информационных технологий, сельского хозяйства, охраны окружающей среды, предотвращения и ликвидации последствий стихийных бедствий, туризма, образования, здравоохранения и др., которые не попадают под международные санкции.

Однако, несмотря на установление стратегического партнёрства, в условиях сохранения санкционного режима реализация многих проектов оказывается невозможной. Смягчение или отмена санкций предполагают денуклеаризацию страны, что в ближайшей перспективе маловероятно, так как этот процесс связан с интересами нескольких ключевых игроков в регионе – США, КНР и России.

Литература / References

1. Аптекарь П. 100 лет СССР: насколько эффективной и жизнеспособной была советская экономика // HSE Daily. URL: <https://daily.hse.ru/post/100-let-sssr-naskolko-effektivnoy-i-zhiznesposobnoy-byla-sovetskaya-ekonomika> (дата обращения: 22.10.2024).
Aptekar P. 100 years of the USSR: How Efficient and Viable Was the Soviet Economy // HSE Daily. URL: <https://daily.hse.ru/post/100-let-sssr-naskolko-effektivnoy-i-zhiznesposobnoy-byla-sovetskaya-ekonomika> (accessed 22.10.2024). (In Russ.).
2. Бардаль А. Б., Демьяненко А. Н., Дёмина О. В., Дёмина Я. В., Ломакина Н. В., Минакир П. А. К вопросу о трёхстороннем экономическом сотрудничестве Республики Корея, КНДР и России // Регионалистика. 2018. Т. 5. № 6. С. 18–36. <https://doi.org/10.14530/reg.2018.6.18>
Bardal A. B., Demyanenko A. N., Dyomina O. V., Dyomina Y. V., Lomakina N. V., Minakir P. A. About the Trilateral Economic Cooperation of Republic of Korea, DPRK, and Russia // Regionalistics. 2018. Vol. 5. No. 6. P. 18–36. (In Russ.). <https://doi.org/10.14530/reg.2018.6.18>
3. Дёмина Я. В. Внешняя торговля КНДР: влияние санкций // Регионалистика. 2021. Т. 8. № 1. С. 5–28. <http://dx.doi.org/10.14530/reg.2021.1.5>
Dyomina Ya.V. DPRK's Foreign Trade: The Impact of Sanctions // Regionalistics. 2021. Vol. 8. No. 1. P. 5–28. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.14530/reg.2021.1.5>
4. Дёмина Я. В. Зоны экономического развития КНДР: перспективы функционирования в условиях санкций // Регионалистика. 2019. Т. 6. № 4. С. 64–75. <https://doi.org/10.14530/reg.2019.4.64>
Dyomina Ya.V. Economic Development Zones in the DPRK: Prospects under International Sanctions // Regionalistics. 2019. Vol. 6. No. 4. P. 64–75. (In Russ.). <https://doi.org/10.14530/reg.2019.4.64>
5. Захарова Л. В. Современная экономика КНДР и перспективы её трансформации // Проблемы Дальнего Востока. 2019. № 2. С. 91–103. <https://doi.org/10.31857/S013128120004643-0>
Zakharova L. Modern DPRK Economy and Prospects for Its Transformation // Far Eastern Studies. 2019. No. 2. P. 91–103. (In Russ.). <https://doi.org/10.31857/S013128120004643-0>
6. Захарова Л. В. VIII Съезд трудовой партии Кореи и его экономические задачи // Восточная Азия: прошлое, настоящее, будущее. 2022. С. 103–112. <https://doi.org/10.48647/ICCA.2022.93.90.035>
Zakharova L. VIII Congress of the Workers' Party of Korea and Its Economic Tasks // East Asia: Past, Present, Future. 2022. P. 103–112. (In Russ.). <https://doi.org/10.48647/ICCA.2022.93.90.035>
7. Ланьков А. Вперёд в прошлое: Северная Корея возвращается к плановой экономике? // Международный дискуссионный клуб "Валдай". URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/vperyed-v-proshloe-severnaya-koreya/> (дата доступа: 22.08.2024).
Lankov A. Forward to the Past: Is North Korea Returning to a Planned Economy? // Valdai International Discussion Club. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/vperyed-v-proshloe-severnaya-koreya/> (accessed 22.08.2024). (In Russ.).
8. Ланьков А. Н. Транзит номер три: начало // Россия в глобальной политике. 2024. Т. 22. № 5. С. 161–178. <https://doi.org/10.31278/1810-6439-2024-22-5-161-178>
Lankov A. Transit Number Three: The Beginning // Russia in Global Politics. 2024. Vol. 22. No. 5. P. 161–178. (In Russ.). <https://doi.org/10.31278/1810-6439-2024-22-5-161-178>
9. Ланьков А. Бизнес в Северной Корее: на что рассчитывают предприниматели? // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/opinions/business/09/03/2016/56dfcb759a79471986698f73> (дата обращения: 30.08.2024).
Lankov A. Business in North Korea: What Do Entrepreneurs Expect? // RBK. URL: <https://www.rbc.ru/opinions/business/09/03/2016/56dfcb759a79471986698f73> (accessed 30.08.2024). (In Russ.).
10. Лешаков П. С., Соловьев А. В. КНДР как структурный фактор региональной и глобальной безопасности // Проблемы Дальнего Востока. 2023. № 4. С. 20–35. <https://doi.org/10.31857/S013128120027132-6>
Leshakov P., Solovyov A. DPRK as a Structural Factor of Regional and Global Security // Far Eastern Studies. 2023. No. 4. P. 20–35. (In Russ.). <https://doi.org/10.31857/S013128120027132-6>
11. Лукин А. Л. Конец стратегического одиночества КНДР? // Россия в глобальной политике. 2024. Т. 22. № 1. С. 126–143. <https://doi.org/10.31278/1810-6439-2024-22-1-126-143>
Lukin A. L. The End of the Strategic Loneliness of the DPRK? // Russia in Global Politics. 2024. Vol. 22. No. 1. P. 126–143. (In Russ.). <https://doi.org/10.31278/1810-6439-2024-22-1-126-143>
12. Резолюции // СБ ООН. URL: <https://main.un.org/securitycouncil/ru/sanctions/1718/resolutions?page=0> (дата обращения: 22.10.2024).

- Resolutions // UN Security Council. URL: <https://main.un.org/securitycouncil/ru/sanctions/1718/resolutions?page=0> (accessed 22.10.2024). (In Russ.).
13. Толорая Г. Д., Коргун И. А., Горбачева В. О. Санкции в отношении КНДР: анализ последствий и уроки. Научный доклад. М.: Институт экономики РАН, 2020. 46 с.
Toloraya G. D., Korgun I. A., Gorbacheva V. O. Sanctions Against the DPRK: an Analysis of the Consequences and Lessons. Scientific Report. M.: Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, 2020. 46 p. (In Russ.).
 14. Тригубенко М. Е., Нгуен К. Х. Россия возвращается в КНДР: торгово-экономическое сотрудничество вчера и сегодня. Потенциал возможностей для развития // Экономика и управление. 2019. № 5. С. 28–33.
Trigubenko M. E., Nguyen K. H. Russia Returns to North Korea: Trade and Economic Cooperation Yesterday and Today. Potential Development Opportunities. // Economics and Management. 2019. No. 5. P. 28–33. (In Russ.).
 15. Babson B. O. What to Make of North Korea's Forward-looking Economic Strategy and Prospects // 38 North. URL: <https://www.38north.org/2024/02/what-to-make-of-north-koreas-forward-looking-economic-strategy-and-prospects/> (accessed 22.10.2024).
 16. Bertelsmann Stiftung, BTI 2024 Country Report – North Korea. Gütersloh: Bertelsmann Stiftung, 2024. 33 p.
 17. Chung J. The Mineral Industry of North Korea. In: 2020–2021 Minerals Yearbook. North Korea // U.S. Geological Survey. 2024. URL: <chrome-extension://efaidnbmnnnibpcajpcglclefindmkaj/https://pubs.usgs.gov/myb/vol3/2020-21/myb3-2020-21-north-korea.pdf> (accessed 23.10.2024).
 18. Democratic People's Republic of Korea Voluntary National Review on the Implementation of the 2030 Agenda for the Sustainable Development // UN. 2021. 66 p. URL: https://sustainabledevelopment.un.org/content/documents/282482021_VNR_Report_DPRK.pdf (accessed 20.10.2024).
 19. Development Prospects for North Korea / Ed. by Jung T. Y., Kang S. J. New York: Routledge, 2021. 225 p.
 20. Eberstadt N., Rubin M., Tretyakova A. The Collapse of Soviet and Russian Trade with the DPRK, 1989–1993: Impact and Implications // International Journal of Korean Unification Studies (IJKUS). 1995. Vol. 4. P. 87–104.
 21. Fifield A. North Korea Announces Five-Year Economic Plan, Its First Since the 1980s // The Washington Post. URL: https://www.washingtonpost.com/world/north-korea-announces-economic-plan-after-unprecedentedly-grim-struggle/2016/05/08/c84088e2-1214-11e6-a9b5-bf703a5a7191_story.html (accessed 23.10.2024).
 22. Gray K., Lee J. W. Following in China's footsteps? The political economy of North Korean reform // The Pacific Review. 2017. Vol. 30. Issue 1. P. 51–73. <https://doi.org/10.1080/09512748.2015.1100666>
 23. Hanssen U., Song J. W. Marketization in North Korea: Scenarios for Economic, Political and Social Change // The Swedish Institute of International Affairs. 2019. 22 p. URL: <https://www.ui.se/globalassets/ui.se-eng/publications/ui-publications/ui-paper-no.-1-2019.pdf> (accessed 22.10.2024).
 24. KDI Review of the North Korean Economy. 2024. Vol. 26. No. 1. URL: https://www.kdi.re.kr/eng/research/monNorth?pub_no=18211 (accessed 30.08.2024) (in Kor.).
 25. Kim M. A Historical Survey of North Korea's Economic Development and Trade, 1945–1984 // International Journal of Korean Unification Studies. 2002. Vol. 11. No. 2. P. 253–281.
 26. Koen V., Beom J. North Korea: The Last Transition Economy? // Economics Department Working Papers. 2020. No.1607. URL: <https://one.oecd.org/document/ECO/WKP%282020%2915/En/pdf> (accessed 22.10.2024).
 27. Koh B. C. North Korea's Strategy Toward South Korea // Asian Perspective. 1994. Vol. 18. No. 2. P. 37–53.
 28. Lee J. The Impacts of Economic Sanctions and Covid-19 on the North Korean Economy: 2017–2020 // Korea Economic Institute (KEI). 2022. URL: <https://keia.org/publication/the-impacts-of-economic-sanctions-and-covid-19-on-the-north-korean-economy-2017-2020/> (accessed 18.10.2024).
 29. Mah J. S. The Sino-North Korea International Economic Relationship and the Economic Development of North Korea // World Econ. 2021. Vol. 44. Issue 2. P. 586–600. <https://doi.org/10.1111/twec.12903>
 30. Matveeva N. I. Transplantation and adaptation of the Soviet economic model in North Korea, 1945–1960 // RUDN Journal of Russian History. 2023. Vol. 15. No 4. C. 403–412. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2023-15-4-403-412>
 31. Myers B. R. North Korea's Juche Myth. Busan: Sthele Press, 2015. 300 p.
<https://doi.org/10.5817/PC2017-1-74>
 32. Nakagawa M. Success and Failure of North Korean Development Strategy // Institute of Developing Economies. 2020. Discussion Paper No. 769. 22 p.
 33. North Korea Development Report 2002 / 03. // Korea Institute for International Economic Policy. Seoul: KIEP, 2003. 568 p.
 34. Progress Made in Fulfillment of Economic Plan // Rodong Sinmun. URL: <http://rodong.rep.kp/en/index.php?MTJAMjAyNC0wOS0wNC11MDAyQDRANUBAMEA1OQ==> (accessed 22.10.2024).
 35. Statistics Database // UNCTAD. URL: http://unctadstat.unctad.org/wds/ReportFolders/reportFolders.aspx?sCS_ChosenLang=en (accessed 16.08.2024).

36. The DPRK Economic Outlook 2020 // 2021. Ed. by S. Lee. URL: <https://www.kdi.re.kr/eng/research/monDprk> (accessed 30.08.2024).
37. The Political Economy of North Korea: Domestic, Regional, and Global Dynamics / Ed. by Chiang M. H. Boulder: Lynne Rienner Publishers, 2022. 283 p.
38. Zhang A., Ma X. Be the First Investor to Eat Crabs in North Korea: Tips for Bilateral Investment Treaties // The Journal of World Investment and Trade. 2021. Vol. 22. P. 181–222. <https://doi.org/10.1163/22119000-12340207>
39. 李燦雨. 鮮民主主義人民共和國の外国資本導入史 = Ли Чан-У. История внедрения иностранного капитала в КНДР // ERINA Report. 2001. Vol. 41. P. 9–20. URL: https://www.unii.ac.jp/erina-unp/archive/wp-content/uploads/2001/01/Er41_tssc.pdf (accessed 16.08.2024).
Lee Ch.W. The History of Foreign Capital Introduction in the DPRK // ERINA Report. 2001. Vol. 41. P. 9–20. URL: https://www.unii.ac.jp/erina-unp/archive/wp-content/uploads/2001/01/Er41_tssc.pdf (accessed 16.08.2024) (In Jap.).

Информация об авторах

Яна Валерьевна Дёмина, канд. экон. наук, старший научный сотрудник отдела регионального моделирования, прогнозирования и внешнеэкономических взаимодействий Института экономических исследований ДВО РАН, Хабаровск, Россия, e-mail: yandemi@yandex.com.

Марина Гамиловна Мазитова, научный сотрудник отдела регионального моделирования, прогнозирования и внешнеэкономических взаимодействий Института экономических исследований ДВО РАН, Хабаровск, Россия, e-mail: mazitova@ecrin.ru

Information about the authors

Yana V. Dyomina, Candidate of Economics, Senior Researcher, Department of Regional Modeling, Forecasting and Foreign Economic Relations, Economic Research Institute, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, Khabarovsk, Russia, e-mail: yandemi@yandex.com.

Marina G. Mazitova, Researcher, Department of Regional Modeling, Forecasting and Foreign Economic Relations, Economic Research Institute, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, Khabarovsk, Russia, e-mail: mazitova@ecrin.ru

Поступила в редакцию 02.09.2024

Received 02.09.2024

Одобрена после рецензирования 03.05.2024

Approved 03.05.2024

Принята к публикации 25.02.2025

Accepted 25.02.2025

Сообщение
УДК 303
<https://doi.org/10.29039/1998-6785/2025-1/163-170>

Заметки "постороннего" о XIV съезде востоковедов России

Анатолий Михайлович Кузнецов
Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, kuznetsov.2012@mail.ru

Ключевые слова: *востоковедение, съезд, практика, теория, нация, сложность*

Для цитирования: Кузнецов А. М. Заметки "постороннего" о XIV съезде востоковедов России // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2025. Т. 19. № 1. С. 163–170.
<https://doi.org/10.29039/1998-6785/2025-1/163-170>

Message
<https://doi.org/10.29039/1998-6785/2025-1/163-170>

Notes from an "outsider" about XIV Congress of Russian Orientalists

Anatoly M. Kuznetsov
Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, kuznetsov.2012@mail.ru

Key words: *Oriental Studies, convention, practice, theory, nation, complexity*

For citation: Kuznetsov A. M. Notes from an "outsider" about XIV Congress of Russian Orientalists // Ojkumena. Regional Researches. 2025. Vol. 19. No. 1. P. 163–170. <https://doi.org/10.29039/1998-6785/2025-1/163-170>

Знаковым событием в научной жизни Владивостока стал форум восстановленного в 1997 г. по инициативе Е. М. Примакова Общества востоковедов России, который был приурочен к 125-летию со дня открытия в нашем городе Императорского Восточного института. В работе Съезда приняли участие около 250 специалистов, включая сотрудников основных центров востоковедения нашей страны. Среди них представители Москвы, Санкт-Петербурга, Казани, Нижнего Новгорода, Самары, Ростова-на-Дону, Севастополя, Тамбова, Липецка, Махачкалы, Элисты, Абакана, Барнаула, Екатеринбурга, Кызыла, Новосибирска, Иркутска, Красноярска, Омска, Читы, Улан-Удэ, Якутска, Анадыря, Южно-Сахалинска, Владивостока, Хабаровска и Благовещенска. Кроме того, были заслушаны доклады представителей Белоруссии, Китая, Узбекистана, Японии и Филиппин.

С приветственным словом к участникам съезда, в частности, обратились председатель Российского исторического общества С. Е. Нарышкин и директор Государственного Эрмитажа академик М. Б. Пиотровский. На пленарном заседании с докладами выступили: директор Института востоковедения РАН (г. Москва) А. К. Аликберов, директор Музея антропологии и этнографии (Кунсткамера, г. Санкт-Петербург) чл.-корр. РАН А. В. Головнёв, директор Института восточных рукописей И. Ф. Попова (г. Санкт-Петербург), директор Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (г. Улан-Удэ) академик РАН Б. В. Базаров, зам. Председателя ДВО РАН, академик РАН В. Л. Ларин, директор Института археологии им. А. А. Халикова (г. Казань), академик АН РТ А. Г. Ситдииков, Я. В. Лексютина (Санкт-Петербургский университет) и Д. В. Дубровская (Институт востоковедения РАН). Докладчики осветили широкий круг проблем, связанных с историей (А. В. Головнёв) и ролью государства в развитии науки о Востоке (И. Ф. Попова), актуальными задачами востоковедения в связи с разработкой новых подходов и концепций (А. К. Аликберов), современной ролью монгольского мира (Б. В. Базаров), текущим состоянием востоковедения к востоку от Урала (В. Л. Ларин) и другие темы.

Во время съезда на площадках Дальневосточного отделения РАН и ДВФУ работали 15 секций, на которые традиционно был вынесен широкий круг проблем, включая теорию, историю и геополитику, социально-политические процессы в странах Востока, этнологию, кочевниковедение, религию,

языки, культуру и искусство, языкознание и преподавание языков, состояние востоковедения в России. Специфика владивостокского Съезда выразилась в организации секций по этнологии народов Востока России и археологического востоковедения. Понятно, что на Съезде проходили серьезные дебаты, связанные с обсуждением провозглашенного "Поворота России на Восток". Более концептуально этот внешнеполитический курс рассматривался на 12-й секции Съезда "Поворот на Восток и практическое востоковедение". Свои оценки на ней представили Д. В. Стрельцов – зав. кафедрой востоковедения МГИМО(у), осветивший ряд аспектов данной проблемы; В. Н. Колотов – зав. кафедрой истории стран Дальнего Востока СПбГУ, снова поднявший вопрос об участии учёных в разработке этого курса. В свою очередь, академик В. Л. Ларин высказался в том смысле, что поворот на Восток, практически, завершился после своего провозглашения. Такую позицию поддержал и Ю. В. Попков (Институт философии и права СО РАН), обосновав некоторые причины "недоповорота на Восток. Стратегическое или тактическое значение этого поворота рассмотрели Ю. А. Зуляев и Р. Ю. Зуляев (Иркутский госуниверситет). При обсуждении проблемы была также высказана точка зрения, согласно которой Россия и так является восточным государством и потому не нуждается в особом развороте.

На мой взгляд, наиболее интересными на секции всё же стали дискуссии, связанные с темой *практического востоковедения*. Так, В. В. Сумский – ведущий эксперт Центра АСЕАН МГИМО – заострил внимание на необходимости развития этой отрасли в условиях формирования нового миропорядка. Он, в частности, оценил значение замены в актуальной международной повестке проблематики АТР на обсуждение перспектив ИТР. Один из традиционных ракурсов проблемы рассмотрел на примере изучения Турции в России П. В. Шлыков (МГИМО, МГУ). Другой – в своём обзоре продовольственного рынка Китая затронул наш известный практик И. Ю. Зуенко (МГИМО). "Сверхпрактическую" точку зрения на задачи востоковедения, как подготовку консультантов, знающих логистику продвижения товаров и механизмы банковских расчетов в разных странах, предложил слушатель школы Сколково А. Г. Маргоев (МГИМО). "Бизнес-предложение" не очень оценила аудитория, а ведущий секции В. Л. Ларин вообще сказал, что такое мнение не имеет отношения к востоковедению, так как эта отрасль должна иметь более *фундаментальный* характер, а частные вопросы можно решать на уровне переподготовки разных специалистов. Тем не менее, эта полемика представляет интерес, поскольку она отражает тенденцию к формированию потребности не только в *практических* востоковедах, занимающихся изучением отдельных стран Востока или различными областями их жизни и деятельности, но и в *прикладных* специалистах. Задача последних, по-видимому, заключается в способности оперативно реагировать на частные запросы, которые ставит текущая и изменчивая конъюнктура. Но остается вопрос: кто это будет делать и как готовить таких специалистов?

Тенденция к подобному продолжению разделения *комплексного* востоковедения очень показательна, как и открытие в Москве в Высшей школе экономики первого диссчета по востоковедению и африканистике, который возглавил чл.-корр. РАН Д. М. Бондаренко. Диссовет предоставляет возможность защиты диссертаций по основному перечню научных специальностей от экономики до искусствоведения с соответствующей спецификацией. Значение отмеченной тенденции становится более понятно, если учитывать исторические условия возникновения востоковедения (Oriental Studies). Наука как "рациональное" знание формировалась в эпоху Просвещения в Западной Европе, которая более 500 лет назад стала открывать для себя несредиземноморский Восток. Самобытность стран последнего и колониалистское мышление европейцев спровоцировали вывод, что разделение обществоведения на отдельные отрасли (историю, экономику, социологию и др.), как принято в "цивилизованных" странах, в этом случае будет неправомерным. Вполне достаточно использовать холистический ("комплексный") подход к изучению Востока. Правда, было сделано снисхождение по части изучения разных "экзотичных" языков в целях оптимизации в свою пользу отношений с "недоцивилизованными". С подобным подходом приходилось мириться, пока эти территории оставались в положении мировой "периферии". Здесь следует от-

метить, что в России был свой *внутренний Восток*, сначала охватывавший пространство Закавказья, Кавказ, затем и Среднюю Азию, включенные в состав *единого государства*. Российские востоковеды, включая иностранцев, проходили обучение за границей, стажировались там, но в силу специфики нашей истории и культуры, собственно колониалистские представления не получили распространения и в этой среде.

Сегодня ситуация кардинально изменилась и государства мирового большинства и глобального Юга становятся и стали полноценными акторами международных отношений. Поэтому следует продолжить переосмысление статуса востоковедения и африканистики в соответствии с современными общенаучными представлениями. Согласно этим представлениям, научный работник-практик (*наблюдатель*), как и любой управленец или другой функционер, решающий серьезные задачи, оказываются перед вызовом *сложности* реалий стран и регионов, и даже *жизненного мира* отдельного индивида и их объединений. Недаром ирландскому писателю Д. Джойсу, чтобы описать близко к реальности один день из жизни своего героя В. Блума, пришлось создать многостраничного "Улисса". Этот роман, опубликованный в 1933 г. и наделавший много шума, наглядно продемонстрировал, что получается, когда мы стремимся фиксировать как можно больше деталей нашего окружения. После 1960-х гг. мы получили *информационный взрыв* (инфосферу) из-за скачкообразного роста потока печатных изданий, а теперь ещё цифровых и интернет-ресурсов. Между тем, как показывают когнитивная психология и современная нейронаука, из-за наших естественных ограничений в восприятии информации человек произвольно или целенаправленно фиксирует некоторую *выборку* из всего возможного многообразия среды. Воздействие указанных факторов стало причиной научной специализации и удручающего количества субдисциплин в каждой отрасли науки. Поэтому любому практику, который вовлечён в событийные и информационные потоки, приходится решать сложнейшую задачу: как отбирать необходимые данные из этого многообразия на не всегда понятных основаниях, и чем следует пренебречь. Затем, как показал Э. Саид, эта информация проходит доработку в соответствии с установками, заложенными нашей "обмирщённостью", т.е. условиями своей родной страны. Оценим теперь всю сложность положения, например востоковед-китаиста, который высказывает амбиции описать эту огромную страну в целом! А проще ли решать свои задачи специалисту-индологу или исследователям Египта, Индонезии, Ирана, Ирака, Кореи, Турции, Японии...? Стоит ли тогда удивляться, что из-за влияния указанных "фильтров", там, у них к российским коллегам складывалось отношение как к специалистам по России со знанием восточных языков. Как же можно преодолеть эти барьеры и разные стереотипы?

Казалось бы, решением этих проблем было соответствующее образование (не услуги!), закладывавшее профессиональную "матрицу" востоковеда, и стихийное формирование необходимого опыта путём "погружения" в изучаемую реальность. Однако, общая турбулентность и темпы изменений в современном мире делают проблемными прежние методики подготовки практических специалистов. Как показывают примеры Е. М. Примакова, В. В. Наумкина, В. В. Малявина и других исследователей, даже им для становления в качестве высококвалифицированных профессионалов пришлось провести не один десяток лет в странах арабского мира или Восточной Азии. Сегодня такая практика долгосрочного "взрачивания" становится непозволительной "роскошью". Поэтому проблема, как из обучаемого, освоившего восточный или иной язык, за более короткое время сформировать ещё и компетентного страноведа/регионоведа приобретает всё большую актуальность, учитывая "кадровый голод", о котором с тревогой говорят "компетентные лица".

Обсуждая все эти обстоятельства, невольно сравниваю две цифры. В прошлом году в Санкт-Петербурге проходил XV Конгресс антропологов и этнографов России, который собрал около 800 участников. При этом чуть не лейтмотивом выступлений лидеров этой научной отрасли были жалобы на отсутствие необходимой поддержки, закрытие профильных специальностей в вузах и т.п. (К слову, в СССР было всего 8 кафедр этнографии в ведущих университетах). В то же время, сейчас много говорится о значимости подготовки востоковедов. Но владивостокский Съезд – это около 250 участников, причём

довольно заметный процент среди них составили те же этнографы! Конечно, Владивосток, в отличие от Петербурга, логистически менее доступен. К тому же незадолго до этого здесь проходил IX Восточный экономический форум, на который были привлечены и востоковеды. Не утверждаю, учитывая российские масштабы, что нам не нужно столько этнографов, но цифры 800 и 250 всё же заставляют задуматься. Основание для некоторого оптимизма сейчас видят в развитии информационных технологий и цифровизации, анализе больших данных, а также успехах машинного перевода. Однако, вспоминая результаты "кибернетического бума" 1960-х гг., я не склонен торопиться делать на эти новации основную ставку. Это *новая реальность*, которая ещё нуждается в осмыслении. Удастся ли найти выход из сложившейся ситуации, продолжая углублять профессиональную специализацию востоковедов и увеличивая количество обучающихся? Возможно, но при соблюдении некоторых условий.

Следует отметить участие в Съезде, наряду с этнографами, и востоковедов, включенных в изучение международных отношений, прежде всего с профильной кафедры МГИМО. Кроме того, были представлены "чистые" международники из ДВФУ и Института истории ДВО РАН, а также отдельные специалисты из других областей. Это свидетельствует, на мой взгляд, о здоровой тенденции к расширению *междисциплинарных* связей между востоковедением и другими научными отраслями. Наряду с рассмотренными вариантами развития востоковедения, как представляется, следует развивать в нем и *теоретическое направление*. В нормальных условиях как раз теория должна обеспечивать создание *целостного* представления о предмете исследования, устанавливая наиболее *существенные* его компоненты, свойства и отношения. Простая декларация *комплексности* не может подменить эту сложную, но необходимую область исследований, а тем более обеспечить подлинную *фундаментальность* данной науки. К сожалению, после бурных дискуссий об азиатском способе производства, теоретический "энтузиазм" в востоковедении несколько поумерился. Это направление продолжали развивать отдельные исследователи: Л. Б. Алаев, А. К. Аликберов, Л. С. Васильев, В. П. Илюшечкин, В. В. Наумкин, О. Е. Непомнин, В. Н. Никифоров, В. В. Малявин, некоторые другие авторы. В современных реалиях, отражающих слом прежнего *миропорядка*, нет времени, чтобы пассивно фиксировать происходящее и собирать факты, которые со временем кто-то обобщит. Сегодня, чтобы не опоздать с реакцией на новые вызовы, учёные должны оправдывать своё предназначение, выходя на передний "фронт" концептуального осмысления происходящего и установления наиболее вероятных трендов регионального/глобального развития, которые теперь определяются во многом мировым большинством. Без изменений в *научной картине мира* и разработки *прорывных идей*, базирующихся на основе сильных *теорий*, объясняющих смысл происходящего в условиях глобальных перемен, поставленная задача представляется неразрешимой.

К сожалению, сформировать на Съезде полноценную секцию теории и методологии востоковедческих исследований, учитывая и выступления на пленарной сессии, не получилось. Исключением стали лишь некоторые доклады. В частности, А. М. Кузнецов вынес на обсуждение тему "Антропологическое измерение востоковедческой проблематики", обратив внимание на потенциал теории этноса и концепции психоментального комплекса С. М. Широкогорова в свете данных социальной/культурной нейронаук. Как практическую реализацию антропологического подхода можно рассматривать доклад Е. В. Полева (Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН) "Наследие Великой монгольской империи и средневековых монголов в исторической памяти народов Внутренней Азии". "Бесприоритетный" вариант повторила в своём выступлении "Теория Р. Тимуса как подход к объяснению социальной политики КНР" Г. В. Кондратенко (Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН). В самом деле, берём идеи какого-нибудь автора для оценки эмпирической реальности разных стран, а затем ещё используем таким же образом и другие идеи. Какое широкое поле возможностей открывает такой подход для практического востоковедения! К сожалению, полученные подобным образом результаты не имеют отношения к собственно теоретическим разработкам.

Основная же часть докладов на секции касалась опыта применения возможностей цифровизации, искусственного интеллекта и других новаций. В. С. Морозова (Российский государственный педагогический институт им. А. И. Герцена) озвучила "Цифровую трансформацию востоковедных практик России: от онлайн-инструментов и искусственного интеллекта к феномену нейронета Web 4.0" и её возможностей применительно к преподаванию китайского языка. О. Б. Бальчиндоржиева, М. Х. Бадмаева, М. В. Золхоева (Бурятский государственный университет им. Доржи Банзарова) рассмотрели сюжет "Цифровизация и проблемы развития информационного общества в контексте традиционных мировоззренческих представлений философских школ Китая" и, фактически, объединили подходы двух предыдущих участников. Другие специалисты вынесли на обсуждение методики изучения документов с помощью современных технологий как ещё один вариант развития междисциплинарности.

На общем фоне несколько выделялась немассовая секция, посвященная общим проблемам нации и нациестроительства на Востоке. В своем докладе Д. М. Бондаренко (Институт Африки РАН, НИУ ВШЭ) "Нациестроительство на Глобальном Юге и Глобальном Севере: перспективы в эпоху постколониализма" осветил широкий круг вопросов, актуальных для многих государств мирового большинства. Он обратил внимание на то, что крушение колониального миропорядка оказало существенное влияние не только на бывшие колонии, но и на остальной мир. Докладчик признал, что при существующих различиях государств постколониального мира, проблема нации для многих из них является очень актуальной. Понимая нацию как *надэтническое* образование с определенной идентичностью, мифологией и политической организацией, Д. М. Бондаренко, в соответствии со сложившейся в антропологии традицией, описал современную ситуацию в мире как *культурную неоднородность* в рамках определенных государственных границ. При этом в Африке такая поликультурность характерна для государств, в которых не сформировались единые нации. В свою очередь, Западная Европа, с уже сложившимися национальными государствами, после массовых транснациональных миграций тоже вернулась к поликультурному состоянию. Поэтому, по мнению докладчика, на Западе происходит отказ от прежних представлений о нации как целостной культурной общности и актуализируется идея *поликультурного нациестроительства*. Он также отметил важное обстоятельство, связанное с отличием взглядов на ситуацию с культурным многообразием в отдельном государстве *изнутри* или *снаружи*. В первом случае, в фокусе восприятия будет это разнообразие, во втором, в силу отличия от культур других государств, будет складываться впечатление достаточного единства. При этом, поликультурность государств Востока Д. М. Бондаренко предложил рассматривать не как проявление "архаизации", но как его преимущество для дальнейшего развития.

В докладе А. М. Кузнецова (ДВФУ) "Этнос, государство, нация: от "абстрактов" Запада к "конкретам" Востока" поставленная проблема обсуждалась через призму дихотомий: универсальное и партикулярное, абстрактное и конкретное, эмное и этное. Такая принципиальная установка может быть выдержана на базе системной методологии в контексте основополагающего принципа *сложность*, на основе многомерного иерархического подхода к изучаемым явлениям в динамике их развития, дифференциации и интеграции. Приведённые концептуальные основания анализа проблемы позволяют адекватно использовать потенциал *трансдисциплинарности*. Выводы, полученные в результате проведенного исследования, были сформулированы докладчиком следующим образом. Значительная часть истории человечества связана с формированием этнических общностей ("племён") на основе расширенного через *свойство* (эндогамный брак) представления о родственных отношениях. По мере углубления социально-экономической дифференциации возникли потребности в оформлении социального *управления* как особого рода деятельности и *насиллия* как значимого инструмента согласования интересов разных объединений людей, положивших начало процессам политогенеза. Для укрепления властных отношений и формирования соответствующих институтов элитарные группы в собственных интересах и в целях сохранения стабильности своих политий в условиях общественной дифференциации и неравенства

использовали также религиозные и другие ментально-символические механизмы. Формирование централизованных государств и становление политических отношений актуализировали новые идеологемы, а затем идеологии, которые делают востребованными идеи нации и национализма. Такие идеи, трансформирующие этноцентристские представления к условиям этнической неоднородности населения и его классового разделения, становятся одним из инструментов поддержания стабильности государств. В свете приведенных данных А. М. Кузнецов предложил рассматривать в качестве основных реальных исторического процесса и современного развития стран мирового большинства *этнические общности* и различные *политии/государства*. В то же время, по мнению докладчика, идеологемы, идеологии и концепты, вроде нации, представляют *особую психоментальную реальность*, которая возникает при осмыслении первичных реалий, а со временем трансформируется под влиянием принятой политики государств.

В совместном докладе А. В. Поповкина и М. Е. Буланенко (кафедра философии ДВО РАН) "Почему концепт "нация" – проявление научного универсализма, а не колониализма" нация была определена как *теоретический предмет*, т.е. такой, который недоступен непосредственному наблюдению. К предметам подобного рода можно отнести элементарные частицы, биологический вид, этническую общность и т.п. Существование теоретических предметов постулируется или, напротив, отрицается соответствующей теорией. В последнем случае они могут рассматриваться, например, как фантомы коллективного сознания. Подобную процедуру с такими теоретическими предметами как "нация" и "этнос" проделывают представители конструктивизма (Р. Брубейкер и Б. Латур). Авторы критически отнеслись к аргументам конструктивистов, отрицающих реальность нации и этноса лишь на основании того, что они непосредственно не наблюдаемы. В качестве положительной альтернативы была предложена социальная онтология на основе концепции собранности сознания Н. Трубецкого. Также была высказана гипотеза, что в основе нации как особого рода общности находится политико-правовые отношения.

На секции не обошли вниманием и широко востребованный сегодня концепт *идентичность*. И. З. Герштейн (Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского) отметил, что традиционные трактовки нации как государства-нации или сообщества, ориентированного на такое государство, утрачивают свою актуальность. Поэтому докладчик на примере Саудовской Аравии, Индии и Китая проанализировал в своем выступлении "Специфику формирования матрицы национальной идентичности государств современного Востока". Национально-государственную идентичность И. З. Герштейн рассматривал как *психологический феномен* массового и индивидуального политического сознания, формирующей единство нации и государства. Определение лежащей в его основе матрицы было дано по описанию О. В. Поповой как национальный *миф*, который вписывает человека в коллективный сценарий поведения и формирует коллективную систему ожиданий, обеспечивая стабильность политического режима и политической системы государства. Докладчик также поддержал мнение о существовании трёх основных видов матриц национально-государственных идентичностей: традиционалистской (государство-семья), теологической (государство-храм) и гражданской (государство-арбитр). Поскольку в качестве образца наиболее успешной матрицы было принято считать американскую, так как США агрессивно продвигали свои нелиберальные ценности, И. З. Герштейн поддержал мнение о необходимости учитывать формирование в Саудовской Аравии и Индии *двухслойности* идентичностных матриц, образованной внешним и внутренним их контурами. Первый обусловлен зарубежным воздействием, второй – закладывается в процессе автономного развития. В то же время, для континентального Китая такая матрица менее характерна, ввиду обладания большим суверенитетом. Докладчик также подчеркнул значение изучения определенных матриц идентичности и общего потенциала политической антропологии для понимания ситуации и оказания влияния на внутреннюю стабильность незападных социально-политических систем.

Тему идентичности продолжила Е. М. Астафьева (Институт востоковедения РАН), раскрывая "Проблемы поиска национальной идентичности:

нациестроительство в современном Сингапуре". Она показала, как решалась задача формирования сингапурской идентичности учащихся и политиков на конкретном примере развития исторического образования страны. Основанное британцами в 1819 г. как торговая колония, это островное государство в наследие от колониального периода получило население, состоящее из трёх основных общностей: китайской, малайской и индийской. После обретения независимости в 1965 г. правительству города-государства и его премьеру Ли Куан Ю пришлось заняться формированием единства своих граждан через идею расовой гармонии, а затем политику идентичности. В основу этой политики, как отметила докладчик, была положена *государственная версия* истории Сингапура. Она отметила смещение фокуса интересов в этой области, произошедшее в 2014 г., с колониального на доколониальный период в истории, вплоть до XIV в. Идеологом этого поворота Е. М. Астафьева назвала консультанта правительства, профессора национального университета Д. Миксича, утверждавшего: "Короткая история ставит нацию на шаткую почву". Подобная идея ещё раньше была оценена другими "строителями наций". В. С. Акуленко (ДВФУ) в своем докладе раскрыл "Эволюцию северокорейского понимания термина "минчжок" (нация) в контексте этногенеза корейцев". Он выделил 3 этапа в процессе создания "чучхеской" концепции нации: 1948–1963 гг.; 1964–1980 гг.; с 1994 г. по настоящее время. Оригинальная трактовка рассматриваемого понятия сложилась здесь в свете представлений об *автохтонном* характере этногенеза на Корейском полуострове, начиная ещё с древнего палеолита (около 500 тыс. лет назад). Как показал докладчик, на первом этапе осмысления проблемы глава КНДР Ким Ир Сен в своих работах основывался на трактовке нации И. С. Сталина, дополнив её положениями о *генетическом* родстве и возможностью формирования в докапиталистических условиях. На следующем этапе к определению были добавлены признаки общности языка и занимаемой территории. Затем, последовательно развивая точку зрения о древности корейской общности, формирование нации на полуострове было связано с *образованием первых государств*. Понятно теперь, почему такой резонанс вызвало заявление главы КНДР Ким Чен Ына в конце 2023 г. о прекращении межкорейского диалога об объединении: отношения между КНДР и РК стали отношениями между двумя враждебными государствами.

В заключении, подводя итоги секции, её ведущий А. М. Кузнецов отметил, что, несмотря на сложившуюся традицию в изучении проблем нации и национализма, в последнее время происходят важные изменения в их осмыслении, которые получили отражение на Съезде. Они проявились сначала как обсуждение различных аспектов *нациестроительства*, привнесшего динамический момент в рассматриваемую проблематику. Сегодня, с привлечением принципа *сложности*, в исследовании внедряются новые подходы, которые открывают возможность применения на основе понятия *комплиментарность* многомерного анализа. Значение приведенных оснований проявляется и в том, что они позволяют по-новому оценить заслушанные на Секции доклады. В частности, становится очевидным, что проблемное *поле* наций и нациестроительства можно рассматривать через его *полицультурное* измерение, как это сделал Д. М. Бондаренко. Анализ *этнополитической* размерности этого поля представил А. М. Кузнецов. В свою очередь, М. Е. Буланенко и А. В. Поповкин указали на измерение, связанное со свойством *ненаблюдаемости* и феноменом *коллективного сознания*. Е. М. Астафьева и И. З. Герштейн, вынесли на обсуждение вопросы формирования национально-государственной идентичности, а, фактически, *политику идентичности* в разных государствах Востока. Реализацию аналогичной повестки, но через использование идеи *нации* показал и В. С. Акуленко. Поэтому три последних доклада, с одной стороны, объединяет анализ политической составляющей общей проблематики, а с другой – выход в область политического сознания, менталитета и т.д. Получается, что в первом варианте эти доклады как частные случаи соответствуют измерению, выбранному А. М. Кузнецовым, а во втором – с позицией М. Е. Буланенко и А. В. Поповкина. В то же время трактовка *культуры*, в широком значении этого понятия как *жизненного мира*, принятая Д. М. Бондаренко, позволяет частично или целиком интегрировать в себя все предыдущие разработки. Но при этом "за скобками" ещё остаются резуль-

таты осмысления этого мира через создание соответствующих *ментальных образов*, в том числе *идентичности* индивидов и внедряемых государством идеологием (той же нации) и идеологий. По мнению ведущего, анализ *этнического измерения* проблемы позволяет интегрировать и жизненные миры, и варианты их осмысления в определенных общностях.

По поводу увлечения "коллективными" идентичностями А. М. Кузнецов ещё раз обратил внимание, что этот концепт был позаимствован из американской психологии личности Э. Эриксона. Его значимость была обусловлена *индивидуалистической природой* западного социума. Как известно, сообщество большинства стран Востока и глобального Юга отличаются *коллективистскими основаниями* и соответствующими им нормами и представлениями. Поэтому, как уже отмечали другие докладчики, для мирового большинства характерны феномены *коллективного сознания*, а определение "матрицы коллективных идентичностей", за которой сегодня всё чаще оказывается государство со своей *политикой идентичности*, является более сложной задачей для исследования, чем это обычно представляется. Своевременно ли тогда предложение некоторых авторов создать новую дисциплину – *идентологию*, которая снова сведёт рассматриваемые проблемы к плоскому, *одномерному* их пониманию?

Понятно, что измерения и их составляющие, вынесенные на обсуждение, не исчерпывают всей проблематики национального. Как показал А.К. Аликберов, сложные образования включают в себя общественное, экономическое, религиозное, правовое, этическое, лингвистическое и некоторые другие измерения, а также связанные с ними виды коммуникации. Вместе взятые указанные направления образуют реальное поле исследования социально-гуманитарных проблем. В любом случае, для адекватного осмысления нации как *многомерного и многоуровневого* образования необходимо не терять *взаимосвязи* между исследованиями отдельных её измерений и составляющих их конкретных образований. Задачи подобного рода не решаются публикацией под одной обложкой результатов разрозненного изучения различных конкретных вопросов. Только сильная теория в состоянии выполнить необходимую работу. Как представляется, опыт организации обсуждения проблем нации и нациестроительства на Съезде продемонстрировал успешное сочетание теоретического и эмпиризированного ("практического") уровней анализа проблем национального. Вместе с тем, применение современных теоретико-методологических оснований в востоковедении только начинается. Поэтому данное направление является очень дискуссионным. Будем надеяться, что оно получит дальнейшее развитие, так как для этого, к счастью, уже есть необходимый добротный задел, представленный фундаментальным исследованием А.К. Аликберова.

Информация об авторе

Анатолий Михайлович Кузнецов, д-р ист. наук, профессор кафедры международных отношений Дальневосточного федерального университета, Владивосток, Россия, e-mail: kuznetsov.2012@mail.ru

Information about the author

Anatoly M. Kuznetsov, Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of International Relations, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: kuznetsov.2012@mail.ru

Поступила в редакцию 21.11.2024

Received 21.11.2024

Принята к публикации 25.02.2025

Accepted 25.02.2025

Сообщение
УДК (910) + 331.5.024.54
<https://doi.org/10.29039/1998-6785/2025-1/171-173>

"Россия и Китай: торгово-экономическое сотрудничество, сфера миграции, рынок труда": о II международной научно-практической конференции в Вэньчжоу (КНР) и Москве (РФ)

Светлана Борисовна Макеева
Институт демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра
РАН, Москва, Россия, msbmag9581@yandex.ru
Ван И
Институт изучения зарубежных китайцев университета Вэньчжоу, Вэньчжоу, КНР, wangyi19810101@163.com.
Марина Александровна Амурская
Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Россия, maamurskaya@fa.ru

Ключевые слова: межрегиональное сотрудничество, торговля, российские регионы, китайские провинции, рынок труда, миграция

Работа выполнена за счёт гранта Российского научного фонда № 24-28-00276, <https://rscf.ru/project/24-28-00276/>

Для цитирования: Макеева М. С., Ван И, Амурская М. А. "Россия и Китай: торгово-экономическое сотрудничество, сфера миграции, рынок труда": о II международной научно-практической конференции в Вэньчжоу (КНР) и Москве (РФ) // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2025. Т. 19. № 1. С. 171–170.
<https://doi.org/10.29039/1998-6785/2025-1/171-173>

Message
<https://doi.org/10.29039/1998-6785/2025-1/171-173>

"Russia and China: Trade and Economic Cooperation, Migration, Labor Market": on the II International Scientific and Practical Conference in Wenzhou (China) and Moscow (Russia)

Svetlana B. Makeeva
Institute for Demographic Research – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the RAS
(IDR FCTAS RAS), msbmag9581@yandex.ru
Wang Yi
Institute of Overseas Chinese Studies, Wenzhou University Wenzhou, China
wangyi19810101@163.com.
Marina A. Amurskaya
Financial University. maamurskaya@fa.ru

Key words: interregional cooperation, trade, Russian regions, Chinese provinces, labor market, migration

The study was funded by the RSF, grant No. 24-28-00276. <https://rscf.ru/en/project/24-28-00276/>

For citation: Makeeva S. B., Wang Yi, Amurskaya M. A. "Russia and China: Trade and Economic Cooperation, Migration, Labor Market": on the II International Scientific and Practical Conference in Wenzhou (China) and Moscow (Russia) // Ojkumena. Regional Researches. 2025. Vol. 19. No. 1. P. 171–173.
<https://doi.org/10.29039/1998-6785/2025-1/171-173>

25–27 ноября 2024 года в г. Вэньчжоу и г. Москве состоялась международная научно-практическая конференция "Россия и Китай: торгово-экономическое сотрудничество, сфера миграции, рынок труда". Организаторами мероприятия выступили Институт демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (ИДИ ФНИСЦ РАН), Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации и Институт изучения зарубежных китайцев университета Вэньчжоу (КНР). В работе конференции приняли участие учёные из Пекина, Шанхая, Вэньчжоу, Харбина, Хэйхэ, Москвы, Нижнего Новгорода, Иркутска, Астрахани, Биробиджана, Петрозаводска, Вологды, Владивостока, Читы, Новосибирска, Томска, Хабаровска, Благовещенска, Краснодара, Мариуполя, Рязани.

Основной целью проведения данного мероприятия выступало объединение усилий научного сообщества России и Китая для обобщения опыта поддержания торгово-экономических связей двух стран, выявления динамики миграционных процессов и состояния рынка труда. В ходе трёхдневной работы научной конференции обсуждались актуальные вопросы функционирования китайских диаспор в России и мире, особенности торгово-экономического

сотрудничества в рамках инициативы "Один пояс – один путь", перспективы российско-китайского приграничного сотрудничества.

С приветственными словами к участникам конференции обратились представители руководства Института демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, Финансового университета при Правительстве РФ и китайского университета Вэньчжоу. Руководители подчеркнули, что данная конференция выступает мостом, связывающим академический мир двух стран и укрепляющим отношения между учеными России и Китая.

На пленарном заседании выступила профессор, д. полит. н., директор научно-исследовательского Центра России и Центральной Азии Шанхайской академии международных исследований Цян Сяоюнь с докладом "Новые проблемы в процессе обмена кадрами между Россией и Китаем на современном этапе". В работе экспертного круглого стола "Опыт российских и китайских регионов в поддержке межрегионального сотрудничества РФ и КНР" приняли участие начальники управления международного сотрудничества администраций российских областей и городов, которые поделились практическим опытом и возникшими проблемами во взаимодействии с КНР. С результатами научных исследований в области торгово-экономического сотрудничества выступили российские учёные (Абанина И. В., Пылин А. Г., Питухина М. А. и др.). В завершении круглого стола особый интерес вызвал доклад д. экон. н., младшего научного сотрудника Института России, Восточной Европы и Центральной Азии Китайской академии общественных наук Ван Цзиня о возможностях и проблемах практического углубления китайско-российского торгово-экономического сотрудничества в новой ситуации. В это же время состоялась работа секции молодых ученых России и Китая, в которой аспиранты, соискатели, магистранты российских и китайских вузов могли апробировать результаты своих научных исследований.

В ходе работы экспертного круглого научного стола "Россия и Китай: история и современное состояние миграционных процессов" были представлены развернутые доклады российских ведущих учёных, специализирующихся на проблемах китайской миграции в России и русской миграции в Китае в период с конца XIX в. по настоящее время. Доклады Алепко А. В., Наземцевой Е. Н., Ткачёва С. В., Афонасьевой А. В., Синиченко В. В., Благодар Ю. Г. и Залесской О. В. вызвали особый интерес у научной аудитории. В рамках круглого научного стола "Российско-китайское экономическое сотрудничество в условиях глобальной турбулентности" российские и китайские учёные погрузились в обсуждение проблем низкоуглеродного развития Китая, промышленной кооперации России и КНР, развития российско-китайских связей в сельскохозяйственном секторе экономики.

Торжественное закрытие конференции вновь объединило всех участников конференции. Коллеги из разных китайских и российских городов, участники конференции выразили слова благодарности организаторам такого масштабного мероприятия. Кроме того, все пожелали друг другу успехов в проведении научной деятельности и выразили надежду встретиться на III международной научно-практической конференции "Россия и Китай: торгово-экономическое сотрудничество, сфера миграции, рынок труда".

Выражаем особую благодарность Российскому научному фонду за грантовую поддержку. Проведенное мероприятие позволило нам представить некоторые результаты гранта РФФ № 24-28-00276 "Система взаимодействия России и Северо-Восточного, Северо-Западного регионов Китая в условиях обострения мировых угроз в социально-демографической, эколого-экономической сферах", укрепить имеющиеся научные контакты с китайскими и российскими научными центрами и установить новые исследовательские связи.

Информация об авторах

Светлана Борисовна Макеева, д-р ист. наук, заведующий отделом региональной демографии Института демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, Москва, Россия, e-mail: msbmag9581@yandex.ru

Ван И, канд. экон. наук, заместитель директора Института изучения зарубежных китайцев университета Вэньчжоу, Вэньчжоу, КНР, e-mail: wangyi19810101@163.com

Марина Александровна Амурская, канд. экон. наук, заведующий кафедрой международного бизнеса Финансового университета при Правительстве РФ, Москва, Россия, e-mail: maamurskaya@fa.ru

Information about the authors

Svetlana B. Makeeva, Doctor of Historical Sciences, Head of the Department of Regional Demography, Institute for Demographic Research – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, e-mail: msbmag9581@yandex.ru

Wang Yi, Candidate of Economics, Deputy Director of the Institute of Overseas Chinese Studies, Wenzhou University, Wenzhou, China, e-mail: wangyi19810101@163.com

Marina A. Amurskaya, Candidate of Economics, Head of the Department of International Business, Financial University, Moscow, Russia, e-mail: maamurskaya@fa.ru

Поступила в редакцию 18.02.2025

Received 18.02.2025

Принята к публикации 25.02.2025

Accepted 25.02.2025

Требования к объему и оформлению предоставляемых в редакцию материалов

1. Допустимые форматы файла: docx, odt.
2. Файл не должен содержать сложных стилей и форматирования, переносов, неразрывных пробелов. В заголовках **не применять ПРОПИСНЫЕ** символы. Простановка буквы ё обязательна.
3. Шрифт Times New Roman 14 кеглем через 1,5 интервала.
4. Поля: верхнее и нижнее – 2 см., правое – 1,5 см., левое – 2,5 см.
5. Порядок оформления статьи: УДК, сведения об авторе (авторах) (Ф.И.О., ученая степень, ученое звание, место работы и должность, рабочий (домашний) телефон, e-mail), название статьи (не более 80 знаков), текст статьи, список литературы, аннотация (от 500 до 700 знаков), ключевые слова (от 5 до 10). Название, аннотация и ключевые слова, а также сведения об авторе (авторах) предоставляются на русском и английском языках. Вся вышеуказанная информация высылается одним файлом. Файлу следует присваивать только имя (фамилию) автора.
6. Библиографические ссылки в тексте статьи оформляются квадратными скобками **жирным шрифтом**. В скобках сначала указывается порядковый номер цитируемой работы в списке литературы, затем, через запятую, номер страницы приведенной цитаты. Например: [2, с. 5]. Если страница не указывается, а дается ссылка на работы целиком, то их нумерация дается через точку с запятой. Например: [2; 5; 7].
7. Ссылка на неопубликованный архивный документ помещается только в тексте самой статьи в круглых скобках, также **жирным шрифтом**. Например: (ГАПК. Ф. 1. Оп. 2. Д. 3. Л. 4–5); (**Рукопись Иванова А. К. Из архива автора**).
8. Расшифровка сокращений и аббревиатур (кроме общепринятых) обязательна (дается в конце текста статьи или сноской). Например: ГАПК – Государственный архив Приморского края. Слова "годы" и "века" должны даваться в сокращении, а для обозначения веков следует использовать римские цифры в латинской раскладке. Например: 1990 г.; 1990-х; 1990-е гг.; 1980-х – 1990-х гг.; 1980-е – 1990-е гг.; XIX в.; XX–XXI вв. и т.д.
9. Нумерованный список литературы составляется в алфавитном порядке, по фамилиям первых авторов и названиям работ без учета соавторов и хронологии.
10. В списке сначала указывается литература на кириллице (начиная с литературы на русском языке), далее на латинице, и после в других системах письма.
11. Библиографическое описание должно включать полное наименование книги или статьи, место издания, издательство, год, общее количество страниц (для статьи – страницы, на которых она помещена).
12. Ссылка на Интернет в списке литературы оформляется следующим образом: **Автор. Название материала // Название сайта. URL: адресная строка (дата обращения: 31.12.2022)**.
13. В англоязычной версии списка литературы ("References") описания всех неанглоязычных публикаций должны быть переведены на английский язык. При этом в скобках после описания публикации должен быть указан её оригинальный язык. Например: (In Russ.).
14. Порядок расположения публикаций в списке литературы и "References" идентичен.
15. Транслитерация неанглоязычных имен и фамилий выполняется по стандарту BSI (British Standards Institution). Образец оформления рукописи, включая список литературы и "References", доступен на сайте журнала.
16. При наличии у цитируемой публикации идентификатора цифрового объекта (DOI), его необходимо указывать. Например: <https://doi.org/10.1016/j.landurbplan.2017.05.009>.
17. Объем статьи – от 0,5 до 1,0 п.л. (от 20 до 40 тыс. зн. с пробелами). Объем других материалов – до 0,3 п.л.
18. Рисунки, карты, графики и другой иллюстративный материал принимаются в наиболее распространенных (jpeg, tif) форматах, и предоставляются отдельными файлами. К графикам обязательно прилагать таблицу, на основании которой этот график сделан. Для всех подписей в графиках использовать только шрифт Arial Narrow.
19. Указание источника иллюстраций – обязательно.
20. Русскоязычные заголовки иллюстраций обязательно сопровождаются переводом на английский язык.
21. Ввиду черно-белой печати журнала цветовая гамма иллюстраций, графиков, карт и т. д. не должна содержать более трех цветов (черный, белый, серый 50 %).
22. Материалы предоставляются в редакцию в электронном виде без архивации по электронной почте (e-mail: ojkum@rambler.ru).

Статьи проходят обязательное рецензирование.
Редакция оставляет за собой право отбора публикаций.
Файлы, подготовленные с нарушением требований, не рассматриваются.
Плата за публикацию не взимается.

Научное издание

Ойкумена. Регионоведческие исследования
научно-теоретический журнал

2025. Т. 19. № 1 (72)

Подписано к печати 04. 03. 2025 г. Вышло в свет 23. 03. 2025 г. формат 70x108/16
Усл. п. л. 15,40. Уч. -изд. л. 17,44. Тираж 200 экз. Заказ
Цена свободная

Издательство Владивостокского государственного университета
690014, г. Владивосток, ул. Гоголя, 41

Отпечатано во множительном участке ВВГУ
690014, г. Владивосток, ул. Гоголя, 41

